

ВЕСТНИК Академии МВД Республики Беларусь

Научно-практический журнал
№ 1 (37), 2019

Издается с января 2001 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель и издатель –
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»

Главный редактор *И.И. Басецкий*
Редактор *И.В. Ничипор*
Технический редактор *Ю.С. Романюк*
Корректор *А.В. Гуринович*

Адрес редакции:
пр-т Машерова, 6, 220005, Беларусь, Минск.
Тел. 289 23 19.
E-mail: vestnik@amia.unibel.by

Индексы издания:
74923 – для индивидуальной подписки;
749232 – для ведомственной подписки

Свидетельство о государственной регистрации
средства массовой информации
от 07.05.2010 № 1352, выданное
Министерством информации Республики Беларусь

Журнал «Вестник Академии МВД
Республики Беларусь» включен приказом ВАК
Республики Беларусь от 04.07.2005 № 201
(в редакции приказа ВАК Республики Беларусь
от 02.02.2011 № 26) в Перечень научных изданий
Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
и в Российский индекс научного цитирования
(лицензионный договор от 13.03.2015 № 14-03/2015)

Подписано в печать 12.06.2019. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 28,13. Уч.-изд. л. 24,64.
Тираж 110 экз. Заказ 167.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
ЛИ № 02330/447 от 18.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск

Редакционная коллегия:

В.А. Ананич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор;
И.И. Басецкий, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь;
А.Ф. Вишнеvский, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;
В.Ф. Ермолович, доктор юридических наук, профессор;
Т.В. Казак, доктор психологических наук, профессор;
А.Н. Пастушениа, доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;
А.С. Рубис, доктор юридических наук, профессор;
А.Л. Савенок, доктор юридических наук, доцент;
В.Г. Стуканов, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент;
В.М. Хомич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь;
В.Б. Шабанов, доктор юридических наук, профессор;
А.В. Башан, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Республики Беларусь;
В.С. Гайдельцов, кандидат юридических наук, доцент;
А.А. Подупейко, кандидат юридических наук, доцент;
А.В. Яскевич, кандидат юридических наук, доцент

© УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ADMINISTRATIVE LAW AND MANAGEMENT BODIES OF THE INTERIOR

- Гиммельрейх О.В.** Совершенствование организационно-структурного построения ОВД на воздушном транспорте как ответная реакция на изменение факторов внешней среды 5
- Гиммельрейх О.В., Рудый М.А.** Механизм реализации управленческих решений в органах внутренних дел: понятие и содержание 12
- Егоров Д.А.** Особенности административно-предупредительных мер обеспечения безопасности объектов использования атомной энергии 20
- Жемайтук А.Г.** Система государственных органов и их основные функции в сфере защиты дипломатических и консульских объектов 24
- Козелецкий И.В., Рыхлицкий Г.Г.** О совершенствовании технологии формирования персонала органов внутренних дел 29
- Коховец О.В.** Понятие жалобы в государственном управлении 33
- Кривонощенко А.С.** Функция мотивации в управлении органами внутренних дел: проблемы реализации 38
- Крюков В.Н.** Административная ответственность за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий 42
- Мах И.И.** Генезис государственного контроля: основные этапы и их институализация (начало XIX в. – 1917 г.) 47
- Семенюк Д.П.** Актуальные правовые вопросы административной ответственности юридических лиц 52
- Старовойт С.А., Дегонский С.Ю.** Меры административно-правового предупреждения правонарушений против собственности: правовая природа и классификация 56
- Трацевский М.Л.** Понятие и содержание военизированной службы Республики Беларусь 61
- Федорович А.Л.** Общественная нравственность: от философской категории к содержанию юридической терминологии и законодательных актах Республики Беларусь 64
- Федорович А.Л., Левшук О.И.** О необходимости определения содержания термина «общественная нравственность» в праве (ст. 17.3 КоАП Республики Беларусь) 70
- Himmelreikh A.V.** Improvement of structural organization of air transport departments of internal affairs agencies as the response to the change of factors of external environment
- Himmelreikh A.V., Rudy M.A.** Mechanism of execution of management decisions in internal affairs agencies: concept and contents
- Egorov D.A.** Characteristic of administrative preventive measures of nuclear facilities safety
- Zhemaituk A.G.** The system of state bodies and their main functions in the sphere of protection of diplomatic and consular facilities
- Kozeletsky I.V., Rykhlytskiy G.G.** On perfection of the technology of internal affairs personnel formation
- Kokhovets O.V.** Concept of complaint in public administration
- Kryvonoshchenko A.S.** Motivation functions in the management of internal affairs: the problems of realization
- Kryukov V.N.** Administrative responsibility for violating the order of organizing or conducting mass activities
- Mach I.I.** Genesis of state control: the main stages and their institutionization (the beginning of the XIX century – 1917)
- Semeniuk D.P.** Conceptual and legal issues of administrative responsibility of legal entities
- Starovoit S.A., Degonsky S.J.** Administrative measures of prevention of property offenses: legal nature and classification
- Tratsevsky M.L.** Concept and contents of the paramilitary service of the Republic of Belarus
- Fedorovich A.L.** Public morals: from philosophical categories to the content of legal terminology in legislative acts of the Republic of Belarus
- Fedorovich A.L., Levshuk O.I.** On the need to determine the content of the concept of public morality in the law (art. 17.3 of the Administrative Code of the Republic of Belarus)

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINALISTICS, FORENSIC EXPERT ACTIVITY, OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY

- Беломытцев Н.Н.** Особенности образования следов при совершении хищения путем использования компьютерной техники (Часть 1) 77
- Волосач А.В., Коцуба А.В.** Формирование навыков самостоятельного принятия решений при расследовании пожаров 82
- Изотов А.В.** О возможностях получения оперативно-значимой информации на первоначальном этапе раскрытия грабежей и разбоев 87
- Пилушин С.В.** Аналитическая деятельность в принятии управленческих решений: сущность и значение 91
- Толочко А.Н.** Уголовно-процессуальные основы расширения оперативно-розыскного инструментария 95
- Belomyttsev N.N.** Features of formation of traces in committing theft by means of computer technology (Part 1)
- Volosatsh A.V., Kotsuba A.V.** The forming of independent decision-making skills in the investigation of fires
- Izotov A.V.** Concerning the possibilities of obtaining relevant search information at the initial stage of solving robberies and assaults
- Pilushin S.V.** Analytical activity in the managerial decision: making essence and significance
- Tolochko A.N.** The criminal procedural basis of extension of the detective searching tools

- Харевич Д.Л.** О совершенствовании некоторых норм Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» 100
- Цынкевич В.Н.** Диагностика и идентификация признаков хищений (Часть 1) 103
- Юбко Ю.М., Михневич В.Н.** Установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, по материалам и уголовным делам о хищениях, совершенных должностным лицом ЖКХ путем злоупотребления служебными полномочиями (Часть 1) 106

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Мытник П.В.** Суды, не входящие в судебную систему Республики Беларусь (через призму процессуальной экономики) (Часть 2) 111

КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Жук А.А.** Уголовно-правовая характеристика личности осужденных, оставленных в следственных изоляторах и тюрьмах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию 115
- Казак С.В.** Общественно полезный труд как средство исправления осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества 117
- Карчевская Ю.С.** Криминологические особенности преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь 122
- Кашевский В.А., Примачёнок А.А.** Меры повышения эффективности противодействия изготовлению либо сбыту поддельных денег или ценных бумаг согласно уголовному законодательству Беларуси и УК Украины 127
- Кашинский М.Ю., Кралько А.А.** Система специализированных мер по предупреждению наркомании и ее социально-негативных последствий 131
- Кийко Н.В., Федотова Е.Н.** Сравнительно-правовой анализ назначения несовершеннолетним уголовных наказаний в Российской Федерации и Республике Беларусь 136
- Поляков К.В.** История развития уголовного законодательства Беларуси: об ответственности за распространение порнографии 141
- Сафроненко Б.С.** Характеристика личности преступника-рецидивиста: психологические аспекты 146
- Стальбовский В.В.** Концепция предупреждения и профилактики преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних в Республике Беларусь (Часть 1) 150
- Шабаль В.С.** Оптимизация деятельности по профилактике преступлений в отношении лиц, осужденных к различным видам наказаний 153

ГРАЖДАНСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Вежновец В.Н.** Конструирование преамбулы международного договора 159
- Капитанова А.А.** Проблемы реализации преимущественного права лица, объявившего публичный конкурс, на заключение с автором произведения договора об использовании произведения 163
- Луговский С.Г.** Обеспечение безопасности дорожного движения: о необходимости исполнения гражданами конституционной обязанности по финансированию государственных расходов 166
- Мазаник Е.Н.** Государственный суверенитет участников международных организаций 170
- Паращенко В.В.** Инвестиции как правовая категория: понятие и общая характеристика 175

- Kharevich D.L.** On improvement of certain norms of the law "On detective activity" 100
- Tsynkevich V.N.** Diagnostics and identification of indicia of thefts (Part 1) 103
- Yubko Y.M., Mikhnevich V.N.** Establishing the circumstances to be proved on the materials and criminal cases of the thefts committed by an officer of the housing and utilities sector by abusing official authority (Part 1) 106

CRIMINAL PROCESS

- Mytnik P.V.** Courts outside the Judicial System of the Republic of Belarus (in terms of procedural economy) (Part 2) 111

CRIMINOLOGY, CRIMINAL LAW, PENAL LAW

- Zhuk A.A.** The criminal-legal characteristic of the personality of convicts left in pre-trial detention centers and prisons for the carrying out economic services 115
- Kazak S.V.** Community service as a mean of correction of convicts, serving sentence without isolation from society 117
- Karchevskaya Y.S.** Criminological features of juvenile delinquency in the Republic of Belarus 122
- Kashevsky V.A., Primachonok A.A.** Measures of improving efficiency in combatting against manufacturing or distributing of counterfeit money or securities according to the Criminal Code of Belarus and the Criminal Code of Ukraine 127
- Kashinsky M.Y., Kralko A.A.** The system of specialized measures for the prevention of drug abuse and its social negative impacts in the Republic of Belarus 131
- Kiyko N.V., Fedotova E.N.** Comparative legal analysis of purpose of juveniles criminal penalties in the Russian Federation and the Republic of Belarus 136
- Polyakov K.V.** History of development of criminal legislation of Belarus on responsibility for the distribution of pornography 141
- Safronenko B.S.** Characteristics of the identify of the criminal recidivist: the psychological aspects 146
- Stalbovsky V.V.** Concept prevention and prevention of crimes against sexual immunity or sexual freedom of minors in the Republic of Belarus (Part 1) 150
- Shabal V.S.** Optimization of crime prevention activity in respect of persons accused of various kinds of punishments 153

CIVIL AND LABOR LAW, CONSTITUTIONAL AND INTERNATIONAL LAW

- Vezhnovets V.N.** The design of the preamble of the international treaty 159
- Kapitanova A.A.** Problems of the execution of the priority right of a person who has declared public tender to make a trips agreement with the author 163
- Lugovskiy S.G.** Execution of the constitutional obligation on the financing of public expenditures by citizens as a means of ensuring road safety 166
- Mazanik E.N.** The state sovereignty of the participants of international organizations 170
- Parashchenko V.V.** Investments as legal category: concept and general characteristic 175

Подупейко А.А. Конституция Республики Беларусь как гарант сильного государства	179
Чигилейчик А.В. Оскорбление как гражданско-правовой деликт	184

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Волков В.А. Акты судебной власти в деятельности правоохранительных органов	190
Григорьев А.В. Проблема элементарного состава правовой нормы в теоретической юридической науке и отраслях белорусского права (Часть 2)	193
Мурашко А.И., Жмуровский А.С. Зарождение кинологической службы уголовного розыска Беларуси	198
Шаповалов А.В. Структура юридической практики	202

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Пастушеня А.Н. Психологический анализ фактов о преступлении для вероятностной характеристики его субъекта и субъективной стороны	206
Стуканов В.Г. Психолого-педагогические особенности суицидального поведения подростков	212
Стульба С.А. Деструктивные проявления в профессиональной деятельности личности	217
Урбанович А.А. Целевые приоритеты деятельности руководителя органов внутренних дел: организация исследования и типология	222

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

Басецкий И.И. Кто продолжит развитие оперативно-розыскной науки в Российской Федерации (сыскологии) в широком смысле?	226
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Жарасов А.С. Проблемы совершенствования управления органами внутренних дел в ходе проведения специальных операций	230
Негодаева Е.Г. Социально-экономическая политика Российской Федерации в сфере ипотечного жилищного кредитования	233
Никифорчук Д.И., Чемерис Д.Д. Особенности розыска без вести пропавших лиц по горячим следам	237
Требования к оформлению статьи в журнал «Вестник Академии МВД Республики Беларусь»	242

Podupeyko A.A. Constitution of the Republic of Belarus as a guarantor of a strong state	
Chigileychik A.V. Insult as a civil legal delict	

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Volkov V.A. Acts of judicial power in law enforcement activities	
Grigoriev A.V. The problem of elemental composition of the legal norm in the theoretical legal science and branches of belarusian law (Part 2)	
Murashko A.I., Zhmurovskiy A.S. Creation of the cynological service of the criminal detection department of Belarus	
Shapovalov A.V. Structure of legal practice	

JURIDICAL PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Pastushenya A.N. Psychological analysis of the facts about crime for the probabilistic characteristic of the subject and mental element in crime	
Stukanov V.G. Psycho-pedagogical features of suicidal behavior of adolescents	
Stulba S.A. Destructive manifestations in professionally important qualities of the individual	
Urbanovich A.A. Target priorities of the activity of the head of internal affairs bodies, organization of research and typology	

DISCUSSION ORDER

Basetsky I.I. Who will continue the development of the Detective science of the Russian Federation (the science of investigation) in a broad sense?	
--	--

INTERNATIONAL COOPERATION

Zharasov A.S. Management improvement problems during special operations carried out by internal affairs bodies	
Negodaeva E.G. Socio-economic policy of the Russian Federation in the area of mortgage housing crediting	
Nikiforchuk D.J., Chemeris D.D. Features of the search for missing persons of hot pursuit	
The requirements of article of the journal „Bulletin of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus“	

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УДК 342.9:351.81

О.В. Гиммельрейх, кандидат юридических наук, доцент кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: gimmelreikh@mail.ru)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНОГО ПОСТРОЕНИЯ ОВД НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ КАК ОТВЕТНАЯ РЕАКЦИЯ НА ИЗМЕНЕНИЕ ФАКТОРОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Рассматриваются виды и содержание функций, реализуемых в повседневной служебной деятельности органов внутренних дел, отражающие степень участия в обеспечении различных аспектов режима безопасности на воздушном транспорте.

Аргументируется вывод о необходимости дальнейшего объективного преобразования и развития организационно-структурного построения ОВД по обеспечению общественной безопасности на воздушном транспорте адекватно изменению факторов внешней среды (увеличение числа рейсов, рост пассажирских перевозок, строительство и реконструкция объектов воздушного транспорта и т. д.) и динамике складывающихся в данной сфере общественных отношений.

Предлагается авторское видение конкретных мер административно-правового, информационного и кадрового характера, направленных на повышение уровня правового регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере обеспечения безопасности на воздушном транспорте. Представлены рекомендации по оптимизации организационно-штатного построения и совершенствования оперативно-служебной деятельности ОВД на воздушном транспорте.

Ключевые слова: транспортная милиция; обеспечение безопасности на воздушном транспорте; функции органов внутренних дел на воздушном транспорте; предполетный досмотр; профилактика правонарушений; факторы внешней среды, сопутствующие организационному развитию транспортной милиции.

Вопросом государственного престижа и авторитета страны на международной арене в условиях глобализации и последовательного увеличения объема перевозок на воздушном транспорте становится надлежащее обеспечение общественной безопасности граждан, полетов воздушных судов и функционирования аэропортов. Безопасность на воздушном транспорте как личная, общественная и государственная потребность обеспечивается посредством создания и поддержания соответствующего административно-правового режима, базовую основу функционирования которого составляют две относительно самостоятельные и в то же время взаимосвязанные системы. Во-первых, система правовых мер (средств, приемов и способов), устанавливающих соответствующие правила в области пользования объектами воздушного транспорта и воздушными судами и их эксплуатации, порядок пропускного и внутриобъектового режима, правила перевозки пассажиров, багажа и грузов, порядок и технологию досмотра и т. д. и неправовых средств (организационных, технических, информационных). Во-вторых, система субъектов обеспечения безопасности на воздушном транспорте (органы государственного управления, авиаперевозчики, коммерческие организации, общественные формирования, граждане), реализующих названные меры правового и организационно-технического характера, среди которых особое место принадлежит органам внутренних дел на транспорте (далее – ОВДТ). По мнению Ю.В. Степаненко, «структурно и функци-

онально ОВД на транспорте «встроены» в транспортный комплекс как систему, представляющую для них внешнюю среду. Их оперативно-служебная деятельность имманентна транспортному комплексу, составляет его неотъемлемый компонент, сторону, свойство [1, л. 24–25].

Особенности внешней среды функционирования ОВДТ накладывают «отпечаток» на выбор форм и методов, тактику охраны общественного порядка и обеспечение безопасности в условиях функционирования воздушного транспорта. К ним относятся: концентрация больших людских потоков на относительно малых территориях; сосредоточение значительного количества материальных ценностей; угроза функционирования воздушного транспорта для окружающих как источника повышенной опасности; круглосуточный цикл работы; большие скорости передвижения; интенсивность пассажирских и грузовых перевозок; относительно свободный доступ к аэродромам и иным объектам гражданской авиации; наличие значительного количества несоподчиненных служб и подразделений и т. п. [2, с. 105–114; 3, л. 8–9].

Деятельность ОВДТ по обеспечению функционирования административно-правового режима безопасности на воздушном транспорте включает определенные аспекты: участие в разработке нормативных актов различного уровня (правил поведения субъектов административного права, перечня режимных мер, оснований их применения); реализацию контрольно-надзорных полномочий, применение мер государственно-правового принуждения, в том числе различных видов юридической ответственности; разграничение между государственными органами их функций, зон ответственности и организацию взаимодействия по противодействию различным правонарушениям на объектах воздушного транспорта; координацию деятельности и взаимодействия при реализации конкретных мероприятий, обмене информацией; создание и функционирование подразделений досмотра пассажиров, груза и багажа, реализацию конкретных форм и методов обеспечения правопорядка и т. п.

Широкий спектр предметов, находящихся в ведении ОВДТ и включающих в себя правовую охрану жизни, здоровья, имущества, государственных и общественных интересов в условиях производственно-технологической деятельности воздушного транспорта, обусловлен характеристиками конкретных функций, реализуемых подразделениями Минского ОВД на воздушном транспорте в РУП «Национальный аэропорт «Минск». В зависимости от пространственно-временных критериев протекания и конкретного содержания данные функции можно сгруппировать по определенным видам:

1. Охрана общественного порядка на прилегающей к аэропорту территории и в зонах аэровокзального комплекса не предполагает временных ограничений и реализуется непрерывно: начинается с момента прибытия пассажиров на аэровокзал; продолжается в процессе прохождения предполетного досмотра; осуществляется при посадке граждан в самолет (высадке из самолета) и в пути следования воздушного судна. Данная функция обеспечивается различными подразделениями милиции общественной безопасности: государственной автомобильной инспекцией (согласно Инструкции об организации деятельности подразделений дорожно-патрульной службы Государственной автомобильной инспекции МВД Республики Беларусь, утвержденной приказом МВД Республики Беларусь от 1 июня 2012 г. № 155), патрульно-постовой службой милиции (далее – ППСМ). Она включает в себя: визуальный контроль, патрулирование залов и помещений аэровокзального комплекса с постоянной отработкой мест значительной концентрации авиапассажиров; проверку документов, удостоверяющих их личность; пресечение преступлений и административных правонарушений, задержание лиц, их совершивших; выполнение иных обязанностей, возложенных на сотрудников ОВД, согласно Инструкции о порядке организации деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, утвержденной приказом МВД Республики Беларусь от 24 июля 2013 г. № 333. Вместе с тем организационно-штатное построение отделения ППСМ объективно требует преобразования и укрупнения, что обусловлено изменениями факторов внешней среды (увеличение числа рейсов, рост объемов пассажирских перевозок, строительство и реконструкция объектов воздушного транспорта и т. д.).

2. Сопровождение воздушных судов нарядами милиции является определенной формой поддержания общественного порядка и профилактики правонарушений в условиях функционирования воздушного транспорта в процессе выполнения полета воздушного судна, которая нор-

мативно в действующем Воздушном кодексе Республики Беларусь не закреплена. Однако указанная форма поддержания правопорядка оказалась достаточно эффективной в бывшем СССР при обеспечении безопасности пассажиров и экипажей, так как предотвращала попытки захвата и угона самолетов. По этой причине в условиях дальнейшего строительства Союзного государства Беларуси и России, роста числа авиарейсов и пассажиропотока, имеющих место фактов нарушений общественного порядка со стороны пассажиров, необходимо вернуться к проработке вопроса об использовании сопровождения самолетов нарядами милиции в территориальном пространстве Союзного государства.

3. Обеспечение охраны воздушных судов предполагает проведение следующих мероприятий: контроль прохода персонала авиакомпаний на перрон и к борту воздушного судна только через служебный вход, оборудованный рамкой с металлодетектором; охрана особо важных воздушных судов на стоянках; сопровождение автотранспорта сторонних организаций к борту воздушного судна; наблюдение за воздушными судами в процессе руления на взлетную полосу; выборочный контроль погрузки багажа и его сопровождение; сопровождение инкассаторских машин от борта самолета до выхода из контролируемой зоны, а также до размещения на охраняемом складе или погрузки на воздушное судно.

4. Профилактическая функция реализуется посредством контроля соблюдения Правил нахождения граждан в Национальном аэропорту «Минск», разработанных во исполнение Положения о профилактических, режимных и организационных мерах предупреждения террористической деятельности и минимизации ее последствий на критически важных объектах Республики Беларусь, утвержденного постановлением КГБ Республики Беларусь и МВД Республики Беларусь от 30 сентября 2016 г. № 24/268. Указанные меры реализуются в том числе с использованием возможностей автоматизированной информационно-поисковой системы «ФР-оповещение» в соответствии с Инструкцией о порядке функционирования автоматизированной информационно-поисковой системы «ФР-оповещение» и предоставлении удаленного доступа к ней, утвержденной приказом МВД Республики Беларусь от 10 июля 2013 г. № 303, автоматизированной информационной системы персональных данных пассажиров воздушных судов, разработанной в соответствии с Положением о порядке создания и ведения автоматизированной информационной системы персональных данных пассажиров воздушных судов, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 593. В соответствии с Инструкцией о порядке предоставления информации о персональных данных пассажиров органам пограничной службы и иным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, утвержденной постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 20 июня 2016 г. № 27, предоставление информации из информационных систем Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь (далее – Минтранс) государственным органам обеспечивается в режиме удаленного доступа к информационным ресурсам информационных систем, режиме удаленного автоматического получения совокупности информации, накапливаемой в информационных массивах за временной период от текущей даты продолжительностью не более месяца и иных режимах. Однако, учитывая ограниченное время пребывания граждан в аэропорту, для повышения оперативности реагирования ОВДТ на информацию о передвижении подозреваемых либо представляющих оперативный интерес лиц следует прорабатывать вопрос с Минтрансом об упрощении процедуры получения информации о данных пассажиров авиарейсов и переходе с режима удаленного доступа на режим реального времени (он-лайн-режим). Обозначенное позволит принимать своевременные превентивные меры к задержанию таких лиц на этапе прохождения процедуры регистрации либо в процессе пребывания в зоне таможенного контроля.

5. Функция досмотра обеспечивается тщательным предполетным досмотром пассажиров, багажа, в том числе вещей, находящихся при пассажирах, членов экипажей, авиационного персонала, грузов и почты. Досмотр как действенная предупредительно-профилактическая мера был введен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1971 г. «О внесении дополнений в Воздушный кодекс Союза ССР» и проводился созданной в составе линейных ОВД на воздушном транспорте специальной досмотровой службой [4, с. 46]. В соответствии с Инструкцией о порядке осуществления досмотра с целью обеспечения авиационной безопасности, утвержденной

постановлением Минтранса и МВД Республики Беларусь от 1 марта 2017 г. № 4/54, разработанной во исполнение п. 85 Государственной программы защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 октября 2007 г. № 1295-дсп, досмотр включает в себя предполетный досмотр, личный досмотр и иные процедуры контроля. Досмотр осуществляется сотрудниками отделения досмотра багажа, ручной клади и пассажиров, которое воссоздано в 2008 г. в соответствии с требованиями Воздушного кодекса Республики Беларусь и является самостоятельным подразделением милиции общественной безопасности Минского ОВД на воздушном транспорте. Однако для соблюдения установленных стандартов авиационной безопасности в части присутствия хотя бы одного сотрудника на каждом рейсе вылета при условии одновременного использования пяти из шести имеющихся терминалов количество сотрудников службы досмотра с учетом графика сменности (12 часов в день и 12 часов в ночь) должно составлять не менее десяти человек в сутки. В условиях расширения аэровокзального комплекса и наблюдаемого роста числа рейсов и пассажиропотока для проведения качественных досмотров существующего количества сотрудников досмотровой службы сегодня недостаточно.

6. Контроль соблюдения правил оборота оружия осуществляется по трем основным направлениям: при проверке порядка и условий мест постоянного хранения оружия с последующей выдачей разрешения на функционирование объекта разрешительной системы (либо приостановлением, аннулированием разрешения); индивидуальной проверке ношения оружия сотрудниками САБиР; проверке при допуске оружия, боеприпасов и веществ к перевозке на борту воздушного судна, когда оружие сопровождает от момента его регистрации до передачи на борт воздушного судна или от борта до выдачи уполномоченному лицу.

7. Административно-юрисдикционная функция реализуется работниками ОВДТ в повседневной служебной деятельности в рамках требований, предусмотренных положениями Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) и нормативно закрепленных постановлением МВД Республики Беларусь от 16 февраля 2018 г. № 47 «О наделении должностных лиц ОВД полномочиями на составление протоколов об административных правонарушениях и подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению». Названным постановлением утвержден перечень должностных лиц ОВДТ, уполномоченных на составление протоколов об административных правонарушениях по конкретным статьям КоАП.

8. Обеспечение правопорядка и безопасности высших должностных лиц республики и иностранных государств (охраняемые лица), правительственных и иных делегаций при нахождении в аэропорту и следовании воздушным транспортом осуществляется в соответствии с Положением об организации, обеспечении и выполнении литерных полетов, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 25 апреля 2001 г. № 215 и совместными нормативными правовыми актами МВД, Службы безопасности Президента и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, имеющих ограничительный гриф. Обеспечение *литерных мероприятий* является одним из важнейших направлений оперативно-служебной деятельности Минского ОВД на воздушном транспорте.

Таким образом, многообразие задач и функций, выполняемых в сфере общественной безопасности ОВД на воздушном транспорте, в том числе во взаимодействии с иными субъектами, позволяет сделать вывод о сложности и многоаспектности их организационно-управленческой деятельности, которая носит ярко выраженный правоохранительный характер и отличается многообразием форм реализации последних.

Анализ динамики общественных отношений, складывающихся на современном этапе использования (эксплуатации) воздушных судов и объектов авиационной инфраструктуры, научно-теоретической литературы, законодательства, практики государственно-управленческой деятельности, свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования организационно-структурного построения ОВД на воздушном транспорте, что обусловлено изменениями в развитии объективных факторов внешней среды. К ним относятся следующие:

1. Ежегодный прирост пассажиропотока и увеличение числа рейсов. Рост пассажиропотока с 3 429 122 в 2016 г. до 4 114 512 в 2017 г. (+ 19,99 %), а также увеличение авиарейсов с 22 976 в 2016 г. до 24 458 в 2017 г. (+ 6,45 %) стали поводом к строительству второй взлетно-посадочной полосы (ВПП). Кроме того, на территории РУП «Национальный аэропорт «Минск» осуществля-

ют свою деятельность свыше 80 предприятий, учреждений и организаций, в которых работает более трех тысяч человек.

2. Появление авиапроисшествий, связанных с эксплуатацией беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА, дроны).

В Республике Беларусь нормативно закреплён порядок использования БПЛА государственными органами для социально значимых целей: воздушного патрулирования, предотвращения и прекращения нарушений Государственной границы, поиска экипажей и воздушных судов, потерпевших бедствие, оказания помощи при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, в других случаях, угрожающих жизни и здоровью людей. В то же время имеются случаи ненадлежащего использования названных летательных аппаратов. Необходимость детальной правовой регламентации использования авиамodelей (дронов, квадрокоптеров) объективно востребована, так как их бесконтрольное использование может создать угрозу общественной, государственной безопасности и привести к большим экономическим потерям.

Дальнейшими направлениями правового регулирования данной сферы общественных отношений должны стать: широкая профилактическая работа по установлению знаков с перечеркнутым дроном и надписью «Бесполетная зона» на нескольких языках; введение обязательной регистрации и чипирование для всех авиамodelей независимо от веса; оборудование БПЛА программным обеспечением, которое в режиме реального времени будет передавать сигнал о своем местоположении; разработка и нормативное закрепление регламента получения разрешения авиадиспетчера на выполнение полета и порядка его осуществления; разработка программного обеспечения и нормативная регламентация функции идентификации и принудительной посадки силами САБиР авиамodelи (дрона) в случае нарушения владельцем авиационных правил; разграничение компетенции между САБиР и ОВД в части фиксации, документального оформления нарушения, ведения административного процесса и привлечения к ответственности владельца авиамodelи (дрона).

3. Развитие аэропорта и коммуникаций Оршанского узла (пос. Болбасово).

Мультимодальный промышленно-логистический комплекс «Бремино-Орша» общей площадью застройки 230 га входит в свободную экономическую зону «Витебск» и включает в себя логистическую, торгово-промышленную зоны с примыкающим аэродромом, железной дорогой и международными транспортными магистралями, формируется как центр транзитных грузов.

Придание международного статуса взлетно-посадочной полосе позволит осуществлять грузовые авиаперевозки непосредственно в Оршу без промежуточных остановок для растаможивания, что будет способствовать развитию Оршанского авиаремонтного завода по инвестированию в переоснащение полосы (ограждение, специальное оборудование, диспетчерские пункты) [5]. Перечисленное, в свою очередь, потребует принятия мер по поддержанию правопорядка, сохранности перевозимых грузов, установлению различных видов контроля за прибывающими грузами, нормативной регламентации таможенного оформления грузов, складского обслуживания и иных услуг.

4. Востребованность в обеспечении экономической безопасности как составной части транспортной безопасности.

Сегодня РУП «Национальный аэропорт «Минск» – крупнейший центр формирования и перераспределения огромных финансовых потоков, участник реализации различных государственных инвестиционных программ, адресат получения бюджетных средств на закупку воздушных судов и оборудования, строительство и модернизацию объектов авиационной инфраструктуры и т. д. Названные факторы обуславливают проявление коррупционных и экономических правонарушений со стороны должностных лиц авиационного транспорта, в том числе при освоении бюджетных средств, выделяемых на решение вопросов обеспечения безопасного использования и эксплуатации воздушного транспорта, модернизации объектов авиационной инфраструктуры: оснащение качественным досмотровым оборудованием, закупка сертифицированных материалов при строительстве взлетно-посадочной полосы, поставка исправных механизмов, оборудования, комплектующих и т. п. [6, 7].

Указанный тезис свидетельствует в пользу востребованности службы по борьбе с экономическими преступлениями, которая в структуре Минского ОВД на воздушном транспорте, как

представляется, была преждевременно сокращена. Она необходима как в целях выявления, документирования и пресечения экономических, в том числе коррупционных правонарушений, так и для проведения оперативной профилактики.

5. Совершенствование контроля за пребыванием иностранных граждан.

С момента издания Указа Президента Республики Беларусь от 9 января 2017 г. № 8 «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан» возросло число иностранных граждан, посещающих Республику Беларусь с различными целями, что требует соответствующего уровня контроля их въезда, выезда, пребывания на территории Беларуси. Одной из действенных форм, дисциплинирующих поведение иностранных граждан в части соблюдения белорусского законодательства, является их учет посредством дактилоскопической регистрации. Однако существующие сегодня технологии дактилоскопирования морально устарели.

С учетом предстоящего проведения в Минске II Европейских игр (с 21 по 30 июня 2019 г.) и увеличения пассажиропотока для повышения оперативности постановки граждан на дактилоскопический учет и проверку по такому учету, упрощения самой процедуры дактилоскопирования необходимо обеспечить оснащение оперативно-дежурной службы дактилоскопическими сканерами с наличием модели (функции) формирования всех типов дактилоскопических изображений.

В качестве базовых приборов можно использовать аналитические комплексы типа «Папилон» и «Кейс-КПМ», которые в режиме реального времени идентифицируют личность человека по отпечаткам пальцев и предъявленным документам. Одновременно требует нормативной регламентации вопрос о программном обеспечении, совместимом с АДИС «Дакто-2000», находящейся на балансе Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, для качественного помещения в базу данных дактилоскопической информации о следах пальцев и ладоней, полученных с помощью дактилоскопического сканера.

Таким образом, деятельность по поддержанию общественного порядка и противодействию преступлениям, угрожающим безопасной деятельности транспортной системы, жизни и здоровью граждан, находящихся на объектах воздушного транспорта и в самолетах, осуществляется путем поэтапной реализации комплекса организационных, правовых, материально-технических, информационных, иных мероприятий, реализуемых как подразделениями транспортной милиции, так и с их непосредственным участием.

Учитывая конкретно-исторический характер возникновения и развития, особенности и динамику факторов внешней среды, специфику складывающихся в условиях функционирования воздушного транспорта общественных отношений, особенности построения транспортной милиции, представляется целесообразным предложить следующие организационно-правовые меры по совершенствованию оперативно-служебной деятельности ОВДТ:

1. В части оптимизации и развития организационно-структурного построения и штатного расписания Минского ОВД на воздушном транспорте:

1.1. Создание подразделения по борьбе с экономическими преступлениями с разработкой и утверждением соответствующего положения, закрепляющего ее административно-правовой статус.

1.2. Расширение штата служб милиции общественной безопасности (досмотровой, охраны правопорядка и профилактики, по гражданству и миграции, ГАИ, патрульно-постовой) адекватно изменению факторов внешней среды (увеличения числа рейсов, рост объемов пассажирских перевозок, строительство объектов воздушного транспорта и т. д.) и динамике складывающихся в данной сфере общественных отношений.

При этом потребность необходимой штатной численности отделения досмотра багажа, ручной клади и пассажиров должна рассчитываться исходя из требований стандартов безопасности (присутствие сотрудника на каждом рейсе вылета), интенсивности пассажиропотока, с учетом графика сменности (несение службы по 12 часов в день и 12 часов в ночь) и количества терминалов.

2. В части дальнейшего совершенствования административно-правового регулирования вопросов обеспечения безопасности на воздушном транспорте с участием должностных лиц транспортной милиции:

2.1. Дополнить п. 2 ч. 1 ст. 77 Воздушного кодекса Республики Беларусь абзацем следующего содержания: «2. Авиационная безопасность обеспечивается посредством:

сопровождения воздушных судов во время полета сотрудниками ОВД на транспорте, вооруженными табельным оружием и специальными средствами».

2.2. Разработать пакет межведомственных нормативных правовых актов в области безопасного использования воздушного пространства владельцами авиамodelей (дронов, квадрокоптеров), которые: содержат описание и порядок применения знаков, устанавливающих запрет на полет беспилотных летательных аппаратов; закрепляют за конкретными государственными органами функции идентификации и принудительной посадки авиамodelей, нарушивших правила использования воздушного пространства (полетов); регламентируют порядок фиксации, документального оформления нарушения правил использования воздушного пространства владельцами БПЛА, ведения административного процесса и привлечения их к ответственности; утверждают общий порядок оборудования беспилотных летательных аппаратов программным обеспечением, которое в режиме реального времени будет передавать сигнал об их местоположении.

3. В части приобретения необходимых знаний, умений и навыков качественного выполнения служебных обязанностей в условиях функционирования воздушного транспорта, обеспечения профессионального роста:

3.1. Проработать вопрос о возможности прохождения краткосрочных (до 3-х месяцев) обучающих курсов в области обеспечения транспортной безопасности вновь принимаемых на службу в органы внутренних дел на транспорте сотрудников на базе ВИПК сотрудников МВД России «Домодедово».

3.2. С целью повышения практических навыков, ознакомления с передовыми формами и методами обеспечения общественной безопасности на объектах воздушного транспорта в рамках межгосударственного сотрудничества изучить вопрос возможности прохождения стажировки сотрудниками ОВД на воздушном транспорте. В качестве пилотного подготовить проект совместного Положения о прохождении стажировки на базе ЛОВД в одном из аэропортов города Москвы и ОВД на воздушном транспорте в Национальном аэропорту «Минск», в котором определить цель и задачи стажировки, сроки и порядок ее прохождения, закрепления руководителей, а также виды и порядок оформления отчетных документов.

4. В части дальнейшего совершенствования информационно-технического обеспечения оперативно-служебной деятельности ОВД на воздушном транспорте по поддержанию правопорядка и противодействию преступности:

4.1. Для повышения оперативности реагирования ОВД на воздушном транспорте на информацию о движении лиц, представляющих интерес, на этапе прохождения процедуры регистрации, достичь договоренности с Министерством транспорта и коммуникаций об упрощении процедуры получения информации о данных пассажиров авиарейсов и переходе с режима удаленного доступа на режим реального времени.

4.2. С целью повышения оперативности проверки граждан по дактилоскопическому учету на предмет нахождения в розыске, упрощения самой процедуры дактилоскопирования необходимо с учетом современного состояния информационных технологий, предстоящих II Европейских игр обеспечить оснащение оперативно-дежурной службы дактилоскопическими сканерами с наличием модели (функции) для формирования всех типов дактилоскопических изображений. Одновременно требует нормативной регламентации вопрос о программном обеспечении, совместимом с АДИС «Дакто-2000», находящимся на балансе Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, для качественного помещения туда дактилоскопической информации о следах пальцев и ладоней, полученных с помощью дактилоскопического сканера.

Список использованных источников

1. Степаненко, Ю.В. Теоретические и прикладные проблемы деятельности органов внутренних дел на транспорте : дис... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Ю.В. Степаненко ; ГУ «ВНИИ МВД России». – М. : 2004. – 392 л.
2. Управление органами внутренних дел на транспорте : учеб. пособие / П.И. Станкевич [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 208 с.
3. Жуков, С.И. Организационно-правовые основы обеспечения безопасности на воздушном транспорте : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.И. Жуков ; С.-Петербург. ун-т МВД России. – СПб., 2007. – 230 л.
4. Транспортная милиция. История и современность / сост. В. С. Филимоненко ; под общ. ред. В.И. Ермоленко. – Минск : ФУАинформ, 2004. – 210 с.
5. КГК рассказал о взятках при строительстве новой полосы минского аэропорта [Электронный ресурс] // Sputnik.by: новостной интернет-сайт. – 26 мар. 2018. – Режим доступа: <https://sputnik.by>

by/incidents/20180326/1034438317/kgk-rasskazal-o-vzyatkah-pri-stroitelstve-novoj-polosy-minskogo-aehroporta.html. – Дата обращения: 18.09.2018.

6. КГБ задержал при получении взятки главу Департамента авиации Минтранса Беларуси [Электронный ресурс] // Новостной портал TUT.BY: офиц. сайт. – 21 мар. 2018. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/585871.html>. – Дата обращения: 25.09.2018.

7. Аэродром в Болбасово Оршанского района сможет принимать международные грузоперевозки [Электронный ресурс] // Новостной портал TUT.BY: офиц. сайт. – 24 мая 2017. – Режим доступа: <http://www.vitebsk-region.gov.by/ru/news-ru/view/aerodrom-v-bolbasovo-orshanskogo-rajona-smozhet-prinimat-mezhdunarodnye-gruzoperevozki-14817-2017/>. – Дата обращения: 26.09.2018.

Дата поступления в редакцию: 09.01.19

A.V. Himmelreikh, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer of Department of Management of the Internal Affairs of the Faculty of Training and Retraining of Managerial Personnel of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

IMPROVEMENT OF STRUCTURAL ORGANIZATION OF AIR TRANSPORT DEPARTMENTS OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES AS THE RESPONSE TO THE CHANGE OF FACTORS OF EXTERNAL ENVIRONMENT

The types and the content of daily internal affairs functions reflecting the extent of participation in provision of various aspects of the air transport mode of safety are considered.

Conclusion of the need of further objective transformation and development of structural organization of internal affairs departments in ensuring air transport public safety, adequate to the change of external environment factors (increase in number of flights, growth of passenger traffic, construction and reconstruction of objects of air transport, etc.) and dynamics of the public relations in this sphere, is reasoned.

Author's vision of the concrete administrative and legal, information and personnel measures, designed to increase the level of legal regulation of public relations in the sphere of air transport safety is offered. The recommendations on optimization of organizational and regular construction and improvement of operational and service activity of internal affairs departments on transport are suggested.

Keywords: transport militia; functions of law-enforcement bodies on air transport; safety on air transport; pre-flight examination; prevention of offenses; the environmental factors accompanying organizational development of transport militia.

УДК 342.9

О.В. Гиммельрейх, кандидат юридических наук, доцент кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: gimmelreikh@mail.ru);

М.А. Рудый, начальник Волковысского РОВД, слушатель магистратуры Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: rovd.volkovysk@gmail.com)

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ

Рассматриваются различные научные подходы к определению понятия, состава и содержания структурных элементов механизма реализации управленческих решений в органах внутренних дел, его соотношения с процессом реализации решений.

Обосновывается вывод о неодинаковой регламентации процессов выработки (подготовки и принятия) управленческого решения и организации его исполнения (практики реализации) в управленческой деятельности органов внутренних дел, что обусловлено недостаточностью правового регулирования механизма реализации управленческих решений, принимаемых в ОВД.

Предлагаются авторское определение понятия «механизм реализации управленческого решения в ОВД» и конкретные меры административно-правового характера, направленные на нормативное закрепление определения понятия, структурных элементов, регулирования общих и прикладных вопросов функционирования механизма реализации управленческих решений в ОВД.

Ключевые слова: механизм социального управления, управление органами внутренних дел, механизм реализации управленческих решений и его элементы, субъекты реализации управленческих решений, управленческие нормы и принципы, методы и формы управленческой деятельности, внутренние информационно-коммуникационные связи.

Организация исполнения (реализация) управленческого решения является основной рабочей стадией управленческого цикла, направленной на безусловное, точное, своевременное претворение в жизнь принятого решения. Недооценка роли организаторской работы по исполнению управленческих решений отрицательно сказывается на эффективности функционирования любой системы управления, а незнание ее технологии на практике часто приводит к принятию множества дублирующих друг друга управленческих решений, влекущих нерациональное использование сил, средств и времени. В итоге эффективность принятого решения определяется степенью его реализации. Даже самые целесообразные и оптимальные решения сами по себе не смогут обеспечить достижение целей управления, если не будет проделана соответствующая организаторская работа по созданию необходимых условий для их воплощения в жизнь. Наличие и использование хорошо отлаженного механизма реализации решений обеспечивает достижение поставленных целей, что предопределяет необходимость научно-теоретического осмысления вопросов определения понятия организационно-правового механизма реализации управленческих решений в ОВД, его структуры, соотношения и сопряжения составляющих компонентов, правового регулирования порядка формирования и обеспечения функционирования и т. д.

Анализ научной литературы по проблемам подготовки, принятия и организации исполнения управленческих решений в ОВД позволяет говорить об отсутствии определения понятия «механизм реализации управленческих решений». Вместе с тем для его теоретического анализа, на наш взгляд, целесообразно обратиться к понятию механизма управления, так как решение занимает центральное место в управленческом процессе. Существующие по данному вопросу позиции ученых в основном опираются на положение о том, что представляет собой механизм управления. В частности, к нему относят: способ организации и функционирования управления; совокупность действий организационно-функционального характера, обеспечивающих процесс воздействия на социальную действительность [1, с. 45]; процесс управленческого воздействия компетентных органов государства и общественности на деятельность управляемых субъектов с помощью права в целях создания общественно полезных результатов [2, с. 57]; совокупность отношений различных общностей ... взаимодействующих в процессе организации деятельности [3, с. 14].

Даже самый простой анализ приведенных выше понятий позволяет говорить, во-первых, о том, что они представляют собой разные категории, во-вторых, о допустимости признания производности механизма реализации управленческих решений от механизма управления, так как первый является составной частью второго. По нашему мнению, обоим механизмам присущи определенные однородные признаки, которые: охватывают различные отношения, связанные с организацией и регулированием управленческой деятельности; в большей мере отражают необходимые внутренние связи между потребностями, целями управления и конкретной деятельностью соответствующих субъектов по их удовлетворению и достижению; имеют системный характер, так как в них отображается не просто набор организационно-структурных и иных компонентов, а их интегративное единство, обеспечивающее новые качества реализации функций управления, в частности, управленческих решений.

Н.Н. Иванов и В.А. Малюткин при разработке вопросов реализации управленческих решений в ОВД указывают, что «в общем плане организация исполнения управленческих решений есть деятельность, характеризующаяся тем, что, во-первых, она осуществляется субъектом управления путем соблюдения и осуществления соответствующих требований, форм и методов управления и, во-вторых, направлена на претворение в жизнь принятых управленческих решений, уровень осуществления которых в значительной мере предопределяет успех управления, достижение целей, стоящих перед системой управления [4, с. 48]. Позднее Т.Я. Гобозов дал более точное определение понятию данного механизма, назвав его «способом соединения и взаимодействия между собой его составляющих компонентов», в число которых он включил

субъекты управления, требования, средства, методы и формы, алгоритм реализации решения, а также внутренние информационно-коммуникационные связи, «обеспечивающие целостность и сопряженность всех остальных компонентов механизма реализации решений» [5, л. 65–67].

Вместе с тем И.М. Слепенков и Ю.П. Аверин считают, что в механизм социального управления кроме субъекта управления, средств, методов и форм, алгоритма реализации решения, названных Т.Я. Гобозовым, входят еще и цели, управленческий процесс, законы и закономерности управления, стиль и цель управленческого воздействия, общественные отношения, объект управления, принципы управления, процедуры получения и использования информации, результаты решений [3, с. 14].

С нашей точки зрения, из этих элементов в механизм управления могут быть включены только принципы управления и процедуры получения и использования информации. Из общественных отношений, как представляется, в данный механизм можно включить только субординационные отношения (отношения власти и подчинения). Цель, законы, стиль управления и результаты решений, в свою очередь, находятся за пределами механизма, хоть и оказывают на него опосредованное влияние.

А.М. Омаров считает, что «механизм управления охватывает органы, кадры, информационные потоки, технику и методы управления» [6, с. 50]. Таким образом, кроме техники управления, никаких новых элементов в механизм управления ученый не добавляет, а также категорически возражает против включения в механизм управления целей, принципов и объекта управления, с чем мы отчасти согласны, когда речь идет о целях и объекте управления. По этому поводу тот же автор пишет: «цели и принципы по природе своей существуют независимо и вне механизма управления, призванного добиваться реализации поставленных целей, опираясь на принципы, а также познанные объективные законы» [6, с. 50–51]. Однако, с нашей точки зрения, это не так. Принципы управления служат направляющими механизма. Например, если мы будем управлять на основе принципа централизма, то это скажется на использовании соответствующих приемов, методов управления. В случае же применения принципа демократизма будут использованы другие приемы и методы.

Существует еще несколько элементов, называемых отдельными авторами, в частности, Ю.А. Тихомировым, Е.Ф. Яськовым и Р.Р. Алиулловым, в отношении которых тоже имеют место разногласия: входят они в механизм управления или нет? Речь идет об управленческом процессе, правовых нормах, организационных структурах, кадрах и функциях управления. Рассмотрим те из них, которые, по нашему мнению, не могут быть включены в механизм управления, а если и могут, то с определенными оговорками.

Управленческий процесс. Данный элемент включает в механизм управления Ю.А. Тихомиров [1, с. 45]. Как представляется, нет достаточных оснований для этого, потому что любой процесс, в том числе и управленческий, отражает последовательность логически связанных между собой действий и операций, осуществляемых субъектом управления для достижения поставленной цели. Действия и операции в данном случае – это результаты труда субъекта управления.

Организационные структуры управления. По мнению Е.Ф. Яськова, этот элемент – часть механизма управления [7, с. 29]. На наш взгляд, организационная структура управления есть часть механизма управления, если рассматривать управление организацией, ОВД вообще. Действительно, все команды от субъектов управления попадают к исполнителям благодаря существующей иерархии, распределению полномочий по вертикали. В случае с организацией исполнения управленческих решений, как правило, имеет место короткая цепочка: начальник – исполнитель.

Функции управления. С точки зрения Р.Р. Алиуллова, это один из обязательных элементов механизма управления [8, с. 51]. По нашему мнению, функции управления – это направления управленческой деятельности и поэтому частью механизма управления они являться не могут.

Анализ компонентов, включаемых названными авторами в механизмы управления и реализации управленческих решений, позволяет сделать следующий вывод. Если понимать под механизмом «способ соединения», «устройство», с помощью которого одни элементы сопрягаются с другими, то ряд компонентов, называемых теми или иными учеными, не может быть, по нашему мнению, в нем представлен. Речь идет в первую очередь об управленческом процессе и

алгоритме реализации решений, так как любой механизм – это статическое образование, а процессы, алгоритмы – это уже динамика. В этой связи уместно привести доводы Р.Р. Аллиулова, который полагает, что «если позволительна аналогия с функционированием технических систем, то соотношение управленческого процесса и механизма управления можно сравнивать с работой ударно-спускового механизма и производством выстрела. Ударно-спусковой механизм предназначен для того, чтобы произвести выстрел. В баллистике выстрел рассматривается как самостоятельное физико-химическое явление, а ударно-спусковой механизм – это механическая совокупность элементов, обеспечивающая выполнение заданного движения в огнестрельном оружии. Каким бы сложным не был вид огнестрельного оружия, в состав ударно-спускового механизма выстрел не включается» [9, с. 34].

Не могут также находиться в механизме, с нашей точки зрения, законы и закономерности управления, так как эти категории носят объективный характер, существуют независимо от субъекта управления и не могут служить «строительными» элементами при создании конструкции того или иного социального механизма. Как известно, на основе познания законов и закономерностей управления формируются принципы управления, определенная совокупность которых может быть использована в соответствующем механизме.

Содержание механизма реализации управленческих решений в ОВД достаточно сложно и многогранно, но, приняв за основу положение о том, что в качестве механизма управления следует использовать только те из них, которые представлены в материальной форме или как способы действий, можно с определенной степенью обоснованности считать, что механизм реализации управленческих решений включает в себя следующие составные части: субъекты управления; принципы организации исполнения решения; нормы управления; методы и формы реализации решения ОВД; внутренние информационно-коммуникационные связи, обеспечивающие целостность и сопряженность всех остальных компонентов механизма реализации решений и представленные в виде конкретных нормативных правовых предписаний.

Чтобы иметь более детализированную картину изучаемого вопроса, важно хотя бы кратко рассмотреть каждую из названных групп элементов.

Субъекты организации исполнения решений организуют реализацию решений на различных управленческих уровнях. К ним относятся: министр, руководители областных УВД, ГУВД, начальники органов внутренних дел территориального уровня (РУ-ГО-РОВД, ОВДТ), штабные и иные подразделения, а также должностные лица, реализующие управленческие функции. Как субъекты реализации решений руководители-единоначальники должны решить следующие задачи: упорядочить элементы системы ОВД и отношения между ними для успешного выполнения принятых решений; поддерживать и совершенствовать эту упорядоченность с помощью административно-правовых, организационных и иных форм регулирования деятельности по реализации решения; вести наблюдение и проверять соответствие процесса функционирования ОВД принятым решениям; выявлять цели, поставленные в них, и осуществлять управленческие воздействия в случае возникновения отклонений; создавать необходимые условия для успешной реализации управленческих решений, в частности, кадровое, информационное, материальное обеспечение и т. д.

Права, обязанности и ответственность каждого из субъектов должны быть тщательно разработаны. При этом речь идет не о правах, обязанностях и ответственности в целом, а о полномочиях, которыми они должны быть наделены в плане выработки или организации исполнения тех или иных решений. Данные полномочия во многом предопределяются должностными инструкциями или функциональными обязанностями руководителей, но не во всех отношениях. Для каждого субъекта организации исполнения решений необходимо четко определить перечень объектов, в отношении которых они могут в случае необходимости при реализации тех или иных решений осуществлять соответствующие управленческие воздействия. В качестве таких объектов могут выступать: подразделения; сотрудники, выполняющие определенные функции; ресурсы; процессы; документы и т. д. Четкая регламентация фактических полномочий субъектов организации исполнения решений, а также возможного их расширения в случае возникновения соответствующей ситуации, делает процесс реализации решений упорядочен-

ным и управляемым, что, как представляется, положительно сказывается на исполнимости решений в ОВД в целом.

Обязательной предпосылкой высокой исполнительской дисциплины является возложение персональной ответственности за порученное дело на конкретного работника, что предполагает соблюдение трех условий.

Во-первых, четкое определение должностных (служебных) обязанностей работника, его компетенцию в соответствующей сфере деятельности. Во-вторых, исчерпывающее ознакомление его со всеми нормативными материалами, относящимися к указанной сфере деятельности. В третьих, создание необходимых условий для его работы.

Таким образом, на основе изложенного можно сформулировать вывод о том, что формирование механизма реализации управленческих решений в качестве обязательного организационного и правового условий предполагает решение вопросов согласования, балансирования полномочий и ответственности руководителей органов и подразделений внутренних дел любого уровня и ранга. Вместе с тем, как показал анализ научно-теоретической литературы и законодательства, данная проблема остается актуальной и требует своего практического решения.

На наш взгляд, решение данной проблемы невозможно отделить от связанной с ней, но менее важной проблемы. Речь идет о возможности делегирования полномочий по реализации решений, передачи части прав вышестоящих органов управления нижестоящим звеньям, например руководителям ОВД территориального уровня, с целью разгрузки высшего уровня руководства, повышения оперативности выполнения поставленных задач. В случае, если подведение соответствующего объекта под «потенциальную юрисдикцию» конкретного сотрудника потребует наделения его необходимыми правами, то это должно быть сделано в соответствии с принципами делегирования полномочий [10, с. 271–275; 11].

Принципы организации исполнения решений – «исходные, основополагающие правила, которыми руководствуется субъект управления в своей деятельности и на основе которых строятся и функционируют социальные системы» [12, с. 171].

При организации исполнения решений необходимо руководствоваться как общими, имеющими универсальный характер, так и частными принципами, сформулированными применительно к данному аспекту управления. К числу общих принципов относят следующие: законности, научности, демократизма, рационализма, гласности и др.

В число частных принципов, которыми следует руководствоваться при организации исполнения решений, как правило, включают следующие: определение исполнителей; определение приоритетов исполняемых решений, и в каждом конкретном решении – основных задач, необходимых для того, чтобы не отвлекаться по мелочам; установление жесткой зависимости между результатами исполнительской деятельности и поощрением сотрудников, продвижением их по службе; постоянное мотивирование исполнительской деятельности, инициативного отношения к решению задач; обеспечение управленческой поддержки исполнителей. Руководители не должны ограничиваться только раздачей указаний и контролем их исполнения. Их задача в течение всего процесса исполнения решения – оказывать исполнителю методическую и организационную помощь.

Одним из основных свойств принципов в сфере управленческих отношений является их нормативность. Соответственно «принцип выступает своеобразной управленческой нормой, эталонном поведении органов государственной власти, управления, должностных лиц... Вместе с тем управление в любой социальной системе в строгом соответствии с требованиями принципов представляет лишь идеальную модель, эталон, образец должного, желаемого. В реальной жизни организация деятельности в управляемых системах осуществляется с различными отклонениями от требований тех или иных принципов» [8, с. 136].

Нормы управления – «определенные, заранее установленные количественные параметры, закрепляющие допустимые характеристики какого-либо процесса или результата деятельности... (или) узаконенное установление, признанный обязательным порядок, построение чего-либо» [13, с. 120]. В научном знании различают: социальные нормы (традиции, обычаи и т. д.), правовые, экономические, технические и нормы управления. В совокупности они образуют систему нормативного регулирования и способствуют организованности, упорядоченности про-

текания тех или иных процессов и их рациональности. Нормы управления, как представляется, имеют достаточно широкий целевой спектр: могут характеризовать образец поведения субъекта управления; определять границы его должной и возможной деятельности; служить ориентиром в выборе лучшего его варианта; быть мерой при оценке эффективности управления и т. д. Обращает на себя внимание сходство характеристик норм и принципов управления. С нашей точки зрения, эти понятия не тождественны, но близкие по своему содержанию. И здесь следует согласиться с мнением В.К. Русакова. Ученый считает, что «с помощью принципов задаются контуры многомерного пространства, за пределы которого субъект управления не должен выходить, а внутри него его деятельность должна соответствовать определенным нормам, имеющим количественное значение» [14, л. 151]. Применительно к организации исполнения решений это будет выглядеть так. Контуры многомерного пространства, в рамках которого должен действовать руководитель, организующий исполнение решений, очерчен векторами, символизирующими принципы законности, демократизма, гласности, рациональности и др. Внутри данного контура в процессе своей организующей деятельности он должен руководствоваться такими нормами, как ориентировочное время на исполнение различных видов решений, границы суммарных затрат, связанных с этим процессом, показатели надежности и качества исполнителей, пределы допустимого риска, коэффициенты исполняемости решений и т. д.

Однако анализ положений Инструкции об организации информационно-аналитической работы и планирования оперативно-служебной деятельности в ОВД Республики Беларусь, утвержденной приказом МВД Республики Беларусь от 7 декабря 2018 г. № 342 (далее – Инструкция), свидетельствует о том, что в нем уделяется больше внимания качественной стороне самого решения. В частности, в этом документе регламентируются вопросы выбора и обоснования оптимального варианта решения, его своевременной подготовки, согласования, принятия, процесса прогнозирования, и не затрагиваются вопросы, связанные с организацией исполнения управленческих решений.

Методы управления применительно к организации исполнения решений – это инструменты, с помощью которых руководитель добивается от исполнителя полного и быстрого исполнения решения. На практике применяется большое количество различных методов, а их содержание определяется сферой приложения и характером решаемых задач. Однако одна и та же задача может быть решена с использованием различных методов. В сфере управления сформировать целесообразное, с точки зрения субъекта управления, поведение исполнителя можно с помощью экономических, административно-правовых, организационно-регулирующих, социально-психологических и психологических методов. Т.Я. Гобозов, например, обосновывает классификацию, согласно которой методы управления можно разделить на две основополагающие группы: организационные и мотивационные, и раскрывает их виды [5, л. 73–75].

Тем самым имеется возможность выбора соответствующего метода, в связи с чем возникает вопрос о факторах, обуславливающих этот выбор. К их числу, по нашему мнению, следует отнести: характер исполняемого решения, особенности исполнителей и существующий стиль управления. Важнейшая роль в выборе соответствующих методов принадлежит стилю, определяемому принципами, на основе которых осуществляет свою деятельность руководитель – организатор исполнения решения. На это, в частности, обращает внимание Р.Р. Алиуллов, полагающий, что «методы управления следует рассматривать не просто как оторванные от единого механизма обособленные приемы, способы и средства, а как органически связанные с принципами средства осуществления управленческих функций, посредством которых достигается принятие обоснованного управленческого решения, реализация поставленных перед управляемой системой задач» [8, с. 177].

Форма управления выступает способом существования и выражения его содержания, т. е. способом организации взаимодействия субъекта и объекта, отношений между людьми, их совместной деятельности в управленческом процессе [12, с. 118, 245]. Она представляет собой внешнее выражение деятельности аппаратов управления, подчиненных им органов и подразделений по выполнению поставленных в управленческом решении задач.

Только под углом зрения конкретной формы (совокупности форм) реализации управленческого решения можно определить исполнителей, т. е. конкретные органы и подразделения, руководителей и рядовых сотрудников, закрепить их за конкретными участками работы, провести целенаправленный инструктаж, обеспечить деятельность исполнителей соответствующими

материалами, техническими, правовыми средствами, осуществлять в определенной последовательности контроль и учет работы. Например, управленческое решение по оказанию практической помощи органу или подразделению внутренних дел может быть реализовано в форме оперативной отработки территории его обслуживания или проведения соответствующей операции. Многообразие форм позволяет усилить действенность методов, так как данные компоненты механизма реализации тесно связаны и предполагают их комплексное совершенствование.

Информационно-коммуникационные связи обеспечивают единство и целостность, а также необходимое сопряжение его образующих элементов – субъектов, методов и форм, требований и организационного алгоритма; представляют собой каналы, по которым к участникам того или иного процесса в организации поступает информация; проявляются в управленческих отношениях правового, организационного, информационного и технологического характера; формируются в процессе создания организационных структур, определения и распределения правомочий (компетенции), построения информационных систем различного назначения, создания технологических схем выполнения тех или иных управленческих операций и процедур.

По результатам анализа вышеназванных элементов можно сформулировать и предложить следующее определение. Итак, механизм реализации управленческих решений представляет собой объединенную в целостную систему совокупность принципов и норм управления, организационно и функционально взаимосвязанных и взаимодействующих компетентных органов управления (руководители, управленческие работники, коллективные органы управления), методов и форм управленческой деятельности, информационно-коммуникационных связей, обеспечивающих воплощение в предметно-практическую сферу целей и задач, сформулированных в управленческих решениях.

Суть механизма реализации управленческих решений заключается в том, что он интегрирует основные элементы управления, позволяет раскрыть их взаимозависимость и порядок реализации, степень сопряжения. В результате мы имеем сформированный инструментарий, с помощью которого можно анализировать, научно исследовать реальную управленческую практику, организационные и правовые аспекты реализации управленческих решений ОВД.

Таким образом, изучив имеющиеся научно-теоретические подходы к определению сути и содержания механизма реализации управленческих решений в ОВД, можно сделать следующие выводы.

1. Теоретическое значение учения о механизме реализации управленческих решений заключается в том, что он позволяет определить место каждого из элементов управленческого явления, строго определить их роль в практической реализации решения; порядок и последовательность выполнения управленческих функций на основе тех или иных методов реализации управленческих решений, принятых на основе управленческих принципов и норм.

2. Механизм реализации управленческих решений по своей сути отражает статический аспект управленческой деятельности, позволяя тем самым представить его как целостное системное образование, состоящее из отдельных взаимно интегрированных между собой компонентов, имеющее конкретное организационно-функциональное назначение.

В структурном отношении в рассматриваемый механизм входят следующие элементы: 1) субъекты управления (коллективные и индивидуальные), организующие исполнение управленческих решений в ОВД; 2) принципы организации исполнения решений; 3) нормы управления, с помощью которых обеспечивается регламентация и содержательность реализации управленческих решений; 4) методы и формы управленческой деятельности; 5) информационно-коммуникационные связи.

3. Аналогично тому, как в процессе выработки решения сходны основные этапы, в каких бы ОВД он не осуществлялся, реализация управленческих решений также обладает системными свойствами, объединяющими работы по реализации решений руководителей и исполнителей различных подразделений и служб определенным сходством, единством их этапов.

С целью устранения правового пробела, повышения профессионализма руководителей, уровня оптимизации и эффективности организации процессов реализации управленческих решений представляется перспективным разработать раздел «Организация исполнения управленческих решений», которым дополнить Инструкцию об организации информационно-аналитической работы и планирования оперативно-служебной деятельности в ОВД Республики Беларусь.

Данный раздел должен содержать нормативное закрепление определения понятия, структурных элементов, регулирования общих и прикладных вопросов механизма и процесса реализации управленческих решений и некоторые другие аспекты.

Список использованных источников

1. Тихомиров, Ю.А. Механизм управления в развитом социалистическом обществе / Ю.А. Тихомиров ; отв. ред. Б.М. Лазарев. – М. : Наука, 1978. – 336 с.
2. Дюрягин, И.Я. Право и управление / И.Я. Дюрягин. – М. : Юрид. лит., 1981. – 168 с.
3. Слепенков, И.М. Основы теории социального управления : учеб. пособие для вузов / И.М. Слепенков, Ю.П. Аверин. – М. : Высш. школа, 1990. – 301 с.
4. Иванов, Н.Н. Разработка, принятие и организация исполнения управленческих решений в МВД, УВД : учеб. пособие / Н.Н. Иванов, В.А. Малюткин. – М. : Акад. МВД СССР, 1981. – 90 с.
5. Гобозов, Т.Я. Организационные и правовые основы реализации управленческих решений органов внутренних дел в современных условиях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.13 / Т.Я. Гобозов ; Акад. упр. МВД России. – М., 1999. – 291 л.
6. Омаров, А.М. Социальное управление. Некоторые вопросы теории и практики / А.М. Омаров. – М. : Мысль, 1980. – 269 с.
7. Яськов, Е.Ф. Становление, формирование и проблемы дальнейшего развития науки управления органами внутренних дел : учеб. пособие / Е.Ф. Яськов. – М. : Акад. МВД России, 1996. – 101 с.
8. Алиуллов, Р.Р. Механизм социального управления: вопросы теории и методологии / Р.Р. Алиуллов. – М. ; Чебоксары : Акад. упр. МВД России, 2003. – 234 с.
9. Алиуллов, Р.Р. Некоторые проблемы механизма управления в социальных системах на современном этапе (вопросы теории и методологии) / Р.Р. Алиуллов // О-во и право. – 2003. – № 2. – С. 33–42.
10. Веснин, В.Р. Менеджмент : учебник / В.Р. Веснин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби, Проспект, 2006. – 504 с.
11. Балданов, Э.Б. Делегирование должностных полномочий в органах внутренних дел / Э.Б. Балданов. – Чита : Поиск, 2009 – 208 с.
12. Яськов, Е.Ф. Теория и практика социального управления : слов.-справ. / авт.-сост. Е.Ф. Яськов. – М. : Акад. упр. МВД России, 1997. – 269 с.
13. Булыгин, Ю.Е. Организация социального управления (Основные понятия и категории) : слов.-справ. / Ю.Е. Булыгин; под общ. ред. И.Г. Безуглов; Моск. открытый соц. ун-т. – М. : Контур, 1999. – 254 с.
14. Русаков, В.К. Управленческие решения в сфере правоохранительной деятельности в территориальных органах МВД России на районном уровне : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / В.К. Русаков ; Акад. упр. МВД России. – М., 2013. – 203 л.

Дата поступления в редакцию: 14.01.19

A.V. Himmelreich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Management of the Internal Affairs of the Faculty of Training and Retraining of Managerial Personnel of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; M.A. Rudy, Chief of Volkovysk ROVD, master's student of the Faculty of Training and Retraining of Managerial Personnel of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

MECHANISM OF EXECUTION OF MANAGEMENT DECISIONS IN INTERNAL AFFAIRS AGENCIES: CONCEPT AND CONTENTS

Various scientific approaches to definition of a concept, structure and content of structural elements of the mechanism of execution of management decisions in internal affairs agencies, its correlation with the process of execution of decisions are considered.

Conclusion of an unequal regulation of processes of development (developing and making) of a management decision and the organization of its execution (practice of fulfillment) in administrative activity of internal affairs agencies is proved that is caused by the insufficiency of legal regulation of the mechanism of execution of the management decisions made in internal affairs agencies.

The author proposes the definition of "the mechanism of execution of administrative decisions in internal affairs agencies" and certain administrative and legal measures aimed at normative consolidation of the definition of the concept, its structural elements and the regulation of general and applied problems of functioning of the mechanism of execution of administrative decisions in internal affairs agencies.

Keywords: mechanism of social management; management of law-enforcement bodies; mechanism of implementation of management decisions and its elements; subjects of implementation of management decisions; administrative norms and principles; methods and forms of administrative activity; internal information and communication communications.

УДК 342.95

Д.А. Егоров, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: d.a.egorovv@gmail.com)

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫХ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Обосновывается первостепенное значение для безопасности объектов использования атомной энергии мер административного принуждения, носящих упреждающий, превентивный характер. Раскрывается содержание конкретных административно-предупредительных мер с целью обоснования заложенного в них профилактического потенциала и дальнейшего развития его уровня в правоприменительной практике уполномоченных субъектов.

Ключевые слова: метод, административное принуждение, административно-предупредительные меры, безопасность объектов использования атомной энергии.

Особую значимость и приоритетность для субъектов обеспечения безопасности объектов использования атомной энергии (далее – ОИАЭ) играет профилактический потенциал метода принуждения, реализуемого в системе мер предупредительного, пресекающего и юрисдикционного характера с целью выявления, устранения причин и условий нарушения требований безопасности, обеспечения физической защиты данных объектов, профилактики и пресечения несанкционированных действий, предупреждения ситуаций, способствующих возникновению ядерных или радиационных аварийных ситуаций, и предотвращения вредного воздействия ионизирующего излучения на граждан и окружающую среду.

Основываясь на сложившемся в науке административного права подходе к четырехзвенной классификации мер административно-правового принуждения, представляется необходимым особое внимание акцентировать на мерах административно-предупредительного характера. Обуславливается это тем, что указанные меры наиболее отчетливо отражают прогностический характер государственного управления, так как связаны с предвидением возникновения особых экстраординарных обстоятельств природного, техногенного и социального характера, профилактикой возможного совершения правонарушений и их вредных последствий, созданием условий для устойчивого развития общественных отношений, входящих в сферу государственного управления.

В науке административного права по критерию целевой направленности такие меры принято дифференцировать: меры, применяемые в целях предупреждения правонарушений; меры, направленные на предотвращение возможных нарушений общественной безопасности [1, с. 22]; совмещенные меры, сочетающие в себе цели первого и второго уровней [2, с. 22–23].

Так, особо значимыми для обеспечения безопасности ОИАЭ являются меры, направленные на предупреждение противоправных деяний. Их цель заключается в профилактике формирования ситуаций, в которых возможно совершение правонарушений, в предупреждении проявлений противоправного поведения и своевременном осуществлении профилактических мероприятий с широким использованием административно-правовых средств воздействия.

К указанной группе мер, реализуемых в рамках обеспечения безопасности ОИАЭ, следует отнести:

1. Вхождение уполномоченных должностных лиц в служебные помещения подконтрольных организаций, учреждений и (или) на территории расположения ОИАЭ. Данная мера связана с необходимостью предупреждения правонарушений на подконтрольных объектах и потребностью осуществления внешнего вневедомственного контроля. В рассматриваемом контексте речь идет о наделении должностных лиц органов государственного управления, осуществляющих контроль (надзор) за обеспечением безопасности, полномочиями на посещение подконтрольных объектов с целью предупреждения совершения правонарушений в сфере ядерной и радиационной безопасности.

2. Проведение контрольно-надзорных мероприятий. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 16 февраля 2015 г. № 62 «Об обеспечении безопасности при сооруже-

нии Белорусской атомной электростанции» в обозначенной сфере надзор осуществляют Госстандарт, Минздрав, МЧС, Минприроды, Минтруда, Минэнерго и МВД по двадцати одному направлению деятельности. Профилактическая значимость контрольно-надзорных мероприятий обусловлена спецификой исследуемой сферы, где малейшее отступление от требований нормативных правовых актов может повлечь причинение огромного по своим масштабам вреда экологии, здоровью человека, экономике государства. В свою очередь, своевременное обнаружение и устранение причин и условий, способствующих нарушению норм и правил безопасности, играет важную превентивную роль.

3. Осуществление учета и контроля ядерного материала. Профилактические возможности указанной меры заключаются в предупреждении применения ядерного материала, используемого в мирных целях, для производства ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств. С этой целью в Республике Беларусь создана и функционирует государственная система учета и контроля ядерных материалов, основное предназначение которой – обеспечение сохранности и мирное использование ядерных материалов, предотвращение их несанкционированного использования и хищения, обеспечение контроля за ними.

4. Изменения в организации дорожного движения, направленные на ограничение габаритов и скорости движения транспортных средств, запрещение их остановки и стоянки в районе расположения ОИАЭ; изменения конструктивных особенностей дорожного полотна, предупреждающие возможность развития скоростей, необходимых для проникновения (прорыва) на охраняемые объекты (оборудование подъездных дорог искусственными неровностями, надолбами, противотаранными устройствами, и т. п.); строительство сети дорог на территории охраняемых объектов в целях обеспечения передвижения по ним войсковых нарядов.

5. Проведение проверочных мероприятий в отношении работников, привлекаемых для сооружения и эксплуатации ОИАЭ. В частности, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2016 г. № 515 «О мерах по привлечению работников для сооружения и эксплуатации Белорусской атомной электростанции» органами государственной безопасности проводятся проверочные мероприятия в отношении иностранных работников, а также иностранных граждан, работников подрядных организаций на предмет выявления сведений о возможности причинения указанными лицами вреда национальной безопасности Республики Беларусь.

6. Проверка необходимых документов, сведений. С целью выполнения полномочий по осуществлению контроля (надзора) органы государственного управления могут требовать и получать от проверяемых организаций необходимые для проведения проверки документы, иную информацию, касающуюся проверяемой деятельности. Предупредительная роль указанной меры заключается в выявлении посредством анализа содержания служебной и иной документации, касающейся проверяемой деятельности, причин и условий, которые могут способствовать совершению правонарушений в области ядерной и радиационной безопасности. Проверка документов, удостоверяющих личность, также осуществляется с целью обеспечения физической защиты ОИАЭ при осуществлении контрольных мероприятий в рамках пропускного и внутри-объектового режимов ядерных установок, пунктов хранения.

7. Проведение досмотровых мероприятий. Основной целью указанных мер выступает обеспечение физической защиты ОИАЭ и предупреждение совершения в их отношении несанкционированных действий, выражающихся в совершении или попытке совершения хищения ядерных материалов, проникновения на охраняемые объекты, проноса на ядерную установку и в пункт хранения запрещенных предметов, повреждения или уничтожения специальных средств физической защиты.

Развивая мысль далее, следует обратиться к превентивным особенностям административно-предупредительных мер, направленных на предупреждение наступления вредных последствий, применение которых обусловлено необходимостью профилактики возникновения условий, приводящих к ядерным или радиационным аварийным ситуациям.

На наш взгляд, к указанной группе мер следует отнести:

1. Осуществление обязательных медицинских осмотров и психофизиологических обследований. Профилактическая направленность указанной меры заключается в минимизации вероятности возникновения ядерных или радиационных аварийных ситуаций, которые могут воз-

никнуть вследствие неправильных действий сотрудников эксплуатирующих организаций, иных лиц, выполняющих работы, оказывающих услуги при осуществлении деятельности по использованию атомной энергии, вызванных отклонениями в здоровье таких субъектов. Данные меры могут реализовываться в форме предварительных (при приеме на работу), периодических (ежегодных), предсменных (в целях систематического выявления нетрудоспособных работников), внеочередных медицинских осмотров.

2. Установление медицинских ограничений к выполнению отдельных видов работ при осуществлении деятельности по использованию атомной энергии. Основной целью данной предупредительной меры является минимизация действия «человеческого фактора» (исключение возможной ошибки при эксплуатации) посредством ограничения допуска лиц, страдающих определенными заболеваниями, к осуществлению ключевых видов работ при использовании атомной энергии (руководство эксплуатирующими организациями, ведение технологического процесса, транспортировка ядерных материалов, их хранение, учет и контроль и др.).

3. Приостановление либо прекращение деятельности в области использования атомной энергии. Данная мера направлена на приостановление или запрещение отдельных видов деятельности в области использования атомной энергии (в том числе по отдельным направлениям деятельности) в случаях выявления при ее осуществлении нарушений нормативных правовых актов, устанавливающих требования к безопасности ОИАЭ, создающих угрозу жизни и здоровью граждан, окружающей среде.

Меры совмещенного характера составляют самостоятельную группу предупредительных методов, направленных на профилактику как совершения правонарушений, так и наступления возможных вредных последствий. К их числу относятся запреты и ограничения, устанавливаемые на территории ядерной установки, пункта хранения, в их санитарно-защитной зоне и зоне наблюдения. Анализ действующего законодательства к числу таких мер позволяет отнести семь групп.

1. Ограничение хозяйственной деятельности в зоне наблюдения и санитарно-защитной зоне (выражается в возможном ограничении деятельности хозяйствующих субъектов, связанной с производством, изготовлением товаров, оказанием услуг на территориях указанных зон).

2. Запрещение на постоянное или временное проживание населения в санитарно-защитной зоне (обусловлено опасностью радиационного воздействия на граждан в условиях ядерной или радиационной аварийных ситуаций).

3. Запрещение на размещение в санитарно-защитной зоне капитальных строений, объектов транспортной, производственной, инженерной инфраструктуры, не предусмотренных проектом на ядерную установку и пункт хранения (вызвано необходимостью обеспечения ядерно-технических условий безопасности, связанных с потенциальными угрозами нормальной эксплуатации ядерных установок, пунктов хранения со стороны технических систем и элементов, не соответствующих критериям безопасности и требованиям нормативных правовых актов (в том числе технических), устанавливающих требования к промышленной безопасности ОИАЭ).

4. Ограничение использования земель санитарно-защитной зоны для сельскохозяйственных и иных целей (использование таких земель возможно лишь по согласованию с органами государственного санитарного надзора).

5. Запрещение на проведение на территории ядерных установок, пунктов хранения и в их санитарно-защитных зонах массовых мероприятий (преследует двуединую цель: защита возможных участников массовых мероприятий от вредного воздействия ионизирующего излучения и предупреждение нарушений во время их проведения технологических процессов, связанных с безопасностью ОИАЭ).

6. Ограничение перемещения и действия лиц на территории ядерной установки, пункта хранения, а также в их санитарно-защитных зонах. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 24 Закона Республики Беларусь от 30 июля 2008 г. № 426-З «Об использовании атомной энергии» с целью обеспечения физической защиты ОИАЭ и безопасности работников (персонала) эксплуатирующих организаций перемещение и действия лиц, в том числе работников (персонала), находящихся на территории расположения ядерной установки и (или) пункта хранения, а также в их санитарно-защитных зонах, могут быть ограничены.

Потребность в установлении конкретных ограничительных мер обусловлена также потенциальной вероятностью совершения хищений ядерных материалов. Уровень такого риска может

быть предварительно оценен по угрозам незаконного оборота ядерных материалов. В частности, в базе данных Международного агентства по атомной энергии с 1993 по 2017 г. зарегистрировано 3 068 инцидентов нелегального их перемещения [3]. Ядерные материалы Республики Беларусь также могут рассматриваться террористами как вероятный источник вооружения.

Кроме того, анализ мировой общественно-политической обстановки показывает, что объектами террористических угроз могут стать и ОИАЭ. В частности, в результате совершенных 22 марта 2016 г. взрывов в аэропорту Брюсселя (Бельгия) в связи с террористической угрозой подвергся эвакуации персонал АЭС «Тианж» [4].

В Украине 17 августа 2016 г. в отношении Южно-Украинской АЭС был введен «желтый» уровень террористической угрозы, устанавливаемый при наличии достоверной (подтвержденной) информации о подготовке к совершению террористического акта [5].

После терактов 11 сентября 2001 г. в США были усилены меры безопасности, применяемые на 60 АЭС, расположенных в 31 штате. Всем объектам было предписано поддерживать наивысший уровень защиты, предполагающий усиленное патрулирование, дополнительную охрану и более тесную координацию с правоохранительными и военными организациями.

Таким образом, основываясь на проведенном выше исследовании, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Административно-предупредительные меры, направленные на предупреждение правонарушений в сфере безопасности ОИАЭ, представляют собой совокупность приемов и способов превентивного воздействия, реализуемых посредством внешневластной деятельности уполномоченных субъектов и выражающихся в выявлении и устранении при проведении контрольно-надзорных мероприятий причин и условий, способствующих нарушению требований безопасности; предотвращении незаконного оборота ядерных материалов; своевременном получении сведений о возможности причинения вреда национальной безопасности лицами, привлекаемыми для сооружения и эксплуатации ОИАЭ; обеспечении физической защиты ОИАЭ и профилактики совершения в их отношении несанкционированных действий.

2. Административно-предупредительные меры, направленные на предупреждение наступления вредных последствий, выражаются в совокупности приемов и способов профилактической направленности, реализуемых с целью предупреждения ядерных или радиационных аварийных ситуаций мерами ограничительного медико-психологического характера, а также недопущения вредного воздействия ионизирующего излучения на граждан и окружающую среду посредством принудительного приостановления, прекращения деятельности в области использования атомной энергии.

3. Административно-предупредительные меры совмещенного характера реализуются с целью защиты граждан и окружающей среды от вредного воздействия ионизирующего излучения, связанного с деятельностью по использованию атомной энергии, получения достоверной информации об уровне радиоактивного загрязнения окружающей среды вокруг района размещения таких объектов, а также повышения уровня их физической защиты.

Список использованных источников

1. Сухаркова, А.И. Административно-правовое принуждение как средство борьбы с совершением административных правонарушений. Административная ответственность : лекции / А.И. Сухаркова. – Минск : Акад. МВД, 2011. – 147 с.

2. Крамник, А.Н. Административно-правовое принуждение / А.Н. Крамник – Минск : Тесей, 2005. – 205 с.

3. IAEA incident and trafficking database [Electronic resource] // Intern. Atomic Energ. Agency / – Mode of access: <https://www.iaea.org/sites/default/files/17/12/itdb-factsheet-2017.pdf>. – Date of access: 05.09.2018.

4. Теракты в Брюсселе: погибли не менее 34 человек, более сотни пострадавших [Электронный ресурс] // BELTA.BY : новости. – Режим доступа: <http://www.belta.by/world/view/ubit-ohrannik-aes-v-belgii-ego-propusk-pohischen-187047-2016/>. – Дата доступа: 05.09.2018.

5. Усилена охрана Южно-Украинской АЭС [Электронный ресурс] // Энергоатом. – Режим доступа: www.energoatom.kiev.ua/ru/actvts/physical_protection_/45745-usilena_ohrana_yujnoukrainskoyi_aes. – Дата доступа: 05.09.2018.

D.A. Egorov, Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CHARACTERISTIC OF ADMINISTRATIVE PREVENTIVE MEASURES OF NUCLEAR FACILITIES SAFETY

Paramount importance for safety of nuclear facilities administrative enforcement measures of preventive nature is justified. The content of specific administrative preventive measures is disclosed for the purpose of justification of their preventive potential and its development in law enforcement practice of authorized subjects

Keywords: method, administrative coercion, administrative preventive measures, nuclear facilities safety.

УДК 342.9

А.Г. Жемайтук, начальник управления Департамента охраны МВД Республики Беларусь по охране дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств (e-mail: mr.zhemaytuk@mail.ru)

**СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ИХ ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ
В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И КОНСУЛЬСКИХ ОБЪЕКТОВ**

Исследуется система государственных органов в сфере защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств в Республики Беларусь. Анализируются функциональные особенности элементов данной системы и системообразующие связи между ними.

Ключевые слова: дипломатические представительства и консульские учреждения иностранных государств; государственный орган; система государственных органов; обеспечение защиты дипломатических и консульских объектов.

В соответствии с содержанием ст. 6 Конституции Республики Беларусь государственная власть в стране осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: взаимодействуют между собой, сдерживают и уравнивают друг друга. Согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-3 «О государственной службе в Республике Беларусь» государственный орган – образованная в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, иными законодательными актами организация, осуществляющая государственно-властные полномочия в соответствующей сфере (области) государственной деятельности.

Исследованию понятия государственного органа, его характерных признаков посвящены научные труды многих специалистов различных отраслей права (М.В. Баглай, Г.А. Василевич, Ю.А. Тихомиров и др.), в которых в известной мере заложены теоретические основы, фундамент современного понимания органа государственной власти [1, с. 302; 2, с. 12].

По мнению И.В. Козелецкого, государственными органами являются те, которые: созданы на основе Конституции и принятых в соответствии с ней подконституционных актов; призваны выступать от имени государства и выполнять его функции, в соответствии с чем наделены специфическими государственно-властными полномочиями;

имеют свой предмет ведения и соответствующий ему объем полномочий;

реализуют свои полномочия в присущих им формах с использованием методов, определенных нормативными актами;

имеют свое наименование, гербовую печать, являются юридическим лицом, которые могут выступать в гражданско-правовых отношениях, их финансирование осуществляется за счет средств республиканского или местного бюджета [2, с. 13].

Согласно В.С. Четверикову, под системой государственной власти понимается совокупность двух и более элементов (подсистем), взаимосвязанных и взаимозависимых между собой и образующих целостное единство [3, с. 12].

Так, Г.А. Василевич, В.С. Четвериков выделили основные характерные черты (признаки) системы государственных органов [1, с. 304; 3, с. 13]:

каждый элемент системы может выступать в качестве управляющего и в качестве управляемого;

в системе действует принцип иерархии (организационной соподчиненности);
взаимосвязь и взаимозависимость элементов системы регламентирована нормативными правовыми актами, при этом взаимозависимость результатов деятельности подсистем реально повышает эффективность функционирования;

взаимосвязь в системе осуществляется в форме «прямой связи» (указание, распоряжение, приказ и др.) и «обратной связи» (наличие поступающей информации о результатах работы всех звеньев системы);

целостное единство системы в интегрированном качестве, а не «арифметической сумме» качеств ее элементов.

Кроме того, существование любой системы обусловлено в своей основе достижением определенного предполагаемого значимого результата, т. е. достижение целей опосредует саму необходимость создания системы [6, с. 18].

Таким образом, используя указанные признаки, можно определить государственные органы, участвующие в процессе обеспечения защиты дипломатических и консульских объектов с момента становления и развития правоотношений между нашей страной и иностранными государствами, направленных на открытие и функционирование посольств и (или) консульств.

Прежде, чем перейти к характеристике государственных органов, обеспечивающих защиту дипломатических и консульских объектов, необходимо отметить, что ключевые функции в данной сфере возложены на Президента Республики Беларусь, который осуществляет общее руководство путем реализации своих полномочий через Администрацию Президента и Совет Безопасности Республики Беларусь.

Глава государства осуществляет функцию координации деятельности и всех других государственных органов, входящих в систему защиты дипломатических объектов, в связи с чем можно сказать, что тем самым функция координации является своеобразным медиатором между всеми элементами системы государственных органов, обеспечивает взаимосвязь, сбалансированность их деятельности и, соответственно, стабильность работы всей системы.

Обозначив функцию координации как элемент, следует сказать, что его центральное место в системе обусловлено характером связей с остальными элементами, что выражается в характере его полномочий, позволяя тем самым оперативно реагировать на складывающуюся обстановку, сглаживать определенные отклонения от заданных параметров и обеспечивать ее стабильное состояние [4, с. 19].

Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 13 февраля 2017 г. № 40 «Об оптимизации Администрации Президента Республики Беларусь» анализ и оценка вносимых на рассмотрение Президента предложений по развитию отношений с зарубежными странами возложены на Администрацию Президента, которая является рабочим органом, созданными для обеспечения деятельности Президента, реализации его конституционных полномочий.

В процессе реализации функции, возложенной на Администрацию Президента, систематизируются проблемные вопросы взаимодействия с иностранными государствами, в том числе состояния обеспечения безопасности открытых на территории нашей страны дипломатических и (или) консульских объектов данных государств, либо перспективные вопросы их возможного создания (при наличии опыта длительного взаимодействия по различным сферам деятельности). В этой связи запрашиваются сведения о состоянии общественной безопасности и общественного порядка. Кроме того, разрабатываются проекты решений указанных проблем на основе обеспечения взаимодействия с органами государственной власти по различным вопросам, входящим в их компетенцию.

В сферу деятельности указанного органа, исходя из исследования его основных функций, также входит экспертиза проектов указов Президента, так как указами устанавливается перечень подлежащих обязательной охране посольских и консульских объектов, а также вид (способ) охраны [5, с. 148].

Учитывая тот факт, что развитие международного сотрудничества связано с национальными интересами в политической сфере, возникает вопрос обеспечения национальной безопасности при взаимодействии с иностранными государствами.

В этой связи очень важным является процесс определения приоритетов жизненно важных интересов личности, общества и государства, выявление внутренних и внешних угроз объектам безопасности (формирование перечня основных национальных интересов и угроз национальной безопасности). Основным государственным органом в этой сфере является Совет Безопасности, созданный с целью подготовки решений Президента по основным направлениям внутренней, внешней и военной политики в сфере обеспечения безопасности Республики Беларусь [5, с. 162].

Исходя из проведенного анализа возложенных на Совет Безопасности функций и задач, в части обеспечения защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств данный государственный орган уполномочен:

контролировать надежность функционирования системы обеспечения национальной безопасности в вопросах реализации силовыми ведомствами страны политики по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности;

заслушивать отчеты и сообщения руководителей и других работников государственных органов по вопросам укрепления обороны и безопасности, на основе которых Президенту готовятся рекомендации по вопросам формирования внешней, внутренней и военной политики, по выработке основных положений государства в отношении других стран, в том числе о принятии объектов под обязательную защиту¹.

Так, при необходимости могут быть затронуты вопросы выбора видов и способов защиты того или иного дипломатического объекта, либо их включения-исключения из перечня дипломатических объектов, подлежащих обязательной охране.

В целом, в задачи Совета Безопасности входит определение приоритетов в защите жизненно важных интересов государства, выявление внутренних и внешних угроз безопасности, определение основных направлений стратегии безопасности в Республике Беларусь и пр. Таким образом, Совет Безопасности является аналитико-координирующим элементом системы. Определяя основные направления обеспечения безопасности, анализируя внешнюю среду и исходящие от нее угрозы, он определяет характер взаимодействия как с внешней средой, так и между элементами системы [4, с. 19].

В сфере обеспечения национальной безопасности, в том числе при реализации функций, связанных в обеспечением защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, можно выделить также центральный орган исполнительной власти Совет Министров (Правительство) Республики Беларусь, который осуществляет руководство системой подчиненных ему республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, а также местных исполнительных и распорядительных органов [1, с. 350].

Исследуя функции высшего органа исполнительной власти, а также функции, закрепленные в Законе Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 424-З «О Совете Министров Республики Беларусь», можно выделить перечень функций государственных органов в сфере обеспечения защиты дипломатических представительств и консульских учреждений:

принятие мер по обеспечению национальной безопасности, защите независимости и территориальной целостности Республики Беларусь (защита дипломатических и консульских объектов прямо следует из приоритетных направлений национальной безопасности в области внешней политики);

осуществление контроля над выполнением программы вооружения (непосредственную защиту посольских и консульских объектов выполняют сотрудники органов внутренних дел, обеспечение оружием и боеприпасами которых находится на непосредственном контроле Правительства);

определение объемов бюджетных ассигнований (деятельность по защите дипломатических и консульских объектов осуществляется за счет бюджетных средств за исключением случаев договорной охраны объектов) [1, с. 354; 6, с. 401].

Совет Министров также разрабатывает основные направления внутренней и внешней политики страны и принимает меры по их реализации.

Осуществление процесса обеспечения защиты дипломатических и консульских объектов невозможно без непосредственного участия силового государственного органа – Комитета го-

¹ См.: Указ Президента Республики Беларусь от 5 августа 1994 г. № 24 «О создании Совета Безопасности Республики Беларусь».

сударственной безопасности Республики Беларусь – составного элемента системы обеспечения национальной безопасности [7, с. 95]. В своей деятельности указанный государственный орган обеспечивает реализацию принципа законности, невмешательства в политику иностранных государств, обеспечения норм Венских конвенций о дипломатических и консульских сношениях и иных международных договоров при непосредственной реализации деятельности по защите дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств. Кроме того, проводятся мероприятия по недопущению попыток шпионажа в целях противодействия возникновению внутренних и внешних угроз. Это одно из направлений деятельности органов государственной безопасности в части выполнения задач по обеспечению национальной безопасности страны в политической и военной сферах.

Для выполнения возложенных задач Комитет государственной безопасности в пределах своей компетенции может использовать в случаях, предусмотренных законодательными актами, силы и средства Вооруженных Сил Республики Беларусь, органов внутренних дел и других государственных органов, обеспечивающих национальную безопасность.

Органы государственной безопасности на основе законодательных актов и международных договоров Республики Беларусь также могут взаимодействовать со специальными службами, органами безопасности, правоохранительными органами и иными организациями иностранных государств.

Что касается МВД Республики Беларусь, то основным элементом в системе органов внутренних дел, обеспечивающим защиту дипломатических объектов, является управление Департамента охраны МВД по охране дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, которое осуществляет свою деятельность в непосредственном взаимодействии с другими ОВД в части обеспечения общественного порядка и общественной безопасности в зоне деятельности иностранных объектов.

Учитывая, что рассматриваемый вопрос посвящен защите иностранных объектов, расположенных на территории Республики Беларусь, то из самой сути названия следует, что вопросы, связанные с их функционированием, находятся в юрисдикции Министерства иностранных дел Республики Беларусь.

МИД является республиканским органом государственного управления, проводящим государственную политику в сфере внешних связей, осуществляющим координацию внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь [7, с. 85].

Анализируя основные задачи МИД, изложенные в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 31 июля 2006 г. № 978, регулирующем вопросы деятельности данного государственного органа, на наш взгляд, можно выделить основные задачи в сфере защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств:

взаимодействие по вопросам открытия посольских и консульских объектов иностранными государствами на территории нашей страны;

информационная поддержка при анализе способов осуществления защиты посольских и консульских объектов Республики Беларусь по территории зарубежных стран;

взаимодействие с субъектами дипломатических и консульских объектов по проблемным вопросам обеспечения безопасности, в том числе при проведении протокольных мероприятий;

представление Республики Беларусь в отношениях с иностранными государствами, международными организациями и межгосударственными образованиями (по вопросам организации защиты дипломатических и консульских объектов взаимодействие происходит напрямую через МИД, куда направляются ноты дипломатических представителей иностранных государств);

координация деятельности республиканских органов государственного управления по обеспечению единой политики Республики Беларусь в отношениях с иностранными государствами, международными организациями и межгосударственными образованиями (в соответствии с указанными выше нотами осуществляется взаимодействие с государственными органами в пределах их компетенции) и пр.¹

¹ См.: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 июля 2006 г. № 978 «Вопросы Министерства иностранных дел Республики Беларусь».

МИД в соответствии с возложенными на него задачами:

анализирует развитие отношений Республики Беларусь с иностранными государствами, степень эффективности ее участия в работе международных организаций и вносит предложения Президенту и в Правительство по определению приоритетов внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности (например, относящихся к способам и видам охраны дипломатических и консульских объектов исходя из принципов паритетности, существующих между нашей страной и иностранным государством);

координирует сотрудничество государственных органов Республики Беларусь с соответствующими органами иностранных государств, международных организаций и межгосударственных образований, а также в рамках этих организаций и образований (в части организации международного сотрудничества по обмену опытом осуществления защиты дипломатических и консульских объектов за рубежом) и пр.

МИД на основании обращений аккредитуемых государств, международных организаций или представительств осуществляет учет потребности дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств в зданиях, помещениях и земельных участках и информирует об этом государственное учреждение «Главное управление по обслуживанию дипломатического корпуса и официальных делегаций «Дипсервис» Управления делами Президента, на которое возложена реализация данной процедуры¹.

Итак, все вышеперечисленные органы выполняют в системе защиты дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств функции руководства, организации и обеспечения. Непосредственная защита возложена на ОВД.

Ни один из вышеуказанных государственных органов не занимает первоочередное положение в сфере обеспечения защиты дипломатических и консульских объектов, каждый на своем уровне выполняет возложенные функции, взаимодействует в пределах компетенции и подотчетен по вопросам выстраивания системы защиты дипломатических и консульских объектов. Общее руководство и ключевая роль в данной системе отведена Президенту Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г.А. Василевич. – Минск : Выш. шк., 2016. – 399 с.
2. Козелецкий, И.В. О сущности и признаках органов исполнительной власти / И.В. Козелецкий // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 2. – С. 12–16.
3. Четвериков, В.С. Правоохранительные органы : курс лекций / В.С. Четвериков ; под ред. Ю.И. Скурадова. – М. : Эксмо, 2010. – 256 с.
4. Луговский, С.Г. Система субъектов обеспечения общественной безопасности в Республике Беларусь / С.Г. Луговский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2011. – № 1. – С. 17–21.
5. Василенков, П.Т. Центральные органы государственного управления / П.Т. Василенков. – М. : Право, 1999. – 415 с.
6. Крамник, А.Н. Административно-правовые основы государственного управления : учеб. пособие / А.Н. Крамник. – Минск : Тесей, 2004. – 704 с.
7. Антонова, Н.Б. Организационная структура государственного управления: курс лекций / Н.Б. Антонова, Л.М. Захарова, Л.С. Вечер. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2005. – 231 с.

Дата поступления в редакцию: 17.01.19

A.G. Zhemaituk, *Head of the Directorate for Safety and Security of Diplomatic Missions and Consular Posts of Foreign Countries of the Department for Safety and Security of the MIA of the Republic of Belarus*

THE SYSTEM OF STATE BODIES AND THEIR MAIN FUNCTIONS IN THE SPHERE OF PROTECTION OF DIPLOMATIC AND CONSULAR FACILITIES

The system of state in the sphere of protection of diplomatic missions and consular offices of foreign states in the Republic of Belarus is investigated. Functional features of elements of the given system and system-forming communications between them are analyzed.

Keywords: diplomatic missions and consular offices of foreign states; state body; system of state bodies; ensuring the protection of diplomatic and consular objects.

¹ См.: Указ Президента Республики Беларусь от 3 декабря 2010 г. № 620 «Вопросы деятельности Управления делами Президента Республики Беларусь».

УДК 351.74:65

И.В. Козелецкий, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: Slonim_2009@tut.by);

Г.Г. Рыхлицкий, магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: G.Ryhlytsky@mail.ru)

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются проблемы, связанные с разработкой квалификационных характеристик должностей органов внутренних дел. Анализируются элементы административно-правового статуса ОВД, а также нормативные правовые акты, устанавливающие квалификационные требования к сотрудникам органов внутренних дел.

Предложены меры по нормативному урегулированию указанной проблемы, а также использованию профессиографического подхода в качестве основы для составления квалификационных характеристик должностей органов внутренних дел.

Ключевые слова: государственная кадровая политика, кадровые технологии, квалификационные характеристики должностей органов внутренних дел, профессиографический подход, профессиограмма.

Формирование современных требований к кадрам различных сфер деятельности и уровней управления, а также подбор кадров с учетом их профессиональных и нравственно-психологических качеств является одним из основных направлений государственной кадровой политики, определенных Концепцией государственной кадровой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 18 июля 2001 г. № 399.

Кадровая политика ОВД как составной части правоохранительных органов страны основана на концептуальных направлениях государственной кадровой политики. Для успешного выполнения возложенных задач ОВД должны идти в ногу со временем, в большинстве случаев с опережением, так как их первичная функция – превентивная – связана с предупреждением или профилактикой правонарушений. Реализация данной функции зависит прежде всего от наличия подготовленных высококвалифицированных кадров, в том числе управленческих, обладающих высоким уровнем специальных знаний и физической подготовки, характеризующихся соответствующими деловыми и личностными качествами. В этой связи одной из приоритетных задач кадровой политики ОВД является обеспечение всех подразделений компетентными сотрудниками на основе конкурсного отбора кандидатов на службу. Однако вопрос отбора кадров невозможно решить, не решив другой важной задачи – разработки требований к кандидатам. При этом данные требования должны представлять собой не просто набор различных характеристик, а быть сведены в единую систему, структурированную по различным критериям.

Разработка профиля требований к кадрам для замещения конкретных должностей – задача технологии набора кадров как составной части технологии формирования персонала. По мнению А.П. Леонова, формализация требований к кандидатам является обязательным условием набора кадров [1, с. 169], что нашло отражение прежде всего в законодательстве о труде в виде нормативного закрепления требований, предъявляемых к профессиональным и личным качествам кандидатов для замещения конкретных должностей, определяющим степень и уровень их профессиональной подготовленности. Так, информация, касающаяся тарифно-квалификационных характеристик профессий рабочих, квалификационных должностей служащих, включая должности государственных служащих, содержится в соответствующих справочниках, утверждаемых Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь, например в Едином квалификационном справочнике должностей служащих (далее – ЕКСД), который представляет собой систему квалификационных справочников, где приведены квалификационные характеристики

должностей служащих. ЕКСД применяют с целью определения трудовых функций служащих, установления дифференциации оплаты труда, разработки должностных инструкций, организации обучения, повышения квалификации, переподготовки, подбора и расстановки кадров в соответствии со специальностью и квалификацией, аттестации служащих, аттестации специалистов на присвоение им квалификационных категорий.

Вместе с тем разработка профиля требований к должностям ОВД имеет свою специфику, обусловленную спецификой самого административно-правового статуса ОВД как части правоохранительной системы государства. Из содержания ст. 1 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» следует, что ОВД – это государственные правоохранительные органы, целями деятельности которых являются борьба с преступностью, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности. ОВД являются составной частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Основной их функцией является правоохранительная, которая реализуется в сферах охраны правопорядка и профилактики правонарушений, оперативно-розыскной, административно-юрисдикционной и т. д.

Так, Е.Н. Мисун говорит о том, что ОВД представляют собой правоохранительные органы, обладающие широкой компетенцией, разнообразными функциями и способностью оказания содействия прочим органам правопорядка: органам государственной безопасности в процессе борьбы с терроризмом, организованной преступностью, коррупцией, нелегальной миграцией, незаконным оборотом наркотических средств и т. д.; органам финансовых расследований – по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений в сферах предпринимательства и налогообложения. ОВД находятся в тесном взаимодействии с прокуратурой, таможенными, пограничными, налоговыми и другими государственными и негосударственными органами, а также с общественностью по вопросам охраны общественного порядка [2, с. 33].

Для ОВД как военизированной организации присущ целый ряд особенностей: повышенные требования к соблюдению служебной дисциплины, установленные отдельным нормативным правовым актом (дисциплинарным уставом); единоначалие; наличие установленной формы одежды и знаков различия по специальным званиям; наличие и разрешение на использование в соответствии с законодательством специальных средств и оружия; применение физической силы и т. д. Кроме того, служба в ОВД связана с риском для жизни и здоровья, повышенными физическими и психическими нагрузками. Как вид государственной службы служба в ОВД предусматривает повышенные требования к выполнению сотрудниками ОВД обязанностей, связанных с реализацией государственных функций и наличием государственно-властных полномочий, и одновременно ограничивает сотрудников ОВД в некоторых правах путем законодательного установления соответствующих запретов и ограничений.

Все вышеперечисленное влияет на выбор соответствующих квалификационных требований к кандидатам на замещение должностей в ОВД. В настоящее время одна из проблем, требующая практического разрешения, – это отсутствие квалификационных характеристик должностей. Решение указанной проблемы вызывает определенные трудности, связанные с отсутствием единства правовой базы и разнообразием правовых актов по данному вопросу. Например, общие требования, предъявляемые к сотрудникам ОВД, изложены в п. 16, 20, 25, 26, 40 Положения о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 16 марта 2012 г. № 133 (далее – Положение о прохождении службы). Отдельные требования к профессиональным и личностным качествам сотрудников установлены в Законах Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», Декрете Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» и других законодательных актах.

Кроме этого, МВД как субъект государственной кадровой политики, формируя и реализуя на основе государственной кадровой политики отраслевую кадровую политику, самостоятельно устанавливает соответствующие требования к профессиональной компетенции кандидатов для назначения на должности в ОВД с учетом специфики решаемых задач, особенностей и условий прохождения службы. Например, приказы МВД: от 20 декабря 2013 г. № 554 «О некоторых вопросах назначения на должности в органах внутренних дел Республики Беларусь» (установлен перечень

штатных должностей ОВД и соответствующих им уровней основного образования и специальностей); от 4 марта 2013 г. № 67 «Об утверждении Правил профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь» (определены требования к нравственно-этическим качествам и профессиональному поведению сотрудников); от 19 декабря 2011 г. № 420 «О критериях оценки работы руководящих кадров органов внутренних дел Республики Беларусь» (перечислены требования к деловым и личным качествам руководящих кадров); от 22 марта 2018 г. № 76 «О некоторых вопросах прохождения первоначальной подготовки» (установлены дополнительные требования к кандидатам для приема на службу в ОВД) и др.

В том числе имеется целый ряд нормативных правовых актов МВД, утверждающих положения о подразделениях ОВД, инструкции об организации их деятельности, где определены некоторые профессиональные требования к сотрудникам, проходящим службу в данных подразделениях.

Следует подчеркнуть, что обозначенная проблема рассматривалась О.З. Рыбаключевой. Изучая действующие нормативные правовые акты, автор отмечал, что вопросы квалификационных требований в ОВД урегулированы не в полном объеме, закреплены в различных нормативных правовых актах и не всегда детально регламентированы. Учитывая опыт ОВД Российской Федерации, О.З. Рыбаключева предлагает разработать квалификационные требования, предъявляемые при приеме на службу, а также при переводе или перемещении сотрудника по службе, в виде отдельного нормативного правового акта, что позволит установить единые критерии, предъявляемые к кандидатам [3, с. 15]. Предложение О.З. Рыбаключевой заслуживает внимания, но в то же время, по нашему мнению, необходимо учитывать ряд других аспектов.

Согласно ч. 2 ст. 18 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» при принятии министерствами, иными республиканскими органами государственного управления нормативного правового акта обязательным является указание в преамбуле, на основании и (или) во исполнение какого законодательного акта, постановления Совета Министров Республики Беларусь (их структурных элементов) или в целях реализации какого международного договора либо иного международно-правового акта принимается данный акт.

В таком случае можно говорить об отсутствии на уровне законодательного акта правового основания для разработки квалификационных характеристик должностей ОВД и несогласованности ч. 3 п. 26 и подп. 40.1 п. 40 Положения о прохождении службы. Так, в соответствии с подп. 40.1 п. 40 указанного Положения при назначении на должности рядового и начальствующего состава должно учитываться наличие у сотрудника соответствующего образования и квалификации. Однако ни ч. 3 п. 26, ни другими нормами Положения о прохождении службы принятие МВД нормативного правового акта, содержащего квалификационные требования по конкретным штатным должностям ОВД, не предусмотрено. Согласно указанной норме министром утверждается только перечень штатных должностей в ОВД, соответствующих им уровней основного образования и специальностей.

Такой перечень утвержден приказом МВД от 20 декабря 2013 г. № 554 и позволяет установить соответствие уровня основного образования кандидата и имеющейся у него специальности требованиям конкретной должности, подлежащей замещению. Вместе с тем для установления соответствия его квалификации требованиям предполагаемой к замещению должности необходим детальный анализ множества квалификационных характеристик из общих требований, содержащихся в различных нормативных правовых актах, и анализ положений должностной инструкции. Провести детальный анализ, не обладая научным подходом, знаниями в соответствующей области профессиональной деятельности, достаточно сложно, так как велика вероятность ошибок в принятии кадровых решений.

В связи с изложенным представляется целесообразным ч. 3 п. 26 Положения о прохождении службы изложить в следующей редакции: «Перечень штатных должностей органов внутренних дел и их квалификационных характеристик устанавливается Министром».

Отдельно следует сказать о должностных инструкциях, составляющих самую многочисленную группу документов, в которых сформулированы квалификационные требования. Порядок разработки должностных инструкций определен приказом МВД от 4 ноября 2016 г. № 293 «О должностных инструкциях сотрудников и гражданского персонала органов внутренних дел Республики Беларусь». Из данного нормативного правового акта следует, что квалификацион-

ные требования для конкретных должностей, предусмотренных штатным расписанием ОВД, формулируют сами руководители структурных подразделений с учетом задач и функций, возложенных на ОВД на основании соответствующих положений или уставов, задач и функций. Таким образом, в основе формирования квалификационных требований к должностям ОВД определяющее значение имеет субъективный фактор, влияющий на объективность деловой оценки кадров и эффективность работы ОВД.

С учетом изложенного процесс разработки квалификационных характеристик должностей ОВД требует детального научно-методологического подхода. По нашему мнению, в данном случае можно использовать профессиографический подход, в основе которого заложен метод профессиографического изучения профессиональной деятельности, заключающийся в описании профессии или должности путем составления профессиограмм. Методика составления профиля требований различных профессий с помощью профессиологического подхода широко описывается в научной литературе (Г.В. Щекин [4], А.В. Дейнека [5], Е.В. Куприянчук, Ю.В. Щербакова [6], А.Я. Кибанов, И.Б. Дуракова [7], Е.Ю. Пряжникова [8]).

Профессиограмма представляет собой описание особенностей определенной профессии, должности, различных объективных характеристик профессиональной деятельности, раскрывающее содержание профессионального труда, совокупность требований к профессиональным качествам работников. А.Я. Кибанов и И.Б. Дуракова выделяют два основных вида профессиограмм:

профессиограммы первого вида выполняют функции общей ориентировки в профессии, построены в большей степени на основе психологического изучения профессии;

профессиограммы второго вида описывают производственно-технические, социально-экономические условия трудовой деятельности и психофизиологические требования, предъявляемые профессией к человеку [7, с. 36].

Таким образом, по мнению Л.С. Вечер, разработки в области профессиографии служат теоретической базой для составления перечня требований, предъявляемых человеку профессией [9, с. 126]. Ученый акцентирует внимание на том, что одним из важных направлений в области профессиографии является создание моделей специалистов. Например, применительно к должностям государственной службы данный автор выделяет четыре уровня профессиональной модели к кандидатам на службу. К первому относятся требования, предъявляемые к кандидату всей системой (например, судебной), ко второй – требования, предъявляемые профессией, к третьей – требования, предъявляемые специальностью работника (службой), к четвертой – соответствие кандидата конкретной должности [9, с. 127].

Полагаем, что использование профессиографического подхода при составлении квалификационных характеристик должностей ОВД способствовало бы формализации требований к кандидатам на службу в ОВД, максимально снизив влияние субъективного фактора при принятии кадровых решений. Кроме того, разработанные профессиограммы в дальнейшем могли бы являться основой для разработки должностных инструкций, а также для реализации и других кадровых технологий, в том числе планирования, прогнозирования, профессионального развития и деловой оценки кадров. Перечисленные кадровые технологии по сути являются составными частями современной кадровой технологии, получившей название технологии управления компетенциями, нормативной базой и инструментом которой, как верно отмечают А.Я. Кибанов и И.Б. Дуракова, являются профессиограммы [7, с. 35].

Список использованных источников

1. Леонов, А.П. Научно-методологические основы управления органами внутренних дел : учеб. пособие : в 2 ч. / А.П. Леонов. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2013. – Ч. 2. – 331 с.
2. Мисун, Е.Н. Формирование кадрового потенциала органов внутренних дел: состояние и перспективы / Е.Н. Мисун // Актуальные социологические исследования. – 2016. – № 31. – С. 33–36.
3. Рыбаключева, О.З. О необходимости разработки квалификационных требований, предъявляемых при приеме на службу в органы внутренних дел / О.З. Рыбаключева // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь – 2015. – № 1. – С. 12–15.
4. Щекин, Г.В. Теория и практика управления персоналом : учеб.-метод. пособие / авт.-сост. Г.В. Щекин. – 2-е изд., стереотип. – Киев : МАУП, 2003. – 280 с.
5. Дейнека, А.В. Управление персоналом : учебник / А.В. Дейнека. – М. : Дашков и К, 2010. – 292 с.

6. Куприянчук, Е.В. Управление персоналом: ассесмент, комплектование, адаптация, развитие : учеб. пособие / Е.В. Куприянчук, Ю.В. Щербакова. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2013. – 255 с.
7. Кибанов, А.Я. Управление персоналом организации: стратегия, маркетинг, интернационализация : учеб. пособие / А.Я. Кибанов, И.Б. Дуракова. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 301 с.
8. Пряжникова, Е.Ю. Психология труда : учебник для бакалавров / Е.Ю. Пряжникова. – М. : Юрайт, 2016. – 520 с.
9. Вечер, Л.С. Государственная кадровая политика и государственная служба : учеб. пособие / Л.С. Вечер. – Минск : Выш. шк., 2013. – 351 с.

Дата поступления в редакцию: 21.03.19

I.V. Kozeletsky, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Internal Affairs Management of the Faculty of Advanced Training and Retraining of Managers of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; G.G. Rykhlitskiy, Master of Laws, Senior Lecturer of the Department of Internal Affairs Management of the Faculty of Advanced Training and Retraining of Managers of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ON PERFECTION OF THE TECHNOLOGY OF INTERNAL AFFAIRS PERSONNEL FORMATION

The problems associated with the development of qualification characteristics of internal affairs offices are considered. The elements of administrative and legal status of internal affairs agencies, as well as the regulatory legal acts establishing the qualification requirements to internal affairs officers, are analyzed.

The measures are suggested for normative regulation of this problem, as well as for the use of the professional-graphic approach as the basis for development of qualifications characteristics of internal affairs offices.

Keywords: state personnel policy, personnel technologies, qualification characteristics of internal affairs offices, professional graphic approach, profессиogram.

УДК 342.91

О.В. Коховец, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: oleg.kohovec@mail.ru)

ПОНЯТИЕ ЖАЛОБЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Предпринята попытка научного обоснования понятия жалобы в государственном управлении. Проведен анализ основных подходов, раскрывающих характер исследуемого понятия. Предлагается определение жалобы, наиболее соответствующее современным реалиям.

Ключевые слова: жалоба, государственное управление, обращение, заявление, требование, субъект, должностное лицо, просьба.

Одним из основных признаков правового демократического государства является право человека и гражданина на получение защиты и незамедлительного восстановления нарушенных прав, свобод или законных интересов. Одним из способов защиты прав, средством, позволяющим принимать участие в управлении делами государства, а также контроля над публичным управлением, осуществляемым органами исполнительной власти, является обжалование.

Семантика отглагольного существительного «обжалование» восходит к слову «жалоба». В юридической литературе единого подхода к определению указанного термина не существует. Так, в различных научных трудах и нормативных правовых актах жалоба трактуется как требование (Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращении граждан и юридических лиц», Л.Л. Попов [1]), обращение (Л.В. Иванова [2], М.Д. Загряцков [3], Д.Н. Бахрах [4] и др.), одна из форм информационного права (Г.Х. Тоноян [5]), правовое средство (А.В. Косолапов [6]), просьба (Федеральный Закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Словарь русского языка С.И. Ожегова [7], Большая юридическая энциклопедия [8] и др.).

Таким образом, разнообразие подходов к определению понятия «жалоба», кардинально отличных друг от друга, создает проблемное поле в рамках исследования института обжалования, которое может быть разрешено при выработке единого подхода в определении указанного тер-

мина. В этой связи с целью определения наиболее соответствующего современным реалиям понимания понятия «жалоба» логично рассмотреть каждый из них в отдельности.

Определяя жалобу как «требование», Л.Л. Попов говорит о «документе, содержащем требование устранить допущенное нарушение субъективных прав и свобод граждан в результате принятия решения или совершения действий (бездействия) государственными органами, органами местного самоуправления, должностными лицами, государственными служащими, общественными объединениями» [1, с. 354]. В Законе «Об обращениях граждан и юридических лиц» понятие «жалоба» трактуется как требование о восстановлении прав, свобод и (или) законных интересов заявителя, нарушенных действиями (бездействием) организаций, граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей (ст. 1). Здесь семантика понятия «требование» обращает внимание на глагол, который С.И. Ожегов определяет как «просить в категорической форме, будучи убежденным в своем праве на то, чтобы эта просьба была выполнена» [7, с. 659]. На этом основании можно подвергнуть сомнению гарантированное удовлетворение поданной жалобы, а также усомниться в нарушении прав, свобод или законных интересов органами государственного управления и их должностными лицами. Изначально факт нарушения прав, свобод или законных интересов подлежит установлению должностным лицом, уполномоченным рассматривать данный вид обращений граждан, затем можно говорить об их восстановлении и привлечении к ответственности виновных лиц. Также следует отметить, что жалоба сама по себе не содержит никаких требований и представляет собой обращение субъекта к вышестоящей организации с просьбой дать оценку действиям и решениям органа государственного управления на предмет их правомерности и соответствия установленной для него компетенции.

Таким образом, императивный характер слова «требование» не позволяет ему быть ключевым в определении понятия «жалоба», так как факт нарушения прав, свобод или законных интересов подлежит доказыванию, что противоречит семантике глагола «требовать». Так, требование содержит в себе информацию, обязательную для исполнения, больше относящуюся к компетенции контрольно-надзорных органов (например, требование прокурора о принятии соответствующих мер по факту нарушения законодательства той или иной организацией).

Рассматривая жалобу как «обращение», Л.В. Иванова определяет ее как «обращение гражданина (группы граждан), индивидуального предпринимателя, юридического лица (их объединения) к вышестоящему должностному лицу федерального органа исполнительной власти, органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или местного самоуправления в порядке ведомственной подчиненности, к должностному лицу государственного контрольно-надзорного органа с требованием устранения нарушения прав, свобод и законных интересов» [2, л. 39]. М.Д. Загряцков характеризует жалобу как «открытое обращение заинтересованного лица к иерархически высшим органам административной власти в целях изменения или уничтожения неправильного административного распоряжения или упущения по мотивам его недостаточной фактической или юридической обоснованности» [3, с. 82]. Д.Н. Бахрах представляет жалобу как «обращение одного или нескольких граждан, юридических лиц и иных организаций, государственных и негосударственных органов к компетентному субъекту по поводу действительного или мнимого нарушения их прав, свобод или законных интересов, вызванного фактически или (и) юридически необоснованными действиями (бездействием) или решением государственных или негосударственных органов, организаций, должностных лиц, других граждан с требованием восстановления нарушенных прав или пресечения их нарушения» [4, с. 121]. По мнению П.И. Кононова, жалоба есть «обращение физического или юридического лица (группы лиц), в котором ставится вопрос о защите и восстановлении непосредственно принадлежащих этому лицу субъективных прав и свобод, которые были нарушены или могут быть нарушены действиями (бездействием) или решением административного органа или должностного лица» [9, с. 217]. Сходной точки зрения придерживается Н.Ю. Хаманева, рассматривая жалобу как «обращение гражданина по поводу нарушенного действиями (бездействием), решениями юридических или физических лиц (должностными лицами, государственными и муниципальными служащими) права или законного интереса» [10, с. 11]. Российская юридическая энциклопедия понимает «жалобу» как «обращение гражданина в государственные или

иные публичные органы, их должностным лицам, в судебные органы по поводу нарушения его прав и законных интересов» [11, с. 317].

Таким образом, анализируя представленные точки зрения о «жалобе», можно заключить, что в целом они передают суть данного термина, но вместе с тем видятся не совсем корректными и полными. У того же С.И. Ожегова «обращению» предлагается значение «призыв, речь или просьба, обращенное к кому-нибудь» [7, с. 350]. Развивая понимание содержания указанной дефиниции, можно в данном случае говорить отчасти о его собирательном характере, так как в нем могут содержаться и заявления граждан, и предложения, и жалобы по факту возможного нарушения их прав, свобод или законных интересов. Однако следует отметить, что указанные виды обращений по своему содержанию и значению все-таки отличны друг от друга. Заявления в основном подаются в случае совершения в отношении лица каких-либо противоправных действий с целью привлечения нарушителя к установленной законодательством ответственности. Предложения по сути имеют рекомендательный характер и содержат информацию, направленную на улучшение деятельности той или иной организации и т. п. Жалобы подаются только в случае реальных или предполагаемых нарушений прав, свобод или законных интересов физических или юридических лиц, а их рассмотрение преследует цель защиты и восстановления этих прав. Еще одним значимым недостатком указанных определений исследуемого понятия следует назвать отсутствие в них указания на возможность обращения в органы исполнительной власти с соответствующей жалобой законных представителей граждан, которые по объективным причинам сами не могут реализовать принадлежащее им право на обращение в органы государственного управления.

Следовательно, вышеназванный подход, как видится, также не позволяет гарантированно определить понятие «жалоба», так как «обращение» является собирательным термином, совмещающим отличные друг от друга виды обращений.

Другой подход к определению понятия «жалоба» предлагает Г.Х. Тоноян. Автор в данном случае говорит о «сведениях (сообщения, данные) о решениях, действиях либо бездействии государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, которыми предположительно нарушены права и свободы гражданина, созданы препятствия к их осуществлению, незаконно возложены на гражданина обязанности или имело место незаконное привлечение их к ответственности, а также основанные на указанных сведениях требования о восстановлении нарушенных прав и свобод» [5, л. 38–39]. Сформулировано указанное понятие здесь с опорой на категорию информационного права, так как последнее содержит определенный объем информации. Г.Х. Тоноян также считает, что «информационно-правовой взгляд на понятие «жалоба» позволяет востребовать жалобу как объект правового регулирования еще до придания ей процессуально-регламентированного движения» [5, л. 39]. В своем исследовании ученый обозначает также проблему оценки юридических признаков еще не поданной жалобы, составленной физическим или юридическим лицом. По мнению исследователя, «информационно-правовой взгляд на содержание жалобы позволяет преодолеть обозначенную проблему, поскольку жалоба становится в этих случаях категорией информационного права, соответственно и объектом информационно-правового регулирования» [5, л. 39]. Практический эффект от названного подхода к определению понятия «жалоба», по мнению самого автора, заключается в том, что «информационное право оперирует с любыми носителями информации. Информация такой признается независимо от формы ее представления. Она может быть документированной и бездокументарной. Данный подход способствует признанию как письменных, так и устных жалоб» [5, л. 39–40].

Предложенный Г.Х. Тонояном новый подход к определению понятия «жалоба» достаточно объемный, но в нем видится ряд недостатков. Во-первых, жалоба основывается только на сведениях, а не на конкретных данных физического или юридического лица, о возможном нарушении органами государственного управления и их должностными лицами их прав, свобод или законных интересов. Такой точки зрения придерживается А.В. Косолапов, считающий, что «в жалобе обязательно должно содержаться конкретное требование к лицу, которому она адресована» [6, л. 46]. В данном примере «сведения» С.И. Ожегов трактует как «знание, представление о чем-нибудь» [7, с. 571]. На наш взгляд, имеющееся в предложенном определении понятия «жалоба»

требование не может основываться только на сведениях, которые ничем не подкреплены. В данном случае жалоба выступает как заявление или предложение, что само по себе не соответствует ее назначению. Во-вторых, информационный подход к определению понятия «жалоба», способствующий признанию института устной жалобы, на наш взгляд, лишь порождает негативный практический эффект, выражающийся в увеличении количества лиц, обращающихся в органы государственного управления с необоснованными жалобами, и невозможностью со стороны должностных лиц привлечь их к установленной законодательством ответственности за заведомо ложные сведения. При этом вышеизложенное подкрепляется и тем фактом, что к жалобе должны предъявляться определенные требования (например, подпись лица, обратившегося с ней, обязательное указание его установочных данных и др.).

Итак, подход в определении понятия «жалоба», предложенный Г.Х. Тонояном, также видится некорректным, так как основывается только на информационных началах, которые, в свою очередь, могут сопрягаться с кардинально отличными от жалобы видами обращений: заявлением и предложением.

Принципиально новый подход к определению понятия «жалоба» предлагает А.В. Косолапов. С точки зрения исследователя, жалоба может быть определена как «комплексное правовое средство, выражающееся в адресованном компетентному субъекту обращении с информацией о действиях третьего лица, нарушающих права и интересы заявителя, с требованием устранить эти нарушения и (или) их негативные последствия» [6, л. 49]. При этом о правовых средствах С.С. Алексеев говорит, определяя их как «объективированные субстанционные правовые явления, обладающие фиксированными свойствами, которые позволяют реализовать потенциал права, его силу» [12, с. 14]. А.В. Косолапов, в свою очередь, утверждает, что «жалоба является примером правового средства, которое не носит властного характера и применяется не в процессе нормативного или индивидуального правового регулирования, а используется в процессе реализации субъективных прав гражданами и юридическими лицами» [6, л. 49].

Однако новый подход к определению понятия «жалоба» также видится неточным. В нем делается упор на определенную, ничем не подкрепленную информацию, направленную на требование. Данное утверждение видится некорректным, так как информация может быть необоснованной. Кроме того, в предложенном определении указана возможность устранения негативных последствий, вызванных возможным нарушением прав, свобод или законных интересов граждан, что также является спорным, так как указанные последствия могут носить как материальный, так и морально-психологический характер. Морально-психологические негативные последствия могут иметь необратимый характер, поэтому говорить об их устранении неконструктивно. Учитывая довольно низкий уровень правовой культуры населения, предложенное определение рассчитано не на широкий круг лиц, так как является непонятным и не разъясняет в полной мере гражданам порядок обращения в органы государственного управления с соответствующей жалобой.

Последний подход в определении понятия «жалоба» также нельзя назвать ключевым, так как он опирается на ничем не подкрепленную информацию и основанное на ней требование, что является противоречивым. В предложенном подходе также отсутствует ясность, что создает сложность для восприятия и может повлечь многочисленные трактовки анализируемого термина.

Наиболее приемлемым в рамках проводимого исследования вопроса видится подход, где жалоба характеризуется как просьба. Здесь следует подчеркнуть, что многочисленные юридические источники, предлагающие свое определение исследуемого понятия, характеризовали жалобу непосредственно как просьбу гражданина к вышестоящим органам государственного управления. Так, у И.В. Даля жалоба есть «просьба на обиду, словесная и письменная» [13, с. 525]. Сходное определение приводится С.И. Ожеговым – «официальное заявление с просьбой об устранении какой-нибудь несправедливости, неправильности» [7, с. 154]. В Большой юридической энциклопедии термин «жалоба» характеризуется как «просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц» [8, с. 240]. В ходе исследования законодательства Российской Федерации, регламентирующего порядок обращения граждан, установлено, что в ст. 4 Федерального Закона от 2 мая

2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» жалоба также характеризуется как просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц.

Следует отметить, что в ходе анализа представленных подходов в определении понятия «жалоба», характеризующих ее как «обращение» и «требование», установлена их взаимосвязь с рассматриваемым подходом наличием в том или ином ракурсе понятия «просьба» (обращение – просьба, обращенная к кому-нибудь, требование – просить в категорической форме).

В итоге можно заключить, что понятие «жалоба» в значении «просьба», в сравнении со значениями «обращение» и «требование», является наиболее приемлемым, так как как в отличие от «обращения» понятие «просьба» не имеет собирательного значения, что исключает его разночтение, и в отличие от «требования» – допускает возможность, а не факт нарушения прав, свобод или законных интересов.

Таким образом, проведенный анализ позволяет предложить следующее определение понятия: жалоба – это просьба физического лица (группы лиц), юридического лица (их объединений) или их представителей дать правовую оценку действиям (бездействию) органов государственного управления и их должностных лиц, нарушивших, по мнению заявителя, его права, свободы и (или) законные интересы, которая направлена в вышестоящие по отношению к субъекту, чьи действия обжалуются, органы государственного управления.

Список использованных источников

1. Попов, Л.Л. Административное право Российской Федерации : учебник / под ред. Л.Л. Попова. – М. : Высш. образование, 2007. – 467 с.
2. Иванова, Л.В. Административное обжалование нарушений прав и свобод граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Л.В. Иванова. – Омск, 2005. – 217 л.
3. Загряцков, М.Д. Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве / М.Д. Загряцков. – М. : Право и жизнь, 1925. – 244 с.
4. Бахрах, Д.Н., Понятие «административная жалоба» / Д.Н. Бахрах, А.В. Семенов // Административное право на рубеже веков : межвуз. сб. научн. тр. – Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2003. – 347 с.
5. Тоноян, Г.Х. Институт обжалования в административном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Г.Х. Тоноян. – М., 2008. – 205 л.
6. Косолапов, А.В. Жалоба как правовое средство (общетеоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.В. Косолапов. – Волгоград, 2016. – 163 л.
7. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1987. – 750 с.
8. Большая юридическая энциклопедия / под ред. А.Б. Барихина. – М. : Книжный мир, 2010. – 960 с.
9. Кононов, П.И. Проблемы административного права и процесса : монография / П.И. Кононов. – Киров : Аверс, 2013. – 391 с.
10. Хаманева, Н.Ю. Защита прав граждан в сфере исполнительной власти / Н.Ю. Хаманева. – М. : изд-во ИГиП РАН, 1997. – 216 с.
11. Российская юридическая энциклопедия / Т.Е. Абова [и др.]; гл. ред. А.Я. Сухарев. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 1110 с.
12. Алексеев, С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятия, классификация / С.С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12–19.
13. Даль, И.В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989–1991. – Т. 1. – 699 с.

Дата поступления в редакцию: 14.02.19

O.V. Kokhovets, postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CONCEPT OF COMPLAINT IN PUBLIC ADMINISTRATION

An attempt was made to provide a scientific basis for the notion of a complaint in public administration. The analysis of the main approaches, revealing the nature of the studying concept was made. The most appropriate definition of the complaint is proposed.

Keywords: complaint, public administration, appeal, statement, requirement, subject, official, request.

УДК 351.74:65

А.С. Кривонощенко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: Alexandr7618904@yandex.ru)

ФУНКЦИЯ МОТИВАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Рассматриваются проблемы реализации функции мотивации в процессе управления органами внутренних дел. Анализируется уровень трудовой мотивации различных категорий сотрудников ОВД. Обосновывается необходимость актуализации данной функции в современной парадигме управления органами внутренних дел на основе формирования комплекса целей, задач и мер по ее осуществлению.

Ключевые слова: управление органами внутренних дел, ОВД (органы внутренних дел), функции управления, мотивация.

В современной науке управления существует множество точек зрения относительно видов функций управления, при этом в большинстве говорится о функции мотивации как одном из основополагающих компонентов управленческого процесса. Классически к базовым функциям управления относится планирование, организация, мотивация и контроль. При этом же подходе данные функции представляют собой взаимосвязанные стадии управленческого цикла, где каждая является самостоятельным этапом процесса управления.

В самом упрощенном виде указанный цикл имеет следующую формулу: чтобы получить желаемый результат, сначала необходимо определить критерии, которым он должен соответствовать, и спланировать порядок его достижения; организовать выполнение плана; обеспечить высокую мотивацию исполнителей на совершение максимально эффективных действий; осуществить контроль за данным процессом и его результатами. При этом достичь необходимого качества полученного результата, которое планировалось как желаемое, позволяет именно этап мотивации.

Таким образом, в теории управления непреложным является тезис о том, что мотивация работника – одно из определяющих условий получения максимального результата деятельности. Итак, работник со сформированным под влиянием различных факторов мотивом, обладающий устойчивым желанием действовать, с целью решения трудовых задач в полном объеме способен действительно реализовать поставленную цель.

Еще в середине XX в. Дуайтом Эйзенхауэром было сформулировано ставшее впоследствии знаменитым понятие мотивации – «искусство заставлять людей делать то, что вы хотите, так, как будто они сами хотят это сделать». Соответственно, в аспекте эффективности управленческого процесса именно мотивация персонала позволяет получить максимальный результат с наименьшими затратами, так как работник с высокой трудовой мотивацией сам стремится реализовать цели организации, считая их личными. Высокая мотивация коллектива может также выступать основанием и для оптимизации его численности: в коллективе высоко мотивированных работников проявляется синергетический эффект, когда общий трудовой результат превышает совокупность отдельно взятых личных, иными словами, восемь сотрудников с высокой мотивацией способны решать служебные задачи более эффективно, чем десять сотрудников с низкой.

В связи с этим эффективность управления любой современной организацией, в том числе и системой ОВД, детерминируется уровнем целеполагания в реализации всех вышеперечисленных функций, включая и функцию мотивации, т. е. их приоритетностью в осуществлении комплексного управленческого воздействия на систему.

Однако анализ исследуемой проблематики позволяет констатировать, что на данный момент среди четырех базовых функций в организационно-правовом механизме управления ОВД именно функция мотивации не находит должной правовой регламентации и практической реализации. В настоящее время принято множество нормативных актов, детально регламентирующих порядок планирования, организации и контроля оперативно-служебной деятельности ОВД,

тогда как мотивация как функция управления, а значит и направление деятельности каждого руководителя, остается вне рамок правового поля.

Необходимо отметить, что специфика деятельности ОВД, связанная с возможным риском для жизни, повышенной стрессоустойчивостью, объективной необходимостью переносить повышенные физические и психологические нагрузки, предполагает, что на службу должны приниматься люди с уже сформировавшимися мотивами, в основе которых – идеалы служения народу и закону, патриотизм, стремление к установлению общественной справедливости и правопорядка и т. д. Вместе с тем это не исключает того, что с момента поступления такого кандидата на службу с ним больше не надо проводить работы по поддержанию его мотивации. Наоборот, такие мотивы необходимо культивировать, развивать и даже поощрять, иначе вполне вероятно, что изначальный уровень мотивации со временем может снизиться до критического состояния, характеризующегося отсутствием стремления сотрудника к достижению максимальной эффективности трудовой деятельности.

Так, можно утверждать, что мотивация каждого отдельно взятого сотрудника является не только следствием его личностных качеств и психологической готовности проходить службу, но и результатом целенаправленной управленческой деятельности, осуществляемой в рамках сформированной на нормативной правовой основе системы мотивации сотрудников органов внутренних дел. По мнению Ю.Л. Сивакова, «человек, осуществляющий свою жизнедеятельность в рамках государственной концепции побуждения людей к деловой активности, через научно выстроенную систему мотивации, поставленный в условия, стимулирующие его интеллектуальный или физический труд, способен увеличить свой потенциал во много раз, тем самым инвестируя совокупный национальный человеческий потенциал» [1, с. 94].

Представляется, что решению данной проблемы будет способствовать закрепление мотивации в качестве одной из детерминант и направлений повышения кадрового потенциала ОВД в документах, носящих плановый, стратегический характер. На наш взгляд, таким актом является Программа кадрового обеспечения органов внутренних дел Республики Беларусь (далее – Программа), принимаемая на 5 лет и в настоящий момент действующая на период 2016–2020 гг. Именно данная Программа определяет цель, задачи и направления деятельности МВД по совершенствованию работы с кадрами. Так, целью данной Программы является формирование высокопрофессионального, стабильного, оптимально сбалансированного кадрового корпуса, наиболее полно отвечающего современным и прогнозируемым социально-политическим, экономическим, криминогенным и другим условиям, способного эффективно решать поставленные перед ОВД задачи. Однако следует обратить внимание, что среди основных задач, поставленных в качестве условий достижения указанной цели, повышение или поддержание соответствующего уровня мотивации сотрудников не рассматривается.

Необходимо отметить, что в перечне организационно-практических мероприятий, предусмотренных Программой и направленных на совершенствование кадровой работы, можно выделить некоторые, имеющие в своем содержании мотивационную направленность. Например, обеспечение максимально благоприятных условий для реализации интеллектуального и профессионального потенциала выпускников учреждений образования МВД (п. 4.3), создание действенного механизма служебного продвижения сотрудников, их карьерного роста на основе оценки результатов их служебной деятельности, а также личных, моральных и деловых качеств (п. 6.3), формирование эффективной системы воспитательной работы, в том числе с молодыми сотрудниками, посредством создания благоприятных условий службы, повышения ведомственной культуры (п. 7.2).

Кроме перечисленного в ОВД также реализуется ряд иных мер, стимулирующих сотрудников и способствующих формированию у их мотивации: система премирования, денежное вознаграждение при заключении контракта, институт наставничества, резерв руководящих кадров и т. д. Но это лишь немногие элементы целого спектра направлений, требующих осуществления комплексной деятельности по формированию мотивации сотрудников ОВД на основе систематического анализа потребностей и факторов, определяющих ее уровень.

Как отмечается исследователями, лучшие западные компании регулярно (не реже раза в год) проводят опрос своих сотрудников по ключевым вопросам, связанным с их трудом. Изучение удовлетворенности персонала своей работой призвано найти возможности укрепления их мотивации и повышения их готовности к сотрудничеству с администрацией. Определение сте-

пени удовлетворенности персонала своим трудом и местом работы является важнейшим индикатором состояния трудовой мотивации персонала [2, с. 533–534].

Полагаем, что подобный анализ в ОВД должен систематически и целенаправленно осуществляться службой психологического обеспечения. Вместе с тем среди мероприятий, отнесенных Программой кадрового обеспечения к компетенции данной службы (п. 15), функции мониторинга уровня мотивации и мотивационных потребностей сотрудников ОВД не предусмотрено.

В связи с этим представляется, что именно Программа кадрового обеспечения должна стать плановым целеполагающим документом, закрепляющим мотивацию сотрудников в качестве одной из задач кадрового обеспечения ОВД и регламентирующим основы реализации данной функции, а служба психологического обеспечения – основным подразделением, осуществляющим анализ уровня мотивации сотрудников ОВД и разработку предложений по его повышению.

Для достижения цели данного исследования автором был произведен социологический опрос сотрудников ОВД (145 респондентов), в числе которых были как руководители, занимающие должности начальников служб и подразделений, заместителей начальников и начальников РУ-ГО-РОВД, так и лица рядового и младшего начальствующего состава.

На вопрос «Считаете ли Вы, что уровень мотивации является определяющим фактором в стремлении сотрудника ОВД достичь максимальной эффективности своей служебной деятельности?» 97 % респондентов ответили «да». Также 100 % опрошенных сотрудников ОВД указали, что мотивацию сотрудника необходимо целенаправленно формировать и поддерживать в течение всей службы вне зависимости от уровня его изначальной (при поступлении на службу) мотивации.

Однако на вопрос «Считаете ли Вы, что в ОВД сформирована система мотивации сотрудников на длительное и эффективное прохождение службы?» 73 % сотрудников ответили «нет». Представляется, что полученный результат свидетельствует о серьезной проблеме, имеющей место в настоящее время в сфере мотивации сотрудников ОВД. Данная проблема может быть связана с феноменом наличия внутренней психологической установки работников на непродолжительную трудовую деятельность в конкретной организации. Такие работники трудятся с намерением достичь определенного этапа (окончания срока контракта, достижения определенного возраста или срока трудового стажа), после чего уволиться. При наличии такой установки работник не стремится достичь максимальных трудовых результатов. Его, как правило, будет устраивать выполнение лишь минимальных требований в том объеме, который обеспечит отсутствие к нему претензий со стороны руководства. Если же описываемый феномен приобретает массовый характер, то под угрозой оказывается эффективность деятельности организации в целом. Такую ситуацию Райнхард К. Шпренгер описывает в «Мифах мотивации: выходы из тупика», называет «болезнью внутреннего увольнения» и говорит о том, что если организация поражена этой болезнью, то ее надо «лечить». Автор отмечает, что внутренне уволившиеся работники не связаны ничем, кроме внешнего времени своей жизни. Это означает, что они не озабочены проблемами своей организации и не прилагают особых усилий для повышения эффективности ее деятельности. Как указывает Р.К. Шпренгер, «тот, кто сидит за письменным столом и мечтает о Гавайях, находится и не за письменным столом, и не на Гавайях» [3, с. 31].

Респондентам также было предложено указать факторы, являющиеся для них наиболее демотивирующими к эффективной служебной деятельности в органах внутренних дел. В результате 68 % опрошиваемых в качестве основного демотиватора указали отсутствие уверенности в стабильности и длительности трудовых отношений; к наиболее деструктивным факторам в сфере мотивации сотрудники ОВД отнесли необходимость выполнения служебных обязанностей сверх установленного рабочего времени (63 %), неуважительное отношение руководителей к сотрудникам (59 %) и недостаточный уровень оплаты труда (58 %).

Следует отметить, что относительно системы управления ОВД вышеуказанные, а также иные демотивирующие факторы в определенной степени могут быть разделены на внешние (обусловленные общесоциальными причинами) и внутренние (зависящие от реализации управленческой политики внутри системы ОВД).

К первым следует отнести уровень оплаты труда, обеспеченность сотрудников социальными льготами, стрессовый характер выполнения задач и т. д. Данные факторы определяются либо экономическим развитием государства, либо следуют из специфики профессиональной деятельно-

сти ОВД, либо обуславливаются иными объективными причинами, в связи с чем с трудом могут рассматриваться в качестве направлений управленческого воздействия в рамках системы ОВД.

Ко второй группе демотиваторов относятся: недостаточная управленческая грамотность или низкая культура руководителей, неблагоприятный морально-психологический климат в коллективах, отсутствие уверенности в стабильности трудовых отношений, несправедливость распределения вознаграждений и др. Обусловлены данные факторы внутренним характером и зависят либо от несовершенства системы управления в ОВД, либо от недостаточного уровня профессионализма конкретных руководителей, т. е. должны подвергаться анализу и нивелированию в рамках самой системы. Следовательно, именно внутренние по отношению к системе ОВД факторы должны выступать в качестве основных направлений реализации функции мотивации в управлении ОВД.

При этом следует учитывать, что деятельность по мотивации работников должна строиться по двум уровням: долгосрочному и краткосрочному мотивированию. Так, А.А. Когдин считает, что долгосрочная мотивация у работника приводит его к тому или иному работодателю, способствует достижению определенных профессиональных и служебных целей. Краткосрочная мотивация, в свою очередь, определяет качество выполнения конкретной трудовой деятельности [4, с. 81].

Таким образом, к внутренним в отношении системы ОВД направлениям по совершенствованию долгосрочной мотивации сотрудников целесообразно отнести: создание гарантий, обеспечивающих стабильное и длительное прохождение службы сотрудником, добросовестно исполняющим служебные обязанности в течение срока контракта; прогрессивную систему надбавок за выслугу лет; управление деловой карьерой сотрудников с учетом их личностных, деловых и профессиональных качеств и т. д. Среди краткосрочных мотиваторов можно выделить следующие: формирование благоприятного морально-психологического климата в коллективах; обеспеченность рабочего места сотрудников необходимыми ресурсами; искоренение некорректного и неуважительного отношения руководителей к подчиненным и др.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать назревшую в настоящий момент необходимость актуализации функции мотивации в современной парадигме управления ОВД. Данная актуализация должна быть реализована путем создания соответствующего организационно-правового механизма. Такой механизм включает формирование комплекса целей, задач и мер по реализации данной функции в управлении ОВД и направлен на обеспечение мотивации сотрудников к максимально эффективной трудовой деятельности в течение длительного периода службы. Стратегическим документом, определяющим цели, задачи и меры по реализации функции мотивации должна выступить Программа кадрового обеспечения ОВД Республики Беларусь, в том числе закрепляющая в качестве одной из задач службы психологического обеспечения систематический анализ мотивационных потребностей сотрудников и разработку предложений по реализации мер, направленных на повышение уровня их мотивации в долгосрочной и краткосрочной перспективе.

Список использованных источников

1. Формирование условий благоприятствующих развитию малого и среднего бизнеса в Республике Беларусь / В.Л. Цыбовский [и др.] ; науч. ред. Ю.Л. Сиваков. – Минск : Ковчег, 2018 – 242 с.
2. Блинова, М.Г. Роль менеджера по работе с персоналом в разработке комплексного подхода к управлению мотивацией сотрудников организации / М.Г. Блинова // Современный подход: социальность, культуры, жизнь людей : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф.; ред. кол. Л.А. Закс [и др.]. – М. : Гуманит. ун-т, 2014. – С. 531–536.
3. Шпренгер, Райнхард. Мифы мотивации: выходы из тупика / Райнхард Шпренгер ; пер. с нем. – Калуга : Духовное познание, 2004. – 296 с.
4. Когдин, А.А. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности в управлении персоналом / А.А. Когдин // Основы экономики, упр. и права. – 2012. – № 4. – С. 80–83.

Дата поступления в редакцию: 13.12.18

A.S. Kryvonoshchenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management of the Internal Affairs of the Faculty of Training and Retraining of Managerial Personnel of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

MOTIVATION FUNCTIONS IN THE MANAGEMENT OF INTERNAL AFFAIRS: THE PROBLEMS OF REALIZATION

The problems of the implementation of the motivation function in the management of internal affairs bodies are considered. The level of labor motivation of various categories of internal affairs officers is analyzed. The necessity of updating this function in the modern paradigm of the management of internal affairs bodies based on the formation of a set of goals, objectives and measures for its implementation is substantiated.

Keywords: internal affairs management, internal affairs, management functions, motivation.

УДК 342.9

В.Н. Крюков, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: kryukovvn@mail.ru)

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ ПРОВЕДЕНИЯ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Рассматриваются признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 23.34 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях «Нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий», особенности привлечения к административной ответственности. Акцентируется внимание на новом административном взыскании, применяемом за совершение данного административного правонарушения, – административном запрете на посещение физкультурно-спортивных сооружений. Предлагается внести изменения в Закон «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь».

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, административный процесс, массовое мероприятие, административный запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений.

Охрана общественного порядка согласно Закону об ОВД – одна из их задач, вопрос о решении которой особо остро актуализируется при проведении массовых мероприятий. Большое скопление людей требует от ОВД максимальной концентрации сил и средств для обеспечения безопасности в целом. Тема административной ответственности за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий имеет особую значимость и является предметом исследования многих ученых. В Республике Беларусь она освещается в публикациях В.В. Бачилы [1], Г.А. Василевича [2], С.Г. Василевича [2], С.В. Добрияна [3], В.С. Климчени [4], В.В. Коляго [1], А.Н. Крамника [5], В.А. Круглова [6], Л.М. Рябцева [7].

Порядок подготовки, организации, проведения и прекращения массовых мероприятий регламентируется Законом Республики Беларусь «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь» от 30 декабря 1997 г. № 114-З (далее – Закон о массовых мероприятиях), где указываются также обязанности организаторов и участников мероприятий, перечисляются меры по обеспечению общественного порядка при проведении массового мероприятия. Так, согласно указанному Закону к ним относятся: собрания, митинги, уличные шествия, демонстрации, пикетирование и иные массовые мероприятия; спортивные, культурно-зрелищные, иные зрелищные, религиозные мероприятия, проводимые в специально не предназначенных для этих целей местах под открытым небом либо в помещениях.

Административная ответственность за нарушение организации или проведения массовых мероприятий предусмотрена ст. 23.34 КоАП, согласно ч. 1 которой к административной ответственности привлекается участник массового мероприятия, не являющийся его организатором, за совершение следующих альтернативных действий: нарушение установленного порядка проведения собрания, митинга, уличного шествия, демонстрации, пикетирования, иного массового мероприятия; публичные призывы к организации или проведению собрания, митинга, уличного шествия, демонстрации, пикетирования, иного массового мероприятия с нарушением установленного порядка их организации или проведения.

Согласно Закону о массовых мероприятиях организаторам и участникам массовых мероприятий запрещается:

нарушать место или время проведения массового мероприятия;

препятствовать движению транспортных средств и пешеходов;
создавать помехи для бесперебойного функционирования организаций;
устанавливать палатки и иные временные сооружения;
воздействовать в какой бы то ни было форме на сотрудников ОВД с целью воспрепятствования выполнению ими служебных обязанностей, а также на представителей общественности, выполняющих обязанности по охране общественного порядка;

иметь при себе холодное, огнестрельное, газовое или иное оружие, взрывчатые вещества и боеприпасы, предметы, поражающее действие которых основано на использовании горючих веществ, их имитаторы и муляжи, а также специально изготовленные или приспособленные предметы, использование которых может представлять угрозу жизни и здоровью людей либо причинить материальный ущерб гражданам и организациям;

осуществлять пропаганду войны или экстремистской деятельности, в том числе с использованием плакатов, транспарантов или иных средств;

создавать угрозу общественной безопасности, жизни и здоровью участников указанных мероприятий или других лиц, либо скрывать свои лица, в том числе с использованием масок, иных предметов и (или) средств для затруднения установления личности;

пользоваться флагами, вымпелами, не зарегистрированными в установленном порядке, а также эмблемами, символами, плакатами и транспарантами, содержание которых направлено на причинение ущерба общественному порядку, правам и законным интересам граждан;

совершать любые действия, нарушающие установленный порядок организации и проведения массового мероприятия, а также подстрекательство к таким действиям любыми методами;

участвовать в массовом мероприятии в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ;

участвовать в несанкционированном проведении массового мероприятия (если не было подано заявление или принято решение о запрете проведения массового мероприятия);

осуществлять реализацию алкогольных напитков и пива в местах проведения указанных мероприятий и в радиусе 500 метров прилегающих к ним территорий.

Административная ответственность организатора массовых мероприятий наступает по ч. 2 ст. 23.34 КоАП за совершение следующих альтернативных действий: нарушение установленного порядка организации или проведения собрания, митинга, уличного шествия, демонстрации, пикетирования, иного массового мероприятия; публичные призывы к организации или проведению собрания, митинга, уличного шествия, демонстрации, пикетирования, иного массового мероприятия с нарушением установленного порядка их организации или проведения.

Согласно Закону о массовых мероприятиях организатор массового мероприятия или лицо, ответственное за организацию и проведение массового мероприятия, обязан:

постоянно присутствовать на проводимом массовом мероприятии;

обеспечивать соблюдение условий и порядка проведения массового мероприятия, безопасность граждан, сохранность зданий, сооружений, транспортных средств и другого имущества, а также зеленых насаждений;

выполнять все законные требования сотрудников органов внутренних дел и представителей общественности, выполняющих обязанности по охране общественного порядка, и содействовать им в обеспечении общественного порядка;

при обнаружении во время проведения массового мероприятия осуществления участниками массового мероприятия экстремистской деятельности по требованию уполномоченных должностных лиц государственного органа, осуществляющего противодействие экстремизму, незамедлительно принять меры по пресечению экстремизма;

в случае прекращения проводимого массового мероприятия решение об этом довести до сведения его участников;

иметь отличительный знак организатора проводимого массового мероприятия (нарукавная повязка, бейдж и т. п.);

являться по приглашению руководителя (его заместителя) соответствующего местного исполнительного и распорядительного органа или органа внутренних дел для уточнения вопросов, связанных с проведением массового мероприятия;

произвести не позднее 10 дней после проведения массового мероприятия оплату услуг по охране общественного порядка, расходов, связанных с медицинским обслуживанием и уборкой территории, в соответствии с решением местного исполнительного и распорядительного органа, на территории которого проводилось массовое мероприятие.

Так, в ст. 23.34 КоАП:

в ч. 3, 3¹ сформулирован квалифицированный состав правонарушений, предусмотренных ч. 1, 2, – повторное совершение рассматриваемого деяния в течение одного года после наложения административного взыскания за такие же нарушения;

в ч. 4 предусматривается административная ответственность за нарушение порядка проведения массовых мероприятий, совершенное за вознаграждение;

в ч. 5 предусматривается ответственность организатора массового мероприятия за нарушение порядка организации или проведения массового мероприятия, сопровождающееся выплатой вознаграждения за участие в собрании, митинге, уличном шествии, демонстрации, пикетировании. Согласно ст. 10 Закона о массовых мероприятиях организаторам собрания, митинга, уличного шествия, демонстрации и пикетирования запрещено привлекать к участию в них граждан за материальное вознаграждение.

Анализ правоприменительной практики ряда зарубежных государств (Великобритания, Германия, Франция, Российская Федерация) свидетельствует об эффективности такого взыскания, налагаемого за нарушение порядка организации или проведения спортивных массовых мероприятий, как административный запрет на посещение спортивных соревнований [8, с. 17]. В данном случае В.С. Климченя обоснованно предлагает дополнить КоАП таким административным взысканием, как административный запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений и специально оборудованных мест для болельщиков при проведении спортивно-массовых мероприятий и спортивных соревнований [8, с. 18]. В.В. Бачила, В.В. Коляго рассматривают административный запрет на посещение спортивных мероприятий в качестве административно-предупредительной меры; основания и порядок ее применения считают возможным закрепить в Законе Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», а применительно к несовершеннолетним гражданам – в Законе Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [1, с. 21].

Таким образом, с учетом положительного опыта зарубежных государств, мнений отечественных ученых-юристов Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 131-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» в КоАП добавлено следующее административное взыскание: административный запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений (ст. 6.13 КоАП). Суть указанного взыскания состоит во временном запрете физическому лицу посещать физкультурно-спортивные сооружения во время проведения спортивно-массовых мероприятий, спортивных соревнований.

Согласно Закону Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З «О физической культуре и спорте» (далее – Закон о физической культуре и спорте) спортивно-массовое мероприятие представляет собой организованное мероприятие соревновательного характера, направленное на физическое и духовное развитие человека, укрепление здоровья и профилактику заболеваний, рациональное проведение досуга, формирование потребности в регулярных занятиях физической культурой и спортом.

Спортивные мероприятия включают спортивные соревнования и подготовку к ним.

Физкультурно-спортивные сооружения представляют собой объекты, предназначенные для занятия физической культурой и спортом.

Согласно ст. 36 Закона о физической культуре и спорте во время проведения спортивно-массовых мероприятий в местах их проведения запрещается:

бросать предметы в направлении других болельщиков, участников спортивно-массовых мероприятий и иных лиц, находящихся в местах проведения спортивно-массовых мероприятий или на территориях, прилегающих к этим местам;

находиться на лестницах, создавать помехи движению, в том числе в проходах, выходах и входах (основных и запасных);

находиться с животными, за исключением собак-поводырей в намордниках и на поводке;

иметь при себе предмет, размеры которого по длине, ширине и высоте превышают 40×40×45 сантиметров, кроме случаев, когда пронос такого предмета согласован с организатором спортивно-массового мероприятия;

осуществлять незаконную торговлю (включая торговлю входными билетами или документами, заменяющими входные билеты), распространять любым способом продукцию политического и религиозного характера (включая плакаты, листовки, буклеты);

нарушать общественный порядок, совершать иные действия, нарушающие установленный порядок организации и проведения спортивно-массовых мероприятий, в том числе использования пиротехнических изделий, а также подстрекать иных лиц к таким действиям любыми методами.

Административный запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений может применяться за совершение на территории физкультурно-спортивного сооружения во время проведения спортивно-массового мероприятия, спортивного соревнования административных правонарушений, указанных в ст. 9.1, 16.10, 17.1, 17.3, 17.10, 17.11, 17.14, 23.4, 23.34 КоАП, если за совершенное правонарушение предусмотрен административный арест.

Обращаясь к ст. 23.34 КоАП, следует сказать, что порядок применения административного запрета на посещение физкультурно-спортивных сооружений за совершение на территории физкультурно-спортивного сооружения во время проведения спортивно-массового мероприятия административного правонарушения, предусмотренного данной статьей, вызывает проблемы в практической деятельности. Это обусловлено тем, что такое правонарушение в принципе не может быть совершенным на территории физкультурно-спортивного сооружения во время проведения спортивно-массового мероприятия. Данное положение вытекает из определения иного массового мероприятия, сформулированного в Законе о массовых мероприятиях. Иными массовыми мероприятиями являются спортивные, культурно-зрелищные, иные зрелищные мероприятия, религиозные мероприятия, проводимые в специально не предназначенных для этих целей местах под открытым небом либо в помещениях. Следовательно, к иным массовым мероприятиям не относятся иные массовые мероприятия, проводимые в специально предназначенных для этих целей местах под открытым небом либо в помещениях, т. е. спортивные мероприятия, проводимые на территории физкультурно-спортивного сооружения, не относятся к массовым мероприятиям. В связи с этим административная ответственность за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 23.34 КоАП, на территории физкультурно-спортивного сооружения во время проведения спортивно-массового мероприятия не предусмотрена. Таким образом, спортивное мероприятие, являющееся по сути массовым, согласно Закону о массовых мероприятиях к таковым не относится. Для решения представленной коллизии и приведения в соответствие КоАП и Закон о массовых мероприятиях предлагается исключить из определения массового мероприятия слова «проводимые в специально не предназначенных для этих целей местах под открытым небом либо в помещениях». Для этого следует в ст. 2 Закона о массовых мероприятиях изложить понятие «иное массовое мероприятие» в следующей редакции: «иное массовое мероприятие – спортивное, культурно-зрелищное, иное зрелищное мероприятие, религиозное мероприятие».

Административный запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений устанавливается на срок от трех месяцев до трех лет и применяется в качестве дополнительного административного взыскания. Административный запрет на посещение физкультурно-спортивных сооружений применяется независимо от того, указан ли он в санкции статьи Особенной части КоАП.

Постановление об административном запрете на посещение физкультурно-спортивных сооружений приводится в исполнение ОВД. Исполнение постановления об административном запрете на посещение физкультурно-спортивных сооружений осуществляется путем недопущения лиц, подвергнутых этому административному взысканию, на территорию физкультурно-спортивных сооружений либо выдворения их за пределы указанной территории во время проведения спортивно-массового мероприятия, спортивного соревнования. Срок административного запрета на посещение физкультурно-спортивных сооружений исчисляется с момента вступления в законную силу постановления об административном запрете на посещение физкультурно-спортивных сооружений.

Срок наложения административного взыскания за нарушение порядка организации или проведения массового мероприятия составляет два месяца с момента совершения противоправного деяния. Подготовку дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 23.34 КоАП, согласно п. 1. ст. 3.30 ПИКоАП осуществляют должностные лица ОВД. Перечень должностных лиц ОВД, уполномоченных осуществлять подготовку дел об административных правонарушениях по ст. 23.34 КоАП, содержится в п. 1.1–1.7, 1.9 постановления МВД Республики Беларусь от 16 февраля 2018 г. № 47 «О наделении должностных лиц ОВД полномочиями на составление протоколов об административных правонарушениях и подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению». К таким должностным лицам относятся как сотрудники подразделений милиции общественной безопасности (подразделения охраны правопорядка и профилактики, участковые инспекторы милиции, инспекции по делам несовершеннолетних, командиры подразделений патрульно-постовой службы милиции, милиции особого назначения), так и сотрудники криминальной милиции (подразделения по наркоконтролю и противодействию торговле людьми, по борьбе с организованной преступностью и коррупцией, уголовного розыска). Согласно ч. 1 ст. 3.2 ПИКоАП Республики Беларусь данную категорию дел правомочны рассматривать суды общей юрисдикции.

В качестве поводов для начала административного процесса могут выступать: заявление физического лица; сообщение должностного лица государственного органа, общественного объединения, иной организации; непосредственное обнаружение признаков административного правонарушения судом, органом, ведущим административный процесс. Основанием для начала административного процесса по делам о нарушении порядка организации или проведения массовых мероприятий являются достаточные данные, указывающие на признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 23.34 КоАП Республики Беларусь, если при этом отсутствуют обстоятельства, исключающие административный процесс. Административный процесс по данным делам начинается с момента административного задержания либо составления протокола о процессуальном действии.

В соответствии со ст. 10.1 ПИКоАП подготовка дел об административных правонарушениях по ст. 23.34 КоАП осуществляется не позднее 10 суток с момента начала административного процесса. В связи с наличием в санкции указанной статьи административного взыскания в виде административного ареста лицо может быть задержано на срок свыше 3 часов, но не более 72 часов, о чем составляется протокол административного задержания.

Дело об административном правонарушении, предусмотренном ст. 23.34 КоАП, в отношении физического лица, к которому применено административное задержание и которое содержится в месте, определенном органом, ведущим административный процесс, рассматривается в день получения протокола об административном правонарушении и других материалов дела.

Таким образом, в Республике Беларусь созданы надлежащие условия административно-правовой защиты общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий путем установления административной ответственности за нарушение порядка организаций или проведения массовых мероприятий (ст. 23.34 КоАП).

Список использованных источников

1. Бачила, В.В. Правовые и организационные основы обеспечения охраны общественного порядка при проведении спортивных мероприятий мирового уровня / В.В. Бачила, В.В. Коляго // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2015. – № 1. – С. 16–24.
2. Василевич, Г.А. Административно-деликтное право : учеб. пособие / Г.А. Василевич, С.Г. Василевич, С.В. Добрян. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 648 с.
3. Добрян, С.В. Административные правонарушения против порядка управления, против правосудия и административной юрисдикции, против порядка приписки граждан к призывным участкам, призыва на воинскую службу и воинского учета / С.В. Добрян // Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 2 : Административно-деликтное и процессуально исполнительное право / И.В. Козелецкий [и др.] : под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой. – Минск : Акад. МВД, 2013. – С. 236–259.
4. Климченя, В.С. Административно-правовое обеспечение общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / В.С. Климченя. – Минск, 2017. – 258 л.
5. Административное право : учеб. пособие / А.Н. Крамник [и др.] ; под ред. А.Н. Крамника. – Минск : Изд. центр БГУ, 2010. – Ч. 2. Административно-деликтное право. Особенная часть. – 393 с.

6. Круглов, В.А. Административно-деликтное право / В.А. Круглов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2010. – 396 с.

7. Рябцев, Л.М. Конституционно-правовые аспекты обеспечения общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий / Л.М. Рябцев, В.С. Климченя // Вестн. Конст. Суда Респ. Беларусь. – 2015. – № 2. – С. 94–105.

8. Климченя, В.С. Обеспечение общественного порядка и общественной безопасности при проведении спортивных массовых мероприятий: отдельные проблемы административно-правового регулирования и пути решения / В.С. Климченя // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2016. – № 1. – С. 15–20.

Дата поступления в редакцию: 29.01.19

V.N. Kryukov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATING THE ORDER OF ORGANIZING OR CONDUCTING MASS ACTIVITIES

The signs of an administrative offense under article 23.34 of the Code of Administrative Offenses «Violation of the procedure for organizing or holding public events», especially bringing to administrative responsibility are disclosed. Particular attention is paid to the new administrative penalty inflicted for the commission of this administrative offense – an administrative ban on visits of physical culture and sports facilities. It is proposed to amend the law “On Mass Events in the Republic of Belarus”.

Keywords: administrative offense, administrative responsibility, administrative process, mass event, administrative ban on visits of physical culture and sports facilities.

УДК 94(470)

И.И. Мах, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: igor.makh@mail.ru)

ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ИХ ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ (начало XIX в. – 1917 г.)

Рассматривается историческое развитие государственного контроля в период с начала XIX в. до 1917 г. Анализируется правовая база государственного контроля данного периода, в частности, выделяются его основные этапы и их характерные черты.

Представляются выводы, позволяющие сформировать общие представления о становлении и развитии структуры органов государственного контроля, их основных форм, целей и задач.

Акцентируется внимание на позитивных и негативных сторонах процесса развития государственного контроля рассмотренного исторического периода, что, предположительно, может способствовать повышению эффективности деятельности современных органов государственного контроля Республики Беларусь.

Ключевые слова: государственный контроль, органы государственного контроля, управление ревизии государственных счетов, ревизии, проверки.

Появление государственного контроля – результат длительного генезиса институциональных и неинституциональных форм контрольной деятельности государства. Генезис государственного контроля – унификация складывающихся типов взаимодействия и нормативного оформления соответствующих общественных отношений. Это процесс не одного десятилетия и даже столетия. Другое дело, что в различные периоды государственный контроль имел разные формы и осуществлялся различными государственными органами. Прошлое определяет характер понимания настоящего и пути развития будущего. Именно в таком контексте видится логичным попытаться проанализировать развитие института государственного контроля в Республике Беларусь.

История института государственного контроля в Республике Беларусь тесно связана с возникновением и развитием государственного контроля в России. Не поддаваясь соблазну про-

следить весь исторический путь государственного контроля и надзора, ограничимся периодом начала XIX в. до 1917 г. В качестве обоснования такого узкого подхода относительно предмета нашего исследования следует сказать, что именно в тот период на территории Беларуси стали появляться государственные контрольные органы, были заложены основы их современных форм. В эпоху феодализма не существовало государственного финансового интереса – основы государственного контроля; как основной объект государственного контроля в то время государственные финансы не представляли собой целостной денежной системы, регламентированной государством, контроль над денежными ресурсами феодалов и монархов полностью отсутствовал, государственная казна не была отделена от казны государя.

Более полному и последовательному уяснению процесса возникновения и развития органов государственного контроля поможет краткий экскурс в конец XVI – начало XVII вв. Так, согласно историческим памятникам именно в это время в России появились «прародители» органов государственного контроля – счетные, тайные приказы, основной задачей которых была проверка раздачи полкового жалования во время войны с Польшей 1653–1654 гг. В 1699 г. императором Петром I была сформирована Ближняя канцелярия для того, «чтобы Ему, Великому Государю, о тех делах (доходах и расходах) известно было всегда» [1].

В числе первых государственных органов, осуществлявших контрольные функции, была учреждена в 1720 г. Ревизионная коллегия, чье формирование положило начало процессу централизации органов государственного контроля.

Важным событием в истории контрольных органов и начальным этапом их формирования стало издание в первой четверти XVIII в. указов «О хранении правъ гражданскихъ, о невершении дел против регламентов, о невыписывании в доклад, что уже напечатано, и о имени сего указа во всехъ судныхъ местахъ на столѣ, подъ опасениемъ штрафа» [2] и «О важности государственныхъ уставовъ и неотговоркѣ судьями невладениемъ Законовъ, по производимымъ дѣламъ подъ опасениемъ штрафа» [3]. В указанных документах впервые в истории законодательства был закреплен принцип законности в деятельности органов государства и установлена ответственность за нарушение закона. Доказательством тому может послужить одна из статей Указа «О хранении правъ гражданскихъ, о невершении дел против регламентов, о невыписывании в доклад, что уже напечатано, и о имени сего указа во всехъ судныхъ местахъ на столѣ, подъ опасениемъ штрафа»: «Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всуе законы писать, когда их не хранить, или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти, что нигде в свете так нет, как у нас было, а от части и еще есть, и зело тцатся всякий мины чинить под фортецию правды. Того ради сим указом яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов, и не точию решать, ниже в доклад вписывать, то что напечатано» [2].

Следующим этапом в формировании правовой базы института государственного контроля стало принятие ревизионного регламента (устава), коллегии, а также манифеста «О раздѣлении Государственныхъ дѣлъ на особыя управления, съ означениемъ предметовъ, каждому управлению принадлежащихъ» от 25 июля 1810 г. Согласно параграфу 1 манифеста: «Всѣ дѣла Государственныя въ порядкѣ исполнительномъ раздѣлятся на пять главныхъ частей: Внѣшні сношения; Устройство внѣшней безопасности; Государственная Экономія; Устройство Суда Гражданскаго и Уголовнаго; Устройство внутренней безопасности». Управление Ревизии государственных счетов было включено в раздел «Государственная Экономія». Задачи назывались в параграфе 8 «повѣрка счетов по всѣм Департаментамъ Военнымъ и Гражданскимъ». В соответствии с параграфом 9 для управления дел по ревизии счетов устанавливалось звание Государственного контролера [4].

Итак, указанный манифест выделил среди органов управления государственными делами (органов государственного управления) новую структуру государственных органов, осуществлявших контрольную деятельность, и впервые ввел государственную должность контролера.

Дальнейшее развитие государственного контроля тесно связано с изданием Манифеста «Общее учреждение министерствъ» от 25 июня 1811 г. За его основу был принят манифест «О раздѣлении Государственныхъ дѣлъ на особыя управления, съ означениемъ предметовъ, каждому управлению принадлежащихъ», а в нем закреплялось пять частей государственных исполнительных дел со включением в раздел «Государственная Экономія» ревизии государственных счетов [5].

Позиционирование государственного контроля завершилось принятием манифеста «О устройствѣ Главнаго Управленія ревизіи Государственныхъ счетовъ» от 28 января 1811 г. Одной из основных целей принятого документа являлось усиление роли и места управления в системе государственных органов.

К задачам нового государственного органа были отнесены: проверка поступлений сумм в каждую часть управления и употребление их в расход на основании законов; наблюдение за правильностью и полезностью употребления сумм; проверка правильности счетов каждого ведомства; наблюдение за тем, чтобы при употреблении и расходовании сумм были соблюдены правила и польза казенная, а ассигнованные суммы не оставались без движения, причисление их в случае ненадобности к суммам казначейства [6].

В последующие годы был принят еще ряд документов, относящихся к государственному контролю, среди которых положение «Об образовании Государственного контроля» 1830 г. [7] и законодательный акт «Высочайше утвержденное образование Государственного контроля» от 30 декабря 1836 г. Этими правовыми актами была осуществлена дальнейшая детализация задач и функций органов государственного контроля, его структурных элементов. Возглавлял государственный контроль государственный контролер. К руководящим органам государственного контроля относился Совет государственного контроля, в состав которого входили государственный контролер-председатель Совета и семь членов, четверо из которых назначались императором, где трое являлись генерал-контролерами.

Отличительной чертой государственного контроля относительно других министерств было его сильное коллегиальное начало, в основе которого стоял Совет государственного контроля. Это следует из содержания закона, где было записано: «... власть, принадлежащую Государственному контролеру слить съ властію Совѣта сего управления, а власть Генераль-контролеровъ, управляющихъ департаментами, с властію общихъ сихъ Департаментовъ присутствій» [8, с. 320].

Структуру государственного контроля составляли три контрольных департамента (гражданских, военных, морских отчетов) и канцелярия. Департаменты включали общее присутствие, отделы, отделения, канцелярию, бухгалтерию, возглавлялись генерал-контролерами, отделы – обер-контролерами.

Предметом государственного контроля служило «наблюденіе за правильностію движенія казенныхъ и общественныхъ капиталовъ» [8, с. 321]. Позже на органы государственного контроля были возложены проверка финансовой сметы министерства финансов; проверка сметных предложений финансовых смет всех министерств и главных управлений; обязанность предоставлять государственному совету заключения по испрошению кредитов дополнительных или экстраординарных.

Целями Государственного контроля согласно Закону стали: «опредѣленіе степени правильности обращенія капиталовъ; сложеніе или взысканіе начетовъ открываемых ревизією; соображеніе о выгоды или невыгоды разныхъ операцій; выдача квитанцій отчетнымъ управленіямъ; представленіе Государю Императору отчетовъ об успѣхахъ отчетности, о ходъ и результатахъ повѣрки капиталовъ каждого управленія» [8, с. 23–25].

Обязанности государственного контролера подразделялись на производство и утверждение ревизий. Производством ревизий занимались контрольные департаменты, в частности обер-контролеры, которые непосредственно ревизовали государственные учреждения и составляли соответствующие заключения. Функция утверждения ревизий возлагалась на Совет. При необходимости по особым распоряжениям правительства для проверки счетов могли создаваться временные структуры.

Учреждение государственного контроля определялось как высшая счетная инстанция Российской империи. С этого момента Главное управление ревизии государственных счетов приравнивалось к министерству [8, с. 320–323].

В государственном контроле с 1843 г. стал назначаться товарищ государственного контролера (по примеру остальных министерств). С этого момента Главное управление ревизии государственных счетов было преобразовано и переименовано в государственный контроль.

К завершающему этапу формирования института государственного контроля можно отнести и создание в губерниях и областях местных контрольных органов в 1865–1866 гг. Так, всего

к 1881 г. насчитывалось 58 контрольных палат. Правовой основой их деятельности стало Высочайше утвержденное временное «Положение о мѣстныхъ контрольныхъ учрежденіяхъ» от 5 января 1866 г. (далее – Положение). В соответствии с п. 1 Положения контрольные палаты были образованы во всех губерниях и областях империи, исключая Закавказский край. В числе губернских контрольных палат, созданных на территории Белоруссии, были: Витебская, Минская, Могилевская, Гродненская, Вилейская [9, с. 14]. Согласно п. 2 Положения контрольные палаты не входили в систему губернских учреждений и были подотчетны главному контролеру. Полномочия контрольных палат распространялись на соответствующие губернии (некоторые контрольные палаты ведали двумя губерниями). К обязанностям контрольной палаты согласно п. 20 Положения относилось «наблюденіе за правильностію движенія и сохранностію денежныхъ и матеріальныхъ капиталовъ и составлять особыя соображенія о выгодности или невыгодности хозяйственныхъ операцій, независимо отъ законности ихъ производства» [9, с. 4].

В состав контрольных палат входили управляющий, помощник управляющего, старшие и младшие ревизоры, их помощники, секретарь и журналист. Возглавлял контрольную палату управляющий, который согласно п. 11 Положения назначался и увольнялся с Высочайшего разрешения. Служащие контрольной палаты могли быть привлечены к ответственности лишь с согласия Государственного контролера. В структуру палаты входил коллегиальный орган – Общее присутствие, в состав которого входили старшие ревизоры, управляющий и его помощник.

Основными формами контрольной деятельности контрольной палаты были внезапные ревизии казначейств и касс специальных сборщиков.

Государственный контроль с 1863 г. стал проводить фактические проверки. В 1880-е гг. происходило расширение задач и функций государственного контроля. В их число был включен надзор за эксплуатацией железных дорог и строительством [10].

При государственном контроле в 1884 г. на правах департамента был создан железнодорожный отдел, который позже был преобразован в Департамент железнодорожной отчетности. К числу его задач относился контроль за финансами и государственными материальными средствами [11, с. 48].

Одним из последних нормативных правовых документов дореволюционного периода стал общий Закон об учреждении государственного контроля от 28 апреля 1892 г. (далее – Закон).

В данном документе было дано следующее определение: «Государственный контроль, составляя отдѣльную часть государственного управленія, наблюдаетъ за законностію и правильностію распорядительныхъ и исполнительныхъ дѣйствій по приходу, расхода и храненію капиталовъ, находящихся въ завѣдованіи отчетныхъ предъ нимъ учреждений, а равно составляя соображенія о выгодности или невыгодности хозяйственныхъ операцій, независимо от законности ихъ производства», закреплена структура его органов, предусмотрен порядок привлечения служащих государственного контроля к ответственности.

Значительное внимание в Законе уделялось Совету государственного контроля (далее – Совет). В частности, в гл. 2 были закреплены его полномочия, что следует из вышеприведенного Положения о роли Совета в вопросе привлечения служащих государственного контроля к ответственности. Кроме того, Совет имел право принятия окончательных решений (заключений) по результатам проверок и ревизий. В ст. 971 Закона закреплено, что «Государственный контролеръ ни в какомъ случаѣ не отменяетъ собственною властію принятыхъ Совѣтомъ заключеній».

Отличительной чертой нового Закона о государственном контроле было введение в дополнение к Уставу о гражданской службе ограничительного права для лиц, занимающих штатные должности в государственном контроле, принимать участие в коммерческих или иных предприятиях, отчетность которых предоставлялась на проверку контролю, а также занимать в других управлениях должности, по которым распоряжения или действия подлежали проверке со стороны государственного контроля [10, с. 236–244].

Органы государственного контроля с 1885 г. стали проводить ревизии государственных кредитных учреждений, с 1905 г. – фактический контроль государственных горных заводов, с 1907 г. – предварительный и фактический контроль за операциями, связанными с переселенческим делом. Сложившаяся система органов государственного контроля с небольшими изменениями просуществовала до октября 1917 г.

Таким образом, с начала XIX до начала XX в. на территории Российской империи и входящей в ее состав Беларуси возник и сформировался новый государственно-правовой институт – институт государственного контроля с развитой системой центральных и местных органов.

Первыми органами государственного контроля рассматриваемого периода на территории Беларуси были Витебская, Минская, Могилевская, Гродненская губернские контрольные палаты.

В процессе становления государственного контроля были расширены его компетенция и задачи; произошел постепенный переход от финансового контроля к контролю за финансовыми и иными государственными материальными средствами. В результате были выработаны и законодательно закреплены основные принципы государственного контроля: законность, прозрачность, публичность, коллегиальность и независимость (местные контрольные органы были подчинены только государственному контролеру и центральным органам). Законодательно также были закреплены основные формы государственного контроля, дошедшие до наших дней.

Среди достижений рассматриваемого периода можно назвать устойчивость созданного института государственного контроля (свидетельством этому служит то, что почти за 100 лет его существования почти неизменным осталось его основное назначение – защита финансовых и материальных интересов общества и государства; были созданы и реформированы всего три его организационные формы: управление ревизии государственных отчетов; главное управление ревизии государственных счетов и учреждение «Государственный контроль», что дает основание судить об его достаточной эффективности); в процессе эволюции государственный контроль из фрагментарных ревизий превратился в хорошо организованную систематизированную и комплексную проверочную деятельность.

Отрицательным, негативно сказывающимся на авторитете государственного контроля моментом было то, что целый ряд учреждений (банки, кадетские корпуса и др.) были освобождены от ревизии государственного контролера, а также недостаточная материальная обеспеченность деятельности государственного контроля, низкий образовательный уровень служащих, имевшие место нарушения принципа гласности.

Список используемых источников

1. Иванова, Е.Л. Понятие и сущность контроля. История становления и развития контроля и ревизии / Е.Л. Иванова // Контроль и ревизия : конспект лекций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/elena_leonidovna_ivanova/kontrol_i_reviziya_konspekt_lekciyi/read_online.html?page=1. – Дата доступа: 11.11.2018.
2. О храненіи правъ гражданскихъ, о невершеніи дел против регламентов, о невыписываніи в доклад, что уже напечатано, и о имении сего указа во всехъ судныхъ местахъ на столѣ, подѣ опасеніемъ штрафа // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. VI. – С. 656.
3. О важности государственныхъ уставовъ и неотговоркѣ судьями невладеніемъ Законовъ, по производимымъ дѣламъ подѣ опасеніемъ штрафа // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. VII. – С. 216.
4. Управленію принадлежащихъ // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXXI. – С. 278–280.
5. Общее учрежденіи министерствъ // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXXI. – 944 с.
6. О устройствѣ Главнаго Управленія ревизіи Государственныхъ счетовъ // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXXI. – С. 529–530.
7. Высочайше утвержденное образованіе Государственнаго контроля // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XI. – С. 320–334.
8. Мах, И.И. Государственный контроль. Этапы исторического развития / И.И. Мах // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ.

конф., посвящ. Дню белорус. науки (Минск, 21 янв. 2011 г.) ; под ред. В.Б. Шабанова. – Минск : Акад. МВД, 2011. – 323 с.

9. Высочайше утвержденное временное Положение о мѣстныхъ контрольныхъ учрежденіяхъ // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. : в 50 т. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XLI. – С. 4, 14.

10. Учреждение государственного контроля // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи : в XVI т. – СПб. : Рус. Кн. Товарищество «Деятель», 1912. – Т. I. – С. 236.

11. Сводъ учрежденій и уставъ Путей Сообщенія // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи : в XVI т. – СПб. : Рус. Кн. Товарищество «Деятель», 1912. – Т. XII. – С. 48.

Дата поступления в редакцию: 12.11.18

I.I. Mach, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

GENESIS OF STATE CONTROL: THE MAIN STAGES AND THEIR INSTITUTIONIZATION (THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY – 1917)

The historical development of state control in the period from the beginning of the 19-th century to 1917 is considered.

The legal basis of the state control, of the given period is analyzed, in particular, its main stages and their characteristic features are allocated.

The conclusions allow to form general ideas about the formation and development of the structure of state control bodies, their main forms, goals and objectives.

The attention is focused on the positive and negative aspects of the development of the state control of the considered historical period, which can presumably contribute to improving the efficiency of modern state control bodies of the Republic of Belarus.

Keywords: state control, bodies of state control, department of examination of state accounts, audits, inspections.

УДК 339.543 (075.8)

Д.П. Семенюк, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: ns1005@mail.ru)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Рассматриваются актуальные вопросы современной административной ответственности юридических лиц. Анализируются исторические, социальные и научные предпосылки ответственности субъектов хозяйственной деятельности, базовые модели закрепления их ответственности в законодательстве. Устанавливаются правовые условия такой ответственности, к которым относятся признаки субъекта и вина юридического лица.

Ключевые слова: административная ответственность, административная ответственность юридических лиц, уголовная ответственность юридических лиц, либерализация законодательства.

Проблема административной ответственности различных субъектов административно-деликтных отношений всегда вызывает повышенный интерес ученых-административистов. В первую очередь это связано с интенсивной административной практикой, в результате которой ежегодно увеличивается количество вынесенных постановлений о наложении административных взысканий.

Так, в 2015 г. их вынесено 3 758, 2016 г. – 3 617, 2017 г. – 3 915, 2018 г. – 4 044. Таким образом, можно сказать, что проблема административной ответственности приобрела еще большую актуальность и практическую значимость и вызвала интерес не только ученых, но и граждан, должностных лиц субъектов хозяйствования, индивидуальных предпринимателей, о чем свидетельствуют дискуссии в научных изданиях и средствах массовой информации.

Повышенное внимание в данном контексте привлек вопрос административной ответственности юридических лиц, что обусловлено развитием экономики и необходимостью поиска новых средств правовой охраны хозяйственных отношений.

Как отмечает А.И. Сухаркова, «законодательство об административной ответственности организаций еще не представляет собой систему, сложившуюся на основе четкой научной концепции. Но данный институт административного права в последние годы динамично развивается, и в КоАП значительное место отведено правовым основам назначения административных взысканий юридическим лицам (предприятиям, учреждениям, организациям)» [1, с. 63].

Тем не менее сама необходимость установления административной ответственности юридических лиц неоднозначно оценивается белорусскими и российскими учеными и правоприменителями. Представители бизнес-сообщества часто считают такой вид юридической ответственности достаточно суровым и негативно влияющим на развитие экономики. Видится, что концептуально данная проблема должна решаться в рамках единого подхода к ответственности субъектов хозяйствования за совершение административных и уголовных деликтов.

По мнению Д.Г. Мороза, «политические и социально-экономические трансформации, которые произошли в бывших советских республиках в связи с распадом СССР, послужили толчком к возникновению дискуссии о возможности существования в законодательстве постсоветского периода института уголовной ответственности юридических лиц. Среди ученых уголовного права эта дискуссия породила возникновение двух противоположных лагерей, один из которых придерживается традиционной позиции о невозможности существования в уголовном праве института уголовной ответственности юридических лиц, а другой, наоборот, обосновывает необходимость введения в уголовное законодательство этого института» [2, с. 513].

Сторонники первой точки зрения считают, что установление такой ответственности не соответствует принципам личной и виновной ответственности, позволяет виновным физическим лицам избежать наказания, а высокие размеры штрафов негативно сказываются на рентабельности выпускаемой продукции и оказываемых услуг, что, в конечном счете, негативно влияет на потребителя и всю систему хозяйственных отношений.

В подтверждение сказанного, исследуя российскую практику привлечения к административной ответственности юридических лиц, М.Я. Маслеников приходит к выводу, что «административная ответственность юридических лиц в виде штрафа заведомо асоциальна и по большому счету бессмысленна, так как по существу уводит от всякой ответственности действительно виновных – должностных лиц и прежде всего руководителей. Чаще такая ответственность перекладывается на «рядовых» и не могущих быть виновными по своему положению в каком-либо трудовом коллективе (сообществе) и не стимулирует виновных руководителей к принятию мер по улучшению организационной работы для установления действительно виновных лиц» [3, с. 192].

Сторонники второй точки зрения считают рассматриваемую ответственность юридических лиц за хозяйственные правонарушения свершившимся фактом и неизбежной реальностью новой системы глобальных экономических отношений.

Так, по мнению А.В. Наумова, рынок и рыночные отношения неизбежно приведут к ответственности корпораций за хозяйственно-экономические преступления [4, с. 367].

Подвергая анализу позиции сторонников и противников введения в уголовное и административно-деликтном законодательстве России и Беларуси института уголовной и административной ответственности юридических лиц, Н.И. Куксин и Э.Ф. Мичулис, отмечают, что во главу угла должны быть поставлены новые социально-экономические реалии. По их мнению, «изменения в общественных отношениях влекут изменения и в правовом опосредовании процессов, происходящих в обществе. Право, воплощая общую (согласованную) волю участников общественных отношений, способствует развитию тех из них, в которых заинтересованы как отдельные индивиды, так и общество в целом. Очевидно, что общественная опасность правонарушений в сфере экономической деятельности, связанной с коррупцией, уклонением от уплаты налогов, контрабандой, хищениями, незаконным выводом капитала за рубеж, все возрастает. Не последнюю роль в этих негативных процессах играют различного рода общества и организации. Очевидно, что в этих условиях говорить о какой-то социальной справедливости не приходится. Принцип социальной справедливости превращается в простую фикцию. Правонарушения, совершаемые коллективными субъектами экономической деятельности, причиняют не-

редко весьма существенный вред гражданам и обществу в целом. Естественно, это не может не внести диссонанс в социальный механизм жизнедеятельности общества» [5, с. 367].

Исследуя всю мировую практику правового регулирования административной и уголовной ответственности юридических лиц, авторы выделяют три базовые модели закрепления данного правового института в законодательстве иностранных государств. В соответствии с одной из таких предлагаемых базовых моделей, к которой относится уголовное и административно-деликтное законодательство Республики Беларусь, юридические лица не привлекаются к уголовной ответственности, а за совершение деликтов несут лишь административную ответственность.

Однако оптимальной моделью авторы считают ту, «в которой в систему уголовного законодательства вводятся специальные уголовно-правовые меры, которым подвергаются юридические лица наряду с уголовными наказаниями, которые применяются к их представителям» [5, с. 370].

Представляется, что данные меры могут быть применены не обязательно в уголовном судопроизводстве, а более целесообразно их применять в административном процессе, считая в данном случае их мерами административного принуждения. Это позволит действовать более оперативно и более эффективно достигать целей пресечения и предупреждения правонарушения. По этой причине современная белорусская модель ответственности юридического лица за совершаемые деликты на современном этапе развития видится более оптимальной.

Впервые в Республике Беларусь системное теоретическое обоснование существования правового института административной ответственности юридических лиц и определение признаков юридического лица как субъекта административной ответственности изложено в диссертации Д.А. Плетенева «Проблемы административной ответственности юридических лиц» (2004 г.), где доказывалась необходимость административной ответственности юридических лиц, целями которой наряду с частным и общим предупреждением считается социальная защита [6, с. 178].

Реализацией предложений ученых и практиков явилось принятие и вступление в силу 1 марта 2007 г. нового КоАП, который окончательно решил вопрос установления административной ответственности юридических лиц. Ответственность данных субъектов явилась достаточно новым правовым явлением, так как КоАП 1984 г. данные отношения не регулировал, а административная ответственность таких субъектов хозяйствования устанавливалась указами Президента Республики Беларусь и являлась, по сути, исключением.

Согласно ст. 44 ГК признаками юридического лица как субъекта административной ответственности являются осуществление экономической деятельности и закрепление правового статуса хозяйственной организации с момента ее государственной регистрации либо издания законодательного акта. В соответствии с содержанием указанной статьи юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, несет самостоятельную ответственность по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, прошедшая в установленном порядке государственную регистрацию в качестве юридического лица либо признанная таковым законодательным актом.

На основании этого не каждое объединение физических лиц, занимающееся хозяйственной деятельностью, имеющее обособленное имущество, осуществляющее совместную деятельность, направленную на достижение общего результата, будет нести ответственность как юридическое лицо, а только то, которое соответствует всем указанным в законе признакам. Отсутствие хотя бы одного из перечисленных признаков свидетельствует об отсутствии субъекта. В случае совершения правонарушения незарегистрированное хозяйственное объединение не будет являться субъектом административной ответственности, а входящие в него физические лица будут являться соисполнителями и нести административную либо уголовную ответственность как соучастники.

Так, Л.М. Рябцев и Д.В. Гвоздев подчеркивают, что «особенностью правового статуса юридического лица является то, что в административном процессе оно может выступать в качестве как лица, в отношении которого ведется административный процесс, так и потерпевшего» [7, с. 96].

Основным условием привлечения к административной ответственности, закрепленным в ст. 4.8 КоАП с момента вступления Кодекса в силу и по настоящее время, является то, что юридическое лицо несет административную ответственность, если это предусмотрено санкцией статьи Особенной части КоАП. Соответственно законодатель, определяя субъект административной

тивной ответственности, закрепляет это в санкции конкретной статьи, а при исключении такой ответственности вносит в санкцию необходимые изменения.

По мнению А.Н. Крамника, указание на юридическое лицо как на субъект правонарушения, может быть и в диспозиции административно-деликтной нормы. В качестве примера ученый приводит ст. 12.30 КоАП «Нарушение индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом условия ввоза на территорию Республики Беларусь нефтяного жидкого топлива...» [8, с. 169].

Однако и в этом случае в санкции статьи обязательно должна быть закреплена ответственность юридического лица как отдельного субъекта. В этой связи основным условием ответственности является закрепление ее в санкции административно-деликтной нормы. Например, в санкции ст. 12.16 КоАП «Обман потребителей» указание на конкретных субъектов отсутствует. Из этого следует, что за совершение данного правонарушения к административной ответственности может привлекаться только физическое лицо.

В отдельных санкциях предусматривается административная ответственность как физических лиц, так индивидуальных предпринимателей и юридических лиц (например, в ст. 12.15 «Нарушение законодательства о рекламе»).

Для правильной квалификации правонарушения должна быть установлена вина каждого из субъектов. В п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 сентября 2014 г. № 15 «О применении судами норм Общей части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» указано, что вменяемое физическое лицо подлежит административной ответственности лишь за то противоправное деяние, в совершении которого установлена его вина в форме умысла или неосторожности (ст. 3.2–3.4 КоАП).

Вместе с тем для правильного решения вопроса о виновности в совершении административного правонарушения юридического лица следует не только установить, что им не соблюдены нормы (правила), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но и выяснить, приняты ли юридическим лицом все меры для их соблюдения (ст. 3.5 КоАП).

И здесь Л.М. Рябцев и Д.В. Гвоздев указывают на то, что «специфика юридическою лица как субъекта общественных отношений заключается в том, что отсутствует объективная возможность установления его отношения к противоправному деянию. Вменение вины за совершение административного правонарушения такому субъекту происходит объективно. Иными словами, юридическое лицо подлежит административной ответственности при наличии объективных признаков административного правонарушения, при этом такие элементы вины, как способность осознавать противоправный характер своего деяния и предвидение возможности наступления вредных последствий, не имеют значения» [7, с. 98].

Наличие принципа объективного вменения не в полной мере соответствует принципу законности, так как ответственность юридического лица находится в прямой зависимости от деяния, совершенного должностным лицом (должностными лицами), которое может быть совершено им как умышленно, так и по неосторожности, как в интересах юридического лица, так и в своих личных интересах.

В связи с обозначенным вопрос разграничения административной ответственности юридического лица и его должностного лица является актуальным.

Таким образом, изложенное выше позволяет сделать следующие выводы:

Проблема административной ответственности юридических лиц возникла в связи с вступлением в силу нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Концептуальная модель ответственности субъектов хозяйствования связана с интенсивным развитием экономики и поиском путем административно-правовой охраны экономических отношений.

Для привлечения юридического лица к административной ответственности важно установление признаков субъекта, закрепленных в ст. 44 ГК Республики Беларусь, основным из которых является его государственная регистрация. В случае совершения правонарушения при отсутствии такой государственной регистрации физические лица, занимающиеся совместной хозяйственной деятельностью, будут являться соучастниками.

Проблема вины юридического лица заключается в невозможности установить его отношение к совершенному правонарушению в форме умысла либо неосторожности. Ответственность субъекта хозяйствования напрямую зависит от противоправного виновного деяния его должностного лица.

Список использованных источников

1. Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. / под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2013. – Ч. 2. – 456 с.
2. Курс уголовного права : в 5 т. / С.В. Ананич [и др.] ; под ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – Т. 1. – 863 с.
3. Маслеников, М.Я. Административный процесс: теория и практика / отв. ред. А.С. Дугенец. – М. : НОУ Школа спецподготовки «Витязь», 2008. – 364 с.
4. Наумов, А.В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. / А.В. Наумов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – Т. 1. – 409 с.
5. Куксин, И.Н. Развитие уголовной ответственности юридических лиц в условиях формирования гражданского общества / И.Н. Куксин, Э.Ф. Мичулис // Право и о-во. – 2017. – № 1. – С. 179–194.
6. Плетенев, Д.А. Проблемы административной ответственности юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Д.А. Плетенев ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2004. – 189 с.
7. Рябцев, Л.М. Конституционно-правовые аспекты обеспечения прав юридических лиц в административном процессе / Л.М. Рябцев, Д.В. Гвоздев // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь, 2017. – № 2. – С. 96–107.
8. Крамник, А.Н. Административное право. Общая часть : пособие : в 2 ч. / А.Н. Крамник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Изд. центр БГУ, 2009. – 379 с.

Дата поступления в редакцию: 21.03.19

D.P. Semeniuk, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CONCEPTUAL AND LEGAL ISSUES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF LEGAL ENTITIES

The conceptual issues of modern administrative responsibility of legal entities are considered. The historical, social and scientific prerequisites of the responsibility of business entities, the basic models of securing their responsibility in the legislation are analyzed. The legal conditions for such liability are established, which include the characteristics of the subject and the fault of the legal entity.

Keywords: administrative responsibility, administrative liability of legal entities, criminal liability of legal entities, liberalization of legislation.

УДК 342.9

С.А. Старовойт, кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: svyatoslav.starovoit@gmail.com);

С.Ю. Дегонский, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: degonskii@mail.ru)

МЕРЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И КЛАССИФИКАЦИЯ

Рассматриваются имеющиеся в юридической науке подходы к определению понятия и сущности мер административно-правового предупреждения. Акцентируется внимание на их отличительных признаках и видах.

Анализируются теоретические разработки, предлагается авторская классификация административно-правовых мер, направленных на предупреждение правонарушений против собственности.

Ключевые слова: административное принуждение, административно-правовые меры, административно-предупредительные меры, правонарушения против собственности.

Современная превалирующая правовая доктрина в системе мер административного принуждения особое значение придает административно-предупредительным мерам.

Важной теоретической проблемой, относящейся к юридической сущности административно-предупредительных мер, является проблема их понятия. Следует обратить внимание на то, что в правовой науке взгляды ученых на юридическую природу мер административного предупреждения не отличаются единством. Данное обстоятельство обусловлено тем, что меры административно-правового предупреждения представляют собой сложное административно-правовое явление, характеризующееся комплексом присущих ему признаков. Указанное подтверждается анализом научных работ авторов, обращавшихся к проблематике административно-предупредительных мер.

Так, В.Г. Розенфельд и Ю.Н. Стариков под административно-предупредительными мерами понимают разновидность мер административно-правового принуждения, применяемых «в целях предупреждения правонарушений в сфере обеспечения правопорядка, общественной безопасности, борьбы со стихийными бедствиями, эпидемиями и эпизоотиями» [1, с. 19].

В.П. Столбовой определяет рассматриваемую группу мер административного принуждения как «применяемые уполномоченными на то милицейскими аппаратами и их должностными лицами экстремально-превентивные средства административно-предупредительного воздействия по обеспечению общественной безопасности и предотвращению совершения правонарушений» [2, с. 10].

Тем не менее наиболее полным, на наш взгляд, видится определение административно-предупредительных мер, сформулированное А.И. Сухарковой: «способы и средства принудительного характера, которые направлены на предупреждение возможных правонарушений и недопущение их отрицательных вредных последствий, предотвращение наступления обстоятельств, угрожающих жизни и безопасности граждан или нормальной деятельности государственных органов, предприятий, учреждений и организаций» [3, с. 19]. Положительным моментом дефиниции А.И. Сухарковой следует признать то, что в ней указаны функции административно-предупредительных мер, а также перечислены объекты, интересы и права, которые охраняются посредством применения рассматриваемых мер.

Ю.С. Рябов предложил административно-предупредительными мерами считать «указания, содержащиеся в диспозициях норм административного права, реализация которых осуществляется в принудительном порядке строго на законных основаниях полномочными органами государства (их представителями) при наступлении определенных обстоятельств в целях предупреждения правонарушений и обеспечения общественной безопасности» [4, с. 45].

А.П. Корнев высказал точку зрения, согласно которой «административно-предупредительные меры не могут быть отнесены к санкциям, ибо они не связаны с совершением правонарушения» [5, с. 30].

И здесь важно подчеркнуть, что в приведенных Ю.С. Рябовым и А.П. Корневым дефинициях отчетливо прослеживается расположение административно-предупредительных мер в структуре административно-правовой нормы. Таким образом, норма права формулирует их не в санкции, а в диспозиции.

Так, И.А. Галаган подчеркивает, что административно-предупредительные меры могут применяться в силу государственной или иной необходимости без наличия правонарушения [6, с. 80].

А.П. Ключниченко полагает, что «главной особенностью административно-предупредительных мер является их четко выраженный профилактический характер, что позволяет использовать эту разновидность средств административного воздействия для предупреждения правонарушений, обеспечения общественной безопасности в особых условиях, когда интересам общества создается известная угроза» [7, с. 51].

По мнению Л.М. Рябцева, административно-предупредительные меры выполняют превентивные функции, сопровождают весь процесс реализации прав и имеют цель ликвидировать или нейтрализовать причины и условия, препятствующие правомерной реализации прав [8, с. 88].

Из изложенного следует, что, несмотря на многообразие существующих в юридической науке взглядов, общепризнанной является позиция, согласно которой основным назначением административно-предупредительных мер являются предупреждение правонарушений и обеспечение общественной безопасности. Необходимо согласиться также и с тем, что главная особенность рассматриваемых мер заключается в том, что они применяются в отсутствие правонарушений и носят ярко выраженный превентивный характер [4, с. 32–38].

Таким образом, проанализировав существующие в административно-правовой науке теоретические подходы к понятию и сущности административно-предупредительных мер, можно констатировать, что данная проблема не имеет однозначного решения, но это не исключает возможности выделения ряда свойственных указанным мерам специфических черт.

Итак, изучение специальной литературы, посвященной административно-предупредительным мерам, позволило выделить следующие их основные и отличительные признаки:

они не связаны с совершением правонарушения;

основанием для применения предупредительных мер является наступление особых, предусмотренных диспозицией административно-правовых норм обстоятельств;

они направлены на предупреждение правонарушений, предотвращение наступления обстоятельств, угрожающих жизни и безопасности граждан или нормальной деятельности государственных органов, предприятий, учреждений и организаций;

принудительный характер данных мер состоит в реализации властных и односторонних действий уполномоченных органов государственной власти, которые, как правило, не согласовываются с противоположной стороной.

Для уяснения правовой природы, назначения и оснований применения административно-правовых мер, направленных на предупреждение правонарушений против собственности, необходимо провести их научную классификацию.

А.П. Корнев отмечает, что такая «классификация должна основываться на существенных признаках и специфических особенностях, коренящихся в существе классифицируемого и систематизируемого административно-правового материала, и при этом характерные признаки содержания тех или иных совокупностей норм права являются критерием, который может служить объективным фундаментом для классификации административно-правового материала» [9, с. 36–37].

Здесь важно подчеркнуть, что по вопросу классификации административно-предупредительных мер среди ученых также нет единства. Типология данных мер административно-правового принуждения зависит от критерия, положенного в основу их классификации, при этом он, в свою очередь, зависит от субъективного усмотрения отдельно взятого исследователя.

В частности, А.Е. Лунев, положив в основу классификации предупредительных мер предметно-отраслевой критерий, выделял:

административно-медицинские (принудительное медицинское освидетельствование и лечение, запрещение въезда в СССР и выезда из СССР лицам, если их здоровье способно быть источником массовых заболеваний);

административно-технические, применяемые «в связи с охраной безопасности эксплуатации предприятий, транспортных средств, зданий, сооружений» [10, с. 94–96].

Ю.С. Рябов в зависимости от цели применения подразделяет административно-предупредительные меры на две группы. К первой относит меры, применяемые для предупреждения правонарушений (административный надзор милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; привод, регистрация и официальное предостережение о недопустимости антиобщественного поведения; изъятие огнестрельного оружия у лиц, совершающих антиобщественные поступки; проверка документов; освидетельствование водителей автотранспорта; осмотр вещей и грузов лиц, следующих за границу и др.). Ко второй – меры, направленные на предотвращение возможных нарушений общественной безопасности (реквизиция, карантин, изоляция и принудительное лечение заразных больных и др.) [4, с. 56–58].

А.Н. Крамник наряду с вышеупомянутыми выделяет меры совмещенного характера, направленные как на предупреждение правонарушений, так и на предотвращение наступления нежелательных вредных последствий (введение карантина; ограничение движения транспортных средств на определенных участках дорог, улиц в городах; недопущение эксплуатации транспортных средств; введение особого режима въезда на территорию, на которой введено чрезвычайное положение и выезда с нее и др.) [11, с. 21–22].

И.И. Веремеенко в зависимости от направленности и предупредительного воздействия выделяет предупредительные меры индивидуального характера (принудительный врачебный осмотр, изоляция больных лиц и др.) и предупредительные меры территориального характера (карантин, реквизиция и др.) [12, с. 69–70].

М.И. Еропкин и Л.Л. Попов классифицируют административно-предупредительные меры по назначению и характеру вызываемых правоограничений на три группы: меры, направленные на предупреждение правонарушений; меры, препятствующие уклонению соответствующих субъектов от исполнения своих обязанностей (реквизиция, принудительное освидетельствование и др.); предупредительно-лечебные меры (лечение инфекционных больных и др.) [13, с. 169].

Так, меры административно-правового принуждения занимают особое место среди правовых средств обеспечения охраны права собственности. Однако наряду с ними существует и ряд других, не являющихся по своему характеру принудительными, административно-правовых мер, также направленных на предупреждение правонарушений против собственности.

В связи с этим особого внимания заслуживает точка зрения В.В. Коляго, который в зависимости от цели применения выделяет самостоятельный вид предупредительных мер, направленных на недопущение административных правонарушений и преступлений (профилактических мер). Часть указанных профилактических мер, по мнению указанного автора, направлена на выявление, устранение причин правонарушений и условий, способствующих их совершению (меры общей профилактики правонарушений), другая – на оказание корректирующего воздействия на граждан, совершивших либо склонных к совершению правонарушений с целью недопущения их в дальнейшем (меры индивидуальной профилактики) [14, с. 58].

В юридической науке обоснованно отмечается, что «задачей применения мер административного предупреждения является формирование у лица осознанной направленности на правомерное поведение, что, в свою очередь, входит в круг задач метода административно-правового убеждения» [15, л. 86].

Обоснованно согласиться с позицией Н.М. Дорогих, согласно которой «административно-предупредительные меры сводятся не только к принуждению, их главным назначением является также организация работы трудовых коллективов, координация усилий масс, органов государства, общественных формирований по выполнению задач, поставленных органами государственной власти [16, с. 61].

С.Г. Луговский, говоря о задачах применения мер административного предупреждения, акцентирует здесь внимание на «формирование у лица осознанной направленности на правомерное поведение, что, в свою очередь, входит в круг задач метода административно-правового убеждения» [15, л. 86].

В.В. Черников утверждает, что «видеть в административно-предупредительных мерах только принудительное свойство недостаточно, главная их цель, как и административно-правового способа охраны в целом, – это недопущение причинения вреда отношениям собственности» [17, с. 108].

Разделяя позиции указанных авторов и не подвергая при этом сомнению принудительный характер мер административно-правового предупреждения, считаем, что применительно к общественным отношениям, складывающимся в сфере обеспечения права собственности, они подлежат реализации в сочетании с профилактическими мерами непринудительного характера.

Таким образом, проанализировав изложенные в научной литературе теоретические подходы, приходим к выводу, что административно-правовые меры, направленные на предупреждение правонарушений против собственности, необходимо классифицировать в зависимости от их *целевой направленности* на следующие виды:

- 1) административно-предупредительные меры, направленные на выявление и изучение причин правонарушений и условий, способствующих их совершению;
- 2) административно-предупредительные меры, связанные с устранением (минимизацией) причин правонарушений против собственности и условий, способствующих их совершению;
- 3) административно-предупредительные меры, направленные на оказание корректирующего воздействия на лиц, совершивших правонарушения против собственности, либо склонных к их совершению.

В отличие от устоявшегося в науке административного права понимания административно-предупредительных мер исключительно как средств административного принуждения приведенная классификация основывается не на характере воздействия мер, а, как уже было отмечено, на критерии их целевой направленности, поэтому базируется на различных административно-правовых методах государственного управления, включая также меры непринудительного характера.

Предложенная классификация позволит дифференцировать и определить конкретные административно-предупредительные меры, реализуемые в сфере обеспечения права собственности, а также будет способствовать формированию научно обоснованной административно-деликтной политики государства по предупреждению правонарушений против собственности.

Список использованных источников

1. Розенфельд, В.Г. Административное принуждение. Административная ответственность. Административно-юрисдикционный процесс : учеб. пособие / В.Г. Розенфельд, Ю.Н. Старилов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. – 167 с.
2. Столбовой, В.П. Административно-предупредительные меры милиции как средство борьбы с правонарушениями в условиях развитого социализма: по материалам УССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / В.П. Столбовой ; Киев. высш. шк. МВД СССР. – Киев, 1984. – 15 с.
3. Сухаркова, А.И. Административно-правовое принуждение как средство борьбы с совершением административных правонарушений. Административная ответственность / А.И. Сухаркова. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2011. – 147 с.
4. Рябов, Ю.С. Административно-предупредительные меры : теорет. вопр. / Ю.С. Рябов. – Пермь : Перм. книж. изд-во, 1974. – 82 с.
5. Коренев, А.П. Нормы административного права и их применение / А.П. Коренев. – М. : Юрид. лит., 1978. – 142 с.
6. Галаган, И.А. Административная ответственность в СССР: государственное и материально-правовое исследование / И.А. Галаган. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. – 252 с.
7. Ключниченко, А.П. Меры административного принуждения, применяемые милицией : Особенности. Классификация. Системовыражение : учеб. пособие / А.П. Ключниченко. – Киев : Киев. высш. шк. МВД СССР, 1979. – 87 с.
8. Рябцев, Л.М. Проблемы исследования механизма обеспечения прав человека правоохранительными органами в сфере административно-правовых отношений / Л.М. Рябцев // Тр. Мин. ин-та упр. – 2004. – Вып. 5. – С. 84–89.
9. Коренев, А.П. Нормы административного права и их применение / А.П. Коренев. – М. : Юрид. лит., 1978. – 142 с.
10. Лунев, А.Е. Административная ответственность за правонарушения / А.Е. Лунев. – М. : Госюриздат, 1961. – 187 с.
11. Крамник, А.Н. Административно-правовое принуждение / А.Н. Крамник. – Минск : Тесей, 2005. – 205 с.
12. Веремеенко, И.И. Административно-правовые санкции / И.И. Веремеенко. – М. : Юрид. лит., 1975. – 192 с.
13. Еропкин, М.И. Административно-правовая охрана общественного порядка / М.И. Еропкин, Л.Л. Попов. – Ленинград : Лениздат, 1973. – 328 с.
14. Коляго, В.В. Административно-правовое регулирование профилактической деятельности милиции общественной безопасности / В.В. Коляго ; под ред. Л.М. Рябцева. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2011. – 203 с.
15. Луговский, С.Г. Административно-правовое обеспечение органами внутренних дел общественной безопасности в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / С.Г. Луговский. – Минск, 2012. – 161 л.
16. Дорогих, Н.М. Административно-правовые меры по преодолению пьянства и алкоголизма / Н.М. Дорогих. – Киев : Выщ. шк., 1988. – 256 с.
17. Черников, В.В. Современная государственная система охраны собственности в России / В.В. Черников. – М. : Инфра-М, 1995. – 224 с.

Дата поступления в редакцию: 06.02.19

S.A. Starovoit, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*; **S.J. Degonsky**, *Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

ADMINISTRATIVE MEASURES OF PREVENTION OF PROPERTY OFFENSES: LEGAL NATURE AND CLASSIFICATION

The approaches to the definition of the concept and essence of measures of administrative and legal warning in the legal science are considered. Attention is focused on their distinctive features and types.

Theoretical developments are analyzed, issues are investigated, the author's classification of administrative legal measures aimed at preventing offenses against property is proposed.

Keywords: administrative coercion, administrative legal measures, administrative preventive measures, offenses against property.

УДК 351.081

М.Л. Трацевский, заместитель начальника отдела комплектования управления комплектования главного управления кадров МВД Республики Беларусь
(e-mail: s7714246@gmail.com)

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ВОЕНИЗИРОВАННОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются понятия «военизированная служба» и «военизированная организация», перечень государственных органов, отнесенных к военизированным организациям. Анализируются правовые нормы и имеющиеся научные разработки. На этой основе предпринимается попытка осмысления сути понятия военизированной службы.

Анализируется также современное состояние административно-правового регулирования военизированной службы. Предлагается формулировка понятия военизированной службы и обосновывается предложение о необходимости его нормативного закрепления в законодательстве о государственной службе Республики Беларусь.

Ключевые слова: военизированная служба, военизированная организация, государственный орган, правоохранительная функция, законодательство, государственная служба.

Для обеспечения жизнедеятельности общества в современных государствах как вид социальной деятельности создана служба, обособленная от иных видов деятельности людей. Государственная служба, связанная с осуществлением правоохранительной деятельности, представляет собой ее самостоятельный вид – военизированную службу. Провести научный анализ военизированной службы как таковой, чтобы разобраться в ее сути, следует начав с изучения ее «внутреннего содержания, свойства ..., открываемых, познаваемых в явлениях» [1].

Согласно определению С.И. Ожегова, термин «служба» имеет несколько значений: работа, занятия служащего, а также место его работы; исполнение воинских обязанностей; отрасль производства, какая-нибудь специальная область работы; богослужение (у верующих) [2]. При этом предпоследний вид может рассматриваться как вид общепользуемой публичной деятельности с соблюдением частных интересов (работа по найму в какой-либо организации); социально-правовой институт (например, исполнение гражданами воинской обязанности); система специально созданных государственных органов (правоохранительных, предназначенных для выполнения важной внутренней функции государства – обеспечения законности и правопорядка); сфера духовной деятельности человека, направленная на его внутренний мир и определяющая его сознание.

В рамках настоящего исследования термин «служба» используется в значении особого вида человеческой деятельности в организованных коллективах – военизированных организациях, деятельность которых направлена на достижение общественно полезного результата, не связанного с производством материальных благ или оказанием услуг материального характера. В данном случае положения термина «служба» в полной мере относятся и к военизированной службе.

Как публичное явление служба имеет глубокие исторические корни. Основы государственного управления и государственной службы были заложены еще во времена Древней Руси; первоначально были нераздельны с военной организацией и строились на принципах вассалитета [3, с. 535]. В советский период специфику службы в отраслях административно-политической деятельности обуславливали задачи обеспечения обороны страны, государственной безопасности. В.А. Воробьев, например, утверждал, что государственная служба в Советской Армии, пограничных войсках, а отчасти – и в органах внутренних дел, выступает не как гражданская, а как воинская служба [4, с. 41]. Однако в указанный период проблемы определения легального соотношения военной службы как вида государственной, равно как и государственной и иных военизированных видов, не существовало из-за отсутствия единого закона о государственной службе [6, л. 67].

И тем не менее термин «служба» получил научное осмысление в юридической литературе. Так, по мнению Г.В. Атаманчука, «...издавна в России под словом (термином, понятием) «служба» понималось отношение, связь, обязанность долга, верности, преданности, готовности испол-

нить дело, оказать услугу, защитить интересы» [5, с. 105]. О.И. Чуприс, например, считает, что «возникновение и развитие государства повлекло возникновение и развитие государственной службы как необходимого условия его существования... Реализация задач, функций государства, осуществление государственной власти происходит через механизм государства, который включает в качестве первичного структурного элемента систему иерархически построенных государственных органов и учреждений с работающими в них государственными служащими» [6, л. 34]. И обе представленные позиции, с нашей точки зрения, достаточно логичны.

Таким образом, можно сказать, что назначение и цель государственной службы – реализация государственной власти в интересах общества, которое не может существовать без правопорядка и обеспечения законности. «Фактически государственная служба не может существовать вне государственного управления, правосудия, законотворчества, прокурорского надзора, а осуществляется в процессе данных видов деятельности» [6, л. 40] с тем лишь дополнением, что обеспечение правопорядка и безопасности также относится к сфере государственной службы и является направлением деятельности специально созданных государственных правоохранительных органов.

В науке административного права выработаны различные подходы к классификации государственной службы. Общепризнанная классификация видовой структуры государственной службы по органам, в которых она осуществляется, представлена следующим образом: гражданская служба – профессиональная деятельность должностных лиц в аппаратах государственных органов (парламент, правительство и др.); правоохранительная служба – осуществление судебной власти, деятельность прокурорских работников, служащих таможенных органов; милитаризованная служба – военизированная (служба в органах внутренних дел (далее – ОВД), финансовых расследований, подразделений по чрезвычайным ситуациям и др.) и войсковая (служба в Вооруженных Силах, внутренних войсках МВД, других войсках и воинских формированиях) [3, с. 572–573; 7, с. 194; 8, с. 158; 9, с. 194].

Анализ законодательства Республики Беларусь и изучение мнений позволяет классифицировать службу на гражданскую, военную и службу в военизированных организациях. Таким образом, в основу классификации учеными заложен подход выделения вида службы в зависимости от специфики функций и задач, выполняемых государственным органом. Обоснованным видится подход российского законодателя к выделению в системе государственной службы ее милитаризованных видов, к которым в юридической науке относят и правоохранительную, и военизированную службы. Но при этом нормативного закрепления понятие «государственная военизированная организация» в российском законодательстве не получило. В систему российской государственной службы также была включена правоохранительная служба в качестве ее отдельного вида.

Продолжающаяся, например, в российском научном сообществе дискуссия о месте правоохранительной службы в системе государственной службы, на наш взгляд, послужила причиной невыделения законодателем ее в отдельный вид государственной службы. Так, А.А. Гришковец отмечает, что «введение термина „правоохранительная служба“ и попытку обособления де-юре соответствующего вида государственной службы в системе отечественной государственной службы следует признать ошибкой начального этапа системного реформирования государственной службы» [10, с. 59–63]. Данный вывод подтверждается существованием в РФ правоохранительной службы как вида государственной службы (с 2003 г. по 1 января 2016 г.) и отсутствием профильного федерального закона, регулирующего прохождение данного вида государственной службы.

В научной доктрине проблемы правового регулирования военизированных организаций фрагментарно затронуты в трудах О.И. Чуприс [6], А.Н. Крамника [7], Ю.Н. Старилова [8], Б.Н. Габричидзе, А.Г. Чернявского [3] и др., но однако административно-правовое регулирование деятельности военизированных организаций и их научное осмысление должного развития не получили. Сегодня в белорусском законодательстве отсутствует определение понятия «военизированная служба», а также нормативно не определены критерии и признаки, которым она должна соответствовать. При этом законодатель определяет перечень государственных органов – военизированных организаций. В соответствии с подстрочным примечанием к абз. 1 подп. 1.1 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 1 июня 2007 г. № 251 «О некоторых вопросах деятельности воинских формирований и военизированных организаций Республики Беларусь» к военизированным организациям отнесены ОВД, органы финансовых расследований, органы по чрезвычайным ситуациям, а также Следственный комитет и Государственный комитет судебных экспертиз.

Анализируя отсутствие понятий военизированной службы и государственных органов, в которых она осуществляется, О.И. Чуприс отмечает, что термин «военизированная служба» является обобщающим и применяется для целей унифицированного правового регулирования разновидностей государственной службы: службы в ОВД, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям, органах финансовых расследований Комитета государственного контроля. Представляется, что рассматриваемый термин, по мнению исследователя, должен получить законодательное закрепление как термин, обозначающий самостоятельный вид единой государственной службы Республики Беларусь [6, л. 64]. Разделяя приведенную позицию о целесообразности признания военизированной службы самостоятельным видом государственной службы, к военизированной службе в соответствии с действующим законодательством следует отнести также службу в Следственном комитете Республики Беларусь и Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь.

Для уяснения сути понятия «военизированная служба» обратимся к этимологии термина «военизированный». Так, согласно определению С.И. Ожегова, «военизировать» означает: во-первых, «приспособить к военным условиям, перевести на обслуживание военных нужд»; во-вторых, «вооружить, организовать на военный лад» [2]. В СССР термин «военизированный» начал применяться с середины 1920-х гг. в связи с начавшейся военизацией страны. А.М. Селищев здесь указывает, что «условия, благоприятствующие употреблению военных терминов, действуют до сих пор... с 1925 г. стали приниматься меры для общей военизации страны...» [11, с. 96].

Отсутствие единого понятия «военизированная организация» и понимания содержания военизированной службы, на наш взгляд, приводит к неоднозначности его закрепления в нормативных правовых актах. Отсутствие унифицированного подхода к правовому регулированию общественных отношений, складывающихся при прохождении военизированной службы, а также большое количество нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность военизированных организаций, поясняют отсутствие единообразия правоприменительной практики. По нашему мнению, рассредоточение положений, регулирующих сходные отношения, в ряде нормативных правовых актов о службе в отдельных военизированных организациях в отсутствие базового закона о военизированной службе не обеспечивает единства и дифференциации правового регулирования военизированной службы Республики Беларусь.

Решению проблемных вопросов, как логично видится, будет способствовать единое правовое регулирование военизированной службы с принятием закона о военизированной службе. В данном законе представляется целесообразным определить, в каких государственных органах, исходя из стоящих перед ними задач, специфики, форм, методов их деятельности, прохождения военизированной службы должно быть предусмотрено. Анализ нормативных правовых актов, регулирующих деятельность военизированных организаций, перечисленных в Указе Президента Республики Беларусь от 1 июня 2007 г. № 251, показывает, что в основе документы имеют много общего, что выражается в сходных (идентичных) нормах, регулирующих отдельные аспекты прохождения службы, организацию деятельности военизированных организаций, служебно-правовое положение сотрудников (особый порядок поступления на службу, ее прохождения и прекращения); наличии специальных званий; специальной дисциплинарной ответственности и строгой служебной иерархии; милитаризованности службы, выражающейся в наличии форменной одежды, в праве ношения и применения служебного огнестрельного оружия.

Принятие закона о военизированной службе повлечет издание акта, определяющего служебно-правовое положение сотрудников военизированных организаций, – Положения о прохождении службы в военизированных организациях, ориентированного на выработку единообразной правоприменительной практики, эффективное решение задач, стоящих перед военизированными организациями. Принятие предлагаемого указанного Положения позволит определить служебно-правовое положение сотрудников военизированных организаций без выделения их ведомственной принадлежности, унифицировать порядок начала и прекращения службы, условия материального и пенсионного обеспечения, государственного социального страхования и др. В законодательном акте, закрепляющем систему военизированной службы в Республике Беларусь, также целесообразно определить критерии военизированной службы, признаки, организационные и правовые основы.

Таким образом, проведенное на основе системно-комплексного анализа действующего законодательства исследование позволяет сформулировать определение военизированной службы как вида государственной службы и разработать закон о военизированной службе Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : АСТ : Астрель, 2004. – 1268 с.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 53 000 / С.И. Ожегов ; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : Оникс : Мир и Образование, 2007. – 1200 с.
3. Габричидзе, Б.Н. Службное право : учебник для юрид. вузов / Б.Н. Габричидзе, А.Г. Чернявский. – М. : Дашков и Ко, 2003. – 620 с.
4. Воробьев, В.А. Советская государственная служба (административно-правовые аспекты) / В.А. Воробьев. – Ростов н/Д : изд-во Рост. ун-та, 1986. – 128 с.
5. Атаманчук, Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика : монография. – Изд-е 2-е, доп. / Г.В. Атаманчук. – М. : РАГС, 2008. – 312 с.
6. Чуприс, О.И. Теоретические проблемы правового регулирования государственной службы Республики Беларусь : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / О.И. Чуприс ; БГУ. – Минск, 2010. – 368 л.
7. Административное право : учебник : в 2 ч. / А.Н. Крамник, О.И. Чуприс. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – Ч. 1. – 566 с.
8. Стариков, Ю.Н. Службное право : учебник / Ю.Н. Стариков. – М. : БЕК, 1996. – 698 с.
9. Административное право : учебник / под ред. Л.Л. Попова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 703 с.
10. Гришковец, А.А. К вопросу о правоохранительной службе / А.А. Гришковец // Рос. юстиция. – 2017. – № 7. – С. 59–63.
11. Селищев, А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926) / А.М. Селищев. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 248 с.

Дата поступления в редакцию: 19.03.19

M.L. Tratsevsky, Deputy Head of the Recruit Group of the Recruit Department of the Main Personnel Department of the MIA of the Republic of Belarus

CONCEPT AND CONTENTS OF THE PARAMILITARY SERVICE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article deals with the concepts of «paramilitary service» and «paramilitary organization», as well as the list of state bodies assigned to paramilitary organizations. The paramilitary service is investigated by understanding its essence on the basis of the analysis of legal norms and existing scientific developments. The current state of administrative and legal regulation of the paramilitary service is analyzed, the definition of the concept of the paramilitary service is formulated and the proposal on the need for its normative consolidation in the legislation of the state service of the Republic of Belarus is justified.

Keywords: paramilitary service, paramilitary organization, government agency, law enforcement function, legislation, government service.

УДК 342.9

*А.Л. Федорович, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: baxalex@yandex.ru)*

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ: ОТ ФИЛОСОФСКОЙ КАТЕГОРИИ К СОДЕРЖАНИЮ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются этапы формирования содержания юридического термина «общественная нравственность». На основе изучения мнений ученых-философов и представителей различных отраслей права, анализа законодательства 11 стран постсоветского пространства делаются выводы о наиболее опти-

мальных подходах к пониманию общественной нравственности в Республике Беларусь. Предлагается авторское комплексное определение термина «общественная нравственность». Впервые в отечественной истории права предлагается закрепить содержание исследуемого определения на законодательном уровне.

Ключевые слова: административная ответственность, нравственность, общественная нравственность, антиалкогольное законодательство, правонарушения, алкогольное опьянение, административно-деликтное право, органы внутренних дел, милиция, пьянство, наркомания, этика, культурология, философия; теория и история права.

Вопросы культуры и нравственности всегда были и остаются в приоритете любого государства. Их философскому осмыслению посвящено не одно исследование. Этические вопросы, отражающие суть нравственности для юриста в Республике Беларусь, освещены в трудах Н.И. Порубова и П.Г. Мартысюка; вопросы культурных традиций Беларуси отражены в научных трудах М.А. Мажейко; вопросы нравственности в философии раскрыты у Л.Е. Лойко и А.А. Козела.

Для лиц, исполняющих нормы права, представителей правоохранительных органов, государственных служащих важно понимать смысл и содержание терминологии, используемой в конструкции юридических норм. При этом есть термины, используемые в обращениях, но законодательно не закрепленные, нуждающиеся в толковании. К таким можно отнести термин «общественная нравственность»¹.

Для правильного понимания сути словосочетания «общественная нравственность» следует рассмотреть значение каждого слова в отдельности. Так, «общественный» согласно определению С.И. Ожегова трактуется как «относящийся к обществу, протекающий в обществе, связанный с деятельностью людей в обществе» [1, с. 661]; «общество» им же определяется как «совокупность людей, объединенных способом производства материальных благ на определенной ступени человеческого развития, определенными производственными отношениями» [1, с. 661]; «нравственность» – как «правила, определяющие поведение; духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил, поведение» [1, с. 635].

Таким образом, видится необходимым формирование единых определений человеческого достоинства и общественной нравственности, что также неотделимо для морали, как и происхождение права из морали. Нормы права, развиваясь вместе с общественными отношениями, вынуждают тем самым нормотворчество подниматься на новый уровень; иначе говоря, развитие норм права обуславливает и является импульсом к развитию категории этики – морали, как бы демонстрируя их взаимодействие друг с другом. Так, фундаментальный теоретик права С.С. Алексеев отмечал, что административное право «способствует внедрению в реальную жизнь элементарных, общечеловеческих моральных норм и требований – того «минимума», на котором они при идеальном варианте основаны» [2, с. 61]. В данном случае речь идет о синергетическом эффекте, когда под воздействием морали и требований к ее соблюдению возникли нормы права. Теперь же нормы права большей частью дублируют существовавшие ранее нормы нравственности, тем самым мотивируя законодателя к формированию определения человеческого достоинства и общественной нравственности.

Сегодня более чем в 40 нормативных правовых актах Республики Беларусь² и более чем в 35 международных правовых актах используется термины «нравственность» или «общественная нравственность». При этом частое употребление данных терминов ни разу не раскрывается, т. е. разъяснения терминов «нравственность» или «общественная нравственность» нет ни в одном нормативном документе.

Изучая дополнения и изменения, принимаемые законодателем относительно ст. 17.3 КоАП, важно отметить в отношении нравственности, что первоначально наказуемым являлось нахождение в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющего человеческое достоинство и нравственность, а в редакции КоАП от 19 июля 2016 г. № 65 вместо термина «нравственность» стало использоваться словосочетание «общественная нравственность», т. е. акцент ставился на разницу смысловой нагрузки в используемых терминах.

¹ Подробнее об этом см.: Вестник Академии МВД Республики Беларусь № 2, 2018. С. 58–63.

² Чаще всего отмечают следующие: Конституция (ст. 16), ГК (ст. 2), УК (разд. IX), КоАП (гл. 17), Закон об основах деятельности и профилактике правонарушений (от 4 апреля 2014 г.), ПИКоАП (ст. 8.4), Закон об ОРД (ст. 7), Закон о СМИ (ст. 14).

Так, определение нравственности является первоочередным по отношению к общественной нравственности, в связи с чем изначально необходимо определить содержание данного термина, а после перейти к формированию содержания более широкого его понимания – трактовке «общественной нравственности».

Итак, нравственность как предмет изучает дисциплина этика. «Первоначально смыслом слова это было совместное жилище и правила, порожденные совместным проживанием, нормы, спланированные обществом, способствующие преодолению индивидуализма и агрессивности. По мере развития общества к этому смыслу добавляется изучение совести, добра и зла, сочувствия, дружбы, смысла жизни, самопожертвования и так далее» [3, с. 16]. И здесь нравственность уже выступает отправной точкой учения о добре и зле и, соответственно, основой формирования запретительных норм права.

Философ Р.Г. Апресян считает нравственность моральным качеством человека, некими правилами, которыми он руководствуется в своем выборе. По мнению ученого этот термин чаще всего употребляется в устной и письменной речи как синоним морали, а иногда и как синоним этики [4]. Таким образом, можно говорить о нравственности для человека как о внутреннем моральном ориентире. Однако для усмотрения связи между нравственностью как таковой и общественной нравственностью этого недостаточно.

История развития права и осмысление его соотношения с нравственностью показывают, что в сфере права речь идет об условиях реализации норм морали и нравственности. При этом в области правовой борьбы с преступными проявлениями данная функция преобразуется в функцию защиты нравственных ценностей, а мораль учитывается в качестве характеристики юридической значимости фактов, требующих правового воздействия [5, с. 17]. Такая позиция возможна, но необходимо учитывать, что не это является определяющим при взаимодействии и включении нравственности в мораль. Принято считать, что нравственность бывает индивидуальной, групповой и общественной, а просто нравственность есть звено низшей категории по отношению к морали, составляющей частью от целого.

Определение общественной нравственности было предложено в 2006 г. ученым-юристом Т.М. Айкумбаевым: «непрерывное нормотворчество людей, развивающееся в конкретном социуме при конкретных исторических условиях, на базе существующих в обществе общепринятых морально-этических норм и правил поведения, комплексно характеризующих не только одну отдельно взятую личность, но и всю общность людей, проживающих в определенном государстве, на определенной стадии его развития» [6, с. 19]. Данное определение достаточно развернуто, но тем не менее видится спорным по причине невозможности подмены нормотворчества в сфере регулирования общественных отношений нравственными правилами, так как нравственные правила и, соответственно, сама общественная нравственность будут всегда шире, при этом нормотворчество есть процесс действия по принятию норм права, а общественная нравственность путем закрепления норм нравственности в праве может обеспечиваться и охраняться нормами права.

Так, Л.Н. Каратаева, анализируя единство права и нравственности в трудах Гегеля, отметила, что «реальность права у Гегеля, рассматривается как систематизированное целое, охватывающее наличие бытия всех определений свободы, разумной воли, включая сферу моральности и нравственности» [7]. Как оценка событий нравственных и безнравственных изменялась с развитием правил, традиций, обычаев, формируемых на уровне семьи, рода, племени и т. д., так и нормы, правила и традиции со временем постепенно закреплялись нормами права, дополнительно как бы охраняя их от неуважительного отношения.

Проследив взаимосвязь права и нравственности, можно констатировать очевидную связь норм административно-деликтного права с нормами этики, так как общественная и индивидуальная нравственность относятся к категории морали как к ее составному элементу. Без данной взаимосвязи определить, что же является нравственностью, будет очень сложно, учитывая то, что законодательной регламентации данного термина не существует. Е.А. Шантырева, изучая взаимосвязь уголовного закона и общественной нравственности, определила нравственность как «совокупность норм (норм нравственности), определяющих поведение индивидуума, в зависимости от существующих нравов, традиций, принципов человеческого общежития как благопристойное». По ее мнению, мораль представляет собой «особую форму общественного сознания, регулиующую поведение людей в обществе с помощью норм нравственности», а понятие

морали включает в себя нравственность, так как у людей отличаются нравственные ориентиры и позиции на саму нравственность [8, с. 359].

Протоиерей Николай Стеллецкий в своем труде «Нравственное духовное богословие», в главе «Общественная нравственность» приводит различные примеры нравственного поведения людей, уходящие корнями в религиозные каноны и высказывания известных святых, приводя в качестве примеров нравственного поведения институты семьи и брака, основанные на православно-традиции венчания, приводя примеры нравственного и безнравственного поведения, согласующихся или противоречащих церковным православным воззрениям. Автор акцентирует внимание на неразрывной связи государства и нравственности: «Этический характер государства определяется его правовой природой, а также подчеркивает родственную связь права, заложенного в основе государств... с нравственностью и даже зависимостью от нее, как от своего идеала. Таким образом, показывает, что государство по правовой природе служит праву, а по связи права с нравственностью служит нравственному идеалу [9, с. 733].

Следовательно, можно утверждать, что общественная нравственность своим наличием и «очерченностью» содержания термина в нормах права уже сможет влиять на мировоззрение людей, а не являться аморфным статическим термином. С учетом того, что под мировоззрением сегодня понимается система взглядов и представлений человека о мире и своем месте в нем, сформировать собственное понимание о месте человека в обществе без опоры на соответствующие нравственные правила видится затруднительным.

Трансформируемость общества приводит к появлению новых векторов его развития. Суть общественной нравственности в обществе конкретной страны не всегда совпадает с сутью его понимания гражданами другой. Например, в мусульманских странах потребление алкоголя является безнравственным на уровне религиозного сознания и наказуемым поступком. В нашей стране любое немедицинское потребление наркотических и психотропных веществ осуждается. Но, например, в православной религии разовое потребление церковного кагора на причастии в минимальных дозах (в объеме чайной ложки) является частью религиозного обряда и не идентифицируется сотрудниками ОВД как административное правонарушение, но сугубо с юридической точки зрения при причастии несовершеннолетнего частично можно усмотреть признаки вовлечение лица, не достигшего 18-летнего возраста, в антиобщественное поведение, а в потреблении кагора усмотреть распитие алкогольных напитков в общественном месте. Тем не менее в нравственных идеалах вне зависимости от атеистического или прорелигиозного взгляда на причастие данное исторически сформировавшееся обрядовое мероприятие является устойчивой религиозной традицией для большинства людей на национальном уровне. К тому же количество принимаемого ничтожно малого церковного кагора не может нанести вреда охраняемым общественным отношениям. В этой связи, несмотря на отсутствие прямого исключения в ч. 1 ст. 17.3 и в ст. 17.4 КоАП, в части освобождения от административной ответственности за распитие алкогольных напитков по причине проведения религиозных обрядов, на территории Республики Беларусь фактов привлечения граждан за указанные действия нет, при том что церковь является общественным местом. Приведенный пример доказывает, что имеющие в своей основе религиозные традиции и нравственные правила, образующие общественную нравственность, в отдельных случаях могут влиять на толкование норм права как на обыденном, так и на профессиональном уровне правосознания. По этой причине указание на религиозные обряды и традиции должно входить в искомое содержание термина.

Исследуя преступления против общественной нравственности, систематизируя и широко описывая объект преступления, Р.В. Торосян не дает как такового определения общественной нравственности и его структурных элементов [10], которые при квалификации уголовно-наказуемых деяний видятся востребованными не менее чем в административном праве.

В свою очередь, Е.А. Старков, проводя исследование в сфере уголовной ответственности за преступления против нравственности, определяет нравственность как объект уголовно-правовой охраны: «социально обусловленные, исторически изменчивые правила поведения, относящиеся как ко всему обществу, так и индивиду, которые сложились на основе традиционных и культурных ценностей, охраняемые от нарушений нормами уголовного права» [11, с. 9]. Данное определение представляется применимым.

Криминолог Р.Б. Осокин, рассматривая общественную нравственность в качестве объекта уголовно-правовой охраны, определил ее как «совокупность публичных общественных отноше-

ний по соблюдению господствующих в российском обществе этических принципов и норм, регулирующих правила жизнедеятельности человека по соблюдению дозволенных пределов поведения в сексуальных отношениях, в области духовной культуры, социальной памяти, надлежащего поведения граждан в общественных местах, гуманного отношения к животным» [12, с. 13]. Автор, перечисляя сферы применения регулирующего воздействия нравственности, сузил его, упуская из вида семейно-бытовые, производственные отношения и т. д. В качестве примера в данном случае можно привести рассуждения Гегеля о нравственности, в которых он утверждает, что личность, став на путь действительной нравственности, находит себя внутренне связанной или солидарной с реальными формами нравственной жизни, где субъект сознает себя единым с нравственной субстанцией на трех ступенях ее проявления: в семье, гражданском обществе и государстве. Соответственно, у Гегеля свобода достигается через торжество нравственности, где нравственность есть понятие свободы, ставшее наличным миром и природой самосознания [13, с. 195].

Рассматривая все те же вопросы уголовно-правовой охраны нравственности, исследователь Е.В. Миллеров со всей очевидностью также сузил понятие общественной нравственности, определяя ее как «совокупность общественных отношений, обеспечивающих соблюдение норм и правил поведения, представлений об общечеловеческих ценностях, сложившихся в обществе» [14, с. 7].

В.В. Лысенко, в свою очередь, утверждает, что «нравственность, в отличие от права, устанавливаемого и гарантируемого государством, есть определенный устойчивый эталон внешнего поведения и внутреннего настроения человека, вырабатываемый им самим при помощи свободного самоопределения и направленный к осуществлению высшего блага – идеала добра и справедливости, при этом духовная и душевная природа индивида, его совесть составляют источник и основание как нравственности, так и права» [15, с. 11]. Здесь, исходя из авторского определения содержания нравственности, видится очевидным, что без существования очерченной структуры общественной нравственности, закрепленной в норме права, сделать для себя вывод о содержании нравственности, не изучая философию, практически невозможно, а можно лишь иметь те или иные моральные принципы, на которые следует опираться, принимая решения. Отчасти в данном случае можно согласиться, но в целом указанное видится спорным, ибо как незнание закона не освобождает от ответственности, так и незнание нравственных норм не позволяет в нужном объеме соблюдать требования общественной нравственности, что в отдельных случаях может повлечь квалификацию действий согласно нормам административно-деликтного и уголовного права.

Так, С.А. Комаров указывает, что «общественная нравственность покоится на системе норм и правил, идей, обычаев и традиций, господствующих в обществе и отражающих в себе взгляды, представления и правила, возникающие как непосредственное отражение условий общественной жизни в сознании людей в виде категории добра и зла, похвального и постыдного, поощряемого и порицаемого обществом, чести, совести, долга, достоинства и т. д.» [16, с. 139]. Особенность такого научного мнения заключается во включении автором чести и достоинства в категорию нравственности. При этом понятно, что вышеперечисленные категории (честь, долг, справедливость, добро) охватываются одним понятием и являются общечеловеческими ценностями.

А.С. Шевченко, анализируя содержание определения нравственности в качестве объекта уголовно-правовой охраны, заключает, что нравственность всегда общественная, и определяет нравственность как общепризнанную систему ценностей человека в конкретном обществе и через основные категории философии: свободу, добро, справедливость и др. [17, с. 85]. На наш взгляд, в данном определении просматривается, главным образом, содержание человеческого достоинства, в связи с чем оно не может быть положено в содержание искомого термина.

Обращаясь к зарубежному законодательству, предусматривающему административную ответственность за противоправное потребление алкогольной продукции и поведение, оскорбляющее человеческое достоинство и общественную нравственность, следует отметить, что даже на территории 11 стран постсоветского пространства оно имеет ряд существенных отличий. В КоАП Республики Молдова (ч. 2 ст. 355) ответственность предусматривается за появление в общественных местах в состоянии опьянения, вызванного алкоголем или другими веществами, при котором лицо потеряло способность передвигаться самостоятельно. Здесь, как видится, критерия, связанного с оскорблением человеческого достоинства и общественной нравственности в качестве формализованных категорий, в конструкции статьи нет, что «обедняет» регулятивную способность правовой нормы. В КоАП Республики Армения (ст. 175) ответственность предусматривается за появление в общественных местах в нетрезвом состоянии, которое вы-

ражается в неуважительном отношении к обществу. Такое содержание статьи свидетельствует о замене оскорбления человеческого достоинства и нравственности на объединяющее понятие «неуважительное отношение к обществу», которое в отсутствие нормативного закрепления содержания термина «общественная нравственность» позволяет регулировать общественные отношения в сфере нравственности.

В КоАП Республик: Казахстана (ст. 440), Таджикистана (ст. 463), Туркменистана (ст. 355), Киргизии (ст. 366), Украины (ст. 178), Приднестровской Молдавской Республики (ст. 20.21) и Российской Федерации (ст. 20.21) есть статьи, аналогичные ст. 17.3 КоАП Республики Беларусь, предусматривающие ответственность за появление в общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. В КоАП Республики Узбекистан и Азербайджанской республики статей, предусматривающих ответственность за появление в общественных местах в состоянии опьянения как самостоятельного состава, так и в совокупности с видом, оскорбляющим человеческое достоинство и общественную нравственность, нет.

Во всех перечисленных КоАП, в примечаниях к статьям или в словарях терминов, используемых в них, разъяснения в отношении понятий «человеческое достоинство» и «общественная нравственность» отсутствуют.

Значимой особенностью общественной нравственности является возможная необходимость ограничения поведения индивида в общественном месте для общественного блага, даже если это противоречит его интересам и волеизъявлению. Это не говорит о том, что свобода человека должна быть ограничена в угоду общественным требованиям, но требует от него соотнесения своих действий с исторически выработанными обществом и соблюдаемыми в государстве нравственными нормами.

Таким образом, с целью восполнения пробела в правовом регулировании и предупреждения различного толкования в правоприменительной деятельности термина «общественная нравственность» предлагается ее понимать как *охраняемую нормами права совокупность исторически сложившихся и преобладающих на всей территории государства традиций, обычаев, этических норм и правил поведения людей в обществе, а также выражающие позитивные культурные, религиозные и иные существующие на современном этапе общечеловеческие ценности, позволяющие при их соблюдении обеспечить реализацию человеком личных интересов без ущемления и ограничения общественных благ.*

Итак, определив содержание термина, можно прогнозировать понимание и принятие гражданами осмысленного нравственного и положительно оцениваемого обществом поведения, предупреждающего игнорирование или ущемление общественных интересов, а со стороны сотрудников ОВД, осуществляющих охрану общественного порядка, – справедливого и обоснованного требования о его соблюдении. Практическая реализация авторского предложения видится в его опубликовании в нормативных правовых актах Республики Беларусь, рекомендательно в Кодексе Республики Беларусь о культуре, постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в части применения ст. 17.3 КоАП и (или) в ст. 1.3. КоАП «Разъяснение отдельных терминов Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях».

Список используемых источников

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 27-е изд., испр. – М. : АСТ : Мир и обозрение. – 1357 с.
2. Алексеев, С.С. Философия права / С.С. Алексеев – М. : Норма, 1998. – 329 с.
3. Разин, А.В. Этика : учебник / А.В. Разин. – М. : Акад. Проект, 2006. – 624 с.
4. Апресян, Р.Г. Нравственность [Электронный ресурс] / Р.Г. Апресян // Новая философская энциклопедия. – 2000. – Т. 4. – Режим доступа: http://enc.biblioclub.ru/Termin/175198_Nravstvennost. – Дата доступа: 15.04.2019.
5. Сучкова, В.В. Общественная нравственность в сфере половых отношений, как объект уголовно-правовой охраны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.В. Сучкова ; Моск. госуд. юрид. акад. – М., 2004. – 32 с.
6. Айкумбаев, Т.М. Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и нравственность в Республике Казахстан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Т.М. Айкумбаев ; Казах. ун-т. – Алматы, 2006. – 27 с.
7. Каратаева, Л.Н. [Электронный ресурс] / Л.Н. Каратаева // Научно-техническая конференция МГТУ. – Режим доступа: http://www.mstu.edu.ru/science/conferences/11ntk/materials/section2/section2_2.html. – Дата доступа: 20.04.2019.

8. Шантырева, Е.А. / Наука – образованию, производству, экономике / Е.А. Шантырева. – Витебск : ВГУ, 2011. – 515 с.
9. Стеллецкий, Н.С. Опыт нравственного православного богословия в апологетическом освещении / Н.С. Стеллецкий. – М. : ФИВ, 2009. – 734 с.
10. Торосян, Р.В. Преступления против общественной нравственности: вопросы криминализации, систематизации и законодательного описания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Р.В. Торосян ; Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Ростов н/Д, 2012. – 27 с.
11. Старков, Е.А. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности : дис. ... канд. юрид. наук 12.00.08 / Е.А. Старков ; Акад. упр. МВД РФ. – М., 2011. – 238 с.
12. Осокин, Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Р.Б. Осокин. – М., 2014. – 581 с.
13. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. : ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
14. Миллеров, Е.В. Уголовно-правовая охрана нравственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Миллеров ; Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Ростов н/Д, 2006. – 26 с.
15. Лысенко, В.В. Полиция дореволюционной России и противоправные проявления в области общественной нравственности (Теорет. и ист.-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В.В. Лысенко. – СПб., 1998. – 396 с.
16. Комаров, С.А. Общая теория государства и права : курс лекций / С.А. Комаров. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Манускрипт, 1996. – 312 с.
17. Шевченко, А.С. Общественная нравственность как объект уголовно-правовой охраны / А.С. Шевченко // Бизнес в законе. – 2009. – № 4 – С. 84–86.

Дата поступления в редакцию: 22.04.19

A.L. Fedorovich, Lecturer at the Department of Administrative Activities of Bodies of Internal Affairs of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PUBLIC MORALS: FROM PHILOSOPHICAL CATEGORIES TO THE CONTENT OF LEGAL TERMINOLOGY IN LEGISLATIVE ACTS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article is devoted to the formation of the content of the legal term «public morality». Based on the study of opinions of scientists, philosophers and representatives of various areas of law, the analysis of the legislation of 11 countries of the post-Soviet space, reasonable conclusions are made about the most optimal approaches to understanding of public morality in the Republic of Belarus. For the first time in the national history the complex author's definition of the term «public morality» is formed and it is proposed to incorporate the definition into the legislation.

Keywords: administrative responsibility; morality; public morality; anti-alcohol legislation; offenses, alcohol intoxication; administrative and tort law; internal affairs bodies; police; drunkenness; drug addiction; ethics; cultural studies; philosophy; theory and history of law.

УДК 342.9

А.Л. Федорович, преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: baxalex@yandex.ru);

О.И. Левщук, кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: Olga62122@mail.ru)

О НЕОБХОДИМОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНА «ОБЩЕСТВЕННАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ» В ПРАВЕ (ст. 17.3 КоАП Республики Беларусь)

Выявлены в результате многолетнего опроса специалистов проблемы в квалификации правонарушений (ч. 1 ст. 17.3 КоАП). Акцентируется внимание на отсутствие закрепления в нормативных правовых актах ряда дефиниций, используемых в диспозиции рассматриваемой нормы. Анализируются иные нормативные правовые акты, в содержании которых также присутствуют термины «общественная нравственность» и «нравственность», но отсутствует их определение. Обосновывается необходимость закрепления в законодательстве содержания исследуемого термина.

Ключевые слова: административная ответственность, нравственность, общественная нравственность, антиалкогольное законодательство, правонарушения, алкогольное опьянение, административно-деликтное право, органы внутренних дел, милиция, пьянство, наркомания.

Актуальность вопросов, связанных с общественной нравственностью, оставалась очевидной всегда. В современных условиях развития социума рассматриваемая проблема вызывает к более тщательному ее изучению.

Так, изучение мнений сотрудников милиции общественной безопасности Республики Беларусь (участковые инспекторы милиции, участковые инспекторы милиции по делам несовершеннолетних, инспекторы ДПС ГАИ, сотрудники специализированных изоляторов) за период 2011–2019 гг. позволило выявить проблемы в квалификации правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 17.3 КоАП Республики Беларусь. В результате было установлено отсутствие закрепления в нормативных правовых актах ряда значимых дефиниций, используемых в диспозиции изучаемой нормы (общественное место, человеческое достоинство, общественная нравственность, состояние опьянения, оскорбляющее человеческое достоинство и общественную нравственность, распитие алкогольных и слабоалкогольных напитков), а также отсутствие нормативного закрепления их признаков.

В этой связи можно утверждать, что если норма ст. 17.3 КоАП использует термины «человеческое достоинство» и «общественная нравственность», то она и по сути, и по факту должна коррелировать с содержанием терминов, используемых в определениях норм, регулирующих общественные отношения.

Итак, нами установлено, что содержание понятий «человеческое достоинство» и «общественная нравственность» не раскрыто ни в КоАП, ни в иных отечественных нормативных правовых актах. Такое отсутствие нормативно закрепленного содержания указанных дефиниций делает практически невозможным выявление на необходимом уровне структурно-функциональных связей между ними, а следовательно, и осуществление системного толкования содержания ст. 17.3 КоАП. Результаты проведенного анализа и умозаключений свидетельствуют о высоком уровне механизма административно-правового регулирования правоотношений в рассматриваемой области и снижение его эффективности в сфере потребления алкоголя в общественных местах. Ввиду неопределенности содержания рассматриваемой правовой нормы из-за использования как бы абстрактных терминов механизм правового регулирования не реализуется в полной мере из-за недопонимания у сторон правоотношений как самой нормы, так и ее проявления по факту в конкретном случае. Так, относительно приведенной выше правовой нормы следует понимать, что граждане фактически не могут придерживаться поведения, соответствующего требованиям общественной нравственности, по причине отсутствия законодательного определения данного термина, а сотрудники ОВД не могут привлекать правонарушителей к ответственности за совершенные действия, предусмотренные ч. 1 ст. 17.3, и одновременно не имеют возможности непосредственно требовать соблюдения норм общественной нравственности.

В этой связи С.В. Тасаков отмечает, что к устоявшемуся выражению «разрешено все, что не запрещено законом» необходимо добавить «и не противоречит общественной нравственности» [1]. Иначе говоря, определенные правила поведения в общественных местах являются нормами общественной нравственности, к которым относятся следующие: уступать место в общественном транспорте пенсионерам, беременным, даже если они претендуют не на место, специально предназначенное для инвалидов и беременных; пропускать при входе в помещение первую женщину; уважительно относиться к пожилым людям; не разговаривать громко и не кричать в общественных местах, мешая другим гражданам, и т. д.

Вообще, использование термина «общественная нравственность» в нормативных правовых актах Республики Беларусь отмечается в административно-правовом и уголовно-правовом законодательствах. Тем не менее наиболее частым в правоприменении сотрудников ОВД Республики Беларусь является использование данного термина при квалификации действий граждан за нарушение ст. 17.3 КоАП (ежегодно привлекается к ответственности не менее 250 тыс. человек). В частности, рассматриваемый термин используется более всего при квалификации действий, связанных с распитием алкогольных напитков или нахождением в состоянии алкогольного опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность.

Актуальность изучения исследуемой проблемы определяется еще и тем, что неправильное понимание гражданами существующих правовых запретов, связанных с употреблением алкоголя или неподобающим последующим поведением, может повлечь для них привлечение к административной ответственности. В этой связи логично согласиться с мнением известного американского правоведа XX в. Лона Фуллера, который в работе «Мораль права» в разделе «Правовая мораль и законы, направленные против предполагаемых пороков, не поддающихся определению» отметил: «Если законодатель, пытаясь установить некое зло, не может ясно определить цель, против которой направлен правовой акт, то очевидно, что он испытывает проблемы с тем, чтобы обеспечить ясность своих законов» [2, с. 191]. Так, выявленное нами отсутствие законодательного определения терминов «человеческое достоинство» и «общественная нравственность», как видится, способствует логическому «разрыву» во взаимодействии между лицами, исполняющими законы, и должностными лицами, контролирующими их исполнение. Лицо не может нарушить то, что нормативно не закреплено, а должностное лицо правоохранительного органа не может выявить нарушение, объективная сторона которого опирается на абстрактные термины, глубина осознания которых напрямую зависит от соотношений уровня внутренней культуры и образования субъекта рассматриваемого состава правонарушения.

Жить в обществе и быть свободным от него нельзя. И здесь знание определения общественной нравственности необходимо на уровне обыденного правосознания с целью надлежащего соблюдения норм и правил поведения в социуме. Важны при этом и знания на уровне профессионального правосознания, так как именно право регулирует отношения в обществе. Сотруднику ОВД необходимо оценить поведение лица, нарушающего нормы нравственности, охраняемые правом, потом пресечь, при невозможности принятия меры предупреждения задержать правонарушителя, начать административный или уголовный процесс и осуществлять производство по материалам и делам, передавать на рассмотрение, принимать решение по делу об административном правонарушении. При этом по некоторым категориям дел об административных правонарушениях в сфере нравственности выносить решение полномочны судьи (ч. 3 ст. 17.3 КоАП), что требует от них полных знаний состава правонарушения. Содержанием ст. 23 Конституции Республики Беларусь закрепляется, что ограничение прав и свобод личности допускается только в предусмотренных законом случаях, одним из которых является защита нравственности, чье содержание по сути и по факту не определено.

На основании вышеизложенного очевидным представляется то, что без специальных комплексных познаний правоприменителям (сотрудники ОВД, судьи, прокуроры) сложно правильно истолковывать содержание той или иной нормы права, в том числе касающейся абстрактных и незакрепленных своим содержанием в нормативных правовых актах понятий «человеческое достоинство» и «общественная нравственность».

Человеческое достоинство есть отправная точка в понимании общественной нравственности, и, не осознав сути первого, невозможно разобраться во втором. Так, ранее нами была принята попытка авторского определения понятия «человеческое достоинство» [3, с. 48–53], соответственно вполне логичным является поиск ответа о содержании понятия «общественная нравственность».

Итак, на наш взгляд, общественная нравственность обязательно предполагает свод устоявшихся в сознании большинства членов общества нравов, культурных понятий (нравственного или безнравственного) в статике. Безнравственное поведение человека может быть направлено как на личность другого (нескольких и более лиц), так и на себя самого. Общественная нравственность как составляющая социума обязательно пронизывает все его слои и зависит от возраста его членов. То, что прощительно для малолетнего, может являться безнравственным для совершеннолетнего. Для престарелых и пожилых лиц в отношении норм общественной нравственности существует своя особенная ценностная шкала. Названное подтверждает в этой связи отсутствие возможности на современном этапе полного перечисления и кодификации всех нравственных правил и тем более закрепления их содержания в нормативном правовом акте.

Возвращаясь к примеру о состоянии алкогольного опьянения, следует еще раз подчеркнуть прямую связь нахождения человека в таком состоянии и безнравственное поведение в общественных местах. У находящегося в состоянии алкогольного опьянения человека притупляется

чувство страха, стыда за свое неприличное поведение и его последствия. Но если человек ведет себя неподобающим образом у себя дома, то нормы общественной нравственности здесь не будут нарушены, так как часть изучаемого термина «общественная» предполагает принцип публичности, в жилище не усматриваемого. Под воздействием алкогольных напитков употребившему их человеку тяжело соблюдать человеческое достоинство и соотносить свое поведение с нормами морали и общественной нравственности. На сделанное ему замечание другими членами общества он реагирует обычно агрессивно, вспыльчиво, не делая должных выводов, переводя ситуацию с замечанием в конфликт, оскорбления – все то, что обуславливает наличие административной ответственности за такие и подобные действия.

Применительно к термину «общественная» важно уяснить, что у конкретного индивида, носителя прав и обязанностей, может различаться понимание нравственных правил в зависимости от объема приобретенных им в процессе воспитания и самовоспитания моральных элементов культуры поведения. Протоиерей Евгений Соколов, рассуждая о нравственности, отметил, что законы и жесткая регламентация в различных сферах жизнедеятельности нужны тогда, когда общество безнравственно, и чем более оно безнравственно, тем больше ему нужны законы и контролирующие органы [4].

Так, значимым элементом изучения нравственного поведения в обществе, кроме знания и понимания всего объема нравственных правил, является отношение индивида к нравственным нормам поведения в обществе. Кто-то их соблюдают полностью, кто-то – частично, а некоторые умышленно игнорируют и открыто демонстрируют нравственный нигилизм.

Для определения содержания понятия общественной нравственности требуется изначально проследить ее преемственность: этика – нравственность – общественная нравственность, где этика – совокупность норм поведения, мораль какой-нибудь общественной группы, профессии, правила нравственности и сама нравственность; нравственность – правила, определяющие поведение, душевные и духовные качества, необходимые человеку в обществе, а также выполнение этих правил поведения. И здесь можно сказать, что только все вместе: этика и нравственность – составляет общественную нравственность.

Л.М. Архангельский, например, говорит, что «нравственность – это не только суждение о добре, зле и справедливости, которое навязывается человеку обществом. На первом плане находится внутреннее убеждение индивидуума» [5]. Продолжая мысль, можно сказать, что общественная нравственность есть правила поведения человека в обществе и требования по их соблюдению вне зависимости от того, принимаешь ли ты и разделяешь ли их внутренне.

Понимание и поддержание баланса между общественной нравственностью и нравственностью как таковой заставляет индивида придерживаться нравственных устоев, одобряемых обществом, в котором он пребывает. Но в этой очевидной и понятной оценке общественной нравственности как раз и кроется имеющее место отсутствие нормативного закрепления внутренней составляющей (стержня) термина. Например, человек, отбывающий наказание в местах лишения свободы, находясь в обществе других осужденных, часто невольно подчиняется их негласным правилам, традициям и нравам, принимая «тюремную» мораль и осознавая ее неприемлемость после освобождения. Освободившись из мест лишения свободы, человек может транслировать АУЕ-поведение (арестанский уклад един), празднуя освобождение, например в ресторане, совместно с лицами, вместе с ним отбывавшими наказание, и позволить себе по отношению к другим отдыхающим в заведении демонстрировать прежние, неприемлемые нормы поведения, а иногда при этом требовать от окружающих уважительного к себе отношения. В качестве еще одного примера можно привести правила поведения военнослужащих на территории воинской части, которые регулируются уставами, а нравственные нормы часто уходят на второй план, заменяются служебным этикетом. Это не доказывает, что при доминировании уставов в поведении военнослужащего нормы нравственности не выполняются. Уставные требования дополняются различными внутренними регулятивами. Таким образом, можно подчеркнуть, что подход к общественной нравственности как исключительно к правилам и традициям поведения, сформированным только в окружающем социуме, видится недопустимым и не может быть принят за основу при формировании искомого термина. Для этого нужны дополнительные элементы, которые позволяют сбалансировать определение согласно положительным нормам и идеалам, харак-

терным для большинства членов общества и нации, проживающей на территории государства в целом вне зависимости от имущественного, духовного или должностного статуса.

Формируя содержание понятия общественной нравственности, требуется учитывать нравственные правила поведения белорусской нации и культурно-исторические корни, а также то, что правила постоянно дополняются новыми социальными и техническими изменениями. Сегодня, например, считается безнравственным, находясь в общественном транспорте, смотреть в экран телефона другого пассажира, читать его переписку и т. д., и здесь возражений быть не может.

Под воздействием динамично развивающихся миграционных процессов, из-за увеличения количества мигрантов, исповедующих свою религию и придерживающихся нравов, характерных для своей нации, страны Европейского континента претерпевают существенные культурно-религиозные изменения, часто сопровождающиеся ущемлением интересов коренного населения. Приезжие мигранты вопреки действующим правилам требуют для себя различных предпочтений (например, находиться в образовательных учреждениях и быть изображенными на паспорте в парандже, неоднократно приостанавливать исполнение трудовых обязанностей для молитвы в священное время и т. д.). Характерным для поведения мигрантов является иногда отсутствие уважения к духовно-нравственным ценностям коренного населения (считая территорию своего настоящего пребывания не «священной» землей, т. е. местом, где можно игнорировать существующие нравственные нормы и религиозные догмы). Например, министр внутренних дел Германии Хорст Зеехофер, представляя в Берлине криминальную статистику Федерального ведомства по уголовным делам (ВКА) за 2017 г., отметил, что число убийств, совершенных пребывающими на территории Германии мигрантами, растет [6].

В настоящем исследовании не рассматривается отношение к вопросу о целесообразности изменения миграционного потока, а лишь отражается необходимость закрепления содержания термина «общественная нравственность», необходимого для соблюдения принципов нравственности и защиты от нежелательного влияния на нравственные правила, свойственные коренному населению, проживающему на территории государства.

В сложившейся схеме перетекания нравственной нормы поведения в норму требований какой-либо деятельности или мер безопасности, а далее в охранительную норму требуется учесть, что после принятия охранительной нормы обязательно определяется субъект, наделенный полномочиями по ее правоприменению, осуществляется толкование нормы права, а на уровне ведомственного законодательства будут разработаны рекомендации и требования по оптимизации данной деятельности. Таким образом, представляется очевидным, что без определения содержания понятия общественной нравственности в регулятивной норме закрепить требование к ее выполнению и дать ее содержание в охранительной норме невозможно. Соответственно, дальнейшее разъяснение по оптимальному юридическому и тактическому применению данной нормы и мерам профилактики на уровне ведомственного законодательства, внутриведомственных приказов и инструкций нецелесообразно, так как в таком случае теряется всякий здравый смысл.

Необходимо принять во внимание, что как только нравственная норма дублируется нормой права, она выходит на вышестоящий уровень и автоматически теряет свой первоначальный статус исключительно нравственной нормы. Из этого следует, что нравственные правила поведения все больше трансформируются в нормы права. В этой связи нормы права, регулирующие отношения относительно норм нравственности, сегодня логично разделить на два уровня:

нормы внутриведомственного регулирования, устанавливающие правила поведения на определенной территории или объектах организации, ведомства, корпорации, регулирующих нормы нравственности в определенной отрасли или сфере;

нормы, переводящие нравственные правила поведения в нормы права общеобязательного характера (закон, декрет, указ, постановление); нормы охранительного характера, делящиеся на обеспечивающие исполнение норм права, конкретизирующих определенные действия как противоправные (бывших норм нравственности), и нормы охранительного характера общего содержания, обеспечивающие исполнение неконкретизированных нравственных норм (например, ч. 1 ст. 17.3 КоАП).

Нравственные нормы, характерные исторически и территориально для нации и воспроизводимые из поколения в поколение, полностью нормативно закрепить невозможно, но каждый

юрист, по роду своей деятельности дающий квалификацию тому или иному поступку граждан, должен понимать, что нарушение норм права является поступком безнравственным, но не каждый безнравственный поступок, будучи аморальным по своей природе, является нарушением нормы права, поэтому необходимо определить, какие именно безнравственные поступки, абстрактно указанные в норме права, образуют объективную сторону противоправного действия, а какие – нет. Такое разделение возможно только при уяснении, чем наполнено содержание искомой общественной нравственности.

В отечественных нормативных правовых актах и в законодательстве Российской Федерации толкование термина общественной нравственности еще не нашло своего закрепления, что при правоприменении административно-деликтного законодательства, имеющего в структуре такой термин, создает трудности при квалификации правонарушения. Как показывает практика изучения в судах жалоб граждан на незаконно вынесенные в отношении них постановления о привлечении к административной ответственности по ст. 17.3 КоАП, главной и объективной причиной, вызывающей недовольство субъектов правонарушения, является отсутствие у них и у сотрудников ОВД, ведущих административный процесс, необходимых познаний о нравственности. Чем меньше нравственности в поведении субъекта права, тем выше уровень правового нигилизма, а, соответственно, необходимо больше трудиться правоохранительным органам, затрачивая бюджетные средства, предупреждая и пресекая противоправные действия, ведь нравственные нормы являются неформальным регулятором общественных отношений между людьми, и при отсутствии их закрепления охранительная норма в статике требуемого охранительного эффекта не дает.

Административист М.С. Студеникина относительно изучаемого вопроса указывает, что «при посягательстве на отношения, не регламентированные нормами права, нельзя вести речь об объекте правонарушения, так как налицо будет лишь аморальное, антинравственное поведение, но никак не противоправное деяние. Поэтому объектом правонарушения могут быть лишь те общественные отношения, защита которых обеспечена административными санкциями» [7, с. 72]. Указанное как нельзя лучше подчеркивает необходимость нормативного закрепления значения используемых в кодифицированном законе терминов.

В сложившейся двухполярной парадигме деления поступков на нравственные (хорошо) и безнравственные (плохо) у человека с нравственным чувством непосредственно связано и нравственное суждение, которое его одобряет и отрицательно относится к безнравственному, в чем, по мнению философа XIX в. Б.Н. Чичерина, «и состоит прирожденное человеку нравственное чувство, выражением которого является справедливость» [8, с. 169]. По его мнению, нравственность, как и совесть, у каждого человека имеет внутреннее мерило, потому у каждого разное «шаткое и изменчивое» [8, с. 169].

Даже основное мерило нравственности – нравственный идеал – не может сегодня быть у всех людей одинаковым, так как на уровне религиозного сознания он один, на уровне атеистического сознания – другой, что и обосновывает необходимость нормативного закрепления содержания термина «общественная нравственность».

Список используемых источников

1. Тасаков, С.В. Нормы общественной нравственности и их роль в совершенствовании действующего уголовного законодательства // Рос. юстиция. – 2017. – № 12. – С. 21–23.
2. Фаулер, Л. Мораль права / Л. Фаулер. – перераб. и доп. – М. : ИРИСЭН ; Челябинск : Социум. – 2015. – 305 с.
3. Федорович, А.Л. Понятие человеческого достоинства в юридической науке и законодательстве на примере ст. 17.3 КоАП / А.Л. Федорович // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 48–54.
4. Соколов, Е. О нравственности, толерантности и их взаимосвязи в нашей жизни [Электронный ресурс] / Е. Соколов // Информационное агентство «Православие на Северной земле», 28 сент. 2012. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie-nord.ru/2007/1/4633>. – Дата доступа: 12.04.2019.
5. Методология этических исследований / под ред. Л.М. Архангельского. – М. : Наука, 1982. – 121 с.
6. Жолквер, Н. Кто совершает преступления в Германии [Электронный ресурс] / Н. Жолквер // Информационный интернет канал: Новости и аналитика о Германии, России, Европе, мире. 09 мая 2018. – Режим доступа: <https://www.dw.com/cda/ru/a-43702241> – Дата доступа: 12.04.2019.

7. Студеникина, М.С. Состав административного проступка / М.С. Студеникина // Учен. зап. – М. : ВНИИСЗ, 1968. – № 15. – С. 71–87.

8. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. – М. : URSS : Либроком, 2016. – 336 с.

Дата поступления в редакцию: 12.04.19

A.L. Fedorovich, Lecturer at the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; O.I. Levshuk, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ON THE NEED TO DETERMINE THE CONTENT OF THE CONCEPT OF PUBLIC MORALITY IN THE LAW (ART. 17.3 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

As a result of a multi-year experts, inquiry problems in the qualification of offenses (part 1 of Art. 17.3 of the administrative Code) are identified. Attention is focused on the absence of a number of definitions used in the disposition of the norm, in the normative legal acts. Other normative legal acts are analyzed, which also contain the terms “social morality” and “morality”, but they are not defined. The necessity of legislative fixation of the definition of the term is substantiated.

Keywords: administrative responsibility; morality; public morality; anti-alcohol legislation; offenses, alcohol intoxication; administrative and tort law; internal affairs bodies; militia; drunkenness; drug addiction.

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.985

*Н.Н. Беломытцев, адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: belomitcev64@gmail.com)*

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ СЛЕДОВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ХИЩЕНИЯ ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ

В двух частях

Часть 1

Анализируется механизм образования, а также рассматриваются существующие классификации следов совершения хищения путем использования компьютерной техники. Исследуются актуальные теоретические и прикладные вопросы, связанные с определением понятия электронно-цифровых следов, изучение которых обосновывает использование категории «электронно-цифровой след».

Ключевые слова: электронно-цифровой след, механизм следообразования, носитель электронно-цифровой информации.

Расследование любого вида преступного деяния в первую очередь связано со сбором информации, имеющей отношение к произошедшему событию. Преступления, в которых средством их совершения выступают компьютерные и иные программно-технические средства, имеют специфическую следовую картину. Остаются следы также на всевозможных носителях цифровой информации. Сбор непосредственно материальных или идеальных следов в традиционном их понимании у большинства сотрудников обычно не вызывает особых затруднений, однако при работе с электронно-цифровыми следами появляются определенные сложности. В этой связи специфика механизма электронно-цифрового следообразования при совершении хищений путем использования компьютерной техники требует более глубокого осмысления и исследования.

В мировой практике изучением понятия следов, процесса их образования, установления, выявления, фиксации и сбора занимались Б.И. Шевченко, Л.К. Литвиненко, Д.А. Турчин, И.Н. Якимов, И.Ф. Крылов, Г.Л. Грановский; экспертным исследованием следов – С.М. Потапов, А.Н. Василевский и И.М. Зельдес. Непосредственно вопросы классификации следов рассматривались в специальных исследованиях, среди которых необходимо отметить публикации А.Р. Белкина, Б.М. Комаринца, Г.Л. Грановского, Г.А. Матусовского, В.Е. Корноухова, И.Н. Пророкова, В.А. Образцова, Д.И. Шевченко, В.И. Попова, И.Н. Якимова и др.

Анализ современных теоретических, практических и научных исследований показал, что деление следов преступлений на материальные (зафиксированные в виде изменения внешней среды и объектов, ее образующих (следы-отображения, следы-вещества, следы-предметы)) и идеальные (оставшиеся в памяти подозреваемых (обвиняемых), потерпевших и свидетелей) обуславливает свою эффективность и значимость при расследовании практически всех видов преступлений, в том числе и против информационной безопасности, к которым, на наш взгляд, в определенной степени относятся и хищения путем использования компьютерной техники. При этом мы исходим из того, что теоретические основы материальных и идеальных следов достаточно всесторонне и полно разработаны в криминалистической науке и соответственно не нуждаются в дополнительных пояснениях.

Теория отображения гласит, что любая подготовка обладает свойством отражения – способностью материальных объектов при взаимодействии между собой запечатлевать воздействия на них других материальных объектов. С позиции указанной теории подготовка, совершение и сокрытие любого преступления, в том числе хищения путем использования компьютерной техники, как определенное событие материального мира всегда влечет за собой определенные изменения в окружающей среде, так как отражение присутствует всегда, когда происходит взаимодействие двух и более материальных объектов. Таким образом, можно сказать, что любые преступные действия – это оставленные следы (материальные, идеальные, на носителях цифровой информации), которые сохраняются на следовоспринимающем объекте определенное время.

В рамках вопроса о процессе следообразования логично обратиться к мнению Р.С. Белкина. Ученый считает, что природа информации, носителями которой выступают объекты следообразования, различна. При этом следообразующий (отражаемый) объект – носитель непосредственной, первичной информации, выражающейся в совокупности присущих ему индивидуальных и устойчивых свойств и признаков; следовоспринимающий (отражающий) объект – носитель отраженной, производной от первого объекта, «вторичной» информации, возникшей вследствие контакта, т. е. взаимодействия. В результате взаимодействия указанных объектов, по мнению Р.С. Белкина, устанавливается причинно-следственная связь между ними на основе их связи с произошедшим событием. Но здесь важно понимать, что следовоспринимающий объект несет информацию не только об отражаемом объекте, а является носителем информации о механизме следообразования, т. е. о действиях с отражаемым объектом или самого отражаемого объекта. В данном случае отражаемый объект выступает средством передачи информации о способе, а через него – и о субъекте действия [1, с. 63]. Такая информация передается от материального объекта к другому материальному объекту, а при совершении хищений (путем использования компьютерной техники) передается в первую очередь при помощи электронно-цифровых носителей данных – следовоспринимающих объектов. Следовательно, информация может быть передана в пространстве, сохранена во времени и подвергнута обработке.

До настоящего времени электронно-цифровые (виртуальные) следы чаще всего исследовались в контексте изучения отдельных аспектов расследования преступлений против информационной безопасности, специфики следственных действий и экспертных исследований компьютерной техники. Непосредственно исследования, посвященные электронно-цифровым следам, феномену их образования, отображения как в цифровом, так и в реальном мире занимались В.А. Мещеряков [2], В.Ю. Агибалов [3], В.Б. Вехов [4], В.А. Милашев [5], П.В. Мочагин [6], А.В. Касаткин [7], Ю.В. Гаврилин [8] и др. В отношении названия данных следов, их содержания и места в теории криминалистики учеными высказывались различные мнения. Многие авторы считают необходимым выделение электронно-цифровых следов в отдельную группу, называя их виртуальными (В.А. Мещеряков), «бинарными» (В.А. Милашев), виртуально-информационными (П.В. Мочагин), компьютерными (А.В. Касаткин) и т. д. Некоторые авторы также указывают на уникальность образования, существования и исследования данных следов, при этом обосновывая материальную суть и природу электронно-цифровых следов (Ю.В. Гаврилин).

Так, по мнению В.Б. Вехова, электронно-цифровой след – это любая криминалистически значимая компьютерная информация, т. е. сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных взаимодействий, либо передающиеся по каналам связи посредством электромагнитных сигналов [4, с. 90, 94]. По мнению В.Н. Черкасова, следы на компьютерных носителях по сути являются материальными и не отличаются от иных следов за исключением сложности инструмента и процесса их образования. Однако указанное не является поводом для пересмотра методологии и понятийного аппарата, а только причиной для совершенствования конкретных, реальных, практических методик и методов [9, с. 70]. Е.А. Лушин также считает данные следы электронно-цифровыми, так как в компьютерных системах они образуются в результате движения электронов и хранятся в памяти электронных устройств в виде двоичного кода [10, с. 161].

Видится логичным согласиться с мнением вышеперечисленных авторов в отношении названия «электронно-цифровые следы», так как следы от воздействия электронов могут оставаться не только на различных носителях данных, но и на других объектах (например, на перегоревшем шлейфе проводов, который нагрелся от воздействия электрического тока, т. е. в результате движения электронов в проводнике). В этой связи для конкретизации и отличия понятий целесообразно использовать и слово «цифровые», потому что в памяти электронных устройств данные представлены в виде именно цифрового кода, или изменения, образованные движением электронов и зафиксированные в цифровом (двоичном) коде.

В рамках исследуемого вопроса важно учитывать и тот факт, что в основе механизма образования рассматриваемых следов заложено особое электронно-цифровое отображение, возникающее в искусственно созданных средах: канале связи, информационной (операционной) системе, информационно-телекоммуникационной сети, памяти различных электронно-цифровых носителей информации и т. д. В этой связи качественные характеристики отображенных данных напрямую зависят от особенностей данных сред, специально заложенных разработчиками. Названные факторы определяют объем получаемых криминалистически значимых признаков и сведений, которые в дальнейшем обычно связаны с уголовно-релевантной информацией, содержащейся в формирующихся электронно-цифровых следах. При этом на электронно-цифровом носителе фиксируются не свойства наблюдаемого физического процесса (звук, изображение, видео и т. п.), а только цифровые значения параметров определенной математической модели, заложенной в основу программно-технического устройства регистрации его фактического проявления.

Зафиксированный на электронно-цифровом носителе информации след представляет собой сложную структуру данных, в которой вместе со значимой для расследования уголовного дела информацией содержится определенный объем вспомогательных данных, необходимых для его целостности и возможности расшифровки с помощью соответствующих программно-технических устройств и последующего непосредственного восприятия человеком.

В данном случае вполне обоснованным будет согласиться с мнением В.А. Мещерякова, который указывает, что электронно-цифровой след не имеет физически целостной структуры; может состоять из большого количества отдельных информационных элементов, которые при этом могут быть записаны как на одном, так и на нескольких электронно-цифровых носителях информации, подключенных к одному или нескольким (возможно, территориально расположенным на значительных расстояниях) программно-техническим средствам, объединенных в информационную систему или информационно-телекоммуникационную сеть. В данном случае получаемая структура электронно-цифрового следа в каждый конкретный момент зависит от технических особенностей регистрирующего программно-технического устройства (используемый микропроцессорный набор, вид операционной системы, вид файловой системы электронно-цифрового носителя информации, стандартов обмена информацией и т. п.) и от его текущего состояния (объем уже записанной информации на электронный носитель, включенные/выключенные параметры конфигурации аппаратного и программного обеспечения) [11, с. 269]. Соответственно, важно понимать, что электронно-цифровые данные физически не могут существовать без электронно-цифровых носителей, на которых они отображаются и хранятся.

По мнению В.Б. Вехова, электронно-цифровые носители данных относятся к категории следов-предметов или частей предметов и представляют собой технические устройства или технологические системы, предназначенные для фиксации, хранения, накопления, преобразования и (или) передачи компьютерной информации. Условно автор предлагает указанные носители разделить на семь групп:

машинные носители информации (ферромагнитная полимерная лента (полоса) или металлическая нить, гибкий полимерный или жесткий магнитный диск, жесткий оптический или магнитооптический диск и пр.);

интегральные микросхемы (идентификационные карты на интегральных микросхемах типа «sim-карта» и пр.);

микроконтроллеры (так называемые электронные проездные документы, USB-драйверы, flash-карты и пр.);

электронные вычислительные машины (компьютеры, активное серверное оборудование, банкоматы, терминалы, контрольно-кассовые машины, сотовые радиотелефоны, ресиверы, видеорегистраторы и пр.);

комбинированные носители информации (платежная карта с магнитной полосой и интегральной микросхемой и т. п.);

информационные системы;

информационно-телекоммуникационные сети (например, сеть Интернет) [12, с. 16–17].

Так, В.Е. Козлов предлагает без указания на виртуальность электронно-цифровых следов следующую их классификацию:

по характеру изменений (структурные файловые следы и внешние файловые следы);

по степени завершенности процесса обработки команд (стабильные во времени файловые следы и временные файловые следы);

по размещению (локальные файловые следы и сетевые файловые следы);

следы отображения внешнего физического воздействия на программно-технические средства (средства компьютерной техники) [13, с. 152].

А.Г. Волеводз одним из оснований для классификации рассматривает непосредственно физический носитель электронного следа и выделяет следующие следы:

на жестком диске (винчестере), магнитной ленте (стримере), оптическом диске (CD, DVD), дискете (флоппи-дискете);

в оперативных запоминающих устройствах (ОЗУ) ЭВМ;

в ОЗУ периферийных устройств (например, принтера);

в ОЗУ компьютерных устройств связи и сетевых устройств;

в проводных, радио-оптических и других электромагнитных системах и сетях связи [14, с. 159].

Представленное деление, по нашему мнению, имеет определенные недостатки: количество и разновидность носителей цифровых данных постоянно увеличивается, а ранее используемые с каждым днем теряют свою актуальность или вообще перестают использоваться (магнитные ленты, дискеты и т. д.)

Любые действия с программно-техническими устройствами (смартфоны, планшеты, персональные компьютеры, ноутбуки и т. д.) получают непосредственное отражение на их носителях цифровой информации. В этой связи А.Б. Смушкин предлагает электронно-цифровые следы классифицировать по произошедшим событиям и действиям, месту их образования в памяти компьютера при эксплуатации:

включение, выключение, различные операции с содержимым памяти компьютера (отображаются в журналах администрирования, журналах безопасности и т. д.);

действия с наиболее важными для работы компьютера программами (установка, удаление и т. д.) отражаются в реестре компьютера (рег-файлах);

сведения о работе в сети Интернет, локальных и иных сетях (аккумулируются в так называемых log-файлах);

операции с файлами (отражаются в их свойствах (например, текстовые файлы с разрешением docx) время создания, последнего открытия, изменения файла и т. д.) [15, с. 43].

Анализ различных подходов к классификации позволяет отметить, что для использования с целью раскрытия и расследования преступлений электронно-цифровых следов, содержащихся на оригинальном электронно-цифровом носителе, всегда производится их перекодировка в форму, доступную для ее восприятия (отображение на экране монитора программно-технического устройства изображений, текста, динамического изображения (видео), прослушивание аудиозаписи и т. д.).

Приведенный анализ существующих точек зрения позволяет сделать следующие выводы:

рассматриваемые следы (электронно-цифровые) относятся к группе материальных следов, при этом невидимых и требующих законодательной регламентации порядка обращения с ними с целью единообразного применения норм уголовно-процессуального законодательства при работе с ними;

в основе механизма образования данных следов заложены электромагнитные взаимодействия двух и более устройств хранения, обработки и передачи электронно-цифровых данных;

следами-предметами либо следами-частями предметов рассматриваемых следов выступают электронно-цифровые носители (машинные носители информации, интегральные микросхемы, микроконтроллеры, комбинированные документы, ЭВМ, информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и т. д.);

для удобства восприятия и дальнейшего использования информации, которую возможно получить при анализе электронно-цифровых следов, необходимо производить их перекодировку в форму, доступную для понимания и оценки как следователем (сотрудником, осуществляющим предварительное следствие), так и иными лицами, имеющими отношение к расследованию уголовного дела.

Окончание следует

Список используемых источников

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня: злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2001. – 237 с.
2. Мещеряков, В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования / В.А. Мещеряков. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 408 с.
3. Агибалов, В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе / В.Ю. Агибалов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 152 с.;
4. Вехов, В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств её обработки / В.Б. Вехов. – Волгоград : Волгогр. акад. МВД России, 2008. – 404 с.
5. Милашев, В.А. Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.А. Милашев. – М., 2004. – 22 с.
6. Мочагин, П.В. Идентификация виртуально-информационного и невербального слеодообразований как новое направление в криминалистике / П.В. Мочагин // Вестн. ИжГТУ. – 2013. – № 3. – С. 148–154.
7. Касаткин, А.В. Тактика собирания и использования компьютерной информации при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Касаткин. – М., 1997. – 215 л.
8. Гаврилин, Ю.В. Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики: теоретические, организационно-тактические и методические основы : дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.09 / Ю.В. Гаврилин. – М., 2009. – 404 л.
9. Черкасов, В.Н. Еще раз о терминах / В.Н. Черкасов // Информ. безопасность регионов. – 2008. – № 2. – С. 70–71.
10. Лушин, Е.А. О термине «электронно-цифровые следы» / Е.А. Лушин // Сб. следств. ком. России. Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – № 4. – С. 161–163.
11. Мещеряков, В.А. Следы преступлений в сфере высоких технологий // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 5. – С. 265–270.
12. Вехов, В.Б. Электронные следы в системе криминалистики В.Б. Вехов, Б.П. Смагоринский, С.А. Ковалев // Судеб. экспертиза. – 2016. – № 2. – С. 10–18.
13. Козлов, В.Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью / В.Е. Козлов. – М. : Горячая линия – Телеком, 2002. – 336 с.
14. Волеводз, А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества / А.Г. Волеводз. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 496 с.
15. Смушкин, А.Б. Виртуальные следы в криминалистике / А.Б. Смушкин // Законность. – 2012. – № 8. – С. 43–45.

Дата поступления в редакцию: 29.03.19

N.N. Belomyttsev, postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

FEATURES OF FORMATION OF TRACES IN COMMITTING THEFT BY MEANS OF COMPUTER TECHNOLOGY (PART 1)

The mechanism of formation is analyzed, and also existing classifications of traces of Commission of plunder by use of computer equipment are considered. Current theoretical and applied issues related to the definition of the concept of electronic-digital traces are studied, on the basis of which the use of the category «electronic-digital trace» is justified.

Keywords: electronic digital footprint, the mechanism of formation of traces, storage media of digital information.

УДК 614.841.2.001.2

А.В. Волосач, магистр технических наук, старший преподаватель филиала Института переподготовки и повышения квалификации Университета гражданской защиты МЧС Республики Беларусь (e-mail: pchs_iprk@mail.ru);

А.В. Коцуба, магистр технических наук, старший преподаватель филиала Института переподготовки и повышения квалификации Университета гражданской защиты МЧС Республики Беларусь (e-mail: Kotsuba.a@mail.ru)

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПОЖАРОВ

Предлагается к рассмотрению опыт внедрения в образовательный процесс интерактивных методов обучения при проведении учебных занятий с работниками Следственного комитета. Акцентируется внимание на практических примерах применения данных методов при изучении порядка осмотра места пожара.

Ключевые слова: пожар, расследование пожаров, осмотр места пожара, обучение, деловая игра.

Несмотря на общее снижение количества пожаров, статистические данные МЧС Беларуси свидетельствуют о том, что в последние годы в стране сохраняется высокий уровень количества пожаров с человеческими жертвами и материальными потерями. Ежегодно в стране происходит свыше 5 тыс. пожаров (например, за 2018 г. по статистическим данным МЧС зафиксировано 6 104 случая пожаров) [1]. Серьезной проблемой остаются вопросы, связанные с определением очага пожара и установлением причины пожара.

При расследовании пожаров следователь часто сталкивается с вопросами, требующими пожарно-технических знаний. Для их разрешения чаще всего назначается пожарно-техническая экспертиза с целью выяснения условий и времени возникновения пожара, особенностей развития горения во время пожара, последовательности распространения огня.

Реконструкция допожарной и пожарной обстановки сопряжена с существенными трудностями: изменениями во время горения, потерей механической прочности конструкций, механическим и химическим воздействием струй воды или прочих огнетушащих веществ, вскрытием конструкций и перемещением предметов пожарными и другими лицами, проводящими работы по спасению людей и ликвидации пожара [2].

Одной из главных задач, решаемых при осмотре места пожара, является обнаружение очага пожара. Решение ее осуществляется на основе информации по результатам изучения термических поражений конструкций и предметов и выявления так называемых очаговых признаков [3]. Причины возникновения и распространения пожаров различны, но чаще всего таковыми выступают нарушения правил пожарной безопасности или злой умысел, точно определить которые возможно после тщательного расследования.

Осмотр места происшествия – одно из основных следственных действий [4, с. 216–217], в том числе по делам, связанным с пожарами, так как первые данные, влияющие на расследование любого пожара, о его причинах и виновных лицах можно получить именно в результате проведения такого осмотра.

При наличии в заявлениях, сообщениях о пожарах сведений о предполагаемых поджогах, об использовании огня как средства совершения (либо сокрытия) преступления, о причинении ущерба (вреда) в крупном или особо крупном размерах, смерти человека, тяжких или менее тяжких телесных повреждениях, приостановке или длительном затруднении работы учреждения, предприятия или организации, уничтожении или повреждении имеющего историческую, художественную или иную общественную ценность имущества, загораниях на находящихся в пути следования транспортных средствах на место происшествия выбывает следственно-оперативная группа (далее – СОГ) во главе со следователем. При этом работник органов государственного пожарного надзора принимает участие в осмотре места пожара в качестве специалиста согласно утвержденной Инструкции.

Как показывает практика, при осмотре места пожара серьезные затруднения вызывает определение причины пожара и обстоятельств его возникновения. Вообще осмотр места пожара

отличается от осмотра других мест происшествий большей трудоемкостью, опасными условиями работы, сопряжен с разборкой и расчисткой остатков конструкций, тщательным просмотром пожарного мусора, загазованностью места осмотра раздражающими и токсичными веществами. Кроме того, работникам органов дознания и следствия при проведении осмотра достаточно проблематично выяснить все обстоятельства пожара. Указанные обстоятельства приводят к тому, что расследование по делам о пожарах носит поверхностный характер. Здесь также важно принять во внимание, что есть ряд других причин, негативно влияющих на качественный осмотр места пожара [5].

Основная (первая) причина видится в слабой профессиональной подготовке следователей по расследованию преступлений данного вида. Следователь (лицо, осуществляющее дознание) не всегда способен верно определить границы осмотра места пожара, не нацелен на обнаружение и фиксацию признаков действия пожара, имеет о них представление только в общем виде. В частности, степень обнаруженных повреждений, их направленность и прочее он зафиксировать не может, так как не обладает в достаточном объеме специальными знаниями и навыками в рассматриваемой области. В этой связи для проведения подобных осмотров необходимо привлекать профессионалов, специализирующихся по расследованию подобных дел, соответствующих экспертов-криминалистов и других специалистов. Так, при необходимости выяснения особенностей технологического процесса, специфики работы оборудования на производстве могут привлекаться инженер или другой работник, способный дать предметные разъяснения. Для уточнения схемы подачи электропитания, подключения и устройства электрооборудования к проведению осмотра может привлекаться инженер-электрик [7].

Второй причиной следует назвать непринятие мер по установлению очевидцев совершения преступления и поверхностный опрос лиц, имеющих отношение к пожару.

При этом не всегда следователь опрашивает:

участников тушения пожара в отношении того, какие ими внесены изменения в обстановку места пожара;

свидетелей происшедшего горения о том, как оно распространялось;

хозяев (соседей) сгоревшего имущества, исполнителей работ (сварочных) о наличии приборов, включенных в сеть; данных о цвете дыма, о возможных хлопках и взрывах перед возникновением пожара; какое отопление было на объекте, где произошел пожар; был ли он электрифицирован.

Кроме показаний пожарных и свидетелей объективная информация о случившемся может быть получена при непосредственных наблюдениях специалиста в ходе пожара. Сведения о том, куда, когда и в какой последовательности подавались огнетушащие средства при тушении, могут оказаться необходимыми в дальнейшем при поисках очага пожара, его дифференциации и очагов горения.

Третья причина заключается в слабом применении криминалистической техники, отсутствии видео- и фотофиксации процесса горения, когда СОГ уже находится на месте пожара. Наблюдение за развитием пожара и его ликвидацией должно сопровождаться фото- и (или) видеосъемкой. Практикой отмечается, что фотографирование объекта с нарушением правил криминалистической фотосъемки (фотоснимки мало информативны, отсутствует детальная фотосъемка) происходит достаточно часто. Существует проблема в недостаточном исследовании необгоревших и обгоревших предметов, на которых могли сохраниться следы, несущие информацию о пожаре и причине его возникновения.

Четвертой причиной следует указать низкий уровень взаимодействия ведомств и служб при расследовании пожаров. Следователь редко организывает согласованную деятельность всех членов СОГ на месте пожара, часто не привлекает работников органов ГПН к осмотру места пожара для оказания помощи в обнаружении и фиксации следов, предметов и иных объектов; составлении протокола осмотра места происшествия, планов-схем; изъятии и упаковке объектов с места пожара.

Пятой причиной являются недостатки заключительного этапа – оформления результатов осмотра. Так, не всегда к протоколу составляются развернутые схемы места происшествия с привязкой к сторонам света, схемы электроснабжения объекта.

Важно сказать и о проведении осмотров мест происшествия, в ходе которых не выявляются и не изымаются вещественные доказательства. Не всегда отмечается, откуда изъят пожарный мусор, либо он изымается из разных мест в один пакет.

С целью устранения перечисленных недостатков проведения осмотра места пожара следователями и для упорядочивания процесса их работы на месте происшествия в филиале Института переподготовки и повышения квалификации УГЗ МЧС Беларуси осуществляется обучение по образовательной программе повышения квалификации руководящих работников и специалистов Следственного комитета Республики Беларусь «Расследование пожаров».

Не всегда традиционные формы обучения (семинар, практическое занятие) способствуют решению поставленных задач. В этой связи идет речь о необходимости применения новых, в том числе нестандартных методов обучения, направленных на формирование у обучаемых навыков самостоятельного решения сложных профессиональных задач. Так, учебное занятие по теме «Осмотр места пожара» проводится в форме нестандартного (с элементами деловой игры).

Такие занятия рекомендуется проводить в три этапа: подготовка; проведение; подведение итогов работы и выставление оценок.

На этапе подготовки создаются все условия для успешного развития и завершения занятия. При этом преподавателями осуществляется большая организационная работа. Очень важно подготовиться к игре заранее. На данной стадии готовятся три учебные площадки по расследованию пожаров в жилых зданиях и строениях. Оснащение площадок происходит с учетом преобладающей статистики количества пожаров, происходящих в жилом секторе. Для создания реальной обстановки, характерной для пожара в таких помещениях, предварительно подготавливаются рабочие места с созданием на них нескольких модельных очагов пожара (для последующего выявления обучаемыми при проведении осмотра места пожара).

Первая площадка (рис. 1) представляет собой панельный одноэтажный жилой дом с двумя комнатами и кухней. Перекрытие выполнено из деревянных балок. Покрытие кровли – из металлочерепицы.

Рис. 1. Модели очагов пожара на площадке № 1

Вторая площадка (рис. 2) – деревянный однокомнатный жилой дом. Перекрытие дома выполнено из деревянных балок. Кровля дома крыта шифером по деревянной обрешетке.

Рис. 2. Модели очагов пожара на площадке № 2

Третья площадка (рис. 3) – жилая квартира в многоквартирном жилом доме с двумя комнатами.

Рис. 3. Модели очагов пожара на площадке № 3

На втором этапе игры идет работа на месте пожара, которая проводится на описанных площадках. В ходе занятий отрабатываются следующие позиции:

- осуществление взаимодействия подразделений Следственного комитета с органами государственного пожарного надзора, органами внутренних дел, подразделениями Государственного комитета судебных экспертиз при поступлении заявлений, сообщений о пожарах;
- организация и порядок осмотра места пожара;
- первоначальные действия на месте пожара;
- подготовительная стадия осмотра места пожара;
- статический и визуальный осмотры;
- динамический осмотр по установлению очага пожара и обнаружение вещественных доказательств для исследования;
- заключительная стадия осмотра места пожара;
- фиксация хода и результатов осмотра;
- составление протокола осмотра места пожара.

При проведении занятий необходимо соблюдать определенный алгоритм. Так, все слушатели разбиваются на три малых группы по числу учебных площадок. На каждой площадке из числа слушателей создается СОГ. В каждой малой учебной группе назначаются «следователь», «участковый милиционер», «эксперт-криминалист», остальные выступают в качестве свидетелей. На занятие в каждую подгруппу приглашается инспектор надзора и профилактики районного отдела по чрезвычайным ситуациям.

Слушатели приступают к проведению проверки по пожару с составлением всех процессуальных документов и принятием процессуальных решений.

На заключительном третьем этапе после проведенной деловой игры преподаватели в целом дают оценку работы слушателям. При оценивании работы отдельных слушателей преподаватель указывает на положительные и отрицательные стороны работы.

Применение нестандартных методов в обучении взрослых обеспечивает формирование и развитие профессиональной компетентности специалиста. Полагаем, что предложенная форма обучения приведет к устранению перечисленных выше недостатков, встречаемых в ходе проведения осмотра места пожара следователями Следственного комитета Республики Беларусь, не имеющими достаточного опыта, и будет способствовать повышению качества расследования дел данной категории.

Список использованных источников

1. Информация о чрезвычайных ситуациях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mchs.gov.by/operativnaya-informatsiya/sutochnye-svodki-mchs/v-rb/234857/>. – Дата доступа: 02.01.2019.
2. Чешко, И.Л. Экспертиза пожаров (объекты, методы, методики исследования) / И.Л. Чешко. – СПб. : СПБИБ МВД РФ, 1997. – 400 с.
3. Горовых, О.Г. Определение очага пожара по визуально наблюдаемым изменениям ячеистого бетона после термического воздействия / О.Г. Горовых, А.В. Волосач // Судеб. экспертиза Беларуси. – 2017. – № 1. – С. 59–62.
4. Лебедев, Н.Ю. Некоторые проблемные аспекты проведения осмотра места происшествия // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. С.А. Елисеева, М.К. Свиридова, Р.Л. Ахмедшина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. – 240 с.
5. Чешко, И.Д. Технические основы расследования пожаров : метод. пособие / И.Д. Чешко. – М. : ВНИИПО, 2002. – 330 с.
6. Осмотр места пожара : метод. пособие / И.Д. Чешко [и др.]. – М. : ВНИИПО, 2004. – 503 с.

Дата поступления в редакцию: 01.02.19

A.V. Volosatsh, Master of Technical Sciences, Senior Lecturer of the branch of Institute of retraining and advanced training University citizen protection of the Ministry of emergency situations of the Republic of Belarus; A.V. Katsuba, Master of Technical Sciences, Senior Lecturer of the branch of the Institute of retraining and advanced training University citizen protection of the Ministry of emergency situations of the Republic of Belarus

THE FORMING OF INDEPENDENT DECISION-MAKING SKILLS IN THE INVESTIGATION OF FIRES

This article presents a positive experience of introducing interactive teaching methods in the educational process during the training sessions with the staff of the Investigative Committee. The special attention is paid to practical examples of the application of these methods in the study of the fire site inspection.

Keywords: fire, fire investigation, fire site inspection, training, business game.

УДК 343.985

А.В. Изотов, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОЛУЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАСКРЫТИЯ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЕВ

Называются особенности процесса предварительного расследования, указываются недостатки данного процесса. Анализируется специфика оперативно-розыскной деятельности на первоначальном этапе расследования. Акцентируется внимание на характеристике оперативно-значимой информации. Рассматриваются современные возможности получения оперативно-значимой информации на первоначальном этапе раскрытия грабежей и разбойных нападений.

Ключевые слова: грабеж, разбой, поисковые мероприятия, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-значимая информация, электронные следы.

Раскрытие грабежей и разбоев осуществляется в процессе предварительного расследования, производимого в тесном сочетании с поисковыми и оперативно-розыскными мероприятиями (далее – ОРМ). Полученная в ходе проведения разведывательно-поисковых мероприятий оперативно-значимая информация позволяет понять основание и суть отдельных обстоятельств дела и определить пути раскрытия преступления, а также установить личность подозреваемого, очевидцев грабежа, разбоя и других лиц, имеющих отношение к преступлению. Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) оперативных сотрудников может быть востребована в любой момент раскрытия разбоев и грабежей, но практика показывает, что наиболее необходима она на первоначальном этапе до установления личности преступников. Результат раскрытия рассматриваемых преступлений напрямую зависит от того, насколько квалифицировано были организованы и проведены с учетом оперативно-тактической ситуации необходимые поисковые мероприятия и ОРМ сразу после установления факта преступного деяния.

Проведенный анализ нераскрытых преступлений показал, что осуществить раскрытие грабежей и разбоев своевременно не удавалось в основном из-за недостаточно квалифицированных действий оперативных сотрудников в вопросах использования возможностей получения оперативно-значимой информации именно на первоначальном этапе. Восполнить упущенные возможности ее получения на последующих этапах очень трудно либо вообще невозможно. Вместе с тем в подавляющем большинстве случаев (когда уже на первоначальном этапе ОРД была правильно организована, своевременно использовались возможности получения оперативно-значимой информации) грабежи и разбои удавалось раскрыть довольно быстро. Анализ также показал, что 82,7 % грабежей было раскрыто в течение 10 суток с момента регистрации факта преступления; еще 10 % было раскрыто в течение 30 суток.

По мнению Г.Г. Зуйкова, осуществлению следственных действий и ОРМ помогает решение трех задач. Первая – сориентировать лицо, производящее расследование, в обстоятельствах события, которое ему предстоит расследовать; уяснить факты, подлежащие исследованию по делу, получить исходные данные для развернутого планирования расследования. Вторая – обеспечить собирание и фиксацию на самом начальном этапе расследования всех возможных доказательств, существенно значимых для дела. Третья – установить, разыскать и задержать преступника по горячим следам [1, с. 491–492]. Таким образом, именно на первоначальном этапе идет основное получение и сбор необходимой для раскрытия преступления информации.

Е.П. Ищенко, например, соглашается с криминалистами в том, что собирание доказательств начинается с выполнения поисковых операций, а более удачным названием для данного этапа считает поиск и обнаружение доказательств (подчеркивает поисковый характер действий).

При этом акцентируется внимание на выполнении поисковых мероприятий, которым предшествует сложная мыслительная деятельность – моделирование события преступления с целью выделения мест вероятного нахождения доказательств [2, с. 65]. Таким образом, можно заключить, что получение и использование оперативно значимой информации – необходимый элемент в проведении оперативно-розыскных и поисковых мероприятий на первоначальном этапе раскрытия грабежей или разбойных нападений. Так, по нашему мнению перед проведением того или иного ОРМ оперативный сотрудник должен располагать данными, с определенной степенью вероятности указывающими на возможность достижения непосредственной цели намеренного мероприятия.

Наличие оперативно-значимой информации помогает оперативному сотруднику воссоздать имевшее место в прошлом событие во всех юридически значимых чертах, т. е. изучая ее, он приобретает необходимые для решения оперативно-розыскных задач знания и таким образом познает суть произошедшего события. Познание, осуществляемое в ходе ОРД по раскрытию преступлений и изобличению виновных в их совершении, представляет собой сложный процесс, требующий профессионального навыка, интеллектуальных, физических и психических усилий для преодоления трудностей, возникающих при восстановлении эпизода или картины совершенного или совершаемого преступления.

Грабежи и разбои в современных условиях стали типичным видом городских преступлений (около 80 % грабежей совершается в городах). Происходит это независимо от условий совершения преступления, от уловок и ухищрений с целью сокрытия следов противоправных действий, а в соответствии с законом всеобщей взаимосвязи и взаимообусловленности явлений в мире. Накопленная информация о них сохраняется всегда, так как она обладает свойством отражения.

Назначение информации – получить какое-то сообщение из внешнего мира, устранить неопределенность, обнаружить связь между фактами, событиями, а также прямую и обратную связь между управляющими и управляемыми элементами различных систем [3, с. 20]. Свойственны данные функции и оперативно-значимой информации, которая содержит практически неограниченное число разновидностей фактов, явлений, событий, характеристик. Такое положение объясняется не только тем, что в частности грабежи и разбои могут совершаться во многих сферах общественной жизни на почве случайно или закономерно возникающих отношений между людьми, но и характеризоваться многообразием мотивов. Содержание оперативно-значимой информации отличается широким разнообразием сведений, относящихся также к характеристике оперативно-тактической ситуации. Оперативно-значимая информация отражает не только те явления, события, обстоятельства, изменения в среде, которые возникают в результате совершенных грабежей, разбоев, но и широкий круг явлений, обстоятельств, событий, влияющих на преступное поведение отдельных лиц.

Так, ОРМ, проводимые для раскрытия грабежей и разбойных нападений на первоначальном этапе, можно определить как действие (либо совокупность действий) разведывательно-поискового, оперативно-технического, организационно-технического характера, осуществляемое сотрудником оперативного подразделения либо лицом, оказывающим ему содействие в целях решения общих и тактических задач оперативно-розыскной деятельности. Для проведения ОРМ, в том числе и на первоначальном этапе раскрытия преступлений, необходимо наличие достаточных данных, указывающих на необходимость и возможность их осуществления. Где и как получить оперативно-значимую информацию, чаще всего является ключевым вопросом для оперативного сотрудника на данном этапе.

Так, А.А. Дедковский считает, что проводимые с целью раскрытия уличного грабежа оперативно-розыскные и иные мероприятия можно разделить на три группы: проводимые в районе места происшествия; в среде криминально активного контингента; общепоискового характера. В 95 % случаев оперативно-розыскные и иные мероприятия проводятся в районе места происшествия, где действия оперативных работников в зависимости от целевой направленности правомерно разделить на направленные на сбор информации о совершенном преступлении и на преследование преступника по горячим следам. Необходимость сбора информации о совершенном уличном грабеже очевидна в связи с направленностью такой деятельности на обнаружение следов, требуемых для установления и задержания грабителя. В данной оперативно-розыскной

ситуации целесообразно проведение следующих оперативно-розыскных и иных мероприятий: опроса потерпевшего; обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; выявление и опросы очевидцев нападения, других обстоятельств, связанных с преступлением; отработка объектов жилого массива; проведение встреч с лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе [4, с. 87]. Как видится, ученым приведен широкий спектр необходимых мероприятий для раскрытия преступления. Нам остается добавить, что современность – это постоянное развитие информационных технологий.

Преступник при совершении преступления в современных условиях вступает в различные по степени сложности отношения с окружающими его объектами, воздействует на них, а те, соответственно, отражают его действия. Признаки тех или иных действий, в том числе противоправных, отражаются в различных формах и на различных уровнях. Все виды отражения, обуславливая закономерности возникновения фактических данных как источников доказательств, являются основой информации об обстоятельствах преступления. Такие фактические данные служат исходным материалом для раскрытия природы каждого факта, эпизода в отдельности и познания совокупности обстоятельств, характеризующих в целом событие преступления. И здесь логично согласиться с мнением С.Ю. Скобелина в том, что повсеместная компьютеризация общественных отношений не могла не отразиться на преступности и, следовательно, на способах противодействия данному явлению. С одной стороны, с помощью электронных средств совершаются противоправные деяния, с другой – так называемые «электронные следы» позволяют изобличить виновное лицо, обеспечить доказательственную базу по уголовному делу [5, с. 301–302].

Получение оперативно-значимой информации при организации ОРМ на первоначальном этапе раскрытия грабежей и разбоев в современных условиях предполагает работу с информационными объектами, среди которых можно выделить следующие пять.

1. Системы видеонаблюдения домов, объектов и сооружений. Наличие в транспортных средствах видеорегистраторов, а также использование их различными службами в носимом варианте. Все это позволяет восстановить ход событий на основе записанных видеоматериалов и способствует выбору наиболее точных оперативно-тактических решений.

Например, до недавнего времени оперативные сотрудники УВД администрации Московского района г. Минска при раскрытии преступлений на основе полученного видеоматериала успешно использовали технологии распознавания лиц «FindFace», позволяющие посредством веб-сервиса находить людей в социальной сети «ВКонтакте» по их фотографии. Однако с 1 сентября 2018 г. сервис более не оказывает услуги поиска людей по фотографии, так как был преобразован компанией «NtechLab» в линейку решений для различных отраслей бизнеса и работает с государственными заказчиками.

2. Интеллектуальная транспортная система наземного и подземного транспорта, в том числе наличие процессингового центра использования электронных проездных билетов гражданами в сопоставлении с имеющейся системой видеонаблюдения на объектах транспорта. Наличие данной системы может способствовать получению оперативно-значимой информации.

3. Сетевые каналы коммуникации, задействованные преступниками для координации действий с использованием электронной почты, средств обмена сообщениями. По мнению А.М. Пановицына, особая роль при формировании маршрутов перемещения подозреваемого отводится IP-соединениям, точкам доступа Wi-Fi, базам данных геоинформационных систем. Например, используя списки Wi-Fi-подключений, можно установить точку и время доступа подозреваемого в сеть Интернет, тем самым определив его местоположение на местности в определенный период времени с более высокой точностью, чем это можно сделать на основе данных мобильного оператора. В свою очередь, список IP-соединений содержит всю историю подключений устройства к интернету. Проведя комплексный анализ всей сетевой активности устройства, основанной на данных Wi-Fi, GPS (впоследствии и мобильной сети), можно определить маршрут перемещения и местонахождения его владельца [6, с. 67]. Обнаружение и контроль таких каналов оперативными подразделениями обеспечивает им существенные преимущества. При этом важно учитывать, что количество сетевых сервисов, устанавливающих текстовую, голосовую и видеосвязь между компьютерами через Интернет, постоянно увеличивается, причем многие из них предоставляют услуги шифрования передаваемых данных.

4. Мобильные, информационные и платежные терминалы, электронные пластиковые карты (различные виды платежей, банковские, транспортные и другие виды услуг). Позволяют получить информацию о лицах их использовавших.

5. Дисконтная система. Дает возможность потребителям скидки в торговых точках или участников дисконтного клуба при соблюдении условий использования дисконтных карт. Дисконтные карты обычно выпускают сети магазинов, АЗС, автосалоны, спортивные клубы, аптеки, салоны красоты, кафе, рестораны, автомастерские и т. п. для обслуживания собственных программ лояльности клиентов. Для получения дисконтной карты от клиента в основном требуется указать свои анкетные данные, адрес электронной почты и номер мобильного телефона.

Ориентирующую оперативных сотрудников информацию можно получить с компьютера, используемого подозреваемым. В частности, интерес представляют его последние поисковые запросы, переписка с помощью электронной почты, контакты в социальных сетях сети Интернет, общение и обмен сообщениями.

Из вышеуказанного следует, что для определения конкретных действий, способных обеспечить получение оперативно-значимой информации в современных условиях, вышеуказанные источники могут быть разделены на четыре вида, в каждом из которых имеется своя специфика:

1. Потенциально содержащие сведения о лицах, совершивших преступление, средства вычислительной техники, включая средства сотовой связи и мобильные устройства, обеспечивающие доступ к сетевым ресурсам.

2. Носители информации, на которых могут храниться данные, представляющие оперативный интерес.

3. Устройства, фиксирующие информацию, поступающие от различных датчиков (радиочастотных идентификаторов, GPS-трекеров, передающих сведения о местоположении, систем геопозиционирования, видеонаблюдения и видеофиксации).

4. Сетевое оборудование, через которое осуществляются коммуникационные акты лиц, совершивших преступление.

Познание сути обстоятельств и фактов совершения грабежа или разбойного нападения реализуется оперативным сотрудником на логическом уровне при оценке совокупности собранных данных на основе указанных выше источников информации. Для правильного отражения на логическом уровне обстоятельств и фактов, относящихся к совершению преступления, необходимо сопоставить понятия в соответствии с действительно существовавшими связями между явлениями, предметами, значимыми для установления истины, их свойствами, связями и отношениями. Представления, полученные при этом, формируют знания о внешних, отдельных, «застывших» связях, сторонах, зависимостях, отношениях обстоятельств и фактов совершения грабежа или разбойного нападения. Посредством вышеуказанного оперативный сотрудник может воссоздать не фрагментарную и не одностороннюю картину обстоятельств и фактов, а целостную картину в развитии и полноте общественно-правовой сущности.

Таким образом, полагаем, что в современных условиях перечисленные возможности позволяют получать оперативно-значимую информацию на первоначальном этапе раскрытия грабежей и разбоев за счет ее циркуляции и концентрации в информационных ресурсах и различных технических устройствах. Потенциал такой информации в решении задач оперативно-розыскной деятельности является более высоким, чем выявление ориентирующих сведений по отдельным делам оперативного учета. Самые серьезные перспективы при этом открываются в использовании для их обработки специального программного обеспечения, что позволяет производить: сбор максимально полной информации об объектах оперативного интереса, их оперативную идентификацию, обнаружение и визуализацию их неявных связей с иными объектами и событиями криминального характера, выявление группировок криминальной направленности и установление их специализации, степени организованности, распределения ролей, причастности фигурантов к тем или иным событиям.

Список использованных источников

1. Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина, Г.Г. Зуйкова. – М. : Юрид. лит., 1968. – 696 с.
2. Криминалистические средства и методы собирания доказательств : учеб. пособие / отв. ред. Е.П. Ищенко. – М. : Проспект, 2018. – 288 с.

3. Овчинский, С.С. Оперативно-розыскная информация / С.С. Овчинский. – М. : Инфра – М, 2000. – 365 с.

4. Дедковский, А.А. Особенности планирования оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию уличных грабежей на первоначальном этапе / А.А. Дедковский // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для ОВД РБ : тезисы докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 2008). – С. 87–88.

5. Скобелин, С.Ю. Современные возможности «электронных» следов в раскрытии и расследовании преступлений / С.Ю. Скобелин // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : Всерос. науч.-практ. конф. ; Орлов. юрид. ин-т МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. – С. 301–305.

6. Пановицын, А.М. Рекомендации по проведению следственного осмотра мобильных устройств сотовой связи / А.М. Пановицын // Предвар. расследование. – 2018. – № 1. – С. 64–71.

Дата поступления в редакцию: 29.01.19

A.V. Izotov, postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CONCERNING THE POSSIBILITY OF OBTAINING RELEVANT SEARCH INFORMATION AT THE INITIAL STAGE OF SOLVING ROBBERIES AND ASSAULTS

The features of the preliminary investigation process are named, the deficiencies of this process are indicated. The specificity of detective activity at the initial stage of the investigation is analyzed. The attention is accented focused on the characteristics of the relevant search information. The modern possibilities of obtaining of the relevant search information at the initial stage of solving robberies and assaults are considered.

Keywords: robbery, assault, search activities, detective activities, relevant search information, electronic traces.

УДК 351.74:65

*С.В. Пилюшин, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: SVnovo79@yandex.by)*

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

Анализируется сущность аналитической деятельности, осуществляемой подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел. Подчеркивается значимость данной деятельности в выявлении преступлений экономической направленности в ходе оперативного обслуживания объектов экономики. Рассматриваются основные виды анализа в аналитической деятельности оперативных подразделений.

Акцентируется внимание на принимаемых управленческих решениях как итоговом результате аналитической деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, аналитическая деятельность, анализ, управленческие решения.

В процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности сотрудники подразделений БЭП сталкиваются с разнообразной информацией, имеющей отношение к целому ряду событий, факторов и т. п. В этой связи весьма существенным является ее изучение и анализ. Аналитическая деятельность направлена на решение задач, возникающих в различных сферах жизни и связана с получением знаний об объектах и процессах, оценкой их состояния и тенденций развития.

Вопросы аналитической деятельности в ОВД были и продолжают оставаться актуальными и сегодня. Их изучению посвящены исследования А.Ф. Агапова, Б.Е. Богданова, Э.А. Васильева, И.Б. Гранаткина, И.Н. Дорофеева, Г.К. Дубовца, А.Л. Ковачева, В.И. Кононенко, В.П. Кувалдина, А.В. Куликова, С.С. Овчинского и др. Вместе с тем до настоящего времени не выработано единого подхода к определению исследуемого понятия. Ряд авторов отождествляют аналитическую деятельность с информационно-аналитической, другие причисляют ее к особому виду работы, связанной с обработкой собранной информации и ее использованием в ходе принятия управленческих решений.

При осуществлении оперативного обслуживания сотрудник преимущественно добывает и использует разнообразную информацию, т. е. основной упор в его деятельности делается на сбор информации. Далее проводится ее первичная обработка, распределение по соответствующим системам учета. Затем полученная информация требует аналитической обработки, после которой на основе аналитических данных принимается управленческое решение.

Использование аналитики (с греч. – искусство анализа) помогает оперативнику выстроить определенные суждения или умозаключения, используя систематизированный способ мышления. По мнению С.Г. Лобанова, анализ (этимологический – разделение, разложение) – ядро аналитической деятельности, позволяющее извлекать новую информацию о предметах, явлениях и процессах [1]. В свою очередь, М.В. Малаховская не сводит анализ только к собственно процедурам мысленного разложения объекта на простые составляющие, а включает в него процесс мысленного объединения различных сторон, частей предмета в единое формообразование, т. е. процедуру синтеза [2].

В аналитической деятельности анализ и синтез одновременно самостоятельные и вместе с тем неразрывные, взаимодополняющие процедуры. При анализе в предмете выделяются свойства, делающие его частью целого, однако исследователь мысленно основывается на синтетическом представлении о целом. При синтезе целое осознается как состоящее из частей, определенным образом связанных между собой. Благодаря этому в каждом акте познания синтез осуществляется через анализ, а анализ – через синтез. Таким образом, можно еще раз подчеркнуть, что анализ и синтез, дополняющие друг друга и следующие один за другим этапы, выступающие взаимообусловленными элементами познания целого [3, с. 170]. Иными словами, на основе анализа и синтеза оперативный сотрудник может извлекать новые знания на основе информационного моделирования [4].

Так, аналитическую деятельность можно рассматривать как некое единство познавательного поля и аналитических методов получения знания. При таком подходе сущность аналитической деятельности, как видится, находится в двух плоскостях: проблемной (характеризует проблемное поле организации ОРД) и методологической (отражает инструментарий получения знания о проблемах и путях их решения). Об аналитической деятельности можно говорить как о сложной системе, включающей эвристику, научную методологию, логику, информатику и т. д.

Осуществляя аналитическую деятельность, сотрудники подразделений БЭП применяют определенные виды анализа, среди которых: экономический (ориентирован на исследование экономических явлений, объектов и процессов); управленческий (предполагает исследование процессов принятия решений); социальный (применяется при изучении объектов, явлений и процессов социальной сферы); педагогический (направлен на изучение процессов обучения (наиболее часто применяемый при организации работы с лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе)); прогностический (используется при осмыслении явлений настоящего с позиции запросов будущего, а также настоящего в аспекте преемственности, с позиций прошлого).

Применение на уровне познания методологического анализа предполагает осмысление объектов и процессов с точки зрения основных принципов, онтологических предпосылок, подходов, методов. Эмпирический (фактологический) анализ представляет собой отдельную группу методов, включающую в себя опосредованный или непосредственный сбор данных, получаемых в ходе изучения какого-либо явления. При таком исследовании происходит непосредственный контакт исследователя с изучаемым объектом в результате сбора полученных в ходе изучения объекта конкретных данных.

Аналитическая деятельности оперуполномоченных БЭП осуществляется посредством применения конкретных методов познания, где для каждого характерна совокупность определенных принципов, правил, приемов и алгоритмов, сложившихся в четкую систему в процессе их применения. Владение арсеналом таких методов позволяет сотрудникам оперативных подразделений адекватно отражать суть явлений и процессов, выявлять скрытые элементы развития обстановки, прогнозировать и создавать основу для принятия управленческих решений.

Осуществление аналитической деятельности требует выстраивания ее в ключе осмысления и оценки всех важнейших аспектов решаемых проблем, включая причинно-следственные связи и зависимости. И здесь важно стремиться предусмотреть и увязать в общую систему весь порядок функционирования изучаемого объекта. При этом должны учитываться возможные ошибки, предвидение возникновения проблем и связанных с ними препятствий, мысленное

проигрывание сценариев возможного негативного развития событий, определение преимущества противоборствующей стороны, недостоверность и двусмысленность данных, их субъективность, противоречивость, возможность сознательного искажения.

Таким образом, деятельность оперативного сотрудника можно рассматривать не только как аналитические исследования и обобщения или результаты работы, а как целевой сбор и осмысление информации – ее предметное толкование и интерпретацию, нахождение в ней рационального, позволяющего формулировать предложения, имеющие профессиональную полезность, в ключе поставленной задачи [5]. Глубинную суть аналитической деятельности оперуполномоченных БЭП составляет искусство выявления латентных элементов, а именно: смысла, факторов, тенденций, закономерностей, противоречий, проблем, нуждающихся для своего извлечения в специальных аналитических процедурах.

В аналитической деятельности оперативных сотрудников также важен поиск лучшего решения в сложившихся ситуациях, характеризующихся в той или иной степени неопределенностью и неполнотой исходной информации. В этой связи одним из основных этапов аналитической деятельности является фаза формирования управленческого решения как творческого процесса [6], способствующего разрешению проблемной ситуации, путем совершения определенных действий и прогнозирования их результата. В процессе принятия управленческого решения за основу чаще берутся аналитические методы, субъективный опыт, определяемый многолетней практикой, знания специалистов в той или иной сферах [7].

Варианты принятия управленческих решений принято называть альтернативами, являющимися неотъемлемой частью проблемы принятия решений с различными показателями: признаками, факторами, атрибутами или критериями [8]. При выборе альтернатив необходимо учитывать большое число противоречивых требований и, следовательно, оценивать варианты решений по многим критериям. Однако, как отмечает В.П. Шиенок, каким бы обоснованным ни являлось принимаемое решение, его эффективность зависит от качества выполнения реализующих его замыслов дальнейших действий [9, с. 141], и в данном случае с автором нельзя не согласиться.

Наилучший вариант предпринимаемых действий, содержащих элементы умственного характера как произвольного импульса, направленного на достижение определенной цели [10, с. 227], и предполагающих максимальную эффективность, именуют оптимальным, а процесс поиска этого варианта – оптимизацией. Наиболее эффективные варианты действий относят к рациональным или целесообразным [11], т. е. оперативный сотрудник, принимая управленческое решение, как правило, стремится найти именно оптимальный или рациональный вариант.

Таким образом, выбор альтернативы предполагает ряд позиций: формулировку цели и приоритетов решений; оценку преимуществ и недостатков каждой из альтернатив; определение вероятности и эффективности реализации вариантов; анализ предпочтений решений по достижению целей; собственно наиболее оптимальный вариант [6]. При этом необходимо осознавать, что принятие правильного управленческого решения (альтернативы) может быть осложнено противоречивостью требований, неоднозначностью оценки ситуаций, ошибками выбора приоритетов, в итоге приводящих к неопределенности [12].

Принятие управленческого решения может быть обусловлено следующими неопределенностями: связанными с неполнотой знаний оперуполномоченного в исследуемой области экономики, с непредсказуемостью дальнейшего развития оперативной обстановки, непониманием конечной цели лицом, принимающим решение. В этой связи для оперативного сотрудника в первую очередь важным является верное уяснение проблемы, напрямую зависящей от сбора и анализа всей относящейся к делу информации, где фундаментальную основу принятия соответствующего решения предопределяет качество поступающей оперативно-розыскной информации. В последующем по выявленным составным элементам может быть построена целостная картина преступного деяния, и только затем прогнозируется перспектива дальнейшего развития событий, перебираются варианты решения проблемы, оцениваются альтернативы.

В ряде случаев формализация методов принятия решений, их оценка и согласование – чрезвычайно сложная задача. Увеличение объема информации, поступающей непосредственно к исполнителю, усложнение решаемых задач, необходимость учета большого числа взаимосвязанных факторов и быстро меняющейся оперативной обстановки настоятельно требует использования в процессе аналитической работы соответствующего инструментария: использования

возможностей вычислительной техники для повышения качества принятия управленческих решений и эффективности оперативной работы в целом.

Управленческие решения складываются исходя из наличия и содержания имеющейся информации. В одних случаях соответствующее решение (единственно верное) по реализации информации может быть принято на основании ее первичной оценки, в других может потребоваться принятие нескольких, различных по содержанию и направлению решений, не приводящих к принятию итогового, а выступающих основой для принятия последующих. Соответствующие решения принимаются на различных этапах оперативного обслуживания и могут носить организационный, тактический, процессуальный характер и др. (например, решения о необходимости подбора граждан к конфиденциальному содействию ОВД, проведении ОРМ, заведении ДОУ, реализации материалов ОРД, необходимости оперативного сопровождения по возбужденному уголовному делу и др.).

Подводя итог сказанному, представляется возможным сформулировать следующие выводы: аналитическая деятельность подразделений БЭП – это специализированная, познавательная деятельность сотрудников, представляющая собой совокупность методологического, организационного и технологического обеспечения, реализуемая в определенных формах с использованием специальных сил, средств и методов, позволяющая эффективно обрабатывать информацию и, оперируя ею, извлекать новые, ранее неизвестные знания о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, принимать оптимальные управленческие решения.

Принятие управленческого решения при осуществлении оперативного обслуживания – итог аналитической деятельности, обдуманый вывод оперативного сотрудника о необходимости выполнения конкретного действия, направленного на достижение определенного результата, предполагающий выбор из нескольких вариантов альтернатив, выбор, обусловленный различного рода факторами и обстоятельствами.

Список использованных источников

1. Лобанов, С.Г. Некоторые аспекты многоуровневой технологии информационно-аналитической работы // Информ.-аналит. деятельность в России: состояние и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. аналит. работников : в 2 ч. ; под ред. А.И. Селиванова, Н.А. Слядневой. – М. : ИПК госслужбы. – Ч. 1. – 2004. – С. 59–60.
2. Малаховская, М.В. Конкурентная разведка : учеб. пособие / М.В. Малаховская. – СПб. : Интермедия, 2016. – 120 с.
3. Блауберг, И.В. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – М. : Наука, 1973. – 270 с.
4. Гордукалова, Г.Ф. Анализ информации: технологии, методы, организация : учеб.-практ. пособие / Г.Ф. Гордукалова. – СПб. : Профессия, 2009. – 512 с.
5. Шепель, В.М. Профессия мыслитель : креативное пособие по аналитике / В.М. Шепель. – М. : ИТРК, 2016. – 496 с.
6. Евланов, Л.Г. Теория и практика принятия решений / Л.Г. Евланов. – М. : Экономика, 1984. – 176 с.
7. Карелин, В.П. Методы и средства информационно-аналитической поддержки принятия решений в организационных системах / В.П. Карелин // Вестн. Таганрог. ин-та упр. и эконом. – № 2. – 2009. – С. 74–81.
8. Ларичев, О.И. Теория и методы принятия решений, а также Хроника событий в Волшебных Странах : учебник / О.И. Ларичев. – М. : Логос, 2000. – 296 с.
9. Шиенок, В.П. Оперативно-розыскная тактика органов внутренних дел. Теоретические основы, правовые и организационные проблемы : монография / В.П. Шиенок. – Минск : Акад. милиции МВД Респ. Беларусь, 1995. – 160 с.
10. Котарбинский, Т. Трактат о хорошей работе / Т. Котарбинский. – М. : Экономика, 1975. – 280 с.
11. Спицнадель, В.Н. Теория и практика принятия оптимальных решений : учеб. пособие / В.Н. Спицнадель. – СПб. : Бизнес-пресса, 2002.
12. Трахтенгерц, Э.А. Компьютерная поддержка принятия решений / Э.А. Трахтенгерц. – М. : СИНТЕГ, 1998. – 360 с.

Дата поступления в редакцию: 13.05.19

S.V. Pilushin, Senior Lecture of the Department of Detective Activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ANALYTICAL ACTIVITY IN THE MANAGERIAL DECISION: MAKING ESSENCE AND SIGNIFICANCE

The essence of the analytical activities carried out by the units of the internal affairs agencies for combating economic crimes is analyzed. It emphasizes the importance of this activity in the discovering economic crimes in the course of operative support of economic objects. The main types of analysis of the analytical activities of the detective units are studied.

The attention is focused on the main decisions as the final result of analytical activities.

Keywords: detective search activity, analytical activity, analysis, managerial decisions.

УДК 343.985.8

А.Н. Толочко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: tolochko28061981@mail.ru)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАСШИРЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

Обосновывается необходимость использования в научном обороте и закрепления в Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» термина «оперативно-розыскные действия» на основе сопоставления уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства и соответствующих видов правоприменительной практики. В соответствии с предлагаемой авторской концепцией оперативно-розыскные действия – это все те действия, которые помимо оперативно-розыскных мероприятий осуществляются в процессе решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс, оперативно-розыскное мероприятие

Одно из наиболее существенных и практически значимых проявлений связи между уголовным процессом и теорией оперативно-розыскной деятельности состоит в том, что обе эти науки обеспечивают правоохранительную практику необходимым инструментарием.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает как бы две группы мер для работы следователя: процессуальные действия, являющиеся следственными, и собственно процессуальные действия, не являющиеся следственными (возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения, избрание меры пресечения, приостановление или прекращение уголовного дела и т. п.). И все, что бы ни осуществлял следователь в рамках работы по материалам и уголовным делам, то есть при выполнении своей служебной деятельности, является либо следственным, либо собственно процессуальным действием.

Считаем абсолютно оправданным такую законодательную классификацию предоставляемых следователю действий, несмотря на отсутствие единообразной позиции ученых относительно критериев по их разграничению. Разделение действий на следственные и собственно процессуальные обогащает и в то же время конкретизирует следственный инструментарий. Любое действие, которое следователь производит по материалу или уголовному делу, имеет свое название и строгую характеристику с позиций закона, что упорядочивает и в некотором смысле дисциплинирует следственную деятельность, т. е. делает ее более эффективной. Кроме того, разделение действий на следственные и собственно процессуальные создает необходимые гносеологические предпосылки к их более детальному изучению, а, следовательно, и к совершенствованию.

Что же касается оперативно-розыскного законодательства, то на вооружении оперативных сотрудников имеются только оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ). Каких-либо других мероприятий, мер, действий Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) не предусматривается, но это не является свидетельством того, что они не нужны либо не проводятся. Так, например, сложно представить деятельность оперативных сотрудников по решению задач ОРД без преследования по горячим следам (погоня), заградительных мероприятий (выставление постов, заслонов на автодорогах), постановки лица на различные контрольные и сторожевые учеты, оповещения (в том числе посредством направления розыскных ориентировок и заданий) различных органи-

заций и учреждений, силовых структур, размещения информации в СМИ для информирования общественности, ориентирования конфиденентов, постановки на учет документов, транспортных средств, имеющих индивидуальные номера и др.

При этом речь идет о выполнении оперативными сотрудниками именно оперативно-розыскных, а не каких-то других несвойственных им функций (охрана общественного порядка и т. д.), которые они могут осуществлять, вступая как сотрудники ОВД и должностные лица государственного аппарата в какие-то иные правоотношения, отличные от оперативно-розыскных.

Выявление и констатация факта проведения оперативниками при решении задач ОРД действий, отличных от ОРМ, является не только результатом сугубо наших наблюдений. На указанное неоднократно обращалось внимание и других авторов. Так, к действиям, не предусмотренным Законом об ОРД, в публикациях по оперативно-розыскной проблематике различные ученые относят: сбор образцов голоса человека [1, с. 305]; покупку информации о преступлении или лице, его подготавливающем, совершающем или совершившем; засаду [2, с. 5]; использование экстраординарных психофизиологических возможностей человека [3, с. 14–18] и др.

Перечисленные действия не являются ни ОРМ, ни даже их производными. В Законе об ОРД таких действий нет. При упоминании о каких-либо подобных действиях в подзаконных ведомственных нормативных правовых актах МВД Республики Беларусь в контексте описания организационно-тактических подробностей осуществления того или иного направления ОРД о связи и соотношении этих действий с ОРМ не указывается, конкретного названия эти действия не имеют; приводится лишь их перечисление как возможных вариантов деятельности в той или иной оперативно-розыскной ситуации.

Расценивать приведенные и иные сходные с ними и отличные от ОРМ действия как результат реализации некоторых прав органов, осуществляющих ОРД, содержащихся в ст. 15 Закона об ОРД (в частности «право создавать и (или) использовать базы данных (учеты), информационные системы», «право собирать и изучать сведения и документы, необходимые для выполнения задач ОРД», «право получать от граждан на безвозмездной или возмездной основе сведения, необходимые для выполнения задач ОРД» и др.), видится не совсем корректным, тем более что все равно из анализа указанной нормы не следует очевидным образом законодательная возможность проведения абсолютно любых действий из числа тех, которые, не являясь ОРМ, осуществляются сегодня в процессе решения задач ОРД. Не вытекают явственно данные действия, на наш взгляд, и из полномочий оперативных сотрудников, определенных другими законодательными актами, например Законом Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь».

Исследователи, вводя в оборот тот или иной термин, «созвучный» либо близкий по смыслу с «оперативно-розыскным мероприятием» [4, с. 63–64; 5, с. 21; 6, с. 715–722], не пытаются позиционировать этот термин как некий самостоятельный элемент оперативно-розыскного инструментария, отличный от ОРМ, который может выступать дополнением к ОРМ и использоваться, например, вместо ОРМ для решения более простых задач. Все предлагаемые построения, как правило, либо являются неким объединением, комбинацией нескольких ОРМ по принципу образования тактической операции, либо носят обеспечивающий и вспомогательный характер по отношению к ОРМ и способствуют их эффективному проведению. Следовательно, наиболее часто встречаемые направления научного поиска сводятся либо к интеграции ОРМ, либо к их «дроблению» с целью вычленения каких-то более мелких образований, но не к попыткам разработки некоего самостоятельного аналога ОРМ. Предполагается, что представители научного оперативно-розыскного сообщества попросту не хотят ставить под сомнение состоятельность и самодостаточность института ОРМ, признавая тот факт, что им нужны какие-то аналоги, и таким образом умышленно закрывают глаза на очевидную проблему.

Не углубляясь в полемику, считаем необходимым использовать в научном обороте, а также в перспективе предложить законодателю для закрепления в Законе об ОРД термин «оперативно-розыскные действия», под которым при этом понимать не являющиеся ОРМ организационные, управленческие и иные действия, обеспечивающие законность и эффективность ОРД. Указанные действия могут быть связаны с проведением поисковых и заградительных мероприятий на местности, осуществлением организационной, проверочной, справочной и информационно-аналитической работы. Часто они не зависят от конкретных оперативно-розыскных версий;

могут иметь сторожевой, блокирующий характер, заключаться в ориентировании сотрудников ОВД, конфидентов, информировании общественности, различных организаций и учреждений. Иными словами, оперативно-розыскные действия – это все те действия, которые помимо ОРМ осуществляются в процессе решения задач ОРД.

Закрепление в Законе об ОРД понятия «оперативно-розыскные действия» является, на наш взгляд, необходимым соблюдением требований, предъявляемых ко всем видам правоохранительной деятельности. Одна из особенностей правоохранительной деятельности заключается в том, что она протекает в специальной форме, с соблюдением предусмотренных законом процедур. Например, в УПК детально регламентированы порядок проведения следственных действий (допрос, выемка, обыск и др.), порядок задержания, заключения под стражу и т. д. [4, с. 15]. По аналогии с указанным думается, что все действия, которые осуществляются при решении задач ОРД, также должны быть в той или иной степени предусмотрены Законом об ОРД. Речь не идет о перечислении в законе всех выполняемых в рамках ОРД действий, отличных от ОРМ, которых может быть бесчисленно много, но как минимум в законе должно быть закреплено общее для всех таких действий определение, под которое должны подпадать любые действия, осуществляемые в оперативно-розыскных целях оперативным сотрудником помимо ОРМ.

Оперативно-розыскные действия могут проводиться не только для того чтобы разнообразить и обогатить ими свою деятельность, в некотором роде «разбавить» ими проведение ОРМ. В качестве принципиального положительного момента следует указать, что оперативно-розыскные действия ввиду своего многообразия могут по своей сути очень напоминать отдельные ОРМ и проводиться вместо них в тех случаях, когда нет законных оснований для проведения ОРМ, а ситуация того требует.

Так, законодатель позволяет проводить ОРМ, как правило, только при наличии уже выявленных сведений о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, а также о гражданине, его подготавливающем, совершающем или совершившем либо осведомленном о нем (ст. 16 Закона об ОРД). В таком случае возникает вопрос, насколько правомерно при осуществлении оперативного поиска проводить ОРМ? В рамках существующего сегодня правового поля инициативное проведение ОРМ лишь для выявления первичной информации о лицах и фактах, могущих представлять оперативный интерес, видится обоснованным.

Однако эти сведения должны выявляться, ибо только благодаря этому правоохранительные органы в отдельных ситуациях имеют возможность действовать наступательно и срабатывать на опережение, заблаговременно упреждать замыслы представителей криминогенной среды и пресекать преступления.

Для разрешения имеющихся противоречий наиболее правильным видится при осуществлении оперативного поиска в самой его начальной стадии проводить не ОРМ, а иные во многом схожие с ними по содержанию и функциональному предназначению действия, носящие преимущественно информационно-справочный и (или) проверочный характер, то есть оперативно-розыскные действия. К этим действиям можно отнести: мониторинг информации, содержащейся в различных информационных системах; зрительное распознавание лиц, представляющих оперативный интерес, в местах их возможного нахождения или появления, визуальная оценка их поведения, поступков (аналог ОРМ «наблюдение»); осуществление бесед, разговоров с различными категориями граждан (аналогом ОРМ является оперативный опрос).

Допустимость реализации названных мер со всей очевидностью вытекает, во-первых, из отсутствия на этот счет каких-либо запрещающих правовых норм в системе актов отечественного законодательства, во-вторых, из основного функционального предназначения правоохранительных органов.

Так, ОРМ можно начать проводить только при получении в ходе первоначальной поисковой работы сведений о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, а также о гражданине, его подготавливающем, совершающем или совершившем преступление либо осведомленном о нем. С учетом того, что оперативно-розыскные действия никоим образом не претендуют и не должны в дальнейшем претендовать на сложную процедуру проведения и оформления результатов, не требуют особых знаний, умений и навыков, и во многом дублируют многие действия, осуществляемые в ходе повседневной служебной деятельности другими представителями правоохранительных органов, не наделенными правом осуществления ОРД (участ-

ковые инспекторы милиции, сотрудники ИДН, ГАИ и др.), их проведение в соответствии с Законом об ОРД должно быть разрешено всем сотрудникам правоохранительных органов в порядке оказания помощи оперативным подразделениям. Таким образом, последние как бы делегируют право проведения оперативно-розыскных действий другим службам. В действительности такая практика уже давно существует, просто осуществляется вне какой-либо правовой основы.

В качестве примера можно назвать ситуации, когда оперативные сотрудники при проведении операции «Розыск» или просто в рамках совещаний различных подразделений милиции общественной безопасности (так называемых разводов перед заступлением на службу) доводят участковым инспекторам милиции или милиционерам патрульно-постовой службы приметы лиц, находящихся в розыске, а также ориентируют их на проверку возможных адресов, где те могут находиться. Довольно часто оперативники раздают своим коллегам фотографии разыскиваемых и в общих чертах инструктируют, в какой манере необходимо общаться с их родными, если те откроют дверь, на какие детали нужно обращать внимание в квартире, что имеет смысл уточнить у соседей и т. д.; возможно имеет смысл затаиться и понаблюдать за местом возможного появления разыскиваемого.

Все перечисленные действия несложные и доступные в выполнении любому милиционеру, и здесь неправильно будет утверждать, что участковый инспектор милиции, милиционер патрульно-постовой службы, сотрудник подразделения по гражданству и миграции или Департамента охраны при их осуществлении проводит, например, ОРМ «оперативный опрос», «оперативное отождествление», «оперативный осмотр» или «наблюдение». А что же тогда он проводит? Сказать, что он выполняет свойственную для него повседневную работу, нельзя. Подобрать к определению его действий какое-то подходящее название в системе отечественного законодательства тоже невозможно. Единственный правильный ответ, на наш взгляд, состоит в том, что всеми этими представителями неоперативных служб проводятся оперативно-розыскные действия по поручению оперативного сотрудника.

Законодательно урегулированная возможность проводить оперативно-розыскные действия всеми сотрудниками правоохранительных органов облегчит решение задач ОРД, будет способствовать более активному взаимобмену информацией и повышению степени доверия между сотрудниками.

Кроме того, предлагаемые правовые новшества повысят значимость и поднимут авторитетность неоперативных служб. Дело в том, что ОРД занимает особое место в системе правоохранительных органов, так как человечество еще не выработало более адекватных и действенных мер борьбы с преступностью, чем оперативно-розыскные. Во все времена среди сотрудников правоохранительной системы считалось престижным разбираться в ее теоретических основах, иметь опыт работы в оперативных подразделениях, быть хоть как-то причастным к решению ее задач, что так или иначе погружает любого человека в атмосферу так называемой оперативно-розыскной романтики. Подтверждением сказанному служит множество кинолент, посвященных представителям профессии сыщика. Но при этом те же участковые инспекторы милиции или ИДН, имеющие многолетний стаж работы в правоохранительных органах, бесценный опыт и незыблемую репутацию среди коллег и среди населения на обслуживаемых территориях, юридически имеют отношение к ОРД в разы меньше, чем тот или иной конфиден, оказывающий содействие криминальному блоку, который при этом не имеет юридического образования, часто нигде не работает, злоупотребляет спиртным и, кроме того, обычно имеет сомнительное прошлое, связанное с отбыванием наказания в местах лишения свободы.

Ни в коем случае не высказываясь против института негласного сотрудничества, мы считаем необходимым как минимум уравнивать представителей неоперативных служб с негласными сотрудниками, по возможности быть полезными для решения задач ОРД.

Развитие сказанного проиллюстрируем еще одним примером из практики. Разберем ситуацию, когда одновременно несколько сотрудников милиции в составе следственно-оперативной группы прибывают на место происшествия. Оперативный сотрудник и участковый инспектор милиции начинают осуществлять согласованную деятельность по установлению лица, совершившего преступление. В этом случае они (каждый отдельно) беседуют с попавшими в их поле зрения лицами, которые могли являться свидетелями произошедшего. Очень часто эти два представителя ОВД задают гражданам одни и те же вопросы, получают однотипные ответы, но при этом действия оперативного сотрудника в теории и практике ОРД называются проведением ОРМ «опе-

ративный опрос»», а действия участкового инспектора так назвать нельзя, так как в соответствии с оперативно-розыскным законодательством он не наделен правом осуществления ОРД и, соответственно, проведения ОРМ, хотя иногда информация, полученная участковым инспектором, может оказаться даже более ценной в силу его профессиональной зрелости, жизненного опыта, интеллектуальных способностей, общей эрудиции, более ответственного отношения к делу, а также определенных характеристик опрашиваемого лица, удачного стечения других обстоятельств и т. д.

Именно здесь назревает настоятельная необходимость определения четких критериев разграничения ОРМ и оперативно-розыскных действий, так как их содержательно-функциональная сходность велика.

Однозначно можно заключить, что ОРМ в отличие от оперативно-розыскных действий имеют детально регламентированный Законом об ОРД порядок проведения, т. е. ОРМ и оперативно-розыскные действия в этом смысле соотносятся как вышеназванные следственные действия и собственно процессуальные действия.

На основании сказанного логично предположить, что дальнейшая разработка критериев разграничения ОРМ и оперативно-розыскных действий видится связанной с их развитием, происходящим, в том числе, не явным, стихийным образом. Так, ученые в своих исследованиях, всякий раз затрагивая проблематику сопоставления и сравнения обеих категорий действий (данная почва для дискуссии несомненно будет являться плодотворной), так или иначе будут анализировать, а значит, совершенствовать их организационно-процедурную и тактическую компоненты. Представляется, что в идеале ОРМ и оперативно-розыскные действия благодаря данным компонентам без особого труда должны внешне различаться. Кроме того, данные компоненты должны неизбежно влиять на конечный результат. ОРМ, по нашему убеждению, должны быть гораздо более результативными своих «аналогов». Оперативно-розыскные действия, в свою очередь, должны быть значительно «мягче» ОРМ по отношению к воздействуемым объектам.

Разработка указанных критериев вполне обоснованно может повлечь формирование новых научных взглядов на суть и природу ОРМ и, следовательно, предопределить новые организационно-тактические подходы к их проведению, вплоть до значительного усложнения либо, наоборот, упрощения существующего сегодня порядка. В результате предстоящей детальной научной деятельности также не исключена вероятность изменения количества ОРМ и названий некоторых из них. Подчеркивая отличительные особенности и признаки ОРМ, указанные критерии призваны послужить основой для формулирования его нового определения, которое должно максимально отвечать современным проблемам, потребностям и тенденциям теории и практики ОРД и быть закреплено в Законе об ОРД.

Список использованных источников

1. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 794 с.
2. Захарцев, С.И. Оперативно-розыскные мероприятия. Общие положения / С.И. Захарцев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 259 с.
3. Аتماжитов, В.М. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : науч. докл. / В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров. – М. : Издат. дом Шумиловой И.И., 2003. – 24 с.
4. Антонов, В.В. К вопросу о сущности и содержании оперативно-розыскных мер / В.В. Антонов // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : тр. Акад. упр. МВД России. – М., 2004. – С. 60–64.
4. Мытник, П.В. Судоустройство : учеб. пособие / П.В. Мытник. – Минск : Акад. МВД, 2018. – 534 с.
5. Омелин, В.Н. Институт оперативно-розыскных мероприятий в оперативно-розыском законодательстве (теоретический и правовой аспекты) : монография / В.Н. Омелин, Р.Х. Пардилов. – М. : ВНИИ МВД России, 2007. – 145 с.
6. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / Ю.С. Блинов [и др.] ; под. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 831 с.

Дата поступления в редакцию: 06.03.19

A.N. Tolochko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Detective Activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE CRIMINAL PROCEDURAL BASIS OF EXTENSION OF THE DETECTIVE SEARCHING TOOLS

The need for the scientific applying and enshrining in the Law on Detective Activity of the Republic of Belarus of the term "detective search actions" is based on the basis of comparison between the criminal procedure legislation and detective search legislation and corresponding types of law-enforcement. According to the proposed concept, the detective search actions are all the actions, which are carried out in the process of solving the tasks of the detective search measures.

Keywords: detective activity, criminal process, detective search measure.

УДК 343.985:343.132

Д.Л. Харевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: dmitryharevich@mail.ru)

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НЕКОТОРЫХ НОРМ ЗАКОНА «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

В результате анализа норм Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» выявлен правовой пробел, связанный с отсутствием явного запрета на использование информации, полученной в неотложном случае при проведении оперативно-розыскного мероприятия, на которое прокурором или его заместителем было отказано в даче санкции. Отмечено отсутствие обстоятельств, обусловленных невозможностью достижения цели проведения оперативно-розыскных мероприятий среди оснований для их прекращения. Указано на наличие коллизии в части необходимости обязательного проведения некоторых оперативно-розыскных мероприятий по специальному заданию без привлечения гражданина к участию в них. Сформулированы предложения по устранению указанных пробелов.

Ключевые слова: конституционные права, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, борьба с преступностью, ограничение прав и свобод личности, санкция прокурора, материалы оперативно-розыскной деятельности, специальное задание, проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативное внедрение, оперативный эксперимент, правовой пробел, правовая коллизия, совершенствование законодательства, Республика Беларусь

В ст. 28, 29 и 44 Конституции Республики Беларусь гарантируется защита тайны личной жизни, в том числе тайна корреспонденции, телефонных и иных сообщений, чести и достоинства, а также неприкосновенность собственности, жилища и иных законных владений граждан. Согласно ст. 23 Конституции ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. В соответствии с ч. 3 ст. 18 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон об информации) порядок получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения и предоставления информации о частной жизни физического лица и персональных данных, а также пользования ими устанавливается законодательными актами Республики Беларусь. Очевидно, что нормативным правовым актом, устанавливающим случаи и порядок ограничения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций (далее – ограничение прав) при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), является Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), в ч. 5 ст. 19 которого указано, что ряд ОРМ проводится по постановлению о проведении ОРМ с санкции прокурора или его заместителя. Данная норма распространяется не только на ОРМ, ограничивающие права, но и на иные ОРМ, проведение которых может моделировать противоправную деятельность или граничит с неправомерной провокацией преступления – проверочная закупка, проводимая повторно или более двух раз в отношении одного и того же гражданина в рамках одного и того же дела оперативного учета (далее – повторная проверочная закупка), и оперативный эксперимент.

Из данного правила в ст. 37 указанного Закона приведено исключение, состоящее в возможности проведения ОРМ, требующих санкции прокурора или его заместителя, без получения такой санкции в случаях, не терпящих отлагательства. Продолжительность проведения ОРМ

без санкции прокурора или его заместителя не может превышать 48 часов, по истечении которых инициатор обязан получить санкцию или прекратить проведение ОРМ. Если же ОРМ было прекращено или приостановлено до истечения 48 часов с момента начала его проведения, то сведения, полученные при его проведении, могут быть использованы для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности лишь в случае принятия прокурором или его заместителем решения об обоснованности проведения ОРМ без санкции.

Таким образом, в указанных нормах Закона об ОРД усматривается общее правило, согласно которому получение и последующее использование сведений, рассматриваемых как охраняемая законом тайна и (или) полученных в ходе проведения некоторых указанных в законе ОРМ, возможно лишь с санкции прокурора или его заместителя либо по его решению. Такой подход является гарантией законности, призван предупредить необоснованное ограничение прав и соответствует норме ч. 2 ст. 7 Закона об ОРД, согласно которой соблюдение прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций при осуществлении ОРД обеспечивается посредством надзора и контроля за ней.

Вместе с тем в указанных нормах не описан порядок действий с информацией, полученной при проведении ОРМ, на которое прокурором или его заместителем впоследствии было отказано в даче санкции. Вследствие отсутствия явного запрета на использование подобной информации возник правовой пробел, согласно которому возможно использование сведений, полученных при проведении ОРМ, на которое был получен отказ в даче санкции прокурором или его заместителем. Такая возможность противоречит общему правилу использования материалов ОРМ, проводимых с санкции прокурора или его заместителя, в связи с чем указанный правовой пробел необходимо устранить. Представляется необходимым ч. 4 ст. 37 Закона об ОРД дополнить запрещающей нормой, которая будет касаться не только ситуаций признания прокурором или его заместителем необоснованности проведения ОРМ без санкции в неотложных случаях, но и отказа в даче санкции на проведение ОРМ в таких случаях.

Отметим наличие определенной недостаточности оснований для прекращения ОРМ. Анализируя основания, приведенные в ст. 46 Закона об ОРД, можно отметить, что помимо обстоятельств процессуального характера, обусловленных процессуальными нормами (истечение сроков, отсутствие предусмотренных законом оснований для проведения ОРМ, прекращение дела оперативного учета), в ч. 2 ст. 46 Закона об ОРД присутствует основание, имеющее иную природу и являющееся ситуационно обусловленным. Данное основание связано с отсутствием необходимости дальнейшего проведения некоторых ОРМ в связи с достижением их цели.

Основания для прекращения дел оперативного учета указаны в ч. 3 ст. 17 Закона об ОРД. К ним относятся выполнение задач ОРД или установление обстоятельств, свидетельствующих об объективной невозможности выполнения этих задач. Такой подход соответствует теоретическим взглядам на данный вопрос [4, с. 283]. Эти основания носят ситуационно обусловленный характер и построены путем дихтомического (двучленного) деления. Сравнивая их с основанием для прекращения проведения ОРМ, изложенным в ч. 2 ст. 46 Закона об ОРД, можно отметить отсутствие такого подхода, так как не приведены обстоятельства, обусловленные невозможностью достижения цели проведения ОРМ, что представляется не вполне последовательным. В ранее действовавшем межведомственном нормативном правовом акте, регламентировавшем порядок проведения ОРМ, данные основания присутствовали. В настоящее время некоторые из этих оснований указаны в качестве основания для приостановления ОРМ в ч. 2 ст. 44 Закона об ОРД, однако перечень мероприятий, к которым данные основания применимы (наблюдение, слуховой контроль, контроль в сетях электросвязи, контроль почтовых отправлений, оперативное внедрение), не учитывает ОРМ, приведенных в ч. 2 ст. 46 данного Закона (оперативный опрос, наведение справок, сбор образцов, исследование предметов и документов, оперативное отождествление, оперативный осмотр, проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативный эксперимент). Специфика проведения последних предусматривает, как правило, разовый характер, направленность на решение конкретной задачи. Многим из них присущ негласный характер, являющийся основным фактором успешного решения данной задачи, поэтому изменение оперативной обстановки, принятие преступниками мер противодействия, возникновение опасности для жизни и здоровья лиц, принимающих непосредственное участие в проведении ОРМ, или иных лиц могут привести к необходимости досрочного прекращения мероприятия.

Отсутствие оснований, предусматривающих такую необходимость, ставит инициатора проведения ОРМ перед необходимостью нарушения требований законодательства. Например, при возникновении угрозы жизни или здоровью лица, участвующего в ОРМ, инициатор мероприятия обязан принимать меры по защите жизни, здоровья граждан и прерывать дальнейшее проведение ОРМ несмотря на отсутствие предусмотренных законом оснований для этого.

В связи с этим полагаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 46 Закона об ОРД соответствующими основаниями для прекращения проведения ОРМ. С учетом тактических особенностей проведения отдельных ОРМ полагаем, что мероприятиями, в отношении которых применимы указанные основания, являются оперативный опрос, сбор образцов, оперативный осмотр, проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативное внедрение, оперативный эксперимент.

Согласно предложению второму (далее – предл. 2) ч. 10 ст. 19 Закона об ОРД проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативное внедрение, оперативный эксперимент проводятся по специальному заданию, которое объявляется под роспись гражданину, привлекаемому к участию в ОРМ, до начала его проведения. Специальное задание определяет пределы правомерности действий данного гражданина в части запрета провоцирования, а факт составления и объявления данного документа учитывается при правовой оценке его действий в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. В то же время возможно проведение ряда разновидностей ОРМ (например, контролируемая поставка в почтовых отправлениях, ОРМ с использованием специального программного обеспечения) без привлечения гражданина к участию в нем. В этом случае не понятно, какое лицо должно рассматриваться в качестве привлекаемого гражданина. В отличие от предложения первого (далее – предл. 1) ч. 10 ст. 19 Закона об ОРД предл. 2 сформулировано категорично и не допускает выбора вариантов поведения субъектом ОРД. Отклонение от предписанного порядка будет означать нарушение Закона об ОРД и может повлечь привлечение к ответственности инициатора проведения ОРМ, а также исключить возможность использования материалов такого ОРМ в уголовном процессе в соответствии со ст. 101 УПК. С другой стороны, следование данной норме лишает ее предписанного законодателем юридического значения, превращает ее в юридическую фикцию, так как требует отыскания некоего лица, привлекаемого к участию в ОРД, для объявления ему специального задания, хотя в действительности такая необходимость отсутствует.

В связи с этим полагаем целесообразным расширить перечень ОРМ, изложенных в предл. 1 ч. 10 ст. 19 Закона об ОРД, проведение которых по специальному заданию зависит от факта участия граждан, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, путем дополнения данного перечня мероприятиями, перечисленными в предл. 2 ч. 10 ст. 19 данного Закона.

На основании изложенного предлагаем внести в Закон об ОРД обоснованные изменения и дополнения.

1. Исключить последнее предложение ч. 4 ст. 37 Закона об ОРД и дополнить указанную статью частью пятой следующего содержания: «Сведения, полученные при проведении оперативно-розыскного мероприятия, проведение которого без санкции прокурора или его заместителя признано прокурором или его заместителем необоснованным либо в даче санкции на проведение которого отказано, не могут быть использованы для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности».

2. Дополнить ст. 46 Закона об ОРД частью третьей следующего содержания: «Основанием для прекращения проведения оперативного опроса, сбора образцов, оперативного осмотра, проверочной закупки, контролируемой поставки, оперативного внедрения, оперативного эксперимента, кроме оснований, указанных в частях первой и второй настоящей статьи, являются: 1) возникновение угрозы сохранению в тайне оперативно-розыскного мероприятия, проводимого негласно; сведений о должностных лицах органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность; гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, которые участвуют в оперативно-розыскном мероприятии; гражданах, привлеченных органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, к подготовке проведения оперативно-розыскного мероприятия и (или) участию в нем; 2) угроза потери контроля над обстановкой проведения оперативно-розыскного мероприятия со стороны органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность; 3) возникновение угрозы жизни и здоровью людей».

3. Дополнить предл. 1 ч. 10 ст. 19 Закона об ОРД после слов «оперативный осмотр» словами «проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативное внедрение, оперативный эксперимент»; предл. 2 указанной части ст. 19 исключить.

Список использованных источников

1. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / И.А. Климов и др.; под ред. И.А. Климова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 407 с.

Дата поступления в редакцию: 28.01.19

D.L. Kharevich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Detective Activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
ON IMPROVEMENT OF CERTAIN NORMS OF THE LAW “ON DETECTIVE ACTIVITY”

The analysis of the norms of the Law of the Republic of Belarus “On Detective Activity” revealed a legal gap related to the lack of a clear ban on the use of the information obtained in an urgent case during the accomplishment of detective search action, for which the prosecutor or his deputy refused to the permission. The absence of circumstances caused by the impossibility of achieving the goal of detective search actions among the grounds for their cease was noted. It is indicated that there is a contradiction regarding the necessity of compulsory carrying out some detective search actions on a special task without involving the person in participation in them. The proposals to eliminate these gaps are formulated.

Keywords: constitutional rights, detective activity, detective search action, fighting crime, restriction of human rights and freedoms, prosecutor’s permission, materials of detective activity, special task, test purchase, controlled delivery, detective infiltration, detective experiment, legal gap, legal contradiction, improvement of legislation, Republic of Belarus.

УДК 343.985.8

В.Н. Цынкевич, ад’юнкт навучна-педагагічнага факультэта Акадэміі МВД Рэспублікі Беларусь
(e-mail: vladimirnikolaevic105@gmail.com)

ДИАГНОСТИКА И ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЙ

В двух частях

Часть 1

Рассматриваются признаки хищений в легкой промышленности. Исследуется аналитическая работа оперативно-сотрудника в данной отрасли. Акцентируется внимание на особенностях диагностики признаков указанной группы преступлений. Выделяется перечень некоторых противоречий, которые проявляются в технико-экономических показателях в результате действий преступника.

Ключевые слова: диагностика, преступник, хищение, предприятие, легкая промышленность, преступление.

Преступление как событие объективной реальности представляет собой динамическую систему различной сложности. Ее элементы, взаимодействуя с окружающей средой, оставляют идеальные и материальные отражения, которые при обнаружении и детальном изучении позволяют судить оперативно-сотруднику о механизме совершения общественно опасного деяния. Сформированная на подсознательном уровне модель произошедшего в целом помогает выстроить логическую цепочку о причастности лиц, а также помогает определить выбор тактического решения для изобличения фигурантов.

Анализ научных взглядов, изложенных в юридической литературе, подтверждает значимость исследований контактов преступника с определенными предметами, документами, веществами и другими носителями информации. Надо полагать, что именно в этом аспекте Р.С. Белкин указывает, что «описание способов совершения и сокрытия преступлений заключается не только в описании действий, с помощью которых достигаются цели преступного посягательства, но и в описании типичных последствий применение того или иного способа, т. е.

оставляемых им следов его применения и мест, где эти следы вероятнее всего могут быть обнаружены» [1, с. 178].

Для механизма хищений в сфере легкой промышленности характерно активное вмешательство человека в технологический процесс, состоящий из множества производственных этапов и операций. Его особенности, связанные с учетом сырья и выпуском готовой продукции (трикотажное полотно, хлопчатобумажная ткань, швейные изделия и прочее с использованием специализированного оборудования), образуют препятствия для контроля и своевременного установления нормативных нарушений, возникающих в хозяйственной деятельности предприятий. Эти обстоятельства создают условия для существования преступных групп и совершения ими хищений вышеуказанных товарно-материальных ценностей в течение длительного периода времени, оставаясь «в тени» от пристального внимания оперативных подразделений.

Обозначенная проблема с оперативно-розыскных позиций требует углубленного осмысления теоретических и практических наработок в области борьбы с преступностью, содержащихся в методиках противодействия разным видам преступлений, их обобщения на основе положительного опыта, в том числе пересмотра устоявшихся традиционных подходов, которые ограничиваются обычно перечнем комплекса мер без интегрированного применения специальных знаний при изучении следовой картины. По мнению А.Е. Гучка, любая отрасль научного знания способна плодотворно развиваться лишь в том случае, если она трансформирует свои теории в метод получения нового знания и практического освоения и преобразования действительности [2, с. 102].

В рамках исследуемого вопроса в первую очередь важно акцентировать внимание на диагностике признаков совершения рассматриваемой группы хищений по оставленным преступниками следам. Некоторые исследователи и ученые ассоциируют этот процесс с термином «выявление криминальной ситуации» [3, с. 209], понимая под ним обнаружение различных экономико-криминальных несоответствий, возникающих в ходе совершения преступлений, которые проявляются между должным информационным состоянием изучаемого объекта – предприятия и наблюдаемой действительностью фиксируемой субъектом – оперативным сотрудником.

Вышеуказанные несоответствия представляют собой определенную совокупность идеальных и материальных следов. Формируются они на всех стадиях совершения преступления и подлежат строгому вычленению путем дифференцированной оценки по избранному критерию. В основе предлагаемого нами диагностического направления заложена информационно-аналитическая деятельность, основанная на методе сравнительного анализа отдельных технико-экономических показателей организаций и учреждений, обличенных в форму цифровых сведений о статистической, финансовой, налоговой и другой отчетности (например, данные о выпуске хлопчатобумажной ткани за квартал текущего года и количество затраченного сырья за аналогичный период). Отобранные результаты в пространственных и временных границах разделяются на составные части, после чего исследуются на предмет установления грубых расхождений и причин, их вызвавших.

Гносеологическая суть хозяйственной деятельности заключается в том, что ее результаты всегда между собой корреляционно зависимы, т. е. изменение одного значения неизбежно ведет к отклонению другого. Соответственно, закономерности, связанные с влиянием преступного воздействия, устанавливаются, основываясь на принципе непротиворечивости системы технико-экономических показателей.

Важно понимать, что при внешнем факторе отражается не хозяйственная и не преступная сторона, а только последствия их взаимодействия, требующие дополнительной проверки. Несответствия в экономическом состоянии предприятия возникают при случайных ошибках в бухгалтерском учете, неправильном оформлении документов и прочих упущениях должностных лиц, не носящих криминального характера.

Таким образом, оперативный сотрудник изначально получает ориентирующую информацию, которую по своему функциональному назначению В.А. Образцов делит на две группы: связанную с отражением познаваемого события; не связанную с отражением объекта познания [4, с. 35]. Так, усилия концентрируются на разведывании сведений, относящихся к первой группе, при объективном подтверждении которых можно утверждать о наличии отразившихся следов преступления как таковых с позиции их правильного научного интерпретирования.

Широкий спектр природы статистических величин материально-производственной базы в сфере легкой промышленности не позволяет действовать методом сплошной выборки, явля-

ющей трудоемкой и малоэффективной. Проводимая аналитика реализуется за счет системного подхода к изучению хозяйственных процессов и события преступления, характеризующегося знаниями о способе его совершения, личности похитителя или предмете преступного посягательства. Данная концепция способствует осуществлению градации поиска и его точечному направлению.

Так, А.В. Гучок отмечает, что возможность адекватного описания возникающих в ходе совершения преступления отражений в значительной мере зависит от глубины знаний о системе, в которой данное преступление проявляется [2, с. 85]. Переходя к исследованию выборочных технико-экономических показателей, нужно иметь общее представление о характеристике предприятия как имущественном комплексе, включающем в себя форму собственности, организационную структуру, функции и состав подразделений, виды закупаемого сырья и выпускаемой продукции, реализацию целевых программ, особенности используемого оборудования и т. д.

Исследование показывает, что при совершении рассматриваемой группы хищений имеет место создание неучтенных резервов сырья и готовой продукции, что является одним из самых изощренных и замаскированных способов совершения преступления. Это обуславливает наш выбор акцента на сравнении некоторых технико-экономических показателей, относящихся непосредственно к предмету преступного посягательства. Изучение статистической отчетности показывает, что несоответствие в указанных показателях на предприятиях легкой промышленности может проявляться в следующих сопряженных парах: превышение нормативного расхода сырья над количеством выпускаемой продукции; превышение количества выпускаемой продукции над пределами реальных мощностей производства; увеличение производственных затрат и необоснованное удорожание себестоимости одного из видов продукции; существенное занижение качества получаемого сырья от одного из поставщиков грузополучателем; отпуск готовой продукции или сырья покупателю по заниженной цене, отличающейся по отношению к другим; снижение объемов выпускаемой продукции и увеличение фонда заработной платы; превышение норм закупки сырья над реальной возможностью его оприходования на производстве; завышенный расход электроэнергии по отношению к количеству произведенного товара; списание сырья на технологические издержки и превышенное или нормативное количество изготовленной продукции; увеличение выбраковывания сырья и приобретение его в больших количествах; завышенные объемы уценки дорогостоящего вида изделий над другими.

Изучение отмеченных несоответствий используется в качестве базиса получения первичной информации и является наиболее сложным звеном аналитической работы. Дальнейшая группировка и обобщение данных проводится по времени работы определенных личностей, подозреваемых в преступлении, по периодам, которые позволяют отграничить время создания излишков от промежутка их изъятия и по другим специальным признакам.

В качестве наглядного примера обозначим, как работают на практике обнаруженные противоречия, затрагивающие превышение нормативного расхода ткани на единицу изготовленного костюма. Они могут указывать, что производственный материал похищается работниками предприятия. Проведя логическое умозаключение на основе знаний о типичных способах совершения общественно опасных деяний, у нас появляется несколько очевидных вариантов: материально-ответственное лицо, отвечающее за хранение товарно-материальных ценностей, осуществляет неполную выдачу сырья, сопровождающуюся интеллектуальным подлогом, т. е. надлежащим оформлением документов, содержащих недостоверные сведения; начальник цеха, технолог, модельер-конструктор и т. д., получившие со склада сырье в должном объеме, частично его отчуждают; закройщик, используя расход ткани из расчета настила в сгиб, фактически раскрой производит в разворот, создавая резерв экономии, а также дополнительно ее изымает; швея не оприходует в полном объеме поступивший для пошива раскроенный материал; контролер отдела товарного контроля изымает часть готовой продукции, не фиксируя ее в количественном учете.

Для более точной проверки вышеуказанного примера избираются новые технико-экономические показатели, расхождение между которыми способно подтвердить или опровергнуть предполагаемые доводы: сопоставляется количество выпущенной готовой продукции на разных сменах; периоды интенсивности въезда и выезда служебного и личного автотранспорта с интервалами работы фигурантов; затраты электроэнергии на объемы фактически произведенных изделий и прочего. Как отмечалось ранее, существует множество подлежащих проверке показателей, поэтому в каждом случае от оперативного сотрудника требуется применение индивидуального подхода.

В приведенной в качестве примера ситуации очерчивается только круг фигурантов, которые оказывают механическое влияние на возникновение разногласий в экономическом состоянии предприятия. Однако в результате проведения необходимых оперативно-розыскных мероприятий можно выявить идеальные следы, указывающие на причастность к преступной деятельности иных должностных лиц, которые отвечают за сбыт похищенного, руководят установленными в ходе первоначального анализа сообщниками, инструктируют и дают им поручения в устной форме на совершение незаконных действий.

Таким образом, по нашему мнению, оперативно-розыскная диагностика признаков хищений в сфере легкой промышленности представляет собой аналитические действия оперативно-сотрудника по изучению отдельных технико-экономических показателей предприятий и организаций с целью обнаружения между ними грубых противоречий, позволяющих обоснованно выдвинуть гипотезу о наличии фактов совершения преступлений данной группы.

Окончание следует

Список использованных источников

1. Белкин, Р.С. Криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике / Р.С. Белкин. – М. : Юрид. лит., 1988. – 304 с.
2. Гучок, А.Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления / А.Е. Гучок. – Минск : Тесей, 2012. – 228 с.
3. Журавлев, С.Ю. К вопросу о понятии и содержании экономико-криминальных несоответствий как комплексных следов преступной деятельности экономической направленности / С.Ю. Журавлев, П.А. Котельников // Изв. Тул. гос. ун-та. Сер. Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 4. – С. 209–216.
4. Образцов, В.А. Выявление и изобличение преступника / В.А. Образцов. – М. : Юристъ, 1997. – 336 с.

Дата поступления в редакцию: 28.03.19

V.N. Tsynkevich, postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

DIAGNOSTICS AND IDENTIFICATION OF INDICIA THEFTS (PART 1)

The indicia of thefts in light industry are considered. The analytical work of the investigative officer in the area is analyzed. The attention is paid to the particulation of diagnostics of the indicia of the mentioned group of crimes. A number of some contradictions that appear in technical and economic marks as a result of the action of a criminal is defined.

Keywords: diagnostics, criminal, theft, enterprise, light industry, crime.

УДК 343.985

Ю.М. Юбко, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой расследования преступлений следственно-экспертного факультета Академии МВД Республики Беларусь;

В.Н. Михневич, старший оперуполномоченный ОБЭП Первомайского РУВД г. Минска

УСТАНОВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ, ПО МАТЕРИАЛАМ И УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ ЖКХ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

В двух частях

Часть 1

Рассматриваются подходы к формированию источников доказательств, необходимых по материалам и уголовным делам для установления «субъекта» и «субъективной стороны» хищения, совершенного в сфере ЖКХ путем злоупотребления служебными полномочиями.

Ключевые слова: обстоятельства, подлежащие доказыванию, субъект хищения, субъективная сторона хищения, источники доказательств, должностное лицо ЖКХ, фиктивно трудоустроенное лицо.

Борьба с хищениями, совершаемыми путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК Республики Беларусь), занимает особое место в деятельности органов уголовного преследования. Повышенная опасность данного общественно опасного деяния заключается в его отнесенности к перечню преступлений коррупционной направленности, подрывающих основы жизнедеятельности государства. Умышленное использование должностными лицами своих служебных полномочий и связанных с ними возможностей сопряжено с противоправным получением имущественной или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или третьих лиц. Органы уголовного преследования и судебные органы с учетом выполняемых ими функций принимают конкретные меры, направленные на борьбу с подобными преступными проявлениями.

Коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь был подготовлен обзор «О практике применения судами законодательства по делам о хищении путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК)», согласно которому по изученным уголовным делам в сфере образования, транспорта, связи и жилищно-коммунального хозяйства было совершено 4,3 % рассматриваемых хищений [1, с. 48]. С учетом того, что в последние годы работе ЖКХ уделяется пристальное внимание, будет актуально рассмотреть такой аспект деятельности органа уголовного преследования, как установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, при расследовании хищений, совершенных путем злоупотребления служебными полномочиями в данной сфере.

Проблеме установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, посвящено большое количество публикаций, подготовленных учеными в областях уголовного процесса и криминалистики [2, с. 295–296; 3, с. 730; 4, с. 47]. Не полемизируя с авторами по теоретическим положениям, мы разделяем мнение, высказанное профессором Р.С. Белкиным о необходимости использования подхода, соответствующего структуре состава преступления для классификации обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [5, с. 734].

Из положений уголовно-процессуального закона известно, что при проверке заявления (сообщения) о преступлении прежде всего устанавливаются достаточные данные, указывающие на наличие или отсутствие общественно опасного деяния (п. 1 ст. 167 УПК). Решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела [6, с. 244] принимается по материалам проверки с учетом установленных признаков конкретного преступления. На стадии возбуждения уголовного дела органом уголовного преследования выявляются элементы, характеризующие объективную сторону состава преступления, в ходе предварительного расследования доказываются все остальные признаки состава данного деяния. Следовательно, наличие отдельных обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ст. 89 УПК), имеет место непосредственно на стадии возбуждения уголовного дела [7, с. 171].

Отмеченный тезис отражен в приведенных литературных источниках, однако важно отметить, как он реализуется в правоприменительной практике органов внутренних дел с учетом вида совершенного преступления.

Специфика применения п. 1 ст. 167 УПК при рассмотрении заявлений (сообщений) о совершении преступлений в сфере экономики на стадии возбуждения уголовного дела заключается в необходимости установления и доказывания признаков состава преступления, а не только оценке явных признаков преступления, таких как например, по линии уголовного розыска. Данная специфика требует научно обоснованных рекомендаций по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, по различным видам преступлений экономической направленности.

Используя подходы, изложенные в научных публикациях, и результаты анализа правоприменительной практики, попытаемся высказать собственное мнение о структуре обстоятельств, подлежащих доказыванию, по уголовным делам о хищениях, совершаемых должностными лицами ЖКХ, с научной позиции Р.С. Белкина, выделившего структурные элементы относительно субъекта, субъективной стороны, объекта и объективной стороны преступления, а также отдельные особенности их доказывания.

При проведении доследственных проверок и следствия по делам о хищениях, совершенных должностными лицами ЖКХ, относительно элемента «субъект преступления» следует учитывать требования ч. 4 ст. 4 УК и постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12, раскрывающие суть термина «должностное лицо» как «специальный субъект

преступления». При этом следователю (лицу, производящему дознание) необходимо изымать (истребовать) следующие документы: должностные инструкции должностного лица ЖКХ, приказ о назначении его на должность и личное дело. Содержание полномочий, изложенных в должностной инструкции, позволит определить перечень обязанностей, входящих в сферу деятельности должностного лица, и установить возможность их использования при совершении хищения. В содержании приказа о назначении на должность зафиксирован временной период, в течение которого лицо выполняет конкретные должностные полномочия. В данном случае необходимо иметь в виду, что они могут выполняться лицом постоянно с момента назначения на конкретную должность, могут быть временными, ограниченными каким-либо промежутком времени, обусловленными конкретными объективными обстоятельствами деятельности субъекта ЖКХ. Определение временного промежутка исполнения должностным лицом обязанностей позволяет установить, совершено ли последним хищение именно в этот период и с использованием им именно порученных временных обязанностей. Информация, содержащаяся в личном деле должностного лица, позволяет установить весь временной период его руководящей деятельности, т. е. сотруднику органа уголовного преследования представится общая картина его движения по карьерной лестнице.

Для чего необходима такая информация? Анализ практики свидетельствует, что в ходе проверки органом дознания выявляются также эпизоды хищения путем злоупотребления служебными полномочиями, совершенные и в прошлые годы функционирования ЖКХ, предшествующие выявленному эпизоду. Для установления причастности должностного лица к их совершению изначально сотруднику потребуются информация, находящаяся в личном деле, ее анализ позволит установить объем должностных полномочий, выполняемый подозреваемым во временном периоде совершения выявленных эпизодов хищений прошлых лет. При наличии таковых в дальнейшем необходимо получить доказательственную информацию о возможности их использования должностным лицом в своих корыстных целях при совершении хищений прошлых лет.

Доказывая признаки, характеризующие должностное лицо ЖКХ как «субъект преступления», не следует пренебрегать и показаниями свидетелей. В частности, в качестве свидетелей могут быть допрошены вышестоящие должностные лица ЖКХ, явившиеся инициаторами назначения конкретного лица, совершившего хищение, на занимаемую должность, или принимавшие решение о временном вменении ему для исполнения конкретных должностных обязанностей в связи со складывающейся производственной необходимостью. Доказывание рассматриваемого признака вместе с указанной особенностью предполагает установление также возраста должностного лица (требование ч. 1 ст. 27 УК) и выполнение требований гл. 49 УПК. Возраст должностного лица может быть установлен путем истребования (изъятия) документов, удостоверяющих личность. Тезис по установлению возраста может вызвать некоторые недоумения и возражения в связи с тем, что лицо, занимающее ту или иную должность в системе ЖКХ, всегда перешагнуло рубеж, предусмотренный требованиями ч. 1 ст. 27 УК. Однако, по нашему мнению, доказывание возраста обусловлено как уголовно-правовым требованием, так и требованием уголовно-процессуального закона, когда необходимо принять конкретное процессуальное решение (о применении меры пресечения – ч. 2 ст. 117 УПК; о привлечении лица в качестве обвиняемого – п. 1 ч. 1 ст. 241 УПК и т. д.) по уголовному делу. Проверка и доказывание статуса должностного лица на предмет соответствия положениям гл. 49 УПК предполагает определенный порядок действий сотрудника органа уголовного преследования. При проведении проверки на стадии возбуждения уголовного дела сотрудник обязан провести изучение списков депутатов областного, районного, городского, поселкового, сельского Советов депутатов, размещенных на информационном сайте конкретного исполнительного комитета, для установления в их перечне конкретного должностного лица. При наличии в данном списке проверяемого должностного лица, руководствуясь ч. 2 ст. 103 УПК, следует истребовать информацию у руководителя исполнительного комитета соответствующего уровня о том, что проверяемое должностное лицо действительно является депутатом. Полученное сообщение будет являться источником доказательств, определенным законодателем в ч. 1 ст. 100 УПК, и может быть использовано в дальнейшем в процессе производства по материалу и уголовному делу. Его наличие в материалах проверки, официально удостоверенное руководителем исполнительного комитета, необходимо для принятия решения о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного должностного лица ЖКХ, обладающего иммунитетом, уполномоченным прокурором (п. 3, 4 ст. 468² УПК). Наличие сообщения позволит также со-

блности процессуальную форму и при принятии иных решений по возбужденному уголовному делу (о задержании и применении иных мер процессуального принуждения; привлечении в качестве подозреваемого, обвиняемого и т. п.).

При доказывании признака состава «субъект преступления» следует учитывать и требования ч. 2, 4 ст. 210 УК, предусматривающие ответственность за совершение хищения: повторно, по предварительному сговору группой лиц, организованной группой. При этом установление данных признаков в ходе предварительного следствия производится путем собирания доказательств. Источниками доказательств, позволяющими установить отмеченные квалифицирующие признаки, являются документы (приказ о назначении на должность, должностная инструкция, личное дело должностного лица), информация о наличии прежних судимостей, полученная из информационно-аналитической базы, показания свидетелей (вышестоящих руководителей ЖКХ, работников ЖКХ) и пр.

Формулируя перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, в ч. 1 ст. 89 УПК законодатель ведет речь об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих ответственность (ст. 63, 64 УК) и характеризующих личность обвиняемого. В этой связи отмеченное требование должно быть учтено в ходе производства по материалам и уголовным делам рассматриваемой категории. Характеристика личности должностного лица ЖКХ как субъекта хищения требует выяснения следующих аспектов: отношение к труду и исполнению непосредственных должностных обязанностей, поведение в трудовом коллективе, семье, наличие на иждивении нетрудоспособных лиц и пр.

Вместе с тем, как представляется, «изучение личности» требует соблюдения комплексного подхода при производстве по материалам и уголовным делам. С одной стороны, речь идет о неукоснительном выполнении требований уголовного и уголовно-процессуального закона, с другой – об использовании научных положений, выработанных юридической психологией при проведении проверки по материалам и производстве предварительного следствия.

Специалисты в области юридической психологии выделяют интеллектуально-меркантильный тип личности, характеризующий лицо, совершающее хищение путем злоупотребления служебными полномочиями. Такому лицу присущи: осведомленность о противоправности и наказуемости совершаемого деяния; игнорирование правовых и социальных норм; целеустремленность; предприимчивость; изобретательность; коварство; приспособляемость к условиям, способствующим хищению; ловкость [8, с. 157]. Перечисленные признаки отражаются в механизме преступления при его подготовке, совершении и сокрытии. Знание особенностей типа личности расхитителя позволяет сотрудникам органа уголовного преследования правильно организовать проведение проверки по заявлению (сообщению) о преступлении, осуществить планирование расследования по уголовному делу. В большей мере знание указанных особенностей в дальнейшем необходимо для организации производства следственных действий с участием должностного лица, совершившего хищение путем злоупотребления служебными полномочиями.

При установлении в ходе предварительного следствия признака состава преступления «субъективная сторона» по уголовным делам рассматриваемой категории следует выяснить характер вины обвиняемого, т. е. доказать умысел в действиях должностного лица ЖКХ и корыстную цель, преследуемую им. Следует учесть, что при вынесении обвинительного приговора суд будет руководствоваться требованиями ст. 360 УПК и п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда». Важно при этом иметь в виду, что умышленный характер преступных действий последнего проявляется в осознании им того, что он злоупотребляет своими служебными полномочиями для завладения имуществом, принадлежащим ЖКХ, или приобретает право на имущество (полномочия собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом) [9, с. 442]. Реализуя свой преступный замысел, подозреваемый стремится извлечь для себя материальную выгоду за счет изъятия имущества либо приобретения права на него. Схема доказывания рассматриваемого признака обусловлена способом, который применяет должностное лицо для совершения хищения путем злоупотребления служебными полномочиями. В свою очередь, способ совершения хищения находит отражение в материальных и идеальных следах объективной действительности. Учитывая данное обстоятельство, для доказывания субъективной стороны хищения сотрудник органа уголовного преследования обязан провести процессуальные и следственные действия на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного следствия.

Производя собрание доказательств, следует помнить, что способы совершения хищений различны, в связи с чем схема доказывания будет структурно состоять из алгоритмов различных следственных и процессуальных действий, ограниченных рамками уголовно-процессуальной формы, определенной законодателем для стадий возбуждения уголовного дела и предварительного следствия (ст. 173, 186 УПК и др.). В этой связи устанавливать субъективную сторону хищения, совершенного должностным лицом ЖКХ путем злоупотребления служебными полномочиями, можно с использованием следующих источников доказательств: документов, отражающих интересующую сторону финансово-хозяйственной деятельности ЖКХ (по вопросам управления и распоряжения имуществом ЖКХ и денежными средствами); приказов, указаний, распоряжений, отдаваемых должностным лицом ЖКХ подчиненным работникам, через которых оно осуществляет полномочия по управлению и распоряжению имуществом; показаний свидетелей (подчиненных работников) о даче указаний должностным лицом ЖКХ по вопросам управления и распоряжения имуществом; информации из банковского учреждения о получении денежных средств должностным лицом с вkladного расчетного счета по доверенности о платежах за коммунальные и другие услуги должностного лица с банковской карточки, оформленной на фиктивно трудоустроенное лицо; доверенности от подставного лица на право получения денежных средств с вkladного расчетного счета; протоколов обысков, в которых зафиксировано наличие в жилище или иных законных владениях должностного лица имущества, принадлежащего ЖКХ, банковской карточки на подставное лицо и т. п.; показаний должностного лица ЖКХ об умышленных действиях путем злоупотребления служебными полномочиями по завладению имуществом либо приобретением права на имущество ЖКХ (при отсутствии противодействия при производстве допроса с его стороны) и других источников доказательств.

Окончание следует

Список использованных источников

1. О практике применения судами законодательства по делам о хищении путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК) (по материалам обзора) // Судеб. вестн. – 2014. – № 3. – С. 47–51.
2. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И.В. Данько [и др.] ; под общ. ред. И.В. Данько. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 478 с.
3. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов / Р.С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – 837 с.
4. Белкин, А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А.Р. Белкин. – М. : Норма. 2007. – 528 с.
5. Криминалистика : учеб. для вузов / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под. ред. Р.С. Белкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2006. – 992 с.
6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М.А. Шостака. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.
7. Шостак, М.А. Уголовный процесс : учеб. пособие / М.А. Шостак. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2008. – 630 с.
8. Стуканов, В.Г. Психологическая типология личности корыстного преступника и ее учет в исправительном процессе / В.Г. Стуканов // Вест. Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – 2010. – № 2. – С. 157–160.
9. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

Дата поступления в редакцию: 15.03.19

Y.M. Yubko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Investigation of Crimes of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; **V.N. Mikhnevich**, Senior operative of the Economic Crime Department of Pervomaiski district unit of internal affairs of Minsk

ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES TO BE PROVED ON THE MATERIALS AND CRIMINAL CASES OF THE THEFTS COMMITTED BY AN OFFICER OF THE HOUSING AND UTILITIES SECTOR BY ABUSING OFFICIAL AUTHORITY (PART 1)

This article discusses approaches to the formation of sources of evidence necessary for materials and criminal cases to establish the “subject” and “subjective side” of the theft committed in the housing and utilities sector by abusing official authority.

Keywords: circumstances to be proved; subject of theft; the subjective side of the theft; sources of evidence; official housing and utilities; fictitiously employed person.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.97

П.В. Мытник, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: pmytnik@yandex.ru)

СУДЫ, НЕ ВХОДЯЩИЕ В СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ)

В двух частях

Часть 2

В Республике Беларусь функционирует трехзвенная государственная система судов общей юрисдикции, которые рассматривают уголовные, гражданские и экономические дела, а также дела об административных правонарушениях. Наряду с ними на территории страны действуют суды, которые вправе разрешать юридические конфликты, не входящие в ее судебную систему.

Рассматривается правовая основа и порядок функционирования Экономического Суда Содружества Независимых Государств, Суда Евразийского экономического союза, товарищеского суда, а также порядок разрешения юридических споров путем медиации.

Ключевые слова: договор, закон, медиация, ответчик, процессуальная экономия, стороны, спор, третейское разбирательство, юридическое лицо.

В столице Республики Беларусь (ул. Кирова, 17) дислоцируется Экономический Суд Содружества Независимых Государств, образованный в 1992 г. и действующий на основании Соглашения государств – участников Содружества Независимых Государств о статусе Экономического Суда СНГ от 6 июля 1992 г. Данным Соглашением утверждено Положение об Экономическом Суде Содружества Независимых Государств, определяющее его компетенцию, порядок организации и деятельности (далее – Положение об Экономическом Суде СНГ).

Согласно п. 3 Положения об Экономическом Суде СНГ к ведению Экономического Суда относится разрешение межгосударственных экономических споров:

возникающих при исполнении экономических обязательств, предусмотренных соглашениями, решениями Совета глав государств, Совета глав правительств Содружества и других его институтов;

о соответствии нормативных и других актов государств – участников Содружества, принятых по экономическим вопросам, соглашениям и иным актам Содружества.

Соглашениями государств – участников Содружества к ведению Экономического Суда могут быть отнесены другие споры, связанные с исполнением соглашений и принятых на их основе иных актов СНГ.

Споры рассматриваются Экономическим Судом по заявлению заинтересованных государств в лице их полномочных органов, институтов СНГ.

Экономический Суд не может отказаться от разрешения спора за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права.

Законом Республики Беларусь от 9 октября 2014 г. № 193-З ратифицирован Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор).

Одним из органов Евразийского экономического союза является Суд Евразийского экономического союза (ст. 8 Договора), который также располагается в г. Минске (ул. Кирова, 5).

Данный Суд является судебным органом Евразийского экономического союза, образованным и действующим на постоянной основе в соответствии с Договором о Евразийском эконо-

мическом союзе и Статутом Суда Евразийского экономического союза (далее – Статут; является приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.). Целью деятельности Суда является обеспечение в соответствии с положениями Статута единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров Союза с третьей стороной и решений органов Союза. Суд пользуется правами юридического лица.

В состав Суда от каждого государства-члена входят по двое судей (срок полномочий – девять лет), которые должны обладать высокими моральными качествами, являться специалистами высокой квалификации в области международного и внутрисударственного права, соответствовать требованиям, предъявляемым к судьям высших судебных органов государств-членов. Судьи назначаются на должности Высшим Евразийским экономическим советом по представлению государств-членов, и при вступлении в должность они приносят присягу.

К компетенции Суда относятся споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза:

1) по заявлению государства-члена:

о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору;

соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений;

соответствии решения Евразийской экономической комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза;

об оспаривании действия (бездействия) Евразийской экономической комиссии;

2) по заявлению хозяйствующего субъекта:

о соответствии решения Евразийской экономической комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

об оспаривании действия (бездействия) Евразийской экономической комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства (п. 39 Статута).

Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации) введен существующий в мировой практике, достаточно новый для Беларуси порядок разрешения конфликтов – медиация. Понятие «медиация» трактуется как переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения.

Закон о медиации регулирует отношения, связанные с применением медиации с целью урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений, если иное не предусмотрено законодательными актами или не вытекает из существа соответствующих отношений.

Медиация может быть проведена как до обращения сторон в суд в порядке гражданского или хозяйственного судопроизводства, так и после возбуждения производства по делу в суде. Особенности проведения медиации после возбуждения производства по делу в суде определяются процессуальным законодательством. Действие указанного Закона не распространяется на отношения, связанные с оказанием судьей содействия примирению сторон в ходе судебного разбирательства.

Медиатором может быть физическое лицо, имеющее высшее юридическое или иное высшее образование, прошедшее подготовку в сфере медиации в порядке, устанавливаемом Министерством юстиции Республики Беларусь, либо имеющее опыт работы в качестве примирителя в соответствии с процессуальным законодательством, получившее свидетельство медиатора, выдаваемое Министерством юстиции Республики Беларусь на основании решения Квалификационной комиссии по вопросам медиации¹.

Медиаторы осуществляют деятельность самостоятельно на основании выданного Министерством юстиции Республики Беларусь свидетельства медиатора. Деятельность медиатора не является предпринимательской; он вправе осуществлять иную деятельность, не запрещенную законодательством.

Государственная регистрация учреждений, изменений и (или) дополнений, внесенных в их устав, осуществляется Министерством юстиции Республики Беларусь. Постановка на учет обособленных подразделений юридических лиц осуществляется главным управлением юстиции областного (Минского городского) исполнительного комитета по месту нахождения юридических лиц.

В соответствии со ст. 15 Закона о медиации медиативное соглашение подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон. Последствия неисполнения медиативного соглашения могут быть установлены сторонами в медиативном соглашении. Его принудительное исполнение осуществляется в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством.

Медиация также предоставляет возможность для граждан и участников делового оборота самостоятельно и оперативно в ходе переговоров при содействии незаинтересованного лица, имеющего специальные навыки и знания, урегулировать имеющийся конфликт с учетом взаимных интересов и заключить соглашение, условия которого будут устраивать обе стороны. Акты о медиации приняты более чем в двадцати европейских странах.

В зарубежных государствах медиация повсеместно начиналась главным образом с ее применения по спорам, возникающим из семейных и трудовых правоотношений, в то время как вопрос о пригодности медиации для урегулирования коммерческих споров является открытым. Институт медиации введен для разгрузки судов.

Процедура медиации способствует развитию в Республике Беларусь гражданского общества, члены которого, обладая высоким уровнем ответственности за собственные действия, самостоятельно регулируют возникающие между ними разногласия, прибегая к помощи государственных органов, обладающих властными полномочиями, только в крайних случаях [1].

Судами Республики Беларусь в 2017 г. окончено рассмотрение 201 687 гражданских дел, при этом прекращено в связи с заключением мирового соглашения 6 785 дел. В том же году экономическими судами рассмотрено 21 339 дел, при этом прекращено в связи с заключением соглашения о примирении 3 954 дел, а в связи с заключением мирового соглашения – 115 экономических дел [2].

После обретения Республикой Беларусь независимости, перехода к рыночной экономике произошла переоценка роли товарищеских судов и мер общественного воздействия, однако такие суды функционируют и в настоящее время.

Согласно п. 28 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 26 июня 2001 г. № 355, проступки офицеров и прапорщиков могут рассматриваться также товарищескими судами чести.

Создание товарищеских судов предусмотрено п. 42 Дисциплинарного устава органов внутренних дел, который утвержден Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2003 г. № 218. Согласно п. 4 приказа Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 16 октября 2012 г. № 260 «Об утверждении Положения о товарищеских судах в органах внутренних дел Республики Беларусь и признании утратившим силу приказа Министерства внутренних дел Республики

¹ Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2013 г. № 1184 «О некоторых мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О медиации» утверждены Положение о квалификационной комиссии по вопросам медиации; Инструкция о порядке выдачи и прекращения действия свидетельства медиатора; Типовые правила деятельности организации, обеспечивающей проведение медиации; форма свидетельства о государственной регистрации организации, обеспечивающей проведение медиации; форма свидетельства о постановке на учет обособленного подразделения юридического лица, обеспечивающего проведение медиации.

Беларусь от 2 сентября 2010 г. № 282» в ОВД созданы товарищеские суды рядового и младшего начальствующего состава. Решение о передаче материалов на рассмотрение товарищеского суда принимает начальник ОВД. Товарищеский суд рассматривает материалы в составе не менее трех членов товарищеского суда. Товарищеский суд, в свою очередь, установив виновность сотрудника в совершении проступка, может применить к нему одну из следующих мер общественного воздействия: объявить товарищеское предупреждение; объявить общественный выговор; ходатайствовать о лишении нагрудного знака ОВД; ходатайствовать об исключении из Книги почета ОВД; ходатайствовать о понижении в специальном звании на одну ступень; ходатайствовать о понижении в должности; ходатайствовать о снижении размера текущего премирования. Решение товарищеского суда может быть обжаловано сотрудником, чьи материалы рассмотрены на заседании товарищеского суда, лицом, в отношении которого совершен проступок, в течение семи дней со дня его вынесения начальнику ОВД.

В завершение отметим, что интерпретация Европейским сообществом понятия «суд» значительно отличается от того, что принято понимать под судом в общепринятом нами смысле слова. В одном из своих решений Европейский суд по правам человека отметил, что, даже не будучи государственным, заслуживает названия суда орган, отвечающий ряду требований: независимости по отношению как к исполнительной власти, так и к сторонам в процессе, продолжительности мандата члена суда, гарантиям судебной процедуры [3].

Список использованных источников

1. Гущеня, Анастасия. Становление и состояние развития института медиации в Республике Беларусь / Анастасия Гущеня // Юстиция Беларуси. – 2015. – № 7. – С. 25–26.
2. Статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции за 2017 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/. – Дата доступа: 05.05.2018.
3. Сенько, А.С. Проблемные вопросы обеспечения конституционного права граждан на судебную защиту [Электронный ресурс] / А.С. Сенько // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2018.

Дата поступления в редакцию: 18.06.18

P.V. Mytnik, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

COURTS OUTSIDE THE JUDICIAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS (IN TERMS OF PROCEDURAL ECONOMY) (PART 2)

The Republic of Belarus has a three-tier state general courts system, which deals with criminal, civil and economic cases, as well as administrative cases. Along with it there are also such courts in the country that are authorized to resolve legal disputes, but not included into the judicial system. It is considered the legal basis and procedure of the functioning of the Economic Court of the Commonwealth of Independent States, the Court of the Eurasian Economic Union, as well as the procedure of resolving legal disputes through mediation.

Keywords: agreement, law, mediation, defendant, procedural economy, parties, courts, dispute, arbitral proceedings, legal entity.

КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

*А.А. Жук, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии
МВД Республики Беларусь
(e-mail:alex.zhuk82@gmail.com)*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ, ОСТАВЛЕННЫХ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ И ТЮРЬМАХ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ

Исследуются основные компоненты уголовно-правовой характеристики личности осужденных, оставленных в следственных изоляторах и тюрьмах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. Выявлены основные категории преступлений, за совершение которых отбывают наказание осужденные из состава отрядов по хозяйственному обслуживанию. Акцентируется внимание на доминирующей части изучаемой категории осужденных по срокам наказания, назначаемым судами; степени криминальной, антисоциальной направленности осужденных; эффективности применения к осужденным института условно-досрочного освобождения.

Ключевые слова: уголовно-правовая характеристика, хозяйственное обслуживание, следственный изолятор, тюрьма.

Важную роль в изучении личности осужденного играет его уголовно-правовая характеристика, поскольку именно она позволяет получить информацию о тех характерных чертах, наличие которых привело его к совершению преступления. Знание этих особенностей дает возможность выделить стороны личности осужденного, подлежащие исправлению.

К показателям уголовно-правовой характеристики личности осужденных относятся сведения, отражающие квалификацию совершенного преступления, характер и степень общественной опасности совершенного деяния, срок наказания, количество судимостей, а также возможность применения института досрочного освобождения.

Так, анализ компонентов уголовно-правовой характеристики позволяет установить: за совершение каких преступлений осужденные наиболее часто отбывают лишение свободы в отрядах хозяйственного обслуживания СИЗО и тюрем; каковы сроки наказания, определяемые судами, исходя из характера и степени общественной опасности деяния и личности виновного; какова доля осужденных, освобождающихся от наказания условно-досрочно и др.

Наиболее важным показателем уголовно-правовой характеристики, по мнению Н.В. Громадской, является квалификация преступлений. В данном показателе выражаются и личностные качества, и степень общественной опасности деяний, за совершение которых осужденные отбывают лишение свободы [1].

Анализ результатов проведенного анкетирования позволил выявить некоторые особенности уголовно-правовой характеристики личности осужденных отрядов хозяйственного обслуживания. Сегодня доминирующими являются три группы осужденных, из которых сформированы отряды хозяйственного обслуживания: осужденные, совершившие преступления против правосудия (39 %); осужденные за преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности (28 %); осужденные за преступления против интересов службы (26 %).

При этом полученные данные свидетельствуют о том, что администрация СИЗО и тюрем практически не зачисляет в отряды хозяйственного обслуживания осужденных за преступления против жизни и здоровья. Деятельность СИЗО в качестве исправительного учреждения показала небезопасность нахождения такого контингента в составе отрядов хозяйственного обслуживания.

Лица, осужденные за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы, всегда были аутсайдерами, отвергаемыми и осужденными, и администрацией учреждений. Как показывает практика, в составе отрядов хозяйственного обслуживания осужденных указанной категории можно увидеть только за редким исключением (1 %).

После вступления в законную силу Декрета Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» администрация СИЗО и тюрем не рассматривает в качестве кандидатов в отряды хозяйственного обслуживания осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Хотя до изменений в законодательстве доля осужденных по ст. 328 УК Республики Беларусь в составе отрядов хозяйственного обслуживания была не менее значительной по сравнению с ранее обозначенными доминирующими группами осужденных и не требовала со стороны администрации учреждений каких-либо дополнительных мер по организации исправительного процесса данной категории осужденных.

В целом анализ данных, полученных в процессе исследования, позволяет сделать вывод о том что структура совершенных преступлений лицами, отбывающими наказание в СИЗО или тюрьмах, имеет существенные позитивные отличия от структуры преступлений, совершенных лицами, содержащимися в исправительных колониях для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы. Объясняется данный факт определенным отбором лиц в отряды хозяйственного обслуживания СИЗО и тюрем.

Как показатель уголовно-правовой характеристики личности осужденного немаловажную роль играет срок назначенного наказания в виде лишения свободы, так как его длительность отражает степень общественной опасности совершенных преступлений и личности преступника. При анализе анкетных данных установлено, что средний срок наказания у осужденных в СИЗО и тюрьмах значительно ниже, чем в исправительных колониях для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы. В отрядах хозяйственного обслуживания наиболее многочисленной категорией являются осужденные к срокам от одного года до пяти лет (примерно 90 % от общего числа). Осужденные к срокам свыше пяти лет являются самой незначительной категорией и составляют примерно 10 % от общего числа. Исследования в данном направлении позволили заключить, что отряды хозяйственного обслуживания СИЗО и тюрем формируются из числа лиц, осужденных к небольшим срокам наказания, и администрация учреждений на основе изучения контингента этих лиц осуществляет целенаправленный отбор осужденных. Так, состав контингента отрядов хозяйственного обслуживания зависит от того, кому администрация отдаст предпочтение, тогда как в исправительных колониях выбор определяется состоянием и структурой преступности в данном регионе [2]. Таким образом, срок наказания являлся и является главным формальным критерием отбора осужденных в отряды хозяйственного обслуживания СИЗО и тюрем.

Количество судимостей отражает степень криминализации личности, ее антисоциальной направленности. Непосредственно в СИЗО и тюрьмах в соответствии с положениями ст. 67 УИК Республики Беларусь это лица, осужденные к лишению свободы, ранее фактически не отбывавшие наказание такого вида [3]. Согласно результатам проведенного нами исследования в отрядах хозяйственного обслуживания СИЗО и тюрем находится примерно 59 % осужденных, имеющих предыдущие судимости (условно и т. п.) за различные виды преступлений.

Таким образом, несмотря на тщательный отбор осужденных для хозяйственного обслуживания, больше половины контингента данной категории имеет определенную криминальную и антисоциальную направленность.

Кроме того, необходимо отметить, что действие прогрессивной системы отбывания наказания предусматривает законные возможности условно-досрочного освобождения осужденных или замены не отбытой части наказания более мягким наказанием (ст. 90–91 УК). Положения указанных статей являются нормами, стимулирующими правопослушное поведение осужденных и процесс исправления в целом, что выступает очень важным фактором в практике исполнения наказания и организации воспитательной работы [4].

На практике институт досрочного освобождения основной части осужденных, отбывающих наказание в отрядах хозяйственного обслуживания, ввиду положительной характеристики дает реальную возможность освободиться ранее назначенного судом срока. В исправительных коло-

ниях для лиц, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, число осужденных, освобождающихся условно-досрочно, в 3–4 раза меньше, чем в СИЗО и тюрьмах. Причиной тому является ряд факторов, однако основную роль, на наш взгляд, играет тщательный отбор осужденных.

Осужденный, осознавая возможность освобождения ранее обозначенного в приговоре срока, стремится к добросовестному труду и правопослушному поведению во время отбывания наказания. Перспектива условно-досрочного освобождения является стимулом к безупречному поведению, и ради нее осужденный готов терпеть все неудобства, возникающие в условиях учреждения закрытого типа, в том числе и негативное отношение со стороны других осужденных. Применение института условно-досрочного освобождения позволяет на практике эффективно использовать положения уголовно-исполнительного законодательства об изменении условий отбывания наказания, оказывает благотворное влияние на организацию всего воспитательного воздействия на осужденных и их социальную адаптацию в обществе после освобождения.

Таким образом, применение дифференцированного подхода к отбору лиц исследуемой категории и к процессу организации воспитательной работы с ними требует детального изучения их уголовно-правовой характеристики.

Список использованных источников:

1. Громадская, Н.В. Основания оставления в следственных изоляторах осужденных для хозяйственного обслуживания / Н.В. Громадская // Вестн. Калинингр. юрид. ин-та МВД России. – 2008. – № 2. – С. 119–120.
2. Кириллов, М.А. Социально-демографическая характеристика осужденных, занятых хозяйственным обслуживанием следственных изоляторов / М.В. Кириллов, Е.В. Нечаева // Правовое регулирование общественно-политических процессов на постсоветском пространстве: история и тенденции развития : Междунар. науч.-практ. конф., Чебоксары, 21–22 мая. – Чебоксары : ЧКИ РУК, 2011. – С. 205–206.
3. Петров, В.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика лиц, отбывающих уголовное в следственном изоляторе / В.В. Петров // Новое уголовное законодательство России: проблемы теории и практики : сб. ст. / под ред. В.А. Никонова. – Тюмень : Тюм. юрид. ин-т МВД России, 1999. – С. 153–163.
4. Шабанов, В.Б. Теоретические основы уголовно-исполнительного права : пособие для учеб. заведений юрид. профиля / В.Б. Шабанов, А.В. Шарков. – Минск : Тесей, 2002. – 288 с.

Дата поступления в редакцию: 19.04.19

A.A. Zhuk, postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTIC OF THE PERSONALITY OF CONVICTS LEFT IN PRE-TRIAL DETENTION CENTERS AND PRISONS FOR THE CARRYING OUT ECONOMIC SERVICES

The main components of the criminal law personality characteristics of convicts who have been left in pre-trial detention centers and prisons for carrying out work on economic services are being studied. The study made it possible to establish the main categories of crimes for which convicted convicts from economic services groups serve their sentences. The dominant part of the category of convicts sentenced by term imposed by courts, the degree of criminal, antisocial focus of convicts, the effectiveness of applying to the convicted institution of parole.

Keywords: criminal-legal characteristics, economic services, pre-trial detention center, prison.

УДК 343.8

С.В. Казак, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: kazak.s@mail.ru)

ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНЫЙ ТРУД КАК СРЕДСТВО ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЯ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Рассматриваются цели общественно полезного труда как средства исправления осужденных. Анализируются особенности правового регулирования общественно полезного труда осужденных, отбывающих наказания в виде общественных работ, исправительных работ, ограничения свободы, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Обозначены направления совершенствования уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь в сфере трудовой деятельности осужденных к исправительным работам.

Ключевые слова: общественно полезный труд, средство исправления, осужденные, наказания без изоляции от общества.

В качестве одного из основных средств исправления осужденных законодатель в ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь выделяет общественно полезный труд. Различные аспекты применения данного средства исправления к осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, в специальной литературе освещаются достаточно детально [1, 2]. Вместе с тем вопросы применения общественно полезного труда в качестве средства исправления осужденных, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией их от общества, в белорусской науке освещены не в полной мере. В этой связи представляется целесообразным проанализировать особенности применения данного средства исправления к осужденным, отбывающим данные наказания.

Необходимо отметить, что применение общественно полезного труда как одно из основных средств исправления осужденных имеет прежде всего экономические цели, так как осужденные создают материальные блага, получая за это соответствующее вознаграждение, а осужденные к исправительным работам еще и выплачивают определенную сумму из своего заработка в доход государства. В трудовой деятельности осужденных также выделяют и другие цели: социальные (осужденные приобретают специальность, производственные навыки), оздоровительные (труд закаляет физически и нравственно), карательные (труд является обязательным элементом отдельных наказаний и выступает в качестве возмездия за совершенные противоправные деяния) [3].

Применение данного средства исправления является обязательным в процессе исполнения таких наказаний, как общественные работы, исправительные работы и ограничение свободы. Согласно ст. 49 Уголовного кодекса Республики Беларусь суть наказания в виде общественных работ заключается в выполнении осужденным бесплатного труда в пользу общества, вид которого определяется органами, ведающими применением данного наказания. Назначаются они на срок от шестидесяти до двухсот сорока часов. При этом осужденные, которые получают образование либо имеют постоянное место работы, отбывают общественные работы не свыше четырех часов в день в свободное от учебы или основной работы время, а осужденные, не получающие образования и не имеющие постоянного места работы, с их согласия могут отбывать данное наказание свыше четырех, но не более восьми часов в день.

Обязанности осужденных, отбывающих общественные работы, предусмотрены ст. 24 УИК: работать на определяемых для них объектах и отработать установленный судом срок общественных работ; соблюдать правила внутреннего трудового распорядка организаций, в которых они отбывают данное наказание; добросовестно относиться к труду. Предоставление осужденному трудовых отпусков по основному месту работы либо каникул на протяжении учебного года не приостанавливает исполнения наказания в виде общественных работ, что закреплено ч. 2 ст. 24 УИК. В том случае, если осужденному в период отбывания общественных работ предоставляются социальные отпуска в связи с получением образования или в связи с катастрофой на Чернобыльской АЭС либо по уважительным причинам личного и семейного характера, исполнение данного наказания приостанавливается на период указанных отпусков. В случае предоставления осужденному указанных отпусков он обязан уведомить об этом уголовно-исполнительную инспекцию (далее – УИИ) по месту отбывания наказания и представить необходимое подтверждение. Обязанности администрации организаций по месту отбывания осужденными данного наказания закреплены в ст. 26 УИК.

В свою очередь, в ст. 27 УИК указано, что является нарушением порядка и условий отбывания данного наказания. К ним относятся: невыполнение общественных работ без уважительных причин; отказ от выполнения определенного для осужденного вида общественных работ или неявка в установленный срок для выполнения общественных работ по направлению УИИ без уважительных причин; иное нарушение трудовой дисциплины во время выполнения общественных работ. При этом за нарушение осужденным порядка и условий отбывания наказания УИИ выносит ему официальное предупреждение об уголовной ответственности за злостное уклонение от отбывания наказания. В случае, если осужденный не вышел на общественные ра-

боты без уважительных причин более двух раз после официального предупреждения в течение отбывания данного наказания или совершил более двух раз после официального предупреждения в течение отбывания данного наказания иные нарушения трудовой дисциплины, он признается злостно уклоняющимся от отбывания данного наказания (ст. 28 УИК).

Проанализировав нормы законодательства, регламентирующие наказание в виде исправительных работ, можно утверждать, что общественно полезный труд является наиболее важным средством исправления осужденных. Так, согласно ст. 52 УК исправительные работы отбываются по месту работы осужденного, при этом из его заработка по основному месту работы в доход государства производится удержание денежных средств, размер которых определяется приговором суда (в пределах от десяти до двадцати пяти процентов, но не менее одной базовой величины ежемесячно).

Законодателем установлен ряд правоограничений, связанных с трудовой деятельностью осужденного к исправительным работам. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 37 УИК, если осужденный к исправительным работам к моменту вступления приговора суда в законную силу не работает, УИИ ему предлагает устроиться на работу в течение пятнадцати дней по собственному желанию. В том случае, если осужденный по истечении указанного срока на работу не устроился, он направляется в органы по труду, занятости и социальной защите и трудоустраивается ими в приоритетном порядке. Осужденный при этом не вправе отказываться от предложенной ему работы по месту жительства.

Согласно ч. 3 ст. 38 УИК в период отбывания данного наказания осужденным запрещается прекращать трудовой договор по соглашению сторон или расторгать его по желанию осужденного без письменного разрешения УИИ. Такое разрешение выдается только после проверки оснований прекращения трудового договора, а отказ в его выдаче должен быть мотивирован. Если УИИ отказала в выдаче разрешения на увольнение, осужденный может обжаловать такое решение в установленном законом порядке. Об изменении места работы осужденный обязан сообщить в УИИ в течение пяти дней.

Трудовые и социальные отпуска, предусмотренные законодательством Республики Беларусь о труде, предоставляются осужденным к исправительным работам на общих основаниях. Однако в случае их предоставления администрация организации по месту работы осужденного обязана не позднее трех дней после их предоставления уведомить об этом УИИ по месту отбывания осужденным наказания. Вместе с тем необходимо отметить, что действующая редакция ст. 39 УИК не позволяет однозначно ответить на вопрос о том, засчитывается ли в срок отбывания данного наказания время, в течение которого осужденный находился в трудовом или социальном отпуске (за исключением отпуска без сохранения заработной платы, который согласно п. 4 ч. 6 ст. 39 УИК не засчитывается в срок отбывания наказания), так как в этот период осужденный не работал, а согласно ч. 1 ст. 39 УИК срок данного наказания исчисляется годами, месяцами и днями, в течение которых осужденный работал и из его заработка производились удержания. И здесь, как видится, неоднозначность данного вопроса требует законодательного урегулирования.

Нарушения порядка и условий отбывания осужденными исправительных работ законодателем закреплены в ч. 1 ст. 43 УИК. К ним относятся: непоступление без уважительных причин на работу в течение пятнадцати дней со дня увольнения с прежнего места работы либо уклонение от постановки на учет в органах по труду, занятости и социальной защите в течение пятнадцати дней, а также отказ от предложенной ему работы без уважительных причин; прогул (в том числе отсутствие на работе более трех часов в течение рабочего дня) без уважительных причин; появление на работе в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических либо других одурманивающих веществ, а также распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков, пива, потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических либо других одурманивающих веществ на рабочем месте или в рабочее время; прекращение трудового договора по соглашению сторон или расторжение его по желанию осужденного без письменного разрешения УИИ.

Обязанности администрации организаций по месту работы осужденных к исправительным работам закреплены в ст. 40 УИК.

Осужденные к ограничению свободы также в обязательном порядке должны привлекаться к труду органами и учреждениями, исполняющими данное наказание (ч. 6 ст. 55 УК). Исключение при этом составляют лица, получающие образование в дневной форме получения образования, а также: лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора; лица, достигшие общеустановленного пенсионного возраста; беременные женщины; женщины и одинокие мужчины, воспитывающие детей в возрасте до четырнадцати лет или детей-инвалидов; инвалиды; лица, которым назначены принудительные меры безопасности и лечения; лица, больные активной формой туберкулеза, ВИЧ-инфицированные, больные СПИДом либо не прошедшие полный курс лечения венерического заболевания.

На осужденных к данному наказанию также налагается ряд правоограничений, связанных с их трудовой деятельностью. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 48¹ УИК если осужденный к ограничению свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа (далее – ИУОТ) подлежит обязательному привлечению к труду, а к моменту начала исполнения наказания не имеет постоянного места работы, он обязан в течение пятнадцати дней трудоустроиться самостоятельно. В случае, если осужденный не устроился на работу по истечении указанного срока, он направляется УИИ в органы по труду, занятости и социальной защите для организации его трудоустройства.

В период отбывания вышеуказанного вида ограничения свободы в соответствии с ч. 2 ст. 48¹ УИК осужденный наряду с другими обязанностями должен: уведомлять УИИ о поступлении на работу и об изменении места работы; иметь постоянное место работы, включая надомный труд, или заниматься предпринимательской деятельностью, если осужденный подлежит обязательному привлечению к труду; зарегистрироваться в органах по труду, занятости и социальной защите в течение пятнадцати дней со дня получения предписания о направлении в эти органы.

Среди запретов, которые предусмотрены для осужденных к данному виду ограничения свободы, относятся следующие: прекращать трудовой договор по соглашению сторон или расторгать его по желанию осужденного без письменного разрешения УИИ, если осужденный подлежит обязательному привлечению к труду; отказываться от работы, предложенной органами по труду, занятости и социальной защите (ч. 5 ст. 48¹ УИК).

Согласно ч. 3 ст. 48¹ УИК по ходатайству нанимателя, у которого работает осужденный, УИИ может разрешить ему выезд в служебную командировку в пределах территории Республики Беларусь с возложением на него обязанности зарегистрироваться в территориальном ОВД по месту пребывания.

К нарушениям порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы без направления в ИУОТ наряду с невыполнением осужденным возложенных на него обязанностей, нарушением запретов, указанных в ч. 5 ст. 48¹ УИК, и общественного порядка относится также нарушение трудовой дисциплины (ч. 1¹ ст. 55 УИК). В этой связи сотрудники УИИ и уполномоченные сотрудники других служб территориальных ОВД дел при осуществлении контроля за соблюдением осужденными к данному виду ограничения свободы порядка и условий отбывания наказания имеют право требовать от администрации организации, в которой работает осужденный, сведения о его трудовой деятельности и соблюдении им трудовой дисциплины, а также посещать осужденного по месту его работы (ч. 1 ст. 48¹ УИК).

Среди обязанностей осужденных к наказанию в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ, предусмотренных ч. 3 ст. 47 УИК, к трудовой деятельности относятся следующие: работать по направлению администрации ИУОТ; участвовать без оплаты труда в работах по благоустройству зданий и территории ИУОТ в нерабочее время продолжительностью до четырех часов в неделю. Осужденным также запрещается: отказываться от работы по направлению администрации ИУОТ за исключением тех, кто имеет постоянное место работы по месту отбывания наказания; прекращать трудовой договор по соглашению сторон или расторгать его по желанию осужденного без письменного разрешения администрации ИУОТ (ч. 12 ст. 47 УИК).

Согласно ч. 1 ст. 55 УИК к нарушениям порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ наряду с несоблюдением Правил внутреннего распорядка ИУОТ и нарушением общественного порядка также относятся: невыполнение осужденным возложенных на него обязанностей, нарушение установленных запретов и трудовой дисциплины. В этой связи ч. 11 ст. 47 УИК наделяет сотрудников ИУОТ следующими правами: требовать от

администрации организации, в которой работает осужденный, сведения о его трудовой деятельности и соблюдении им трудовой дисциплины; посещать осужденного по месту его работы.

Меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным к ограничению свободы, также связаны с их трудовой деятельностью. Прежде всего необходимо отметить, что меры поощрения применяются за надлежащее соблюдение порядка и условий отбывания наказания, к которым относится и соблюдение трудовой дисциплины. К осужденным к ограничению свободы с направлением в ИУОТ, например, может применяться мера взыскания в виде внеочередного дежурства по уборке и благоустройству ИУОТ.

Условия труда осужденных к ограничению свободы регламентируются ст. 50 УИК. Согласно данной норме осужденные привлекаются к труду в организациях независимо от форм собственности, а также у индивидуальных предпринимателей. Их труд регулируется законодательством Республики Беларусь о труде и об охране труда, за исключением правил приема на работу, увольнения с работы, перевода на другую работу. Время работы в период отбывания данного наказания засчитывается в трудовой стаж в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь. Перевод осужденного на другую работу, в том числе в другую местность, может осуществляться администрацией организации, в которой работает осужденный, и индивидуальным предпринимателем, у которого работает осужденный, по согласованию с администрацией ИУОТ или УИИ (в зависимости от вида ограничения свободы).

Администрация ИУОТ должна оказывать содействие в приобретении необходимой специальности для выполнения работ по месту отбывания наказания тем осужденным к ограничению свободы с направлением в ИУОТ, которые ее не имеют.

Обязанности администрации организаций, в которых работают осужденные к ограничению свободы, и индивидуальных предпринимателей, у которых работают осужденные, перечислены в ст. 52 УИК. Они должны: обеспечивать привлечение их к труду с учетом состояния здоровья и по возможности специальности (направления специальности, специализации, профессии) и присвоенной квалификации, организовывать их профессиональную подготовку, участвовать в создании необходимых жилищно-бытовых условий.

Администрациям организаций и индивидуальным предпринимателям запрещается увольнять осужденных с работы, кроме следующих случаев (ч. 2 ст. 52 УИК): освобождения от отбывания наказания по основаниям, установленным УК; перевода осужденного на работу в другую организацию, к другому индивидуальному предпринимателю; перевода осужденного к ограничению свободы с направлением в ИУОТ для отбывания наказания в другое ИУОТ или для отбывания наказания в виде ограничения свободы без направления в ИУОТ; вступления в законную силу приговора суда, которым лицо, отбывающее наказание в виде ограничения свободы, осуждено к лишению свободы; невозможности выполнения данной работы по состоянию здоровья.

Несмотря на то, что общественно полезный труд не является обязательным для осужденных, отбывающих наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, данное наказание также неразрывно связано с их трудовой деятельностью. Так, в качестве основного правоограничения при отбывании данного наказания выступает невозможность занимать указанные в приговоре суда должности по месту работы осужденного или заниматься каким-либо видом деятельности, при этом в большинстве случаев такой запрет связан именно с трудовой деятельностью осужденного.

Согласно ст. 35 УИК на осужденных к данному виду наказания возлагаются определенные обязанности, среди которых: выполнение предписаний приговора и сообщение в УИИ о месте работы, его изменении или об увольнении с работы. Обязанности администраций организаций по исполнению приговора и обязанности органов, правомочных аннулировать разрешение на занятие определенным видом деятельности, предусмотрены в ст. 32, 33 УИК.

В ряде случаев отбывание наказания в виде штрафа также связано с трудовой деятельностью осужденного. К таким ситуациям следует отнести невозможность выплаты штрафа одновременно и его взыскание из заработной платы осужденного.

Таким образом, общественно полезный труд осужденных, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, при исполнении наказаний в виде общественных работ, исполнительных работ и ограничения свободы является основным и обязательным средством ис-

правления осужденных; исполнение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью также неразрывно связано с трудовой деятельностью осужденных.

Отдельные положения, связанные с трудовой деятельностью осужденных к исправительным работам в настоящее время, требуют совершенствования.

Список использованных источников

1. Раськевич, А.А. Общественно-полезный труд как средство исправления осужденных: пенитенциарные проблемы [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16548969>. – Дата доступа: 17.07.2018.

2. Уваров, И.А. Труд как средство исправления осужденных в местах лишения свободы [Электронный ресурс] / Юриспруденция. – Режим доступа: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=2346>. – Дата доступа: 17.07.2018.

3. Чернышов, И.Н. Цели труда в системе исправления осужденных [Электронный ресурс] / Научная электронная библиотека. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25925550>. – Дата доступа: 17.07.2018.

Дата поступления в редакцию: 04.10.18

S.V. Kazak, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Penal Law of the Faculty of Corrections of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

COMMUNITY SERVICE AS A MEAN OF CORRECTION OF CONVICTS, SERVING SENTENCE WITHOUT ISOLATION FROM SOCIETY

The purposes of community service as a mean of correction of convicts is analyzed. The goals of socially useful work of convicts are considered. Features of the legal regulation of community service of convicts serving sentences in the form of public works, correctional labor, restriction of freedom, deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities are examined. Areas of improvement of the penal-executive legislation of the Republic of Belarus in the sphere of labor activity of those sentenced to correctional labor are indicated.

Keywords: community service, means of correction, convicts, sentence without isolation from society.

УДК 343.85

Ю.С. Карчевская, адъюнкт научно-педагогического факультета

Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail:375447561753al@gmail.com)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматривается преступность несовершеннолетних как часть общей преступности, испытывающая влияние общей криминальной ситуации и соответствующего социально-психологического климата, сложившихся в государстве. Дается определение ювенальной преступности; называются основные свойства преступности несовершеннолетних. Акцентируется внимание на основных отличиях ювенальной преступности от преступности взрослых, в частности на наиболее часто встречающихся криминогенных обстоятельствах. Определяется механизм преступного поведения несовершеннолетних с учетом всех этапов криминального поведения с учетом ряда отличительных особенностей, проявляющихся в причинном комплексе и мотивации формирования преступного поведения, в ее уровне и тенденциях развития.

Ключевые слова: ювенальная криминология, ювенальная преступность, преступность несовершеннолетних, механизм преступного поведения, этапы криминального поведения.

Приступая к изучению преступности несовершеннолетних, в первую очередь представляется необходимым рассмотреть понятия «криминология» и «ювенальная криминология».

В юридической литературе криминология (от лат. *crimen* – преступление и греч. *logos* – учение) рассматривается как наука о преступности и методах ее предупреждения [1, с. 3]; термин «ювенальный» (от лат. *juvnalis* – юный) означает неполовозрелый [2, с. 610]. Таким образом, можно говорить, исходя из определения общей криминологии, о ювенальной криминологии как о науке о преступности несовершеннолетних и методах ее предупреждения. Предмет ювеналь-

ной криминологии – преступность несовершеннолетних как сложное социальное явление, личность несовершеннолетнего преступника, криминогенные детерминанты (причины и условия) и предупреждение преступности несовершеннолетних.

Преступность несовершеннолетних всегда была острой проблемой, изучением которой занимались В.А. Ананич, Г.А. Аванесов, Д.И. Аминов, Ю.М. Антонян, В.И. Гладких, А.И. Долгова, В.Н. Кудрявцев и др., уделяя предмету исследования достаточно пристальное внимание.

При изучении ювенальной криминологии следует понимать, что она обладает специфическими признаками, которые выделяют ее из общей криминологии. К ним относятся:

особый объект криминологических исследований с ее специфическими признаками;

особая микросреда несовершеннолетнего с ее влиянием на его личность и поведение;

научная разработка соответствующей системы мер предупреждения девиантного поведения, безнадзорности и правонарушения несовершеннолетнего [3, с. 11].

Преступность является основным объектом криминологии и очень сложным феноменом, который на протяжении тысячелетий человечество пытается осознать и постичь его сущность. При этом те или иные идеи теоретиков (как на уровне теорий и концепций, так и на уровне обыденного сознания и общественной практики) раскрывали определенные грани этого явления, делали понимание его более полным и объемным.

В конце 60-х гг. XX в. преступность определялась как «относительно массовое, исторически изменчивое, социальное, имеющее уголовно-правовой характер явление классового общества, слагающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период времени» [4, с. 68].

В.А. Ананич, например, о преступности говорит как об исторически изменчивом, массовом, социальном и уголовно-правовом явлении в обществе, представляющем систему всех преступлений, совершенных в данном государстве за определенное время [1, с. 3].

Названные определения подходят и к преступности несовершеннолетних, однако, являясь предметом самостоятельной науки – ювенальной криминологии, преступность несовершеннолетних все-таки должна иметь свое определение.

В.Н. Кудрявцев отмечает, что «преступность несовершеннолетних составляет специфический раздел в криминологии, так как ответственность несовершеннолетних наступает с 14-летнего возраста и необходимо учитывать особенности их поведения» [5, с. 149].

Согласно УК Республики Беларусь преступность несовершеннолетних – вид преступности, который выделяется на основе такого критерия как несовершеннолетний возраст субъекта преступления. В соответствии со ст. 4 УК несовершеннолетними считаются лица, которые на момент совершения преступления не достигли возраста восемнадцати лет. Вместе с тем ряд процессов, влияющих на тенденции развития рассматриваемого вида преступности, имеют место и в среде младших подростков (10–13 лет), и у лиц молодого возраста (18–21, 22–25 лет), что важно учитывать при разработке мер борьбы с данным явлением.

Так, чтобы отличать преступность несовершеннолетних от преступности взрослых, необходимо выделить определенные особенности. К ним относятся:

неполная социальная и психофизическая зрелость подростков, уровень их правосознания;

повышенный уровень латентной преступности несовершеннолетних;

виктимологическая характеристика (часто несовершеннолетние провоцируют в отношении себя противоправные действия);

преимущественно групповой характер ювенальной преступности [6, с. 29].

С происходящими в обществе изменениями характеристики преступности несовершеннолетних синхронно не изменяются и автоматически не повторяют такие изменения через определенный период. Новые характеристики всегда являются результатом взаимодействия преступности с обществом и преломления влияния последнего через собственные специфические характеристики преступности [4, с. 91]. Среди самых отличительных характеристик преступности несовершеннолетних следует назвать следующие: массовую распространенность, социальную обусловленность, общественную опасность, устойчивость, историческую изменчивость, системность и правовой характер, пояснение которых даст более полное ее понимание.

Массовый характер преступности несовершеннолетних обусловлен частотой совершаемых преступлений. Так, ежегодно в Республике Беларусь расследуются более тысячи преступлений,

совершенных несовершеннолетними и при их участии (в 2018 г. выявлено 1 544 несовершеннолетних, совершивших преступления (по уголовным делам, расследование по которым окончено), что составляет 3,3 % от общего количества выявленных лиц, совершивших преступления. Темп снижения роста по отношению к 2017 г. составил 0,3 % [7]. Если сравнивать данные показатели за последние десять и пять лет, то тут следует отметить более явное снижение: в 2008 г. было выявлено около 6 тыс. несовершеннолетних, совершивших преступления, что составило 6,8 % от общего числа раскрытых преступлений, и 4,1 % – в 2013 г. [8].

Наиболее очевидным показателем устойчивости преступности несовершеннолетних является рецидив преступлений, который согласно ст. 43 УК признает совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление, то есть судимость не снята и не погашена в установленном порядке (уголовно-правовой рецидив). Положения ч. 1 и 2 ст. 43, ст. 65 УК о рецидиве преступлений и назначении наказания при рецидиве преступлений на лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, не распространяются, то есть институт рецидива в отношении несовершеннолетних не применяется. Следовательно, при оценке преступности несовершеннолетних логично рассматривать только так называемый криминологический рецидив.

Проведенный анализ судебной статистики по несовершеннолетним осужденным показал, что сегодня находящиеся в воспитательной колонии 32 % осужденных до лишения свободы были судимы один раз; 7 % – третий раз; 1,7 % – четвертый раз. Указанные данные свидетельствуют о том, что 40 % несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, уже ранее совершали преступления и были привлечены к уголовной ответственности [9].

Социальная обусловленность ювенальной преступности определяется спецификой социальной среды, личностью подростков, совершивших преступления, и действующим уголовным законодательством. При этом необходимо также отметить, что ювенальная преступность – это не просто социальное, но и социально-психологическое явление, так как не существует вне людей, их поведения и деятельности.

Историческая изменчивость ювенальной преступности находит отражение в меняющихся режимах правления и социально-экономических условий, в том числе и в изменениях уголовного законодательства. В настоящее время, когда обостряются общественные противоречия, что сразу сказывается на преступности несовершеннолетних, становятся более очевидными конфликты во взаимоотношениях подрастающего поколения и традиционных общественных институтов.

Общественная опасность преступности несовершеннолетних выражается в моральном и материальном вреде, наносимом обществу в целом и конкретным людям в частности.

В романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевский доказывает простую мысль – преступление есть наказание. Совершив преступление, то есть противопоставив себя обществу, переступив черту дозволенного, человек наказывает в первую очередь себя. И тогда общество вынуждено принимать превентивные меры, защищать себя и установленные нормы общежития «как стены собственного дома», иначе обществу не устоять [10, с. 6].

Все понимают, что антиобщественный характер поступков несовершеннолетнего опасен не только его конкретным, сиюминутным результатом, а более опасен тем, что формирует сознание и мировоззрение, создает ценностные установки и вырабатывает жизненные ориентации, привычки и навыки подстать поступкам и поведению (т. е. закрепляет такие функциональные структуры в мозге подростка, которые «проживут» с ним жизнь, определяют его реакции на различные ситуации).

Преступность несовершеннолетних – это правовое явление, которое возникает и формируется только при нарушениях правовых норм УК, так как преступность является таким общественно опасным социальным явлением, которое получает правовую оценку. Именно государство в уголовном законе определяет, что именно считается преступлением.

Определенная системность преступности характеризуется разными элементами и структурой. В случае изучения преступности несовершеннолетних речь идет не просто о множестве преступлений, не связанных друг с другом, а о сложной системе, в которой значимы и характеристики связей. Структурная характеристика преступности несовершеннолетних усечена по сравнению с преступностью взрослых.

Процесс детерминации преступности несовершеннолетних специфичен в силу их возрастных, социальных и психологических особенностей, а также социально-правового статуса. Однако причины преступлений, действующие вроде бы на всех несовершеннолетних, заставляют совершать противоправные действия только некоторых, не способных сопротивляться их воздействию. Находясь в одинаковых условиях, далеко не каждый подросток совершает преступления в связи с наличием личностных причин противоправного поведения. Это прежде всего особенности ценностных ориентаций подростка, задаваемых средой и ближайшим окружением.

Главное в системном анализе при изучении преступности несовершеннолетних – учитывать как можно более полный набор причин и условий (факторов), обстоятельств, вызывающих преступное поведение, выделять из них системообразующие и определять характер их взаимодействия во времени и пространстве. Не существует общей, основной, главной причины, исчерпывающе объясняющей происхождение преступности в конкретных условиях во всем ее разнообразии.

Так, к наиболее часто встречающимся криминогенным обстоятельствам в случае с несовершеннолетними относятся:

отрицательное влияние семьи (злоупотребление родителями алкоголем, наркотическими средствами, насилие), существенные дефекты семейного воспитания проявляются у конкретных подростков;

чувства безнадежности и озлобленности у подростка при отсутствии помощи, формирующие мотивацию преступлений;

безнадзорность ввиду отсутствия должного контроля со стороны семьи либо воспитательных учреждений;

недостаточный уровень качества работы учреждений образования, непрофессионализм должностных лиц, ответственных за воспитательные процессы;

недостаточная досуговая занятость несовершеннолетних, вовлечение взрослыми несовершеннолетних в пьянство, азартные игры, употребление наркотических средств;

пропаганда через средства массовой информации насилия и жестокости.

При анализе преступного поведения несовершеннолетних главная цель заключается в понимании, как подросток становится преступником, и изучении механизма преступного поведения.

Отторжение от усвоенных позитивных социальных ценностей или изначальное их искажение при усвоении – неотъемлемое условие асоциального и антисоциального поведения подростка. Здесь в первую очередь необходимо учитывать формирование мотивации, принятие решения о совершении преступления, исполнение решения и посткриминальное поведение [4, с. 66].

Мотив поведения – это внутреннее побуждение к действию, желание, определяемое потребностями, интересами, чувствами, возникшими и изменившимися под влиянием внешней среды и конкретной ситуации. Далее формируется цель как желаемый результат деяния. При принятии решения о совершении преступления происходит прогнозирование возможных последствий, планирование поведения с учетом реальной обстановки, собственных возможностей и других обстоятельств, а также выбор средств. Осознание противоречия принимаемого решения закону, а тем более уголовному, – «последняя линия защиты», переступив через которую, человек вступает в сферу действия уголовного закона [4, с. 60]. Причина конкретного проступка также конкретна, мотив может иметь индивидуальную окраску, повод может быть случайным, но фоном, на котором развернет свою пружину причина, целью и спусковым механизмом будет ранее возникшее отчуждение от общепринятых правил социального общежития.

Если подросток не отказывается от совершения преступного деяния, то далее он выбирает те средства и методы достижения цели, которые кажутся ему наиболее подходящими, при этом им не всегда учитываются собственные возможности. Для несовершеннолетних характерен свернутый механизм преступного поведения (без обдумывания решения, перебора вариантов достижения цели), так как они в силу своих возрастных особенностей не могут принимать до конца взвешенные решения и прогнозировать последствия преступного деяния. В данном случае принятие решения происходит мгновенно либо под влиянием ситуации или соучастников, а часто и взрослых лиц. Ввиду отсутствия внутреннего усвоения подростком внешних регуляторов поведения (мораль, закон) последние в данном случае не срабатывают. Искажено само понимание дозволенного и недозволенного поведения. Перечисленные особенности личности включаются и начинают

действовать в механизме преступного поведения не автоматически, а при конфликтных ситуациях в семье, в компании друзей, в случаях безнадзорности и беспризорности [4, с. 792].

Вслед за принятием решения наступает стадия исполнения – совершение преступления. При оценке преступного деяния подростка следует выяснять, как фактически выглядел процесс порождения преступного деяния на каждом из трех вышеперечисленных этапов, под влиянием чего сформировалось решение и мотивация. Бывает так, что сам по себе мотив и цель могли не носить антиобщественного характера, а избираемые средства достижения цели «сделали» поведение преступным.

На этапе посткриминального поведения несовершеннолетний преступник анализирует произошедшее, последствия преступного деяния, предпринимает попытки к сокрытию следов преступления, принимает меры к сбыту приобретенного незаконным путем имущества, так или иначе пытается избежать уголовной ответственности.

Реализовавшись, преступное поведение попадет в статистические отчеты правоохранительных органов, станет предметом уголовного расследования, несовершеннолетнему преступнику будет вынесен приговор, он понесет наказание, встанет вопрос о последующей ресоциализации, о развитии системы профилактики и совершенствовании уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. В основе этой сложной пирамиды будут те незаметные обществу изменения, которые происходят в душах подростков. Их досуг, нравственное воспитание, представления о жизни и планы на будущее важны и представляют интерес для исследования в ювенальной криминологии. Очень важно для родителей, общества в целом понимание непростой задачи – уберечь молодое поколение от совершения противоправных деяний и приложить все усилия для предотвращения совершения подростками преступлений.

Подростковая преступность вообще требует всестороннего и глубокого изучения, выявления степени ее общей распространенности и общественной опасности для оценки состояния и тенденций ювенальной преступности с последующим определением направлений борьбы с преступностью. Важны также для изучения социальные характеристики преступности, указывающие на особенности ее порождения и функционирования (мотивация, социальная направленность) с целью разработки конкретных предупредительных мер. Для совершенствования правоохранительной деятельности и мер предупреждения рецидива подростковой преступности необходимо знание внутренних характеристик преступности несовершеннолетних (устойчивость, организованность).

Список использованных источников

1. Ананич, В.А. Введение в криминологию : лекции / В.А. Ананич. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 159 с.
2. Словарь иностранных слов / А.Г. Спиркин [и др.]. – 7-е изд., перераб. – М. : Рус. яз., 1980. – 622 с.
3. Лелеков, В.А. Ювенальная криминология : учебник / В.А. Лелеков, Е.В. Кошелева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. – 311 с.
4. Долгова, А.И. Криминология : учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2005. – 912 с.
5. Кудрявцев, В.Н. Лекции по криминологии / В.Н. Кудрявцев. – М. : Юристъ, 2005. – 188 с.
6. Колченогова, О.П. Научно-методологические основы криминологии и уголовно-исполнительного права : учеб. пособие / О.П. Колченогова, С.В. Казак, А.В. Шарков. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 349 с.
7. Статистика [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=1081/>. – Дата доступа: 10.01.2019.
8. Правонарушения в Республике Беларусь, 2013 [Электронный ресурс] // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/publikatsii_10. – Дата доступа: 10.01.2019.
9. Судимость несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/. – Дата доступа: 10.01.2019.
10. Чихалова, С.Н. Трудные судьбы подростков – кто виноват? / С.Н. Чихалова. – М. : Юрид. лит., 1991. – 336 с.

Дата поступления в редакцию: 22.02.19

Y.S. Karchevskaya, postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the MIA of the Republic of Belarus

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF JUVENILE DELINQUENCY IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Juvenile delinquency is considered by the author as a part of general crime experiencing the influence of general criminal situation and corresponding social and psychological climate prevailing in the state. The author gives the definition juvenile crime, indicates basic properties of juvenile delinquency. The attention is focused on the main differences between juvenile crime and adult crime and the most common criminogenic circumstances. The mechanism of criminal behavior of minors is defined taking into account all stages of criminal behavior considering a number of distinctive features that are manifested in the causal complex and the motivation for the formation of criminal behavior, in its level and development trends.

Keywords: juvenile criminology, juvenile crime, juvenile delinquency, mechanism of criminal behavior, stages of criminal behavior.

УДК 343.34

В.А. Кашевский, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: slav_al@mail.ru);

А.А. Примачёнок, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: a.primachonok@tut.by)

МЕРЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЮ ЛИБО СБЫТУ ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕГ ИЛИ ЦЕННЫХ БУМАГ СОГЛАСНО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ

Проводится сравнительный анализ уголовного законодательства Республики Беларусь и Украины, предусматривающего ответственность за изготовление, приобретение, хранение либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг. Рассматриваются различия и общие черты соответствующих норм уголовного права союзных государств. Обосновывается необходимость унификации уголовного законодательства и конкретных изменений в правоприменительной практике.

Ключевые слова: поддельные деньги, ценные бумаги, изготовление, приобретение, хранение, сбыт.

Уголовная ответственность за «подделку денежных знаков и государственных процентных бумаг, марок и других знаков государственной оплаты» была предусмотрена в Беларуси еще УК 1922 г. (ст. 85) [1, с. 111]. И здесь следует уточнить, что УК Беларуси того периода был воспринят путем рецепции УК России 1922 г. Основанием такой рецепции было Постановление ВЦИК РСФСР «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР», в котором указывалось, что «Президиуму ВЦИК поручается ввести в действие настоящий кодекс на территории союзных советских республик в надлежащем порядке» [1, с. 102]. В последующих кодексах указанная норма сохранялась, но существенно изменялась ее редакция. В действующем УК Беларуси 1999 г. предусмотрена ответственность за «Изготовление, хранение с целью сбыта либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг» (ст. 221). В соответствии с диспозицией данной статьи ответственность наступает за три вида общественно опасных деяний: изготовление или хранение с целью сбыта либо сбыт поддельной официальной денежной единицы Республики Беларусь (национальной валюты), государственных или иных ценных бумаг, номинированных в национальной валюте, иностранной валюты или ценных бумаг, номинированных в иностранной валюте.

Аналогичная по смыслу статья содержится и в Уголовном кодексе Украины, но сравнительный анализ диспозиций обнаруживает их существенное различие (ст. 221 УК Беларуси и ст. 199 УК Украины). Так, ст. 199 УК Украины предусмотрена ответственность за изготовление, хранение, приобретение, перевозку, пересылку, ввоз в Украину с целью использования при продаже товаров, сбыта, а также сбыт незаконно изготовленных, полученных поддельных марок акцизного налога, голографических защитных элементов, поддельной национальной валюты Украины в виде банкнот или металлической монеты, иностранной валюты, государственных ценных бумаг или билетов государственной лотереи, т. е. в УК Украины значительно расширен как перечень преступных деяний, так и перечень предметов преступления.

В связи с развитием сотрудничества Беларуси и Украины в социально-экономической сфере и сфере противодействия преступности целесообразно использовать опыт правотворчества и правоприменительной практики обоих государств. Так, в этой связи видится обоснованным расширение перечня общественно опасных деяний в диспозиции ст. 221 УК Беларуси, дополнив ее указанием об ответственности за приобретение, перевозку и пересылку перечисленных предметов рассматриваемого преступления. Такое дополнение тем более целесообразно, так как в диспозиции ст. 328 УК Беларуси, предусматривающей ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, содержится указание об ответственности за приобретение, перевозку или пересылку вышеперечисленных предметов преступления. В свою очередь, в диспозиции ст. 295 УК Беларуси, предусматривающей ответственность за незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, перечень общественно опасных деяний еще более расширен указанием на такие деяния как передача во владение и ношение.

В свое время законодатели Беларуси и Украины не восприняли положения Конвенции по борьбе с подделкой денежных знаков 1929 г. в части установления ответственности за изготовление аппаратуры для печатания поддельных денег, и по этой причине указанные деяния логически следует квалифицировать как приготовление к преступлению. Есть мнение, что законодатели Беларуси и Украины не включили в диспозиции анализируемых статей средства изготовления поддельных денег или ценных бумаг (оборудование, специальный вид бумаги, красок) в связи с двойным назначением перечисленных предметов, что создавало бы проблемы для правоприменения.

Согласно теории уголовного права умышленное преступление имеет стадии (зарождение и формирование умысла совершить преступление, обнаружение его вовне, приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление). Применительно к рассматриваемому составу преступления уголовная ответственность наступает за приготовление к преступлению (приискание пригодных, например, для изготовления поддельных денег или ценных бумаг красок, соответствующего сорта бумаги, приспособление оборудования), покушение на преступление (начало изготовления денежных купюр – неоконченное покушение и изготовление грубой подделки – оконченное покушение), а также оконченное преступление (выполнение лицом всех необходимых действий и изготовление полностью хотя бы одной купюры высокой степени сходства с настоящими деньгами или ценными бумагами).

Следовательно, перечисленные деяния, совершенные с целью изготовления поддельных денег или ценных бумаг либо их сбыта должны квалифицироваться по соответствующей части ст. 221 УК Беларуси со ссылкой в необходимых случаях на ст. 13 или 14 УК. Вместе с тем поддельные деньги или ценные бумаги в зависимости от уровня квалификации изготовителя могут иметь различное качество (степень сходства с настоящими деньгами).

В действующем УК Украины содержатся аналогичные нормы, и, как видится, в их применении нет существенных различий. В перечне квалифицирующих признаков в ст. 221 УК Беларуси и ст. 199 УК Украины и санкциях вышеназванных норм также не имеется существенных различий, кроме максимального размера наказания за совершение квалифицированного вида данного преступления (15 и 10 лет лишения свободы соответственно).

В связи с тем, что в действующем уголовном законодательстве Беларуси (ст. 221) в описании объективной стороны рассматриваемых общественно опасных деяний не содержится таких действий как перевозка, пересылка, ношение, приобретение, передача, то они квалифицируются (при наличии оснований) в контексте институтов соучастия и стадий неоконченного преступления.

Более того, из анализа Международной конвенции по борьбе с подделкой денежных знаков 1929 г. следует, что общественно опасным деянием признается не только изготовление, хранение, перевозка, пересылка и сбыт поддельных денег, но и средства их изготовления. Это свидетельствует о недооценке общественной опасности проявлений рассматриваемого деяния и важности пресечения каналов и нейтрализации условий распространения фальшивомонетничества. Так, представляется целесообразным внести дополнения в ст. 221 УК Беларуси и ст. 199 УК Украины с целью учесть рекомендации Международной конвенции 1929 г., с одной

стороны, и унифицировать уголовное законодательство сотрудничающих государств, хотя бы первоначально на уровне отдельных норм, предусматривающих ответственность за данное преступление, имеющее транснациональный характер, – с другой.

Если в настоящее время на уровне уголовного законодательства наблюдается незначительное различие норм, предусматривающих ответственность за изготовление и сбыт поддельных денег и ценных бумаг, то на уровне правоприменительной практики эти различия являются весьма существенными. Так, в следственно-судебной практике Беларуси в последнее время наблюдается тенденция квалификации изготовления или сбыта поддельных денег низкого качества (грубой подделки) как мошенничества. По УК Беларуси завладение имуществом или правом на имущество путем мошенничества на сумму до двух базовых величин физического лица и до десяти базовых величин юридического лица не образует состава преступления, а является административно-правовым деликтом. Следовательно, практика «перевода» уголовных дел рассматриваемой категории в административные позволяет виновным избежать ответственности за совершенные тяжкие преступления.

Заявленная практика основывается на рекомендациях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Так, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 сентября 1997 г. № 10 «О судебной практике по делам об изготовлении, хранении или сбыте поддельных денег либо ценных бумаг» указано: «В случаях, когда явное несоответствие фальшивой купюры подлинной, исключаящее ее участие в денежном обращении, а также иные обстоятельства дела свидетельствуют о направленности умысла виновного на грубый обман потерпевшего, такие действия подлежат квалификации как мошенничество» [2, с. 79]. Данная рекомендация противоречит, на наш взгляд, не только букве закона, но и теории уголовного права. Подобная рекомендация содержалась в постановлении Пленума Верховного Суда периода БССР. Тогда поводом для принятия такого решения послужило несколько примеров из судебной практики. Приведем один из них, имевший место в Витебской области. *Двое студентов поздно вечером решили отметить встречу употреблением спиртных напитков, но для их приобретения денег у них не оказалось. Один из них на листке из разлинованной школьной тетради цветными карандашами нарисовал нужную денежную купюру, и, пользуясь плохим освещением, они приобрели два литра самогона у престарелой женщины с плохим зрением. Деяние студентов было квалифицировано как мошенничество с учетом имевшей место грубой подделки денег.* Такая практика создает проблемы для пресечения преступления на стадиях приготовления и покушения на совершение рассматриваемого преступления в связи с последующей квалификацией, зависимой от качества изготовленной подделки (грубая или обладающая высокой степенью сходства с настоящими деньгами).

Например, в случае задержания лица на стадии приготовления или неоконченного покушения на изготовление поддельных денег содеянное квалифицируется по ст. 221 с применением ст. 13 или 14 УК соответственно – приготовление к преступлению или покушение на преступление. Когда преступление окончено и изготовленные поддельные деньги в результате оказались низкого качества, согласно приведенному положению постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь такое деяние может быть квалифицировано как мошенничество.

Приведенная рекомендация постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь буквально «перекочевала» из аналогичного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2, рекомендовавшего изготовление поддельных денег, которые имели явные внешние отличия от подлинных денег, квалифицировать как мошенничество.

Следует учитывать, что уровень квалификации лиц, изготавливающих в то время поддельные деньги, их техническая оснащенность резко отличаются от современных. Тем не менее речь о грубой подделке денег или ценных бумаг можно вести в контексте покушения с негодными средствами. Кроме того, приведенная рекомендация Пленумов Верховных Судов Республики Беларусь и СССР противоречит теории квалификации преступлений в части конкуренции общей (мошенничество) и специальной (изготовление или хранение с целью сбыта либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг) норм.

В теории уголовного права сложилось понятие негодного покушения, включающее в себя покушение с негодными средствами и покушение на негодный предмет (или объект). Данное явление не имеет под собой законодательной основы, но имеет место в социальной практике как одно из обстоятельств, в связи с которым преступление не было доведено до завершения [3, с. 464]. Данное обстоятельство является оценочным (оценивается в совокупности) следователем, прокурором, судом и квалифицируется как покушение на совершение соответствующего преступления либо как малозначительное деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 11 УК Беларуси, влекущее при наличии оснований административную или дисциплинарную ответственность. Как покушение на изготовление поддельных денег или ценных бумаг следует квалифицировать и задержание лица в момент изготовления (процесс изготовления еще не окончен) независимо от степени готовности.

Таким образом, изготовление поддельных денег или ценных бумаг имеет стадии приготовления, неоконченного и оконченного покушения на совершение преступления и оконченного преступления. Что касается мошенничества, связанного с обращением денег или ценных бумаг, то оно может иметь место при сбыте не поддельных денег, а настоящих денежных знаков, валют одной страны вместо другой. Например, мошенник сбывает украинские гривны (не поддельные) как английские фунты или сбывает подлинные деньги, изъятые из обращения, лотерейные билеты вместо денег и т. п.

Следовательно, в соответствии с содержанием диспозиции ст. 221 УК Беларуси изготовление поддельных денег или ценных бумаг (выполнение всех необходимых операций по их изготовлению) независимо от качества полученных изделий (поддельных денег или ценных бумаг) следует считать оконченным преступлением. Однако из диспозиции данной статьи следует, что изготовление поддельных денег или ценных бумаг (как национальных, так и иностранных) должно осуществляться с целью сбыта. Если же изготовленные поддельные деньги или ценные бумаги были настолько низкого качества, что их сбыт невозможен (грубая подделка), то содеянное можно квалифицировать как покушение на изготовление поддельных денег или ценных бумаг, либо как негодное покушение, а точнее – покушение с негодными средствами.

Таким образом, можно заключить, что предлагаемые авторами рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики направлены на расширение возможности пресечения посягательства на стабильность денежной системы на более ранней стадии и тем самым на повышение эффективности противодействия данному виду преступности.

Список использованных источников

1. Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937 гг.). – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938 – 372 с.
2. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1957, № 4. – С. 14.
3. Энциклопедия уголовного права : в 32 т. – Преступления в сфере экономической деятельности. – Изд-во проф. Малинина. – ГКА. СПб, 2012. – Т. 19. – 836 с.

Дата поступления в редакцию: 08.04.19

V.A. Kashevsky, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; A.A. Primachonok, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

MEASURES OF IMPROVING EFFICIENCY IN COMBATTING AGAINST MANUFACTURING OR DISTRIBUTING OF COUNTERFEIT MONEY OR SECURITIES ACCORDING TO THE CRIMINAL CODE OF BELARUS AND THE CRIMINAL CODE OF UKRAINE

A comparative analysis of the criminal legislation of the Republic of Belarus and the Ukraine, providing responsible for the manufacture, acquisition, possession or distribution of counterfeit money or securities is carried out. The differences and common features of the relevant norms of the criminal law of the allied states are considered. The necessity of unification of criminal legislation and specific changes in law enforcement practice is justified.

Keywords: counterfeit money, securities, manufacture, acquisition, possession, distribution.

УДК 343.575 + 351.761

М.Ю. Кашинский, кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: m.kashinsky@yandex.ru);

А.А. Кралько, кандидат медицинских наук, доцент, заведующий Республиканским центром наркологического мониторинга и превентологии Республиканского научно-практического центра психического здоровья

(e-mail: kralko@tut.by)

СИСТЕМА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ МЕР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ НАРКОМАНИИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Рассматриваются специализированные меры по предупреждению наркомании и ее социально-негативных последствий в Республике Беларусь. Исходя из анализа распространенности наркомании, ее социально-негативных последствий и их влияния на общество и государство обосновывается необходимость реализации системы мер по предупреждению наркомании и ее социально-негативных последствий на трех уровнях: общегосударственном, ведомственном и общественном (негосударственном).

Ключевые слова: наркомания, предупреждение наркомании и ее социально-негативных последствий.

Важнейшая задача программы борьбы с наркоманией и ее социально-негативными последствиями – разработка и своевременная реализация системы специализированных мер по их предупреждению. Реализация данной задачи возложена на наркологическую службу Министерства здравоохранения Республики Беларусь (далее – Минздрав), в настоящее время располагающую мощной сетью лечебно-профилактических учреждений, квалифицированным кадровым потенциалом, системой профессиональной подготовки, осуществляющих в совокупности всестороннюю профилактическую работу.

В организациях здравоохранения Республики Беларусь по состоянию на 1 января 2019 г. под диспансерным наблюдением состояло 7 698 человек с синдромом зависимости от наркотических средств (81,0 на 100 тыс.), 4 846 человек (51,0 на 100 тыс.) находились под профилактическим наблюдением в связи с употреблением наркотических средств с вредными последствиями. Из числа подлежащих диспансерному наблюдению 1 571 – женщины (на 1 января 2016 г. – 1 798 женщин), 3 несовершеннолетних (на 1 января 2016 г. – 23). За 2018 г. снято с диспансерного учета 1 565 человек, из которых 483 – в связи с выздоровлением, 163 – в связи со смертью.

Начиная с 2013 г. отмечается тенденция снижения числа диспансерных пациентов с наркотической зависимостью, за последние 5 лет их число уменьшилось более чем на 20 %, 2016 г. – на 4,2 %, 2017 г. – на 7,2 %, 2018 г. – на 4,1 % [1].

Число лиц, состоящих под профилактическим наблюдением, остается достаточно стабильным, существенных колебаний по этому показателю в последние 5 лет не наблюдается. Из общего числа наблюдаемых на профилактическом учете на 1 января 2019 г. состоят 586 женщин (на 1 января 2016 г. – 595) и 42 несовершеннолетних. В 2018 г. организациями здравоохранения под профилактическое наблюдение в связи с первичным выявлением факта употребления психоактивных веществ (далее – ПАВ) взято 1 541 человек (2015 г. – 2 700).

В то же время следует отметить, что данные официальной статистики не отражают картины истинного числа наркопотребителей, что подтверждается рядом проведенных в Беларуси исследований по оценке реального числа потребителей наркотических средств. Так, согласно специальному исследованию, проведенному в рамках гранта Глобального фонда, оценочное число потребителей инъекционных наркотиков в Республике Беларусь в 2015 г. составило 66 500 человек [2].

В настоящее время основные направления специализированных мер по предупреждению наркомании и ее социально-негативных последствий определяются запросами общества, экономическими и финансовыми возможностями страны, теоретико-методологическим уровнем

проблем превенции, программами инновационных изысканий, опытом внедрения подобных технологий в стране и наличием научных кадров, способных осуществить такие работы.

В рамках системы специализированных мер по предупреждению наркомании и ее социально-негативных последствий наркологической службой Минздрава осуществляется разработка современных эффективных технологий медицинской профилактики, диагностики, лечения, реабилитации, ресоциализации лиц, зависимых от ПАВ; ведется работа по совершенствованию антинаркотической пропаганды, привитию навыков здорового образа жизни. Организации здравоохранения осуществляют оказание медицинской помощи пациентам, страдающим наркоманией или токсикоманией, в соответствии с клиническими протоколами диагностики и лечения психических и поведенческих расстройств лекарственными средствами или методами оказания медицинской помощи, разрешенными к применению в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь.

Существующая система специализированных мер по предупреждению наркомании и ее социально-негативных последствий в настоящее время включает в себя мероприятия по первичной, вторичной и третичной профилактике.

Первичная профилактика (первичная работа по профилактике наркологических заболеваний) проводится со всеми лицами (прежде всего с детьми и подростками), пока они здоровы и не втянуты в роковые пристрастия. Она возложена как на организации здравоохранения, так и на общеобразовательные учреждения и родителей. Известно, что подростки с девиантным поведением составляют 30 % потребителей наркотиков среди несовершеннолетних.

Вторичная профилактика проводится среди лиц, имеющих опыт употребления наркотиков, и заключается в формировании у больных с зависимостями от ПАВ мотивации на лечение. Особенность таких больных в том, что без наличия сознательной и устойчивой мотивации проведение с ними каких-либо лечебных и профилактических мероприятий нецелесообразно.

Третичная профилактика предназначена для страдающих сформированной зависимостью от наркотиков путем предупреждения повторных рецидивов после лечения. Третичная профилактика, или реабилитация больных, является одним из приоритетных направлений деятельности наркологической сети. Во всех областных организациях здравоохранения, оказывающих наркологическую помощь населению, в настоящее время функционируют стационарные отделения для медицинской реабилитации лиц, страдающих зависимостью от ПАВ. Информация о реабилитационных центрах, функционирующих в Республике Беларусь, размещена на официальных сайтах организаций здравоохранения.

Функционирующие в нашей стране реабилитационные центры и иные субъекты, оказывающие помощь лицам с наркотической зависимостью, имеют различные задачи, применяя разнообразные формы и методы работы для их решения. В настоящее время реабилитация лиц, страдающих зависимостью от наркотических средств или алкоголя, в Республике Беларусь осуществляется по двум направлениям. С одной стороны, имеется 7 государственных стационарных наркологических реабилитационных отделений для пациентов наркологического профиля с общим числом коек в количестве 290, функционирующих на базе наркологических (психиатрических) диспансеров, и около 40 негосударственных реабилитационных центров в различных регионах республики, осуществляющих амбулаторную реабилитацию пациентов с синдромом зависимости от алкоголя и наркотических средств. С другой стороны, имеется система лечебно-трудовых профилакториев (далее – ЛТП), развернутых в системе МВД, для граждан, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, которые в течение года три и более раз привлекались к административной ответственности за совершение административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, куда пациенты направляются по решению суда.

Так, в 2017 г. медико-социальную реадaptацию в ЛТП прошли 7 257 человек, в 2016 г. – 8 147, в 2015 г. – 5 212. Медико-социальная реадaptация граждан, находящихся в ЛТП, включает в себя: оказание медицинской и психологической помощи, профессиональную подготовку и переподготовку контингента, повышение культурного уровня и создание условий для самообразования, воспитательное воздействие [3].

Достаточно острой проблемой социально-экономического характера, вызванной развитием наркомании, является распространение гепатита В, С и ВИЧ-инфекции. Стоимость лечения одного зараженного ВИЧ-пациента составляет от 8 до 20 тыс. долларов в год. Лечение больных гепатитом, особенно с такими осложнениями, как циррозы, опухоли, стоит примерно столько же. Общественное мнение негативно относится к потребителям наркотиков и их проблемам, считая, что заражение вирусами является справедливой расплатой, вследствие чего профилактика инфекционных болезней среди наркоманов не имеет моральной поддержки в обществе.

В республике на системной основе проводится работа по предупреждению тяжелых форм дезадаптации у больных наркоманией через вовлечение в программы социального сопровождения и программы снижения вреда, в том числе – программы заместительной терапии метадонном. Рекомендации ВОЗ определяют заместительную терапию как один из наиболее эффективных видов помощи наркозависимым, а также предусматривают обязательное сочетание заместительной терапии метадонном (далее – ЗТМ) с психосоциальной поддержкой.

По состоянию на 1 января 2019 г. в Республике Беларусь ЗТМ проходило 728 пациентов, при этом антиретровирусную терапию – более 70 % от всех ВИЧ-инфицированных потребителей инъекционных наркотиков, получающих ЗТМ. Это значит, что наличие вируса в крови инфицированного будет сведено к минимуму, и даже при незащищенном половом контакте он не будет представлять угрозу распространения ВИЧ-инфекции. Анализ результатов ЗТМ показывает ее эффективность в снижении риска заражения ВИЧ, криминальной активности и смертности среди лиц, употребляющих инъекционные наркотики (далее – ЛУИН). Среди пациентов ЗТМ в 6 раз снизился риск совершения преступлений, более чем в 10 раз повысилась возможность их трудоустройства, в 6 раз повысилась возможность получения антиретровирусной терапии среди ВИЧ-инфицированных. Таким образом, анализ результатов программы ЗТМ показывают ее высокую медико-социальную эффективность: повышается качество социальной и медицинской помощи для ЛУИН; снижается риск распространения ВИЧ-инфекции, парентеральных вирусных гепатитов, других заболеваний, передающихся парентеральным путем; снижается криминальная активность; уменьшается смертность среди лиц, употребляющих инъекционные наркотики [4].

В соответствии с требованиями Декрета Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» с целью профилактики потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов создана Единая система учета лиц, потребляющих наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги (далее – Единая система). Формирование и ведение Единой системы осуществляется Минздравом, который обеспечивает незамедлительное представление сведений о лицах, включенных в Единую систему, в ОВД по их месту жительства (месту пребывания) для последующего принятия мер профилактического характера, а также по письменным запросам ОВД.

Кроме того, взаимодействие между организациями здравоохранения, территориальными центрами социального обслуживания населения и территориальными ОВД в части совершенствования работы по ресоциализации и социальной адаптации лиц, злоупотребляющих психоактивными веществами, осуществляется во всех регионах в соответствии с Планом действий по реализации Концепции социальной реабилитации лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией, с обязательным привлечением их к труду, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 сентября 2015 г. № 803, утвержденного Заместителем Премьер-министра Республики Беларусь Н.И. Кочановой от 24 ноября 2015 г. № 38/202-321.

Органами и учреждениями Минздрава с целью предупреждения наркомании и ее социально-негативных последствий широко используются современные технологии в средствах массовой информации: на сайтах всех организаций здравоохранения республики, региональных органов управления здравоохранением, Минздрава регулярно размещается и обновляется информация по вопросам формирования у населения здорового образа жизни, профилактики потребления наркотических средств, психотропных веществ, в том числе среди несовершеннолетних. Кроме того, организациями здравоохранения размещается социальная теле- и радиореклама о дея-

тельности государственных организаций и учреждений, осуществляющих профилактику наркомании и оказывающих медицинскую и социальную помощь.

Республиканский научно-практический центр психического здоровья (далее – РНПЦ) регулярно размещает информацию в интернете (TUT.BY, Мой.by, интернет-ресурс газеты «СБ-Беларусь сегодня» и т. д.). Ежегодно проводится более 200 тыс. выступлений перед населением, в том числе по «горячим» прямым телефонным линиям, а также индивидуальные и групповые консультации. Медицинскими работниками организаций здравоохранения принимается активное участие в проведении информационно-просветительских кампаний, посвященных Дню борьбы с наркотиками (1 марта) и Международному дню борьбы с наркоманией и наркобизнесом (26 июля), мероприятий, направленных на формирование в обществе негативного отношения к немедицинскому потреблению наркотиков; разрабатывается и издается более 2 тыс. наименований информационно-образовательных материалов по вопросам профилактики наркомании (постеры, флайеры, буклеты, памятки, листовки и пр.).

На базе РНПЦ психического здоровья создан образовательный центр с программой по подготовке кадров для проведения медицинской реабилитации пациентов с зависимостями.

Во всех организациях наркологической службы республики организовано взаимодействие с представителями религиозных конфессий. Разработаны и утверждены планы совместных мероприятий, проводимых среди населения по вопросам профилактики наркомании.

Значительная роль в системе специализированных мер по предупреждению наркомании и ее социально-негативных последствий отводится профилактическим мероприятиям, осуществляемым учреждениям общемедицинской сети и их специалистами (врачи общей практики, участковые врачи-терапевты). Это определяется прежде всего спецификой организации их работы, позволяющей более активно выявлять лиц, злоупотребляющих наркотиками: большие контингенты зарегистрированных пациентов, амбулаторный прием пациентов, посещение больных на дому, тесный контакт с семьями пациентов, высокий уровень посещаемости (в среднем три-четыре консультации-посещения на пациента ежегодно), преимущественно доверительные отношения пациентов с врачами общей практики, возможности активного вызова пациентов, возможность скрининга наркотических проблем, а также психологического консультирования и психотерапии. В этой связи, по нашему мнению, именно врач общей практики, знающий условия жизни семьи и взаимоотношения между ее членами, должен быть основной фигурой в проведении общепрофилактических антинаркотических мер в семье.

В последнее время появляются все более убедительные доказательства связи между условиями работы и вероятностью возникновения проблем алкоголизма и наркомании. В связи с этим понятие «укрепление здоровья» охватывает все аспекты взаимоотношений в сфере промышленного производства. Появляются основания для того, чтобы рассматривать укрепление здоровья не только как систему, направленную на предупреждение нездоровых навыков или отказ от них, но и как стратегию улучшения условий труда для всех работающих людей. Концепция укрепления здоровья связана также с вопросами профессиональной гигиены и безопасности и в частности позволяет работникам оказывать влияние на организацию физических условий работы. Для осуществления широких мероприятий, направленных на решение проблем, являющихся следствием наркомании, требуется включение в работу многочисленных групп людей и правительственных секторов, особенно занимающихся вопросами санитарного просвещения и организации труда в промышленном производстве.

Таким образом, обоснованно можно говорить, что в настоящее время в Республике Беларусь проблема наркомании вышла за медицинские рамки и является предметом пристального внимания правительства, так как она существенно сказывается на морально-психологической атмосфере общества, отрицательно влияет на экономику, политику и правопорядок государства.

В ходе проведенного собственного исследования мы пришли к однозначному убеждению о том, что система мер по предупреждению наркомании и ее социально-негативных последствий должна реализовываться на трех уровнях: общегосударственном, ведомственном (прежде всего мероприятия Минздрава и МВД) и общественном (негосударственном).

Общегосударственный уровень по предупреждению наркомании и ее социально-негативных последствий должен включать комплекс правовых и организационных мер в рамках реализации социально-экономической политики государства как системы в целом.

Ведомственный уровень по предупреждению наркомании и ее социально-негативных последствий предполагает наличие комплекса мер, реализуемых органами и учреждениями двух ведомств (Минздрав и МВД), представляющего собой совокупность общих, специальных и индивидуально адресованных профилактических мероприятий.

Общественный (негосударственный) уровень по предупреждению наркомании и ее социально-негативных последствий представляет собой комплекс мер, реализуемых общественными объединениями, организациями (в том числе религиозными) и отдельными гражданами.

Сегодня современная медицина не располагает эффективными средствами, позволяющими полностью излечить данное заболевание, но в то же время следует помнить, что, если человек не лечится, болезнь прогрессирует очень быстро, и на фоне выраженных психических и соматических расстройств происходит полное разрушение личности. Результат в этом случае один – преждевременная смерть.

В настоящее время успешное решение проблемы предупреждения наркомании и ее социально-негативных последствий в Республике Беларусь возможно только с позиций системно-комплексного, междисциплинарного подхода с привлечением специалистов разного профиля (медики, психологи, педагоги, юристы и т. д.) к его изучению и предупреждению, путем выработки единой стратегии и тактики действий всех служб, при осуществлении всех видов и форм профилактической работы и с активным использованием полного комплекса предупредительных мер, осуществляемых на общегосударственном, ведомственном и общественном уровнях.

Список использованных источников

1. Наркологическая помощь населению Республики Беларусь. 2014–2017 годы : информ.-стат. сб. / Респ. науч.-практ. центр псих. здоровья ; сост.: А.А. Кралько [и др.]. – Минск : Колорград, 2018. – 64 с.
2. Кралько, А.А. Проблемные вопросы оценки распространения латентной наркомании / А.А. Кралько, Т.В. Короткевич, П.А. Ананич // Здоровье населения: проблемы и пути решения : сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси [и др.] ; редкол.: И.В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2017. – С. 79–85.
3. Максимчук, В.П. Проблемные вопросы медицинской реабилитации пациентов с синдромом зависимости от алкоголя и наркотических средств в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / В.П. Максимчук // Сб. материалов V Съезда психиатров и наркологов Респ. Беларусь : научное электронное издание (Гродно, 17–18 мая, 2018 г.) / М-во здравоохранения Респ. Беларусь ; сост.: О.А. Скугаревский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Проф. изд., 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 99–103.
4. Кралько, А.А. Влияние программ заместительной терапии метадоном на криминальное поведение потребителей инъекционных наркотиков / А.А. Кралько // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв. 2018. – Минск : Акад. МВД, 2018. – С. 175–176.

Дата поступления в редакцию: 26.03.19

M.Y. Kashinsky, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; A.A. Kralko, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Head of the Republican center of narcological monitoring and preventology of the Republican scientific and practical center of mental health

THE SYSTEM OF SPECIALIZED MEASURES FOR THE PREVENTION OF DRUG ABUSE AND ITS SOCIAL NEGATIVE IMPACTS

The article deals with specialized measures to prevent drug addiction and its social and negative consequences in the Republic of Belarus. Based on the analysis of the prevalence of drug addiction, its social and negative consequences and their impact on society and the state, it is concluded that it is necessary to implement a system of measures to prevent drug addiction and its social and negative consequences at three levels: the state, departmental and social (non-state).

Keywords: drug addiction, prevention of drug addiction and its social and negative consequences.

УДК 343.8

Н.В. Кийко, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: avant_n@mail.ru);

Е.Н. Федотова, преподаватель кафедры криминологии и организации профилактики преступлений юридического факультета Академии ФСИН России

(e-mail: evgenija_kaz@mail.ru)

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НАЗНАЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Проводится сравнительно-правовой анализ назначения наказаний в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь и Российской Федерации. Рассматриваются особенности законодательной регламентации уголовной ответственности несовершеннолетних. Акцентируется внимание на исследовании судебной практики применения в России и Беларуси наказаний и иных мер уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних, выработке предложений по совершенствованию подходов в указанной сфере с учетом реализации положений общепризнанных международных стандартов в сфере отправления правосудия.

Ключевые слова: наказание, несовершеннолетний, лишение свободы, уголовное законодательство.

Общая историческая, юридическая и этнокультурная специфика России и Беларуси обуславливает актуальность компаративистских исследований в различных областях права. Это объясняется в первую очередь тем, что некоторые успешно апробированные нормы в том или ином из указанных государств могут быть имплементированы в их национальные правовые системы.

Одной из острых социальных проблем, характерной для любого общества, является преступность несовершеннолетних. Противостояние указанному негативному явлению без применения уголовно-правовых мер невозможно. В этой связи вполне оправдано изучение положительного опыта Российской Федерации и Республики Беларусь в указанной сфере, что имеет определенный научный и практический интерес.

Уголовное законодательство обоих государств под несовершеннолетним понимает лицо, которое на день совершения преступления не достигло возраста восемнадцати лет (ч. 1 ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации; ч. 8 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь), а также одинаково подходит к установлению возраста, с которого наступает уголовная ответственность, закрепляя положение о том, что по общему правилу «уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста» (ч. 1 ст. 20 УК России; ч. 1 ст. 27 УК Беларуси). Кроме того, устанавливается в целом сходный перечень преступлений, ответственность за которые наступает с четырнадцати лет (ч. 2 ст. 20 УК России; ч. 2 ст. 27 УК Беларуси).

В УК России несовершеннолетним могут назначаться следующие виды наказаний: штраф; лишение права заниматься определенной деятельностью; обязательные работы; исправительные работы; ограничение свободы; лишение свободы на определенный срок (ч. 1 ст. 88). В УК Беларуси в отношении лица, совершившего преступление в возрасте до восемнадцати лет, закреплен следующий перечень наказаний: общественные работы; штраф; лишение права заниматься определенной деятельностью; исправительные работы; арест; ограничение свободы; лишение свободы (ст. 109). Приведенные перечни наказаний во многом между собой идентичны, однако для каждого государства в отдельности порядок применения отдельных видов наказаний имеет определенные особенности.

Так, к несовершеннолетним, не достигшим ко дню постановления приговора шестнадцати лет, в соответствии с УК Беларуси не применяются общественные работы, лишение права заниматься определенной деятельностью, исправительные работы. Таким образом, лицам, не достигшим обозначенного возраста, назначить можно только штраф (при наличии самостоятельного заработка или имущества (ст. 111 УК); арест; ограничение свободы; лишение свободы. Следовательно, если несовершеннолетний не имеет самостоятельного заработка или имуще-

ства, для него применимы только три вида наказания: арест, ограничение свободы и лишение свободы, при этом они связаны с лишением или ограничением свободы.

Уголовное законодательство Российской Федерации перечисленных выше подобных ограничений не содержит, и все виды наказаний, назначаемые несовершеннолетним, могут применяться к лицам с четырнадцатилетнего возраста.

В рамках рассматриваемого вопроса логично обратиться к судебной практике в изучаемой области, начав ее рассмотрение с применения к несовершеннолетним штрафа.

В России возможность взимать штраф с несовершеннолетнего независимо от наличия самостоятельного заработка или имущества, а также допускать взыскивание штрафа с родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего с их согласия устанавливается согласно ч. 2 ст. 88 УК. Данное положение значительно расширяет возможность применения штрафа к несовершеннолетним (в настоящее время уровень его назначения составляет около 10 % от общего числа наказаний, применяемых к указанной категории осужденных). Сложившуюся ситуацию нельзя оценить положительно, так как расширение практики применения штрафа было достигнуто за счет нарушения принципа вины (ст. 5 УК). Так, по статистическим данным доля работающих несовершеннолетних лиц, осужденных к штрафу, составляет чуть более 2 % [1, 2].

В Беларуси сведения о применении штрафа в отношении несовершеннолетних отсутствуют в данных официальной статистики [3], поэтому можно заключить, что штраф в отношении несовершеннолетних в республике не применяется.

В отношении наказания, связанного с лишением права заниматься определенной деятельностью, следует сказать, что в России оно может назначаться несовершеннолетним и в качестве основного, и в качестве дополнительного наказания. По российскому законодательству это единственный вид наказания, который не адаптирован к несовершеннолетним ни сроками, ни порядком применения и который назначается по общим правилам, установленным ст. 47 УК. Такое правовое регулирование видится упущением, так как максимальные размеры и сроки наказаний, закрепленные ст. 88 УК, сокращены не менее чем в два раза по сравнению с наказаниями для совершеннолетних осужденных. Как таковой характер совершаемых преступлений, а также незначительный процент несовершеннолетних, занятых какой-либо деятельностью, позволяют сделать вывод о том, что существование наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью как основного вида наказания для несовершеннолетних не может быть признано целесообразным. Данный довод подтверждается материалами судебной статистики, в соответствии с которыми анализируемый вид наказания в качестве основного за последние 10 лет в отношении несовершеннолетних в России не применялся.

Итак, на наш взгляд, ст. 88 УК России требует дополнения в части регламентации особенностей применения наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в отношении несовершеннолетних. Кроме того, видится целесообразным применять указанный вид наказания к несовершеннолетним только в качестве дополнительного.

По законодательству Республики Беларусь лишение права заниматься определенной деятельностью (ст. 112 УК) назначается лицу, достигшему шестнадцатилетнего возраста ко дню постановления приговора, на срок от одного года до трех лет, при этом максимальный срок наказания для подростков снижен (по общему правилу от одного года до пяти лет согласно ст. 51 УК). Изучение официальной судебной статистики Республики Беларусь свидетельствует, что указанный вид наказания не применяется в отношении несовершеннолетних.

Продолжая сравнительно-правовое исследование законодательного порядка и практики назначения наказаний в Российской Федерации и Республике Беларусь, следует остановиться на опыте применения обязательных работ (общественных работ). Данный вид наказания в России достаточно широко применяется к несовершеннолетним (назначается в 25 % случаях) [4], так как обязательные работы являются прогрессивным и адаптированным под особенности социального и правового статуса несовершеннолетнего лица наказанием, зарекомендовавшим себя в качестве эффективной меры. В Беларуси общественные работы не получили такого широкого применения, что обусловлено, скорее всего, запретом применения его к лицам, не достигшим к моменту вынесения приговора шестнадцати лет.

Зато исправительные работы назначаются несовершеннолетним в обеих странах, однако ни в одной из них это наказание не получило широкого применения к рассматриваемой категории правонарушителей. Например, в Беларуси из 993 осужденных несовершеннолетних в 2018 г. исправительные работы назначены только трем подросткам [3]. Обозначенная ситуация видится достаточно логичной: особенности регулирования труда несовершеннолетних работников, распространяемые и на осужденных к исправительным работам, не в полной мере совместимы с установленным уголовно-исполнительным законодательством порядком исполнения и отбывания данного наказания в обоих государствах.

Однако на некоторые особенности применения исправительных работ к несовершеннолетним в Беларуси стоит все-таки обратить внимание, в частности – на сниженный процент удержания из заработной платы осужденного, который в соответствии с ч. 2 ст. 113 УК Беларуси составляет от 5 до 15 % (в соответствии с ч. 2 ст. 52 УК для совершеннолетних процент удержания установлен в размере от 10 до 25 %).

А вот согласно уголовному законодательству Российской Федерации из заработка несовершеннолетнего удерживается от 5 до 20 %. Размер удержания устанавливается общей нормой ч. 2 ст. 50 УК РФ (как и взрослым осужденным). И здесь подобное закрепление вступает в противоречие с принципами гуманизма, дифференциации и индивидуализации наказания, а с позиции более гуманного отношения к несовершеннолетним правонарушителям не в полной мере соответствует современному направлению уголовной политики. Таким образом, данная карательная составляющая наказания не адаптирована под особенности личности несовершеннолетнего лица. Не обращать внимания на предоставленные факты видится неразумным и негуманным. Более того, данный факт может послужить для подростка дополнительной детерминантой совершения нового преступления. В связи с этим представляется обоснованным внесение в УК России соответствующих изменений с позиции сокращения размера удержаний из заработка несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде исправительных работ, от 3 до 10 %.

Ограничение свободы – сравнительно новый вид наказания для России, а применительно к Беларуси согласно УК 1999 г. он явился вектором в развитии действовавшего ранее института условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду, предусмотренного ст. 23-1 УК БССР 1960 г. Так, с 2001 по 2006 г. ограничение свободы исполнялось исправительными учреждениями открытого типа. В 2006 г. были внесены изменения в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Беларуси, предусмотревшие возможность назначения ограничения свободы в двух формах: с направлением в исправительное учреждение открытого типа (исполняют исправительные учреждения открытого типа) и без направления (исполняют уголовно-исполнительные инспекции территориальных органов внутренних дел).

Как показывают данные официальной статистики Беларуси и России, ограничение свободы как вид наказания в отношении несовершеннолетних практически не применяется. Соответственно, расширение сферы применения данного наказания представляется весьма перспективным и прогрессивным направлением развития уголовной и уголовно-исполнительной политики обоих государств.

Уголовное наказание в виде ареста согласно ст. 114 УК Беларуси к несовершеннолетним может применяться, а в России из системы наказаний, применяемых к несовершеннолетним, исключено.

Так, в Республике Беларусь установленный порядок применения ареста следующий: арест назначается лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, на срок от одного до двух месяцев. УИК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 59) распространяет на осужденных к аресту условия содержания, установленные для осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание на общем режиме в тюрьме. Кроме того, в ходе отбывания данного наказания не осуществляется обучение несовершеннолетних лиц. Такая законодательная модель применения ареста с очевидностью свидетельствует о достаточной суровости этой меры наказания в отношении несовершеннолетних. Отметим, что данный вид наказания в Беларуси судами не применяется.

Далее необходимо рассмотреть особенности назначения несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы.

В соответствии с ч. 6 ст. 88 УК России наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до шестнадцати лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолет-

ним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые. УК Беларуси ч. 1 ст. 115 закрепляет положение о том, что лицу, впервые совершившему в возрасте до восемнадцати лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, наказание в виде лишения свободы не назначается.

УК России устанавливает более широкие ограничения на применение лишения свободы к несовершеннолетним.

Продолжая исследование, рассмотрим, как выявленные особенности влияют на практику применения лишения свободы в отношении несовершеннолетних.

По данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, удельный вес лишения свободы в общем числе наказаний, применяемых к несовершеннолетним, в 2017 г. составил 17,5 %, в первом полугодии 2018 г. – 16,7 % [4, 2].

В Республике Беларусь, по данным Верховного Суда, наказание в виде лишения свободы в 2017 г. назначалось 14,85 % несовершеннолетним, в 2018 г. этот показатель составил 11,38 % [5]. Таким образом, в обоих государствах в рамках гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной политики сохраняется тенденция к снижению доли лишения свободы в структуре назначаемых несовершеннолетним наказаний.

Приведенные статистические данные показывают, что, несмотря на более строгие законодательные запреты на применение к несовершеннолетним лишения свободы, в России практика назначения рассматриваемого наказания к изучаемой категории лиц несколько шире.

На основании изложенного важно отметить, что во многом сложившаяся судебная практика России и Беларуси в изучаемой области идентична. Основным отличием является неприменение в Беларуси общественных работ в отношении несовершеннолетних в сравнении с практикой применения в Российской Федерации обязательных работ, которые, как указывалось ранее, назначаются в 25 % применяемых наказаний.

Для формирования целостной картины особенностей привлечения к ответственности несовершеннолетних в рамках Союзного государства Беларуси и России необходимо рассмотреть практику применения условного осуждения и принудительных мер воспитательного характера.

В России последние не получили должного распространения. По данным судебной статистики, в 2015 и 2016 гг. только 5,3 % несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, назначались принудительные меры воспитательного воздействия. К 2017 г. рассматриваемый показатель снизился до 4,3 %, а в первом полугодии 2018 г. составил 3,4 % [1, 2]. Это объясняется тем, что существующий перечень принудительных мер воспитательного воздействия, установленный порядок их применения не способны в настоящее время создать реальную альтернативу уголовным наказаниям для изучаемой категории лиц.

В Беларуси в указанной сфере сложилась иная ситуация. Принудительные меры воспитательного характера традиционно широко применяются в отношении несовершеннолетних. По данным Верховного Суда Республики Беларусь, указанные меры в 2017 г. назначались 21 % несовершеннолетним, в 2018 г. – 28,1 % [5].

Так, положительный опыт применения принудительных мер воспитательного характера в Беларуси требует изучения, научного анализа с целью выработки предложений по его применению в России. Рассматриваемые меры являются довольно прогрессивным уголовно-правовым институтом, отвечающим требованиям международных стандартов, а их совершенствование и развитие представляет собой перспективное направление для современной уголовной политики России.

Традиционно широко применяемыми к несовершеннолетним и являющимися лидерами среди уголовно-правовых мер для России и Беларуси выступает условное осуждение, закрепленное в ст. 73 УК РФ, осуждение с отсрочкой исполнения наказания, осуждение с условным неприменением наказания, установленные ст. 77 и 78 УК Беларуси соответственно. За последние 5 лет в России условное осуждение применялось к 44 % несовершеннолетних, в Беларуси только в 2018 г. отсрочка исполнения наказания и условное неприменение наказания в совокупности назначалось почти 30 % несовершеннолетних [1, 2, 5]. Подобный подход свидетельствует о реализации в уголовно-правовой политике обоих государств идей гуманизма в отношении несовершеннолетних правонарушителей с позиции расширения спектра назначаемых мер наказания, альтернативных лишению свободы. Это в полной мере свидетельствует о стремлении обоих государств к реализации требований Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в от-

ношении несовершеннолетних (Пекинские правила), указывающих на то, что система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего, чтобы любые меры воздействия на подростков были всегда соизмеримы с особенностями личности правонарушителя и с обстоятельствами правонарушения [6, с. 71].

Общеизвестно, что прогрессивная криминология выступает за предпочтительное использование мер наказания, не предусматривающих содержания в исправительных учреждениях. Установлено, что имеется в лучшем случае незначительная разница в результатах, достигнутых посредством содержания в исправительных учреждениях по сравнению с результатами, достигнутыми без применения данной меры. Многочисленные неблагоприятные последствия для личности, которые, как видится, являются неизбежными при любом помещении в исправительное учреждение, не могут быть компенсированы исправительной работой. Это особенно справедливо в отношении несовершеннолетних, подверженных отрицательным влияниям. Кроме того, негативные последствия, связанные не только с лишением свободы, но и с изоляцией от общества, сказываются на несовершеннолетнем в большей степени, чем на взрослом, так как затрагивают его личность на начальной стадии развития.

Результаты проведенного исследования еще раз доказывают, что практика применения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь нуждается в оптимизации и совершенствовании.

Для науки и практики российского уголовного права представляет интерес опыт применения в Беларуси принудительных мер воспитательного характера, для белорусского уголовного права – применение в России обязательных работ. Вопросами, требующими научно-прикладного исследования для обоих государств, является низкая востребованность ограничения свободы в части применения данного наказания в отношении несовершеннолетних, а также дальнейшее взвешенное снижение количества фактов применения наказания в виде лишения свободы к лицам, не достигшим возраста 18 лет.

Думается, что использование апробированного положительного опыта государства со сходной правовой системой способно качественно и эффективно скорректировать практику применения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних, повысить уровень защиты интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, обеспечить достижение целей уголовной ответственности.

Список использованных источников

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759>. – Дата доступа: 03.01.2019.
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за первое полугодие 2018 года. Форма № 12 : Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759>. – Дата доступа: 03.01.2019.
3. Данные судебной статистики за 2018 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/3c486a3a385b456d.html. – Дата доступа: 10.04.2019.
4. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2017 годы. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3490>. – Дата доступа: 18.01.2019.
5. Судимость несовершеннолетних. – Режим доступа http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/. – Дата доступа: 18.01.2019.
6. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : [приняты 29 нояб. 1985 г. резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН] // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью-Йорк : ООН, 2007. – 201 с.

Дата поступления в редакцию: 26.04.19

N.V. Kiyko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Penal Law of the Faculty of corrections of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; E.N. Fedotova, lecturer of the Department of Criminology and crime prevention organization of the faculty of law of the Academy of the FPS of Russia

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF PURPOSE OF JUVENILES CRIMINAL PENALTIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

A comparative legal analysis of the sentencing of juveniles in the Republic of Belarus and the Russian Federation is carried out. The features of the legislative regulation of the criminal responsibility of juveniles are considered. Particular attention is paid to the study of judicial practice in the use of punishments and other measures of criminal responsibility against juveniles in Russia and Belarus, and the development of proposals for improving approaches in this area, taking into account the implementation of generally accepted international standards in the field of administration of justice.

Keywords: penalty, juvenile, imprisonment, criminal law.

УДК 343.541

К.В. Поляков, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: S5741922@tut.by)

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ:
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОРНОГРАФИИ**

Рассматриваются уголовно-правовые нормы об изготовлении и распространении порнографических материалов или предметов порнографического характера. Показана взаимосвязь криминализации оборота порнографии с ратификацией Республикой Беларусь международных правовых актов. Акцентируется внимание на причинах изменения уголовно-правовых норм. Анализируется мнение исследователей по рассматриваемому вопросу в различные периоды существования уголовной ответственности за деяния с порнографией.

Ключевые слова: порнография, предметы порнографического характера, порнографические материалы, признаки преступления, международные конвенции.

Увеличение количества выявленных преступлений, предусмотренных ст. 343 и 343¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь, обусловлено внесением в УК изменений и дополнений относительно последних тенденций в изготовлении и распространении материалов порнографического характера (2013 г. – 248 и 27; 2014 г. – 342 и 47; 2015 г. – 522 и 32; 2016 г. – 761 и 107; 2017 г. – 774 и 68; первое полугодие 2018 г. – 444 и 36 соответственно) [1]. Анализ правоприменительной практики выявляет множество проблем, связанных с квалификацией рассматриваемых преступлений. Сложные формулировки диспозиций ст. 343 и 343¹ УК, а также многочисленные точки зрения ученых, правоприменителей, отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда по исследуемому вопросу не приносят ясности в их применение. Различное толкование содержания уголовно-правовых норм об ответственности за оборот порнографии вызывает затруднения в противодействии данному антисоциальному явлению.

Более детальное выяснение причин и условий наличия законодательных, научных и правоприменительных проблем вызывает к историческому анализу уголовного законодательства об ответственности за рассматриваемые виды преступлений. Так, в этой связи Н.С. Таганцев отмечает: «Если мы желаем изучить какой-нибудь юридический институт, существующий в данное время, то для правильного его уяснения себе мы должны проследить историческую судьбу его, то есть те поводы, в силу которых появилось данное утверждение, и те видоизменения, которым подверглось оно в своем историческом развитии» [2, с. 21], и с данным мнением нельзя не согласиться.

Анализ генезиса уголовного законодательства отечественных и зарубежных исследователей (Е.А. Миллерова, О.Ш. Петросян, С.И. Бушмин, М.В. Гусарова и др.) показывает, что изучение уголовного закона обусловило различное субъективное понимание учеными истоков уголовно-правового противодействия порнографии.

Историко-правовой анализ действовавшего на территории Беларуси уголовного законодательства, а также диссертационных исследований, монографий и научных статей в данной сфере позволил выявить первые упоминания деяний, содержащих признаки преступлений, связанных с порнографией:

– «позорные речи» [3, л. 74];

– «вред наносящие или противные благопристойности» [4, л. 27];

– «явно противные нравственности и благопристойности»; «имеющие целью разрешение нравов»; «соблазнительные»; «какого-либо рода изображениями или иных соблазнительных какого-либо рода предметов»; «или же дозволит себе пред зрителями такие телодвижения или иные действия, которыми явно оскорбляются добрые нравы и благопристойность» [5, л. 121];

– «явно соблазнительные изделия и изображения» [6, л. 63].

Есть мнение, что деяния, предусмотренные ст. 343 и 343¹ УК, могли быть наказуемыми по нормам древних источников уголовного права, но вряд ли все деяния, предусмотренные нормами, названными историческими памятниками права могли бы быть охарактеризованы как порнография в современном уголовном законодательстве. Указывать на то, что признаки преступлений в древних источниках уголовного права описывали оборот порнографии в период, когда в уголовных законах не было самой дефиниции этого явления, представляется не совсем корректным.

Зарождение отечественного уголовного законодательства о распространении предметов порнографического характера начинается с принятия постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1935 г. «Об ответственности за изготовление, хранение и рекламирование порнографических изданий, изображений и иных предметов и за торговлю ими». Данным постановлением в Уголовный кодекс Белорусской ССР 1928 г. (далее – УК БССР 1928 г.) введена ст. 121³ «Изготовление, распространение и рекламирование порнографических сочинений, печатных изданий, изображений и иных предметов, а также торговля ими или хранение с целью продажи или распространения» [7, с. 144]. Объективная сторона преступления соответствовала положениям Женевской конвенции от 12 сентября 1923 г. «О пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими». В частности международное соглашение провозглашало преступными следующие деяния:

1) изготовление или хранение сочинений, рисунков, гравюр, картин, печатных изданий, изображений, афиш, эмблем, фотографий, кинематографических фильмов или других порнографических предметов с целью их продажи или распространения, или же публичного их выставления;

2) ввоз, провоз, вывоз лично или через другое лицо в вышеуказанных целях перечисленных сочинений, рисунков, гравюр, картин, печатных изданий, изображений, афиш, эмблем, фотографий, кинематографических фильмов или других порнографических предметов или пуск их тем или другим путем в обращение;

3) торговля ими, даже не публичная, совершение с ними всяких операций какого бы то ни было вида, распространение их, публичное их выставление или же сдача их в качестве профессии в прокат;

4) анонсирование или оглашение каким бы то ни было путем с целью поощрения оборота или торговли, подлежащих пресечению, что какое-либо лицо занимается одним из перечисленных выше наказуемых действий, анонсирование или оглашение, как и через кого эти сочинения, рисунки, гравюры, картины, печатные издания, изображения, афиши, эмблемы, фотографии, кинематографические фильмы или другие порнографические предметы могут быть получены либо непосредственно, либо через чье-либо посредство.

Оптимизация криминализируемых деяний, установленных еще Женевской конвенцией, в ст. 121³ УК БССР 1928 г. характеризует понимание законодателем отсутствия в данной конвенции исчерпывающего перечня средств совершения преступления. При этом формулировка «и иных предметов» в ст. 121³ УК БССР 1928 г. вынуждала органы правоприменения трактовать уголовно-правовую норму расширенно.

Категорирование преступлений по степени общественной опасности закреплялось ст. 5 УК БССР 1928 г. и установлением 2-х категорий:

а) направленные против основ советского строя;

б) все остальные.

В частности санкции преступлений УК БССР 1928 г., относящихся к категории «б», устанавливали только высший (максимальный) предел наказания. Исходя из того, что санкция ст. 121³ УК БССР 1928 г. предусматривала «лишение свободы до пяти лет с обязательной конфискацией порнографических предметов и средств их производства», анализируемое преступление законодателями рассматривалось по сравнению с преступлениями категории «а» как не представляющее большой общественной опасности. Объектом этого преступления являлись общественные отношения в сфере порядка государственного управления. Общественная нравственность как

объект преступления не выделялась, так как нездоровое нравственное поведение связывалось с пережитками капиталистического общества и не имело массового характера. В конце 40-х – начале 60-х гг. правоохранительные органы ослабили противодействие распространению порнографии, вовлечению несовершеннолетних в ее изготовление, так как «в эти годы партийными руководителями Советского Союза официально заявлялось, что в СССР проституция и порнография ликвидированы, поскольку исчезли условия, порождающие и питающие их» [8, с. 65].

Следующие изменения в уголовном законодательстве произошли 1 апреля 1961 г. с введением в действие обновленного Уголовного кодекса Белорусской Советской Социалистической Республики (далее – УК БССР 1961 г.), где был закреплен запрет на оборот порнографии ст. 223 «Изготовление или сбыт порнографических предметов» гл. 15 «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» [9]. В диспозиции ст. 223 УК БССР 1961 г. по сравнению со ст. 121³ УК БССР 1928 г. значительных изменений не произошло:

Итак, в УК БССР 1961 г.:

- словосочетание «иных предметов» заменено на «иных предметов порнографического содержания», что позволило улучшить логическое толкование нормы;
- санкция ст. 223 УК БССР 1961 г. предусматривала более мягкое наказание, срок лишения свободы назначался до 3 лет;
- уголовно-правовая норма дополнена альтернативным видом наказания в виде штрафа в размере 100 рублей [7, с. 183].

Категорирование преступлений по степени общественной опасности предусматривалось ст. 7 УК БССР 1961 г. и выделяло только тяжкие преступления. Деяние, предусмотренное ст. 223 УК БССР 1961 г. не было включено в этот перечень.

Таким образом, вследствие отсутствия понятия порнографии возникла неопределенность в выявлении порнографической литературы, а также развитие жанров художественной литературы повлекло необходимость в определении различий между эротикой и порнографией. Назревшие проблемы в толковании ст. 223 УК БССР 1961 г. пытались разрешить в комментариях к действующему закону, в которых учеными пояснялось, что «Изображение в произведениях изобразительного искусства различных эпизодов жизни и быта людей с введением в это изображение обнаженных фигур, но без грубого и циничного натурализма, а также фотографии подобного рода порнографией не считаются» [10, с. 360].

Изучая проблему выявления порнографии, в 80-е гг. XX в. ученые пришли к выводу о необходимости формулировки понятия порнографии и порнографических предметов, согласно которой «порнографией признаются крайне непристойные и циничные отображения половой жизни людей в литературе, живописи, ваянии, графике и т. п. Предметами порнографического характера могут быть сочинения, рисунки, фотографии, картины, печатные издания и т. п. В случае сомнений по поводу отнесения тех или иных предметов к порнографическим необходимо назначать искусствоведческую экспертизу» [11, с. 380]. Появление мнения о необходимости использования искусствоведческой экспертизы по делам указанной категории обусловлено усилением непонимания предмета преступления и его признаков. Одним из способов усиления противодействия обороту порнографии стало ужесточение наказания, предусмотренного санкцией ст. 223 УК БССР 1961 г., Указом Президиума Верховного Совета БССР от 16 декабря 1982 г. размер штрафа увеличен до 300 рублей.

С ратификацией БССР «Конвенции о правах ребенка» от 20 ноября 1989 г. начался еще один период изменения уголовного законодательства о распространении предметов порнографического характера согласно международным обязательствам. Разработанной западноевропейскими юристами конвенцией вводится новое неоднозначное определение порнографических материалов. При этом мнение мирового сообщества по отношению к порнографии разделялось на 2 группы: полностью запрещена (Республики Беларусь, Украина, Ирак и др.); разрешена, но с ограничениями (Хорватия, Бельгия, Дания и др.). В государствах, частично легализовавших предметы и материалы порнографического характера, разработали нормативную базу, позволяющую законно реализовывать предметы, ранее считавшиеся порнографическими. Так, еще в 1962 г. в ФРГ был открыт первый секс-шоп, носивший название «Спецмагазин гигиены брака». Наличие правового поля позволило достаточно быстро распространиться аналогичным торговым местам в Западной Европе. По этой причине в определении сути дефиниции «порнографические матери-

алы» в большей степени выражается позиция нелегальных материалов порнографического содержания. Предметы порнографического характера, реализуемые в таких магазинах (различные «игрушки», журналы, видеофильмы и др.), были запрещены в государствах с полным запретом на порнографию, поэтому понятие «предметы порнографического содержания» наиболее полно отражало предмет преступления в тех государствах, где порнография не была легализована.

До вступления в силу нового УК в различных документах (Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. «О правах ребенка»; положение Министерства культуры Республики Беларусь от 25 июля 1997 г. «О порядке публичной демонстрации кино- аудиовизуальных произведений, выпуска печатной продукции эротического характера, а также продукции сексуального назначения, их распространения и рекламирования физическими и юридическими лицами» и др.) законодатель использовал понятия Женевской конвенции (порнографические предметы) и Конвенции «О правах ребенка» (порнографические материалы).

С 1 января 2001 г. уголовная ответственность за преступление, связанное с оборотом порнографии, стала предусматриваться ст. 343 УК. Изменения по сравнению со ст. 223 УК БССР 1961 г. коснулись значительной части уголовно-правовой нормы. В названии ст. 343 УК «Распространение порнографических материалов или предметов» выражалась обеспокоенность законодателя в первую очередь именно все более широким распространением порнографии. Если в прежних уголовных законах внимание акцентировалось на изготовлении, то в новом УК – на способах распространения. Признаки преступления дополнились новым способом распространения: «публичной демонстрацией кино- и видеофильмов порнографического содержания» и понятием «порнографические материалы». Также ст. 343 УК дополнилась административной преюдицией и новыми видами наказания. К ним отнесены: общественные работы, исправительные работы; арест; ограничение свободы, что позволяло правоприменителю дифференцировать ответственность виновного за совершение данного преступления, а лишение свободы как вид наказания за рассматриваемое преступление упразднили.

С присоединением Республики Беларусь 3 декабря 2001 г. к Факультативному протоколу Конвенции «О правах ребенка», касающемуся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, УК снова подвергся изменениям. В 2005 г. в ст. 343 УК отменялась административная преюдиция, а квалифицированный состав был дополнен рядом признаков, отягчающих ответственность. Квалифицирующим признаком в ч. 2 ст. 343 УК признавалось изготовление и распространение порнографических материалов и предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего. Ответственность в данном случае предусматривалась как за оборот порнографических материалов и предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего, так и за демонстрацию такого материала ему. Обеспокоенность в тенденциях совершения преступления организованными международными группами нашла отражение в особо квалифицирующем признаке преступления ч. 3 ст. 343 УК: «то же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой». Санкции в квалифицированных составах предполагали только лишение свободы.

Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 451-3 «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам противодействия нелегальной миграции, распространению рабского труда, детской порнографии и проституции» в УК были внесены очередные изменения. Срок ареста в санкции ч. 1 ст. 343¹ УК увеличивался до 6 месяцев. Деяния с оборотом порнографии, в которой фигурирует несовершеннолетний, были выделены отдельной ст. 343¹ УК «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего».

Сложившаяся ситуация по проблеме отягощалась стремительным распространением порнографии в интернете, что стало причиной введения нового квалифицирующего признака, отягчающего ответственность – глобальная компьютерная сеть Интернет, сеть электросвязи общего пользования либо выделенная сеть электросвязи. Распространение мультимедийной порнографии выявило новую проблему в отграничении детской порнографии от обычной. Отсутствие признаков, характеризующих несовершеннолетних в смоделированных материалах, не позволяет правильно квалифицировать преступление.

Развитие онлайн-вещания в интернете стало новым толчком в распространении порнографии. В этой связи возникла необходимость криминализации данного общественно опасного

деяния. Так, Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в уголовный, уголовно-процессуальный, уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и процессуально-исполнительный Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» в диспозицию основного состава преступления ч. 1 ст. 343 и ч. 1 ст. 343¹ УК введено новое альтернативное деяние – трансляция.

Итак, проведенный ретроспективный анализ норм уголовного законодательства Беларуси об уголовной ответственности за оборот порнографии позволяет выделить в его генезисе три периода:

1) 1935–2001 гг. – зарождение. Введение уголовной ответственности за оборот порнографии обусловлено социально. Впервые анализируемая статья была внесена в УК БССР 1928 г. Квалифицированных видов указанного деяния статья не предусматривала и указывала только на основные признаки. В процессе совершенствования уголовного законодательства до 1988 г. значительных изменений статья не претерпела.

2) 2001–2005 гг. – период становления. В борьбе с порнографией используется международный опыт, обусловивший необходимость дополнения квалифицирующими признаками основного состава преступления, влекущими более строгую ответственность за совершение действий, связанных с оборотом порнографических материалов.

3) 2006 г. – настоящее время. Совершенствуется уголовное законодательство об ответственности за рассматриваемый вид преступного деяния. За изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера. Усиливается противодействие детской порнографии согласно международным обязательствам Республики Беларусь, что стало причиной выделения преступления в отдельную ст. 343¹ УК, а также, в силу развития технологий, криминализацией новых способов распространения порнографии.

Таким образом, можно заключить, что в основе уголовно-правовой ответственности за оборот порнографии заложены законы, принятые с учетом терминологии Международных конвенций различных исторических эпох. В настоящее время содержание анализируемых статей, в целом, соответствует потребностям правоприменительной практики. Вместе с тем их возможности до конца не раскрыты, остается неразрешенным множество теоретических, практических и законодательных проблем.

Список использованных источников

1. Принимаемые в Республике Беларусь меры по противодействию распространению порнографии и педофилии [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=76563>. – Дата доступа: 10.01.2019.
2. Таганцев, Н.С. Курс русского уголовного права: Учение о преступлении. Часть общая : в 2 т. / Н.С. Таганцев – СПб., 1874. – Т. 1. – 292 с.
3. Миллерова, Е.А. Незаконное распространение порнографических материалов или предметов: уголовно-правовая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.А. Миллерова ; Рост. юрид. ин-т МВД РФ. – Ростов н/Д, 2009. – 218 л.
4. Петросян, О.Ш. Уголовная ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / О.Ш. Петросян ; Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. – М., 2005. – 187 л.
5. Бушмин, С.И. Порнография: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. / С.И. Бушмин ; Акад. МВД РФ. – М., 1993. – 316 л.
6. Гусарова, М.В. Незаконный оборот порнографических материалов или предметов: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.В. Гусарова ; Нижегород. акад. МВД РФ. – Казань, 2010. – 262 л.
7. Карева, Д.С. Уголовное законодательство СССР и Союзных Республик / Д.С. Карева // Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики. – М. : Юрид. лит., 1957. – С. 5–162.
8. Государство и право: теория и практика : материалы Междунар. науч. конф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/law/archive/37/378/>. – Дата доступа: 10.03.2019.
9. Крымінальны кодэкс Беларускай ССР: тэкст Кодекса па стане на 1 крас. 1961 г. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1961. – 212 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР / под общ. ред. Л.К. Зайцева. – 4-е изд., испр. и доп. – Минск : БГУ им. В.И. Ленина, 1976. – 400 с.

11. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР / под ред. А.А. Здановича. – Минск : Беларусь, 1989. – 430 с.

Дата поступления в редакцию: 17.04.19

K.V. Polyakov, *Postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

HISTORY OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL LEGISLATION OF BELARUS: ON RESPONSIBILITY FOR THE DISTRIBUTION OF PORNOGRAPHY

Analysis of criminal law norms on the production and distribution of pornographic materials or items of a pornographic nature are considered. The article reveals the relationship of criminalization of pornography with the ratification of international legal acts by the Republic of Belarus. It identifies the reasons for the change in criminal law. The point of view of scientists in different periods of the existence of criminal responsibility for acts with pornography is analyzed.

Keywords: pornography, pornographic items, pornographic materials, signs of crime, international conventions.

УДК 343.9.018.3

Б.С. Сафроненко, *ад'юнкт научно-педагогического факультета*

Академии МВД Республики Беларусь

(e-mail: zapovi4@mail.ru)

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-РЕЦИДИВИСТА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Рассматривается совокупность личностных качеств преступника-рецидивиста через призму его психологических свойств. Описываются их изменения, связанные с продолжительностью пребывания в местах содержания под стражей, а также деформации личности, требующие первоочередного внимания для блокирования или устранения условий, способствующих повторению преступления.

Ключевые слова: рецидив, личность рецидивиста, рецидивная преступность.

Проблема предупреждения рецидивной преступности всегда находится в центре внимания как криминологических, так и правовых исследований. Уровень рецидивной преступности по итогам 2017 г. в Беларуси составил 38,4 % от общего количества преступности. Согласно статистике среди них около одной четверти преступлений – это убийства, причинение тяжких телесных повреждений; около одной трети – изнасилования; почти половина краж, грабежей, разбоев и угонов совершается ранее судимыми лицами. Из всех участников преступлений в 2017 г. ранее судимые лица составили 36,3 %. Исходя из приведенных данных можно предположить, что законодательные меры не дают должного результата, в связи с чем возникает необходимость более глубокого изучения характеристик личности преступника-рецидивиста в разных аспектах. Так, у 15–20 % рецидивистов обнаруживается патология психики (в пределах вменяемости), а у совершивших убийства – до 40 %. Установление характерных особенностей личности преступника с учетом его индивидуальности дает основание выделить проблему личности преступника-рецидивиста в качестве самостоятельного объекта исследования.

Характерной чертой контингента лиц, не соблюдающих закон, является их склонность к криминальному рецидиву. По этой причине для современной отечественной и зарубежной юридической и психологической наук, а также практик очень важно определение объективных и субъективных характеристик личности преступника, отличающегося многократным повторением преступлений [1].

Причины совершения преступлений на личностном уровне находят отражение не только в криминологических исследованиях, но и в других науках: философии, педагогике, социологии и пр.

Активное изучение особенностей личности преступников началось в конце XIX в., и основная часть трудов той эпохи посвящена исследованию личности преступника с биологической точки зрения (Ч. Ломброзо, П.Н. Тарновская, М.Н. Гернет). Новый импульс криминологические

исследования получили в нашей стране в 60-е гг. XX в. Предметом исследования становится личность преступника-рецидивиста. Но в то время углубленного изучения личности именно осужденных не проводилось, что явилось следствием недопустимо медленного проникновения в науку пенитенциарного профиля и в пенитенциарную практику современных психологических методов [2, с. 40].

Вместе с тем отдельные криминологи, например, А.М. Яковлев, И.И. Карпец, исследуя рассматриваемую категорию преступников, обращали внимание на то, что рецидивисты выступают в роли «активных творцов», индивидуальностей преступной деятельности. Они очень настойчивы в поиске условий для совершения преступлений, не стремятся к совершению преступлений в соучастии, другими словами, проявляют себя как «яркие личности» [3, с. 96]. Ученые-криминологи, осуществляя разработку проблематики личности преступника-рецидивиста, применяют комплекс социальной методологии, психологии, в том числе и специальной.

В настоящее время одним из самых сложных, спорным и наименее разработанным вопросом криминологии выступает вопрос о личности преступника-рецидивиста, рассматриваемого в рамках психологического аспекта. Психология в современное время вступает в тот этап своей эволюции, когда образуется необходимость перехода от аналитического исследования определенных психических функций, процессов и состояний к непосредственному синтезу накапливаемых сведений, к раскрытию качеств личности, к пониманию ее как целостности [4, с. 82].

При этом в исследовании личности как индивида намечаются разнообразные пути. В отдельных случаях попытки их рассмотрения предпринимаются системно: психические свойства и процессы, изучаемые обособленно, исследуются в их непосредственной взаимосвязи, т. е. представляются целостно. В данном случае основу составляет индивид, единство его психологических, биологических и социальных свойств. В других случаях упор делается на сравнительное изучение психологических свойств различных типов личности, установлении различий между ними и определении особенных психологических специфик каждого. Основой здесь, как правило, выступает проблематика психологии индивидуальности [4, с. 84].

Проблема познания личности рецидивиста с точки зрения психологии достаточно сложна. Рецидивистами становятся личности с устойчивой психикой, сильным характером, большинство из которых обладают организаторскими качествами. И.И. Карпец подчеркивает, что личность рецидивиста сеет страх, подавляющий человеческое достоинство личности со слабым характером. Мир рецидива жесток, моральные ценности для него ничего не значат; преступления, в которых он участвует, очень жестоки. Такие преступники рассчитывают максимально точно, когда правоохранительные органы прекратят преследование. Для того чтобы скрыть свое участие в тяжком преступлении, большинство рецидивистов намеренно по мелким преступлениям сдают правоохранительным органам, чтобы на некоторое время исчезнуть из их поля зрения [3, с. 57]. Находясь в местах лишения свободы, они испытывают влияние изолированного закрытого коллектива, развивая свои негативные качества.

По мнению Б.Ф. Поршнева, толпа – это ускоритель, который во много раз разгоняет ту или иную склонность, умножает ее, может разжечь до огромной силы. «Психическое состояние человека в толпе изменяется в сторону повышения эмоциональности восприятия, уменьшения степени самокритичности, подавления чувства личной ответственности и появления чувства силы и сознания анонимности», – пишет Ю.А. Шелковин [1, с. 69]. Ученый считает, что в местах лишения свободы присутствие подобного состояния приводит к агрессивности, которую рецидивисты реализуют, находясь на свободе, где внешний контроль смягчен.

И.И. Карпец, например, отмечает, что мир рецидивистов еще не разгадан психологами. Немаловажным фактором изучения личности преступника-рецидивиста также являются социально-демографические особенности, которые определяются прежде всего тем, что рецидивная преступность еще в большей степени, чем первичная, относится к мужской части населения. Доля женщин-рецидивисток в 2,5 раза меньше, чем в первичной преступности. Личные качества женщин-рецидивисток выражены более негативно, чем у мужчин-рецидивистов. Многие женщины страдают алкоголизмом, имеют многократные судимости, утратили социально-полезные связи и не имеют определенного места жительства. Женщина значительно труднее переживает

ситуацию распада семьи, трагичнее переносит утрату других социальных связей, что обрекает ее на одиночество.

Психологические исследования личностей правонарушителей позволили накопить большое количество данных о различных свойствах, системах и структурах личности рецидивиста [3, с. 63]. В них, кроме того, рассматриваются индивидуальные аспекты личности, которые помогают определить криминологические характеристики некоторых видов лиц с преступным поведением [5, с. 185].

Анализ результатов теоретических исследований дает основание полагать, что у преступников-рецидивистов есть субъективные причины их криминального поведения. Такими причинами могут выступать: негативное влияние социальной среды, улучшение или ухудшение проявления психологических характеристик личности, сформированная, характерная, в частности для преступников, ценностно-нормативная система, характеризующаяся отрицательным содержанием; наличие однородных деструктивных черт личности (импульсивность, агрессия, отчуждение и т. д.) [5, с. 138].

Однако психологические явления в личности преступника исследуются обычно без учета их функциональных и значимых связей в возникновении склонности к преступному поведению. Часто не устанавливается каких-либо связей во внешней среде, фоновом психическом статусе, социальной роли (как он себя ведет) и социальном статусе (как его воспринимают) и др. Система связей психологических характеристик человека по сей день недостаточно хорошо изучена и не является обоснованием криминальных склонностей в соотношении с разными типами личности.

По этой причине одним из перспективных направлений исследований такого рода является исследование личности преступника-рецидивиста как некоей системы элементарных и интегративных качеств, имеющих социально значимое качественное определение.

Обобщенные данные анализа психологических портретов преступников-рецидивистов говорят о том, что они более замкнутые, равнодушные, не общаются с людьми, эмоционально холодны по сравнению с законопослушными гражданами, характеризуются низкой скоростью мышления, некоторой статикой в проявлении интеллектуальных способностей. Также в отличие от законопослушных граждан, обладающих большей напористостью, агрессивностью, уверенностью в себе, бескомпромиссностью, рецидивисты чаще нерешительны, сдержанны в проявлениях эмоций и чувств, обладают большей терпимостью к неудобствам, большей независимостью от группы и меньшей потребностью в поддержке со стороны других людей. Кроме того, если рассматривать рецидивиста в группе преступников с разными показателями степени рецидивного поведения, то важно учитывать различия в психологических характеристиках членов группы.

Рецидивисты с большим количеством судимостей (более 3 раз) очень осторожны, сосредоточены на достоверной оценке событий, осмотрительнее других в выборе партнера для общения; гораздо рациональнее, гибче в суждениях, практичнее и дипломатичнее. Преступники с 2–3 судимостями эмоционально нестабильны, подвержены частой смене настроения, не удовлетворены жизненной ситуацией, но при этом чаще естественны и прямолинейны.

Результаты исследований психологического состояния и личностных признаков, которые определяют успешность процесса социальной адаптации и поведенческого регулирования, показывают, что склонные к рецидиву лица обладают менее спонтанной агрессивностью по сравнению с гражданами, соблюдающими закон. Однако рассматриваемая категория преступников более депрессивна, и это проявляется в их эмоциональном состоянии, поведении, отношении к себе и социальной среде: более беспокойны, скованны из-за различных трудностей в социальных контактах; имеют выраженную интроверсию. Граждане, соблюдающие закон, чаще стремятся к откровенному взаимодействию с другими людьми; более экстравертированы.

Анализ различных психологических портретов преступников-рецидивистов с разным количеством судимостей показывает, что рост рецидива здесь напрямую связан с уменьшением количества проявлений спонтанной агрессии. Иными словами, осознанная агрессия – новый рецидив. Суть этой взаимосвязи в том, что такие люди обладают специфической адаптацией, включая вынужденно-успешную адаптацию к условиям мест лишения свободы, которая помогает снизить уровень импульсивности и необдуманности в реагировании на различные ситуации. Кроме того, происходит усиление депрессивных симптомов, проявляющихся в эмоциональной

сфере, поведении, отношении к себе и к социальной среде. Потребность в общении снижается, усиливается устойчивость к стрессу (как появление некоторой защиты от стрессовых факторов из-за сокращения необходимости участия в этих ситуациях) [1].

Изучение реакции преступников-рецидивистов на неудачу, сильный раздражитель, анализ способов выхода из ситуаций, которые мешают деятельности или удовлетворению потребностей, показали, что рецидивистам в ситуации, когда они испытывают разочарование, присуща минимальная внешне обвинительная и самообвинительная реакция. Таким личностям также свойственна безвредная реакция, которая заметна через призму восприятия рецидивистом ситуации разочарования (включая разочарование, связанное с принудительным содержанием в местах лишения свободы) как неизбежной и не требующей какой-либо активности. В то же время у лиц со многими судимостями серьезность доминирования препятствия уменьшается на фоне их высокой «фрустрационной загруженности», что приводит к обострению постоянной необходимости искать конструктивное решение конфликта [3, с. 69].

С целью выделения особенностей системы эмоциональных отношений преступников-рецидивистов проводился анализ их высказываний в ходе исследования с использованием методики «Незаконченные предложения». Результаты показывают, что преступникам-рецидивистам присуще проявление «чувства вины», неудовлетворенность решением проблемных ситуаций в прошлом и настоящем, что приводит к критическому анализу их деятельности. С увеличением числа судимостей правонарушители различаются в отношении к их ранней жизни и к будущему – актуальность ответов снижается, присутствует тенденция к увеличению актуальности ответов на вопросы касаясь отношений с отцом, мужскому окружению, страхам и заботам об их жизни и здоровье [1].

Эмоциональная стабильность преступников-рецидивистов часто связана со стремлением добиться своего психического здоровья в сочетании с надлежащим регулированием поведения, с закрытостью по отношению к социальной среде. Общительность данной категории лиц сопровождается выражением эмоций, мужеством и собственной позицией в отношениях. Такое сочетание личностных качеств способствует проявлению неконформизма, недоверия и подозрительности к окружающим в групповых взаимодействиях. В то же время существует связь эмоциональных проявлений с низкой мотивацией достижения, с невозможностью проявлять достаточную активность для удовлетворения возникающих потребностей и решения вопросов внутреннего контроля над поведением и радикальными установками.

Ориентация на внутренний мир преступников-рецидивистов связана с особой значимостью отношений в мужской среде, реакцией самозащиты и отсутствием внешних обвинений в ситуациях, провоцирующих разочарование. Реакция самозащиты положительно коррелирует с дипломатичностью в отношениях и отрицательно – с проявлениями недоверия и подозрительности к значимым людям.

Таким образом, можно заключить, что между психологическими характеристиками личности рецидивиста и личностными чертами законопослушных граждан существуют фундаментальные различия. Они позволяют установить отличия преступников от не преступников, установить факторы, которые оказывают влияние на совершение преступных деяний. Подобный анализ, как видится, нужно производить не только в масштабах государства, области, города, но и районов, обособленных участков оперативного обслуживания, по отдельным делам. Его результаты помогут осуществить более эффективную индивидуальную профилактическую работу по недопущению повторения преступлений со стороны конкретных лиц.

Список использованных источников

1. Разумова, Е.М. Психологические особенности личности преступников-рецидивистов : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 // Е.М. Разумова. – СПб. : СПбГУ, 2007. – 286 л.
2. Антонян, Ю.М. Преступник как предмет криминологического изучения // Вопр. борьбы с преступностью / Ю.М. Антонян. – М. : Наука, 1981. – Вып. 34. – С. 38–46.
3. Личность преступника / под ред. В.Н. Кудрявцева, Г.М. Миньковского, А.Б. Сахарова. – М. : Юрид. лит., 1975. – 231 с.
4. Антонян, Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. – М. : Юристъ, 1996. – 210 с.

5. Дубинин, Н.П. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения / Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. – 1-е изд. – М. : Политиздат, 1989. – 254 с.

6. Ратинов, А.Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход / А.Р. Ратинов // Личность преступника как объект психологического исследования. – М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. – 243 с.

Дата поступления в редакцию: 29.03.19

B.S. Safronenko, postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CHARACTERISTICS OF THE IDENTIFY OF THE CRIMINAL RECIDIVIST: THE PSYCHOLOGICAL ASPECTS

The set of personal qualities of the offender-recidivist is considered. The changes related to the length of stay in places of detention are described. Identified deformations of the individual, requiring a certain work, which is aimed at blocking or eliminating the conditions that contribute to the repetition of the crime.

Keywords: recidivist, the identity of the recidivist, recidivism.

УДК 343.541

В.В. Стальбовский, преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: vudiksvv@gmail.com)

КОНЦЕПЦИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ИЛИ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В двух частях

Часть 1

Анализируются современные тенденции, характерные для преступности сексуального характера в отношении несовершеннолетних; статистика, динамика и латентность указанной группы общественно опасных деяний. Определяются зоны особой активности лиц, имеющих склонность к совершению сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних, и соответствующие меры по блокированию причин и условий их возникновения при помощи комплексных криминологических и организационных мероприятий, отраженных в предлагаемой национальной Концепции.

Раскрываются особенности комплексного противодействия преступлениям против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних. Сформулированы меры организационно-правового, уголовно-правового, социально-правового характера, необходимые для всех субъектов профилактики на различных государственных уровнях.

Предлагаются меры противодействия исследуемому виду преступлений, основанные на выявлении отличительных особенностей педофилов в социуме, необходимые для всех уровней адресатов профилактики, непосредственно занимающихся проблемами обеспечения безопасности несовершеннолетних от посягательств насильственно-сексуального характера.

Ключевые слова: предупреждение и профилактика преступности, половая свобода и половая неприкосновенность, меры криминологического характера, превенция, сексуальные посягательства, криминологическое противодействие, детерминанты преступности, зона особой активности педофилов, интернет-группинг несовершеннолетних, интернет-сообщество педофилов, сексуальная преступность в отношении несовершеннолетних.

Совершенно любая проблема в уголовно-правовых и науках криминологической направленности в своем решении требует комплексного и междисциплинарного подхода к ее изучению, анализу, прогнозированию, выработке рекомендаций, разрешению коллизий и устранению пробелов.

Отсутствие в науке комплексной теоретической разработки и основанных на ней предложений и рекомендаций по вопросам уголовно-правового и криминологического обеспечения на-

правлений противодействия сексуальной преступности в отношении несовершеннолетних не может не влиять на количественные показатели, которые за последние шесть лет выросли в восемь раз. Принятие нового концептуального нормативного правового акта призвано восполнить существующий пробел в изучении обозначенных вопросов и положительном разрешении отдельных проблем правоприменительной практики.

Самостоятельная теоретическая концепция и авторское понимание сущности мер уголовно-правового и криминологического противодействия в комплексе, направленных на снижение уровня преступности против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, проведение качественной профилактической работы компетентными государственными органами на различных уровнях обусловлено осознанием стабильного функционирования социума.

В этой связи теоретико-прикладной интерес представляют предложенные организационные основы проведения комплексной профилактики рассматриваемых преступлений, включающие организационно-правовые и организационно-практические мероприятия в рамках национальной политики, образования, социальной сферы, трудовой занятости, организации досуга, охраны здоровья, совершенствования деятельности работы органов внутренних дел, системы исполнения наказаний и т. п.

Таким образом, видится обоснованным создание проекта Концепции предупреждения и профилактики преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних.

Глава 1. Основные положения

Настоящая Концепция разработана в соответствии с положениями Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, Программы по борьбе с преступностью и коррупцией на 2017–2019 годы, утвержденной решением республиканского координационного совещания № 16 от 26 мая 2017 г., Концепции информационной безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г., а также с учетом оценки тенденций современного состояния преступности в нравственно-половой сфере (гл. 20 УК Республики Беларусь).

Целью настоящей Концепции является обеспечение единства подходов к организации и осуществлению комплексного предупреждения и профилактики преступности в нравственно-половой сфере в отношении несовершеннолетних.

Настоящая Концепция направлена на решение следующих задач:

выявить причины и условия (детерминант) высокой криминальной активности лиц с отклоняющимся сексуальным поведением;

выявить виктимологические свойства жертв сексуального насилия, а также причины и условия, способствующие увеличению количества преступлений рассматриваемой группы;

выработать стратегии по снижению уровня преступности против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

разработать и внедрить новейший терминологический аппарат, способствующий оперативному изменению законодательства, и внести поправки в нормативные правовые акты по защите детей от сексуальной эксплуатации;

сформировать правовые и организационные основы предупреждения преступности против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

обеспечить информационную безопасность и защиту населения от информационных угроз в условиях «информационного экстремизма»;

создать комплексную государственную систему предупреждения преступности сексуальной направленности;

обеспечить готовность государственных органов к гибкому реагированию в формате нормотворческого процесса в условиях динамичного изменения процессов в обществе;

сформировать правовые и организационные основы предупреждения преступлений, связанных с распространения порнографии и вовлечения несовершеннолетних в антиобщественное поведение;

создать условия для повышения уровня состояния уголовно-правового и криминологического обеспечения защиты половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних и задание вектора перспектив его развития.

Настоящая Концепция предполагает ввести в практическое использование следующие термины и их определения:

«интернет-сообщество педофилов» – группа индивидов, для каждого члена которой характерно отклоняющееся сексуальное влечение к несовершеннолетним, действующих в сети Интернет, объединенных целью оправдать педофилию как общесоциальное естественное явление (признание педофилии сексуальной ориентацией), созданная для обмена материалами или предметами порнографического характера, тактикой и методами вербовки жертв, определения приемлемых мест для возможных сексуальных контактов с несовершеннолетними, разработки способов совершения и сокрытия своей противоправной деятельности, определения мер противодействия правоохранительным органам и линии поведения при задержании;

«сексуальная преступность в отношении несовершеннолетних» – относительно массовое, исторически-изменчивое, негативное социально-правовое явление, представляющее собой динамичную систему, изменчивую структуру, охватывающую совокупность преступных деяний, отличающихся объемом и своеобразием криминологических и уголовно-правовых характеристик, совершаемых лицами с отклоняющимся сексуальным влечением на определенной территории за определенный период времени;

«интернет-груминг несовершеннолетних в сети Интернет» – установление и поддержание доверительного контакта с лицом, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, а равно навязчивые предложения о встрече с целью совершения общественно опасных деяний или эксплуатации контакта для изготовления порнографических материалов или предметов порнографического содержания с использованием сети Интернет.

Реализация настоящей Концепции предполагает осуществление следующих мер:

повышение уровня взаимодействия государственных органов и органов местного управления и самоуправления, общественных институтов в процессе предупреждения преступности против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

постоянный мониторинг причин и условий, способствующих поддержанию высокой криминальной активности лиц с отклоняющимся сексуальным поведением в виртуальной среде, и выработка предложений по их блокированию и нейтрализации;

совершенствование норм административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и другого законодательства, а также практики их применения, обеспечивающих соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних (жертв сексуального насилия);

разработка самостоятельных узконаправленных нормативных правовых актов по предупреждению сексуальной преступности в отношении несовершеннолетних (Законы Республики Беларусь «О сексуальном образовании несовершеннолетних», «Об информационной безопасности несовершеннолетних», «Об основах профилактики преступлений в сети Интернет», Указ Президента Республики Беларусь «О формировании и утверждении единой базы лиц страдающих педофилией и иными расстройствами сексуального предпочтения»);

формирование действенной системы предупреждения преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних;

разработка четкой структуры адресатов криминологической профилактики.

Глава 2. Предпосылки формирования настоящей Концепции

Необходимость принятия Концепции обусловлена ростом количества преступлений рассматриваемой группы: в 2013 г. выявлено 110 преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы несовершеннолетних, в 2018 г. – 831 (+37,1 %) общественно опасных деяний этой категории, в том числе 513 (+25,3 %) тяжких и особо тяжких (восьмикратное увеличение за шесть лет). Уровень латентности оценивается экспертами-криминологами в восьмикратном формате (около 10 тыс. преступлений за 6 лет).

Одной из причин высокой криминальной активности указанной категории является то, что действующее законодательство не в полной мере обеспечивает безопасность несовершеннолетних, не предусматривает эффективных современных механизмов воздействия на реальных и потенциальных преступников, прежде всего, путем ресоциализации и с целью предупреждения, профилактики новых правонарушений и преступлений. Существующая система выявления

и предупреждения преступлений противоречива и не всегда действенна. Таким образом, дальнейшее исследование данной проблемы и разработка комплексных предложений по снижению криминальной активности в рассматриваемой сфере обоснованна и своевременна.

Окончание следует

Дата поступления в редакцию: 29.03.19

V.V. Stalbovsky, Lecturer at the Department of the Penal Law of the Faculty of Corrections of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CONCEPT PREVENTION AND PREVENTION OF CRIMES AGAINST SEXUAL IMMUNITY OR SEXUAL FREEDOM OF MINORS IN THE REPUBLIC OF BELARUS (PART 1)

The current trends describing sexual crimes against minors; the statistics, dynamics and latency of this group of socially dangerous acts are analyzed; the zones of special activity of persons who have a tendency to commit sexual crimes against minors with appropriate measures to block the causes and conditions of complex criminological and organizational arrangements reflected in the national Concept.

The features of a comprehensive response to crimes against sexual immunity or sexual freedom of minors are described. The measures of organizational legal, penal, social-legal nature necessary for all levels of subjects of prevention at various state levels are stated.

The Counter measures based on identifying the distinctive features of pedophiles in society, necessary for all levels of prevention recipients who are directly involved in ensuring the safety of minors from violent sexual assault.

Keywords: prevention, crime prevention, sexual freedom and sexual immunity, criminological measures, prevention, sexual assault, criminological opposition, crime determinants, area of special activity of pedophiles, Internet grooming of minors, online pedophile community, juvenile sex crime.

УДК 343.8

В.С. Шабаль, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: shabalbig@mail.ru)

ОПТИМИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К РАЗЛИЧНЫМ ВИДАМ НАКАЗАНИЙ

Освещаются проблемы в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности в Республике Беларусь. Предлагаются к рассмотрению меры по совершенствованию исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности с целью повышения качества предупреждения рецидивной преступности. Акцентируется внимание на постпенитенциарном контроле как одном из направлений деятельности по профилактике правонарушений. Определяются субъекты, выполняющие данные функции; вносятся предложения по совершенствованию их деятельности в целях оптимизации воздействия на осужденных и лиц, состоящих на профилактических учетах в органах внутренних дел.

Ключевые слова: осужденный, ресоциализация, предупреждение, рецидивная преступность, probation, субъекты профилактики, постпенитенциарный контроль.

Деятельность правоохранительных органов Республики Беларусь претерпевает определенные изменения с целью ее совершенствования, в том числе оптимизации в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности и профилактики правонарушений. Перечисленные меры касаются широкого применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, и развития форм и методов исправительного воздействия на осужденных, содержащихся в закрытых учреждениях, их ресоциализации после освобождения.

За первое полугодие 2018 г. судами общей юрисдикции Республики Беларусь было рассмотрено 18 627 уголовных дел с вынесением приговора, за которые было осуждено 20 236 человек. При этом в 4 951 случае (24,5 %) было назначено наказание в виде лишения свободы. В 2017 г. этот показатель составлял 27,9 %, в 2016 г. – 30,7 %, в 2015 г. – 31,3 % [1]. Таким образом, не-

смотря на активное применение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, каждому четвертому преступнику назначается именно лишение свободы. Снижение данного показателя в 2016–2018 гг. в основном связано с уменьшением количества совершенных преступлений за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (в 2016 г. по сравнению с 2015 г. меньше на 14,3 %, в 2017 г. по сравнению с 2016 г. – на 16,1 %, за первое полугодие 2018 г. – на 8,7 % [2]).

Ежегодно определенная часть граждан осуждается за преступления против правосудия. Так, в первом полугодии 2018 г. было осуждено 2 140 лиц за совершение данных преступлений (10,6 % от общего числа осужденных); в 2017 г. – 10 %, в 2016 г. и 2015 г. – 9,5 % [1]. По причине отсутствия официальной статистики выделить из данного массива преступления, связанные с уклонением от отбывания наказания, не представляется возможным. С учетом того, что в основном совершаемые преступления против правосудия охватываются составами ст. 415–422 УК Республики Беларусь (уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией от общества и требований превентивного надзора), можно руководствоваться указанными цифрами. В исправительных учреждениях содержится большое количество осужденных, которым назначалось наказание в виде лишения свободы три и более раза (например, в 2015 г. – 43,6 %, в 2016 г. – 41,8 % [3]). Если рассматривать статистику совершения преступлений лицами, имеющими судимость, то получатся следующие показатели: в 2015 г. – 36,6 %, в 2016 г. – 35,8 %, в 2017 г. – 36,3 %.

Все представленные данные, несмотря на общее снижение количества совершенных преступлений, свидетельствуют об актуальности рассматриваемой темы и необходимости совершенствования деятельности правоохранительных органов по исполнению наказаний как связанных с изоляцией от общества, так и не связанных.

Определенные проблемы при реализации целей уголовной ответственности предопределены самой структурой правоохранительных органов. Например, если говорить об органах и учреждениях, исполняющих наказания и иные меры уголовной ответственности (далее – органы, исполняющие наказания), то в настоящее время в Республике Беларусь в общем сложилась следующая система: уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ) и судебные исполнители (в отношении штрафа); исправительные учреждения открытого типа (далее – ИУОТ); арестные дома; исправительные колонии и тюрьмы, следственные изоляторы.

Кроме органов, исполняющих наказания, в Республике Беларусь функционируют лечебно-трудовые профилактории, в которых принудительно изолируются и проходят медико-социальную реадaptацию с обязательным привлечением к труду граждане, систематически допускающие административные правонарушения в состоянии алкогольного опьянения. В данных учреждениях не только лечат граждан, больных хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, но и выполняют функцию предупреждения совершения новых правонарушений указанными лицами. В территориальных ОВД профилактикой правонарушений занимаются участковые инспекторы милиции (далее – УИМ).

В целом работу органов, исполняющих наказания, с осужденным можно представить схематично в следующем виде:

1. После совершения лицом преступления, за которое ему назначается наказание, не связанное с изоляцией от общества, либо иная мера уголовной ответственности, он уже в качестве осужденного ставится на учет в УИИ, а его поведение контролируется УИМ. Здесь два варианта развития событий: отбыл наказание либо совершил новое преступление, не соблюдая ограничений, возложенных судом.

2. После совершения нового преступления лицу назначается более строгое наказание.

3. В случае исправления либо по отбытии наказания лицо освобождается (в том числе предполагается и условно-досрочное освобождение) либо лицу назначается замена неотбытой части наказания более мягким.

4. Над осужденным предполагается постпенитенциарный контроль.

Ранее приведенные статистические данные говорят о том, что наблюдаются проблемы на различных этапах работы органов, исполняющих наказания: при исполнении наказаний,

не связанных с изоляцией от общества и в случае лишения свободы. Например, приблизительно каждый пятый осужденный, которому назначается наказание, не связанное с изоляцией от общества, совершает новое преступление. Соответственно, работа, которую проводят инспекторы УИИ, не приводит к должному результату, и осужденный допускает рецидив. Важно учитывать, что суд, возможно, не в полной мере учитывает личность преступника и назначает ему наказание, с помощью которого проблематично достигнуть целей уголовной ответственности. Однако теория современной исправительной педагогики нам говорит о том, что неисправимых преступников не бывает, просто часто неправильно выбираются формы и методы коррекции их поведения.

Многие осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы, характеризуются положительно, имеют поощрения, признаны ставшими на путь исправления (примерно каждый третий). При этом на свободе они вновь совершают преступления. После освобождения за осужденными к лишению свободы устанавливается превентивный надзор или профилактическое наблюдение, требования которых также нередко нарушаются ими. Как отмечает О.Г. Демидов и А.Г. Демидова, профилактика уклонений от отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности «заключается в целенаправленной деятельности по выявлению, изучению и устранению причин и условий», способствующих их совершению [4, с. 24]. По этой причине особенно важно своевременно их выявлять и устранять, для чего необходимо совершенствовать данную деятельность.

В результате изучения преступлений, совершенных осужденными и лицами, состоящими на учете в правоохранительных органах, следует выделить следующие причины и условия, которые этому способствовали:

1. Личность преступника имеет неискорененные социально отрицаемые потребности (вредные привычки), какие-либо безнравственные антисоциальные особенности поведения, характеризуется безразличием к своей жизни, интересам других людей и т. д., соответственно, у него не сформированы необходимые морально-нравственные нормы, необходимые для правопослушного образа жизни.

2. Ненадлежащее применение средств исправления к осужденному, в результате чего у него не сформирована готовность вести правопослушный образ жизни: нет должного образования и профессиональных навыков для устройства на работу с достойным заработком, ненадлежащая помощь со стороны государственных органов, отсутствие навыков социального взаимодействия с семьей, коллегами, окружением, а также выраженность негативных качеств.

3. Ненадлежащий контроль и надзор за лицами, состоящими на учете в правоохранительных органах, в том числе за отбывающими наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества, что объясняется постоянной сменой субъектов профилактики, нехваткой времени у сотрудников на должный контроль и надзор в связи с большим количеством лиц, закрепленных за ними.

4. Ненадлежащее взаимодействие органов, исполняющих наказания, которое выражается в практическом отсутствии преемственности информации о личности преступника, возможных вариантах применения к нему средств исправления и т. д.

5. Экономическая ситуация в стране, характеризующаяся дефицитом рабочих мест с достойным заработком, высокими ценами на жилье и т. д., что негативно сказывается на ресоциализации осужденных.

В этой связи возникает вопрос о перспективных направлениях совершенствования деятельности по предупреждению рецидивной преступности в Республике Беларусь. Представляется, что основной проблемой в такой ситуации является именно отсутствие постоянного должного контроля и надзора за поведением осужденного. Здесь интересен опыт других государств. В зарубежных странах для оказания помощи в реинтеграции осужденных создаются так называемые службы пробации (англ. *probation* – испытание). Так, А.Б. Скаков пробацией называет «вид условного осуждения, при котором осужденный помещается на время испытательного срока, установленного судом, под надзор специальных органов» [5, с. 256]. Важность пробации и постпенитенциарного контроля подчеркивает и А.В. Щербаков [6, с. 87].

В Рекомендации № REC(2010)1 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о правилах Совета Европы о пробации, принятых Комитетом Министров 20 января 2010 г. на 105-м заседании заместителей Министров, под пробацией понимается любой орган, деятельность которого регламентирована законодательством и направлена на исполнение в обществе установленных законодательством санкций и мер, налагаемых на правонарушителя, включающих надзор, руководство и помощь с целью его социальной интеграции, а также содействия обеспечению безопасности общества.

Согласно пр. 4 Правил Нельсона Манделы целью наказания в том числе является реинтеграция осужденных в общество. В Правилах говорится о том, что:

с самого начала отбывания срока заключения следует думать о будущем заключенного, которое ждет его после освобождения (пр. 107);

перед завершением отбытия срока наказания необходимо принимать меры к постепенному возвращению заключенного к жизни в обществе (пр. 87);

в каждом ИУ обязательно наличие социальных работников для поддержания и укрепления желательных отношений заключенного с его семьей и могущими принести ему пользу социальными организациями (пр. 88);

необходима деятельность государственных или частных органов, способных проявлять действительную заботу об освобождаемых заключенных, борясь с предрассудками, жертвами которых они являются, и помогая им вновь включиться в жизнь общества (пр. 90).

Таким образом, предполагается, что государству в лице уполномоченных органов следует осуществлять мероприятия по реинтеграции осужденных в общество как силами самих органов, исполняющих наказания, так и иных организаций, общественных объединений, родственников осужденных и т. д.

Если рассматривать опыт зарубежных стран, то, например, в Швеции служба пробации и ИУ входят в одну систему, а сотрудники данной службы начинают свою работу с осужденными во время отбывания наказания и продолжают после освобождения, что помогает им эффективно оказывать помощь в ресоциализации на всех этапах реализации целей уголовной ответственности. Сходная система существует и в ФРГ. По законодательству Франции пробацией занимаются специальные комитеты, состоящие из сотрудников, имеющих 5-летний стаж работы в ИУ. В функции службы пробации Латвии, которая осуществляет свою деятельность как в отношении условно-досрочно освобожденных, условно осужденных лиц, так и в отношении граждан, отбывающих наказания, не связанных с изоляцией от общества, входят досудебные доклады о личности гражданина, составление программ коррекции социального поведения, содействие примирению потерпевшего с преступником, надзор за поведением, сотрудничество с ИУ по подготовке осужденных к освобождению, оказание постпенитенциарной помощи.

Следует сделать вывод, что в вышеперечисленных европейских странах функции пробации выполняются либо государственными органами, либо с их участием. Кроме основного вида деятельности по организации надзора и контроля за поведением осужденных и лиц, состоящих на учете, оказывается постпенитенциарная помощь в трудовом и бытовом устройстве, проводится психологическая коррекция.

В Республике Беларусь отсутствует служба пробации, однако имеет место необходимость совершенствовать деятельность существующих органов, исполняющих наказания, а также осуществляющих профилактические мероприятия с целью предупреждения правонарушений. Во-первых, все виды наказаний и иных мер уголовной ответственности необходимо исполнять в рамках одной системы, что позволит повысить качество взаимодействия между различными органами и учреждениями, а также осуществлять единообразный порядок применения мер воздействия на осужденных, координировать усилия и распределять нагрузку. Все органы, исполняющие наказания, должны осуществлять функции пробации в рамках своей компетенции. Во-вторых, явственно просматривается необходимость осуществления постоянного контроля и надзора за осужденным, а также лицом, отбывшим наказание до момента погашения или снятия судимости. Также согласно теории исправительной педагогики воспитательное воздействие на осужденного должно быть непрерывно и проводиться в одном коллективе. При этом важно, чтобы данную деятельность осуществлял один и тот же субъект: один и тот же воспитатель дол-

жен тщательно и длительное время изучать личность преступника, применяя в процессе те или иные средства исправления, методы воздействия.

Реализации перечисленных мер возможно добиться в случае перераспределения обязанностей между различными подразделениями. Так, УИМ выполняют функцию предупреждения правонарушений на участке, то есть осуществляют работу с лицами, склонными к совершению преступлений и правонарушений. Сходные функции (кроме исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности) осуществляют инспекторы УИИ и участковые инспекторы инспекции по делам несовершеннолетних (далее – УИИДН).

В соответствии с ч. 8 ст. 57 УИК Республики Беларусь контроль за поведением осужденных с отсрочкой исполнения наказания, условным неприменением наказания и без назначения наказания осуществляют УИИ. Согласно Инструкции по организации деятельности участкового инспектора милиции, утвержденной Приказом МВД Республики Беларусь от 24 января 2012 г. № 20, УИМ осуществляет наблюдение за поведением граждан, в отношении которых ОВД осуществляется профилактический учет, профилактическое наблюдение, установлен превентивный надзор, применяет к ним в соответствии с законодательством меры общей и индивидуальной профилактики правонарушений. Таким образом, в число этих граждан входят осужденные с отсрочкой исполнения наказания, условным неприменением наказания и без назначения наказания. И это лишь один из примеров дублирования функций.

Правоохранительные органы осуществляют контроль и надзор за различными категориями правонарушителей. При этом под надзором следует понимать деятельность по обеспечению установленного порядка отбывания наказания, заключающуюся в совокупности организационных, профилактических и воспитательных мероприятий, направленных на обеспечение контроля за поведением осужденных; исполнению возложенных на них обязанностей; реализации их прав и законных интересов и т. д. В свою очередь, контроль заключается в определении мероприятий по предупреждению правонарушений, обеспечении установленного порядка отбывания наказания, оказании воспитательного воздействия и т. д.

Многие могут возразить, что УИИ занимается только лицами, совершившими преступления, а УИМ – также допускающими административные правонарушения и т. д., что имеет на самом деле свою специфику. Так, УИИДН в рамках своей компетенции выявляют лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение правонарушений; применяют меры воздействия к несовершеннолетним правонарушителям; проводят с ними воспитательную работу и т. д. Однако, если рассматривать личность преступника (в том числе несовершеннолетнего), то в большинстве случаев он до совершения преступления допускал административные правонарушения и, наоборот, после отбытия наказания продолжал вести антисоциальный образ жизни.

По аналогии со службами пробации западноевропейских стран работа с преступником по предупреждению совершения им нового противоправного деяния начинается еще в ИУ. В Республике Беларусь такой практики нет, но видится целесообразной организация совместных мероприятий с участием сотрудников ИУ и территориальных ОВД с осужденными еще до их освобождения.

Выглядит перспективной оптимизация деятельности по профилактике правонарушений и преступлений на примере Фрунзенского района г. Минска с численностью населения 462 842 человек (на 2018 г.). Во Фрунзенском РУВД численность сотрудников служб профилактики следующая: УИМ – 92, УИИДН – 19, инспекторы УИИ – 19. В случае их объединения в одно подразделение, которое бы осуществляло как профилактику правонарушений и преступлений, а также исполняло бы наказания, получилось бы 120 сотрудников. Таким образом, если сейчас на каждого УИМ приходится около 5 000 человек, то после реорганизации – 3 850, что вполне ощутимо снизит нагрузку на четверть; при этом добавятся задачи, стоящие перед инспекциями по делам несовершеннолетних, УИИ. Однако УИМ на своем административном участке будет в полном объеме выполнять функции пробации в отношении всех категорий правонарушителей, что сможет положительно повлиять на профилактическую работу ОВД.

Таким образом, на основании вышесказанного логично говорить о необходимости объединения УИИ, УИМ, УИИДН в одну структуру, которая в полном объеме бы осуществляла работу со всеми категориями профилируемых лиц, не осужденных к лишению свободы либо аре-

сту. В этом случае станет возможным снижение нагрузки на каждого сотрудника по количеству осужденных и лиц, состоящих на учете, что соответственно скажется на качестве проводимой работы с данной категорией граждан.

Список использованных источников

1. Статистика Верховного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда Республики Беларусь. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/. – Дата доступа: 07.09.2018.
2. Статистика МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Сайт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=1081>. – Дата доступа: 07.09.2018.
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2016 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_6316/. – Дата доступа: 9.09.2018.
4. Демидов, О.Г. Профилактика уклонений от отбывания уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и иных мер уголовно-правового характера : практ. рек. / О.Г. Демидов, А.Г. Демидова. – Псков : Псков. филиал Акад. ФСИН России, 2016. – 27 с.
5. Скаков, А.Б. Организация службы пробации – одно из перспективных направлений совершенствования пенитенциарной политики Республики Казахстан / А.Б. Скаков // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. – Минск, 2016. – Вып. 9. – т. 1. – С. 254–261.
6. Щербаков, А.В. Зарубежный опыт обеспечения безопасности пенитенциарной системы и возможность его использования в отечественной практике / А.В. Щербаков // Вестн. ТвГУ. Серия «Право». – 2017. – № 3. – С. 75–93.

Дата поступления в редакцию: 01.11.18

V.S. Shabal, *Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer of the Penal Law of the Faculty of Corrections of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

OPTIMIZATION OF CRIME PREVENTION ACTIVITY IN RESPECT OF PERSONS ACCUSED OF VARIOUS KINDS OF PUNISHMENTS

The article examines the problems of execution of sentences, that are present in the Republic of Belarus. Proposals are made to improve the execution of sentences and other measures of criminal responsibility in order to improve the quality of prevention of recidivism. The importance of post-penitentiary control as one of the activities for the prevention of offenses is also noted. Subjects who perform these functions are identified and suggestions are made to improve their activities in order to optimize the impact on convicts and persons registered in the internal affairs bodies.

Keywords: accused, resocialization, prevention, recidivism, probation, prevention subjects, post-penitentiary control.

ГРАЖДАНСКОЕ И ТРУДОВОЕ ПРАВО, КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК.431

В.Н. Вежновец, кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры конституционного и международного права Академии
МВД Республики Беларусь

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРЕАМБУЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА

Рассматривается преамбула международного договора как отдельно взятая юридическая конструкция, структура которой состоит из элементов, соотносящихся между собой как всеобщее, отдельное и единичное. Излагаются требования, предъявляемые к конструкционным элементам преамбулы, приводятся примеры их конструирования.

Ключевые слова: юридическая конструкция, элемент юридической конструкции, сущность юридической конструкции, стороны международного договора, содержание преамбулы международного договора.

Преамбула (от лат. *praefatus* – идущий впереди, предшествующий) представляет собой вводную часть международного договора, в которой указываются его формальные атрибуты; не является обязательной частью международного договора; ее отсутствие не влияет на его юридическую силу, но вместе с тем подчас затрудняет толкование договорного акта.

В преамбуле содержится мотивация действий сторон по урегулированию определенного вида международных отношений, указываются цель и объект договора. Цель договора представляет собой желаемый результат, к достижению которого стремятся договаривающиеся стороны. Например, нормы международного договора о приграничном сотрудничестве, имея своим объектом экономическое и социальное благо, вместе с тем служат целям укрепления дружбы между народами двух стран, а также стабилизации политических отношений. В свою очередь договоры, имеющие своим объектом политические вопросы, служат не только развитию политических отношений, но и сотрудничеству в области безопасности, экономики и культуры. Таким образом, цель договора, предусматривающая нормализацию и развитие политических и экономических связей, достигается посредством урегулирования правовыми нормами международных общественных отношений.

Под объектом международного договора понимается все то, по поводу чего акторы вступают в правоотношения на основе общепризнанных принципов международного права и правовых норм самого договора. С данным фактом неразрывно связаны права и обязанности договаривающихся сторон. При этом конкретизация объекта договора в преамбуле напрямую связана с конкретизацией прав и обязанностей сторон, а реализация прав и обязанностей сторон осуществляется в конкретных правоотношениях. Иначе говоря, объект договора относится к каждому конкретному правоотношению как всеобщее к отдельному и единичному. По этой причине применение и толкование правовых новелл договора, определение конкретных прав и обязанностей сторон немислимо без четкого представления о конкретном объекте каждого отдельного правоотношения. Эти обстоятельства обуславливают необходимость четкого и однозначного формулирования цели и объекта договора в его преамбуле.

Преамбула, содержащая кроме объекта мотивы и цели договора, является как бы связующим звеном для всех его элементов, объединяя их единым замыслом, общей правовой основой, целевой направленностью. Более того, положения преамбулы имеют определенное регулирующее значение, воздействуя на международные отношения не напрямую, а посредством

предписаний, содержащихся в новеллах. Юридическое значение преамбулы проявляется также и в том, что ее положения во многом облегчают и упрощают толкование, а значит и исполнение договорных обязательств, так как все договоренности должны толковаться и осуществляться в соответствии с зафиксированными мотивами и целями.

Состоит преамбула из ряда юридических конструкций, выполняющих важную структурную роль и носящих определенную смысловую нагрузку. Преамбула международного договора рассматривается как отдельно взятая юридическая конструкция, имеющая собственную структуру, состоящую из относительно самостоятельных элементов. Связь, которая объединяет элементы, составляющие преамбулу, придает ей свойство целостности, т. е. ведет к появлению интегративных свойств и закономерностей, присущих целому, но не присущих элементам, составляющим целое. Следовательно, преамбула представляет собой единство взаимосвязанных элементов, аккумулированных в ее структуре. В то же время преамбула сама входит в состав более сложной юридической конструкции, которой является международный договор, в качестве одной из его составляющих.

Конструирование преамбулы начинается с названия: конвенция, договор, соглашение, протокол, устав и т. д. В соответствии со ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. договор «означает международное соглашение, заключенное государствами в письменной форме... независимо от его конкретного названия». Какого-либо юридического значения название договора не имеет, так как соглашение под любым названием является договором, создающим права и обязанности сторон. В этой связи «договор» рассматривается как родовое понятие, охватывающее все названия международных договоров, заключенных в письменной форме.

Название как формализованный реквизит должно быть сформулировано четким и кратким языком, точно и правильно отражать предмет правового регулирования с тем, чтобы исполнители могли определить его основное содержание, запомнить и при необходимости быстро отыскать документ, так как информационный поиск прежде всего осуществляется по названию. Оно же является основным средством правильного выбора необходимого нормативного материала, начальным этапом ознакомления с содержанием договора, служит важным инструментом учета и систематизации международных правовых актов.

Название может быть полным и неполным. Последнее характерно для договоров в упрощенной форме, в которых указывается лишь название самого акта (например, «конвенция о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам»), все остальные сведения содержатся в преамбуле или основной части договора. Конструкция должна состоять из названия международного договора, указывающего на его содержание, полного наименования договаривающихся сторон (например, «Договор о сотрудничестве в охране границ государств – участников Содружества Независимых Государств с государствами, не входящими в Содружество»).

Так, если ставится цель урегулировать в целом правовое положение того или иного органа или системы органов международной организации, то в названии документа применяются выражения: «Положение о...», «Устав ...». При этом не допускается употребление выражений: «О вопросах ...», «Вопросы ...» и т. д.

В названии протокола о поправках к международному договору приводится полное название договора, в который вносятся поправки (например, «Протокол о внесении изменений и дополнений в Соглашение о рабочем органе Совета командующих Пограничными войсками от 9 октября 1992 года»). Неточность, многословие названия международного договора и недостаточность отражения в нем предмета правового регулирования могут негативно сказаться на выполнении договорных обязательств.

Далее указываются акторы, заключающие договор. Совершенно очевидно, что государство как субъект международного права реализует международную правосубъектность через государственные органы, должностные лица которых, совершая юридически значимые действия, формулируют права и обязанности сторон не от своего имени, а от имени государства. Государство несет ответственность за действия его органов и должностных лиц, выступающих в официальном качестве (ст. 4 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, одобренного Генеральной Ассамблей ООН 12 декабря 2001 г.).

Согласно п. 1 ст. 7 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. органы государства в лице их должностных лиц лишь представляют государство «в целях принятия текста договора либо в целях выражения согласия государства на обязательность для него договора». Различия между органами, представляющими государство, определяются в зависимости от процедуры предъявления ими полномочий для участия в договорном процессе. Государственные органы и должностные лица при заключении международных договоров выступают от имени государства, а не от своего имени, так как не обладают международной договорной правоспособностью и заведомо не могут быть стороной в международном договоре.

В то же время в международной практике порой используются упрощенные выражения сторон. Например, от имени правительств государств – участников Содружества Независимых Государств заключено «Соглашение о сотрудничестве в области внешнеэкономической деятельности» от 15 мая 1992 г.; от имени министерств – «Соглашение о сотрудничестве министерств внутренних дел в сфере борьбы с организованной преступностью» от 17 февраля 1994 г. и т. д.

В Законе Республики Беларусь от 11 мая 2018 г. № 106-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» определяется «межправительственный договор» как «международный договор, заключенный Правительством Республики Беларусь самостоятельно либо совместно с другим государственным органом Республики Беларусь с правительством иностранного государства (правительствами иностранных государств), международной организацией (международными организациями), иным субъектом (иными субъектами), обладающим (обладающими) правом заключать международные договоры, за исключением международных договоров, заключенных Правительством Республики Беларусь от имени Республики Беларусь». Из этого следует, что Правительство Республики Беларусь является самостоятельным субъектом международного права, так как правомочно заключать международные договоры от своего имени. Но такая посылка противоречит Венской конвенции 1969 г., Уставу ООН и другим общепризнанным нормам международного права.

Вместе с тем в соответствии с Венской конвенцией 1969 г. «О праве международных договоров» правительство может только представлять государство в международных отношениях и действовать в этом качестве от его имени. Указанное в полной мере относится и к международным договорам Республики Беларусь межведомственного характера, заключаемым государственными органами или департаментами государственных органов, которые, в свою очередь, должны действовать не от своего имени, а то имени государства. Видя противоречие в международном нормотворчестве, Экономический Суд СНГ в своем заключении № 01-1/3-07 от 9 ноября 2007 г. разъяснил, что указание в международных договорах правительства, министерства, ведомства в качестве стороны не соответствует содержанию подпункта «g» п. 1 ст. 2, ст. 7 Венской конвенции 1969 г. и рекомендовал при конструировании международных договоров использовать следующие формулировки: «Государство (наименование) и государство (наименование), далее именуемые Сторонами (Высокими Договаривающимися Сторонами), в лице правительств (министерств, ведомств)» при определении субъектного состава участников. Во избежание разного толкования сторон в международных договорах Республики Беларусь, а также во избежание коллизий в правоприменении полагаем целесообразным понятийный аппарат Закона о международных договорах привести в соответствие с понятийным аппаратом международного права вообще и Венской конвенции 1969 г. в частности.

Начало преамбулы конструируется следующим образом. В двустороннем договоре: для межгосударственного договора – «Республика Беларусь и (официальное название государства другой стороны)»; для межправительственного договора – «Правительство Республики Беларусь и Правительство (название государства другой стороны)»; для договора межведомственного характера – «Министерство... Республики Беларусь и (полное название государственного органа государства другой стороны)». Если договор заключается государственным органом Республики Беларусь, в официальном названии которого слова «Республики Беларусь» отсутствуют, рекомендуется после указания названия этого органа включать слова «Республика Беларусь» в скобках. После указания полных названий государственного органа Республики Беларусь и ведомства иностранного государства допускается употребление их сокращенных наименований.

В многостороннем договоре преамбулу следует начинать словами: «Договаривающиеся Стороны», или «Стороны», или «Государства – участники Содружества Независимых Государств,

далее именуемые – стороны», или «Государства – члены Евразийского экономического союза – далее именуемые стороны».

Заключение «диагональных» договоров (например, от имени государства, с одной стороны, и правительства, с другой) договорной практике не свойственно. Если вопросы, регулируемые договором, относятся в Республике Беларусь к компетенции Правительства, а в государстве-партнере выходят за рамки компетенции его правительства и наоборот, договор должен заключаться на межгосударственном уровне. Если вопросы, регулируемые договором, относятся к компетенции того или иного ведомства одной стороны и двух и более ведомств другой стороны, договор должен заключаться как минимум на межправительственном уровне.

При включении в преамбулу, а также в текст договора ссылок на документы названия этих документов приводятся полностью, без сокращений, с указанием даты их подписания (принятия) и должны быть сверены с названиями соответствующих документов. Например, «руководствуясь положениями Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года».

При ссылке на договоры, не вступившие в силу для сторон, а также на документы, не признаваемые ими в качестве обязательных, не следует употреблять выражения «руководствуясь (официальное название договора)», «основываясь на (официальное название документа)» и т. п. В таких случаях рекомендуется использовать выражения «принимая во внимание положения (официальное название договора)», «учитывая (официальное название документа)» и т. п.

В отличие от внутригосударственного права международное право не определяет иерархии договоров, не различает их по юридической силе в зависимости от того, какой государственный орган от имени государства подписал договор. Современная доктрина международного права рассматривает все международные договоры как обладающие одинаковой юридической силой. В этой связи отметим, что правовая природа международных договоров межведомственного характера не отличается от правовой природы международных договоров, заключаемых на более высоком уровне – межгосударственном или межправительственном. Субъектом прав и обязанностей, вытекающих из международного межведомственного договора, все равно выступает государство как таковое.

Межведомственный характер международного договора означает лишь уровень органов власти, представляющих государство в конкретных международных правоотношениях и уполномоченных в соответствии с национальным законодательством выражать интересы государства.

Таким образом, в зависимости от уровня многостороннего договора в начале преамбулы, по нашему мнению, правильнее будет указывать его договаривающиеся стороны (например, «Государства – участники Содружества Независимых Государств, в лице правительств, далее именуемые Сторонами» или «Государства – участники Содружества Независимых Государств, в лице Министерств внутренних дел, далее именуемые Сторонами»).

При конструировании преамбулы с использованием причастных и деепричастных оборотов излагаются мотивы, побудившие его заключить. Например, «осознавая опасность, которую несут акты терроризма каждому государству и мировому сообществу в целом»; «обеспокоенные ростом организованной преступности»; «побуждаемые желанием развивать дружественные, добрососедские отношения и способствовать взаимному обеспечению безопасности»; «выражая готовность к равноправному сотрудничеству в области электроэнергетики на основе взаимного доверия»; «с целью оказания взаимной помощи и обмена опытом по борьбе с природными пожарами» и т. д.

В преамбуле не содержатся самостоятельные правовые предписания, она не делится на главы и статьи, не содержит разъяснений используемых в тексте договора терминов и дефиниций, не нумеруется.

Заканчивается преамбула следующей формулировкой: в договоре – «договорились о нижеследующем»; в соглашении – «согласились о нижеследующем».

Таким образом, преамбула имеет особое значение для восприятия и толкования договора, указывающая на сферу его применения. По этой причине от четкости и однозначности юридических конструкций преамбулы во многом зависит конечный результат международного сотрудничества.

V.N. Vezhnovets, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE DESIGN OF THE PREAMBLE OF THE INTERNATIONAL TREATY

The preamble of an international Treaty is seen as a separate legal construct, the structure of which consists of elements that relate to each other as universal, separate and singular is considered. The requirements to the structural elements of the preamble are stated, the examples of their construction are given.

Keywords: legal structure, element of legal structure, essence of legal structure, parties of an international Treaty, the content of the preamble of an international Treaty.

УДК 347.28

*А.А. Капитанова, кандидат юридических наук, преподаватель-методист отдела контроля качества образовательного процесса учебно-методического управления Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: anastasiya9kap@mail.ru)*

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА ЛИЦА,
ОБЪЯВИВШЕГО ПУБЛИЧНЫЙ КОНКУРС, НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ С АВТОРОМ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ДОГОВОРА ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Рассматриваются особенности правового регулирования преимущественного права лица, объявившего публичный конкурс, на заключение с автором произведения договора об использовании произведения в отечественном законодательстве и в законодательствах государств – участников ЕАЭС. Акцентируется внимание на отсутствии в Гражданском кодексе Республики Беларусь указания на срок реализации названного преимущественного права, способ и срок его правовой защиты. Предлагается авторское видение внесения предложений по совершенствованию гражданского законодательства Республики Беларусь по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: автор произведения, договор об использовании произведения, преимущество, преимущественное право, публичный конкурс.

Согласно п. 1 ст. 930 ГК Республики Беларусь «если предмет публичного конкурса составляет создание произведения науки, литературы или искусства и условиями конкурса не предусмотрено иное, лицо, объявившее публичный конкурс, приобретает преимущественное право на заключение с автором произведения, удостоенного обусловленной наградой, договора об использовании произведения с выплатой ему за это соответствующего вознаграждения». Соответствующие нормы содержатся и в гражданском законодательстве государств – участников ЕАЭС (ст. 1060 ГК РФ, ст. 1046 ГК Республики Армения, п. 4 ст. 911 ГК Республики Казахстан, ст. 987 ГК Кыргызской Республики).

Норма ст. 930 ГК Республики Беларусь является диспозитивной, так как лицо, объявившее публичный конкурс, приобретает указанное преимущественное право, «если условиями конкурса не предусмотрено иное». Реализация такого преимущественного права целиком зависит от желания организатора публичного конкурса, который вправе в условиях конкурса указать на отсутствие этого права. Таким образом, если в условиях конкурса нет указания на отсутствие преимущественного права, то в таком случае предполагается его существование. В то же время, например, в гражданском законодательстве Украины норма, регулирующая аналогичные правоотношения, является императивной: «учредитель конкурса имеет преимущественное право перед другими лицами на заключение с победителем конкурса договора на право использования предмета конкурса» (п. 3 ст. 1156 ГК Украины).

Анализ ст. 930 ГК Республики Беларусь позволяет утверждать, что в данном случае речь идет не о заключении договора на новый срок, т. е., по сути, продлении уже имеющихся отношений, а о преимущественном праве на возникновение нового, ранее не существовавшего правоотношения. Вместе с тем к заключаемому договору об использовании произведения предъявлены определенные требования: такой договор может быть только возмездным, на что указывает формулировка «с выплатой соответствующего вознаграждения», и заключаться при наличии

специального предмета – произведения литературы, науки или искусства. Таким образом, это право возникает только относительно того произведения науки, литературы и искусства, автор которого участвовал в публичном конкурсе, и которое было удостоено обусловленной награды. Согласно п. 3 ст. 16 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» «автор имеет право на получение авторского вознаграждения за каждый способ использования произведения». Минимальные размеры авторского вознаграждения установлены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 ноября 2011 г. № 1610 «О минимальных ставках авторского вознаграждения и вознаграждений за отдельные работы, связанные с изданием произведений науки, литературы и искусства». При этом, как отмечается в научной литературе, вознаграждение за использование произведения должно быть выплачено автору без зачета сумм, которые ему причитаются как победителю конкурса, если иное не установлено в объявлении о конкурсе [1, с. 857].

При рассмотрении данной темы следует акцентировать внимание также на том, что законодатель, закрепив преимущественное право организатора конкурса на заключение с автором договора об использовании произведения, не урегулировал порядок его реализации и защиты. Так, в ст. 930 ГК Республики Беларусь не установлен срок, в течение которого устроитель конкурса может реализовать предоставленное ему преимущественное право. В данном случае из-за отсутствия такого срока возможна ситуация, при которой оформление договорных отношений между организатором и победителем конкурса задерживается на неопределенный срок. По нашему мнению, такая неопределенность не только ущемляет права и законные интересы автора произведения, но и ставит его в невыгодное положение, позволяя организатору конкурса оказывать влияние на развитие договорных правоотношений, оттягивать срок возможного заключения договора. В цивилистике высказывается соображение о том, что по причине того, что закон не определяет срок, в течение которого устроитель публичного конкурса должен реализовать возникшее у него преимущественное право, то задержка на неопределенный срок оформления договора с победителем конкурса позволяет последнему обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор. При необоснованном уклонении от заключения договора устроитель конкурса должен возместить автору произведения причиненные убытки. На наш взгляд, такой подход не только нарушает принцип свободы договора, но и не соответствует сути самого преимущественного права, так как это именно право, а не обязанность устроителя конкурса. В этой связи мы убеждены, что проведение публичного конкурса и выплата вознаграждения автору сами по себе не предоставляют ему права требовать от организатора конкурса принудительного заключения договора об использовании произведения.

Показательно, что в ГК некоторых государств – участников ЕАЭС закреплен срок реализации преимущественного права организатора конкурса: «это право может быть реализовано в течение трех месяцев со дня объявления результатов конкурса» (ст. 987 ГК Кыргызской Республики). В правовой доктрине многие цивилисты также обращаются к правовой природе такого срока. По данному вопросу В.А. Беловым высказано суждение, что «пресекательный срок, установленный для осуществления организатором конкурса предоставленного ему права, – необходимый элемент всякого права преимущества» [2, с. 933]. М. В. Субботин отмечает, что при реализации такого преимущественного права следует руководствоваться разумным сроком, который определяется существом обязательства и обычаями делового оборота [3, л. 123]. Полагаем, что до момента законодательного регулирования названного правового пробела необходимо обращаться к аналогии закона. Так, если срок реализации преимущественного права организатора публичного конкурса не предусмотрен в объявлении о конкурсе, можно применять месячный срок, который чаще всего применяется при реализации иных преимущественных прав (ст. 253 ГК Республики Беларусь, ст. 98 Закона «О хозяйственных обществах»). Следовательно, срок, равный одному месяцу, целесообразно закрепить в п. 1 ст. 930 ГК Республики Беларусь. Такое дополнение, на наш взгляд, позволит избежать проблем, связанных с неопределенностью срока оформления договорных отношений с автором произведения, предоставив юридическую гарантию реализации и защиты его прав.

В случае нарушения предоставленного преимущественного права лицо, объявившее публичный конкурс на создание произведения науки, литературы или искусства, имеет право обратиться

ся в суд в порядке искового производства за защитой своего нарушенного права. При этом возникает ряд вопросов: каким способом управомоченное лицо может защищать свои права; можно ли в данном случае использовать в качестве способа защиты перевод прав и обязанностей по договору; в течение какого срока управомоченное лицо имеет право обратиться в суд за защитой? По нашему мнению, в рассматриваемом случае применять в качестве способа защиты перевод прав и обязанностей по договору возможно лишь тогда, когда лицо, объявившее публичный конкурс, предлагало точно такие же условия договора, на которых автор заключил договор с другим лицом. Кроме того, необходимо согласиться с мнением, высказанным М.Н. Малечиной: кроме перевода прав и обязанностей по договору возможно использовать возмещение убытков [4]. Таким образом, в случае, если автор в нарушение преимущественного права лица, объявившего публичный конкурс, заключил договор с третьим лицом об использовании удостоенного награды произведения на тех же условиях, которые были предусмотрены объявлением о конкурсе, лицо, объявившее такой конкурс, вправе требовать в судебном порядке перевода на себя прав и обязанностей по договору и возмещение убытков либо только возмещение убытков.

В контексте рассматриваемого вопроса следует обратить внимание на то, что специфика отношений в случае использования произведения науки, литературы или искусства обуславливает невозможность признания договора автора с другим лицом недействительным. Если признавать эту возможность, то возникает определенная проблема. Например, после решения суда о признании договора недействительным лицо, объявившее публичный конкурс, не захочет воспользоваться своим преимущественным правом на заключение с автором договора об использовании его произведения. В таком случае интересам автора будет причинен значительный вред, так как он мог рассчитывать на использование его произведения другим лицом и выплату ему за это вознаграждения, в то время как договор был признан недействительным.

В ст. 930 ГК Республики Беларусь не установлен срок для защиты исследуемых преимущественных прав. В связи с этим в рассматриваемом случае предположительно должен действовать общий срок исковой давности, равный трем годам (ст. 197 ГК Республики Беларусь). Однако, как отмечает М.Л. Шелютто, «трехлетний срок исковой давности в данном случае представляется чрезмерным и не отвечающим природе таких правоотношений» [5, с. 693]. Считаем, что к таким отношениям может быть применен трехмесячный срок, предусмотренный для защиты ряда преимущественных прав, закрепленных в ГК Республики Беларусь.

Таким образом, для совершенствования правового регулирования преимущественного права лица, объявившего публичный конкурс, на заключение с автором произведения договора об его использовании полагаем необходимым:

1) законодательно закрепить месячный срок осуществления преимущественного права лица, объявившего публичный конкурс, на заключение с автором произведения договора об использовании такого произведения, изложив п. 1 ст. 930 ГК Республики Беларусь в следующей редакции: «Если предмет публичного конкурса составляет создание произведения науки, литературы или искусства и условиями конкурса не предусмотрено иное, лицо, объявившее публичный конкурс, приобретает преимущественное право на заключение с автором произведения, удостоенного обусловленной награды, договора об использовании произведения с выплатой ему за это соответствующего вознаграждения. Это право может быть реализовано в течение месяца со дня объявления результатов конкурса»;

2) дополнить ст. 930 ГК Республики Беларусь п. 3 следующего содержания: «Если автор произведения в нарушение преимущественного права лица, объявившего публичный конкурс, заключил договор с третьим лицом об использовании удостоенного награды произведения тем же способом, который предусмотрен условиями конкурса, лицо, объявившее такой конкурс, вправе в течение трех месяцев требовать в судебном порядке перевода на себя прав и обязанностей по договору и возмещения убытков либо только возмещения таких убытков».

Список использованных источников

1. Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. – М. : ТК Велби, 2009. – Т. 2. – 880 с.
2. Белов, В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части : учебник / В.А. Белов. – М. : ЮрИнфоР, 2003. – 960 с.

3. Субботин, М.В. Преимущественные права в российском гражданском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М.В. Субботин. – М., 2007. – 200 л.

4. Малеина, М.Н. Исполнение и прекращение договора публичного конкурса (без обязательства заключить с победителем новый договор) [Электронный ресурс] / М.Н. Малеина // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2018.

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / рук. авт. коллектива и отв. ред. О.Н. Садилов. – М. : Контракт : Инфра-М, 1997. – 800 с.

Дата поступления в редакцию: 26.03.19

A.A. Kapitanova, Candidate of Juridical Sciences, Teacher-Methodist of the Office of Educational Process Quality Control of the of Educational and Methodical Department of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PROBLEMS OF THE EXECUTION OF THE PRIORITY RIGHT OF A PERSON WHO HAS DECLARED PUBLIC TENDER TO MAKE A TRIPS AGREEMENT WITH THE AUTHOR

The peculiarities of the legal regulation of the priority right of a person who has declared public tender to make a TRIPS agreement with the author in the domestic legislation and in the legislation of the EAEU member states are considered. Attention is drawn to the fact that the Civil Code of the Republic of Belarus does not specify the period of execution of the mentioned above priority right, does not define the method and term of its legal protection. The author's vision of improvement of the civil legislation of the Republic of Belarus on the studied question is offered.

Keywords: author of the work, TRIPS agreement, priority, priority right, public tender.

УДК 342

С.Г. Луговский, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: 1482370@mail.ru)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: О НЕОБХОДИМОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНАМИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОБЯЗАННОСТИ ПО ФИНАНСИРОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ

Рассматривается нормативное правовое регулирование исполнения гражданами конституционной обязанности по финансированию государственных расходов как средство обеспечения безопасности дорожного движения. Изучаются статистические данные, механизм уплаты государственной пошлины за выдачу разрешения на допуск транспортного средства к участию в дорожном движении, а также административная ответственность, предусмотренная за неуплату пошлины.

Исследуется зарубежный опыт в данном направлении. Предлагается авторское видение процедуры совершенствования исполнения гражданами конституционной обязанности по финансированию государственных расходов.

Ключевые слова: конституционная обязанность, пошлина, безопасность дорожного движения, бюджет, дороги, штраф, транспортное средство, государственный технический осмотр.

Современный научно-технический процесс развития белорусской государственности характеризуется достаточно высокой степенью развития, в том числе и в области дорожного движения. В связи с этим вопросы деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения, предупреждению дорожно-транспортных происшествий и снижению тяжести их последствий являются многоаспектными, требующими пристального внимания и изучения. Необходимо отметить, что вопросам безопасности дорожного движения всегда уделялось особое внимание государством в лице его государственных органов. Кроме того, обеспечению безопасности дорожного движения посвящены труды многих отечественных и зарубежных авторов (В.А. Ананич, М.Б. Афанасьев, В.В. Зиновенко, А.С. Квитчук, В.В. Лукьянов, В.И. Майоров, Л.М. Рябцев, Ю.Н. Туник и др.).

Так, проведенный анализ современных научных трудов показал, что становление и развитие государственно-управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения обусловлено темпами дорожного строительства и ростом количества транспортных

средств. В Республике Беларусь за текущий период зарегистрировано более 3,5 млн автомобилей, находящихся в собственности у юридических и физических лиц.

Увеличение количества транспортных средств приводит к ухудшению состояния дорожной сети и соответственно росту затрат на ее содержание. В связи с этим конституционная обязанность граждан принимать участие в финансировании государственных расходов взаимообусловлена и взаимосвязана. Налоговый Кодекс Республики Беларусь, а именно ст. 8, закрепляет республиканские налоги, сборы (пошлины).

К республиканским налогам, сборам (пошлинам) в сфере безопасности дорожного движения относятся: сбор за проезд автомобильных транспортных средств иностранных государств по автомобильным дорогам общего пользования Республики Беларусь; утилизационный сбор; сбор на финансирование государственных расходов.

В связи с этим Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 343-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам предпринимательской деятельности и налогообложения» установлена государственная пошлина за выдачу разрешения на допуск транспортного средства к участию в дорожном движении. Указанная пошлина является обязательной к уплате как для физических, так и юридических лиц, владеющих транспортными средствами, при этом следует указать на факт наличия на сайте РУСП «Белтехосмотр» базы данных с информацией обо всех транспортных средствах, прошедших государственный технический осмотр. Имеющиеся сведения обновляются ежедневно по рабочим дням и актуальны только на момент получения результатов. Так, по данным РУСП «Белтехосмотр», сегодня в республике зарегистрировано 4,2 млн автомобилей. Только в 2013 г. было выдано 1,86 млн разрешений, в 2017 г. – 1,38 млн, за 1-е полугодие 2018 г. – 725 тыс., что на 8 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Так, наблюдается сокращение выданных разрешений на допуск к участию в дорожном движении. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что 40 % автовладельцев не платят пошлину и не проходят государственный технический осмотр. Отметим, что к такой категории граждан можно отнести тех, кто имеет в собственности несколько автомобилей; старый автомобиль; использующие автомобиль сезонно. Вместе с тем немаловажной причиной неуплаты пошлины является то, что в законодательстве Республики Беларусь не предусмотрены понижающие коэффициенты для граждан пенсионного возраста, многодетных семей и т. д. Основная причина, по которой водители не проходят технический осмотр, – неисправность двигателя, рулевого управления, внешних световых приборов, тормозных систем.

По мнению В.В. Зиновенко, «в последние годы наряду с быстрым ростом уровня автомобилизации в Республике Беларусь отмечается увеличение количества совершаемых правонарушений, выражающихся в управлении транспортным средством, имеющим неисправности, либо с несоблюдением условий, при наличии которых правилами дорожного движения запрещено его участие в дорожном движении. При этом совершение подобных правонарушений влечет дорожно-транспортное происшествие, характеризующееся высоким риском общего и смертельного травматизма» [1, л. 111].

Например, 2 декабря 2017 г. в Минске около 16.20, на оживленном участке проспекта Победителей, возле торгового центра «Замок» на пешеходном переходе грузовой автомобиль ЗИЛ на смерть сбил 11-летнюю девочку. В результате дорожно-транспортного происшествия пострадали еще четыре человека. По словам водителя, у автомобиля отказали тормоза. В ходе следствия выяснилось, что государственный технический осмотр грузовика не проводился с 2015 г., а в августе 2017 г. обвиняемый привлекался к административной ответственности за управление транспортным средством, не прошедшим государственный технический осмотр.

Таким образом, особую актуальность приобретает такая мера административного пресечения, как запрещение участия в дорожном движении транспортных средств и самоходных машин, имеющих неисправности, полномочиями на применение которой наделена государственная автомобильная инспекция МВД Республики Беларусь. Указанная мера может применяться в рамках компетенции ВАИ Минобороны и инспекции гостехнадзора Минсельхозпрода. В свою очередь, в законодательстве Республики Беларусь отсутствует правовой механизм реализации соответствующими должностными лицами указанных полномочий, что не позволяет обеспе-

читать исключение из дорожного движения транспортного средства, когда его участие в данном процессе запрещено законом и приводит на практике обычно только к привлечению виновного лица к административной ответственности.

В свою очередь, налогообложение, ограничивающее право собственности, вытекает из полномочий государства по регулированию экономической деятельности в интересах человека и общества, в том числе связанной с установлением налогов, и ответственности гражданина перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией. Размер налога должен быть справедливым и разумным, обеспечивать оптимальное сочетание (баланс) государственных, общественных и частных интересов [2, с. 72].

Правовой основой уплаты пошлины в Республике Беларусь являются: Конституция Республики Беларусь, Налоговый кодекс Республики Беларусь, постановление Совета Министров Республики Беларусь от 6 декабря 2017 г. № 933, Положение о порядке проведения государственного технического осмотра транспортных средств и их допуска к участию в дорожном движении, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 апреля 2008 г. № 630. Наряду с этим ст. 56 Конституции Республики Беларусь обязывает граждан принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей. В частности п. 1.64 ст. 249 Налогового кодекса предусматривает «выдачу разрешения на допуск транспортного средства к участию в дорожном движении».

Введение названной пошлины в Республике Беларусь обусловила необходимость финансирования строительства новых и ремонта существующих дорог. В этой связи предусмотрено 50 % суммы от госпошлины направить в республиканский и 50 % – в местные бюджеты. Ранее большинство собранных в качестве «дорожного сбора» средств выделялось на строительство минской кольцевой автомобильной дороги № 2. В бюджете на 2018 г. было запланировано собрать 322 млн 750 тыс. рублей дорожного налога, в бюджете на 2019 г. – почти на 3 млн меньше. Согласно Закону Республики Беларусь от 13 декабря 2018 г. № 160-3 «О республиканском бюджете на 2019 год», дорожный фонд в 2019 г. составит 560,5 млн руб. Средства пойдут на строительство, текущий ремонт, капремонт и реконструкцию республиканских автодорог, а также на погашение долга на строительство второй кольцевой дороги вокруг Минска.

Необходимо отметить, что ставки пошлины для физических и юридических лиц различаются и зависят от возраста автомобиля, его максимально разрешенной массы, числа посадочных мест и других параметров. За автомобили, прошедшие государственный технический осмотр, раз в два года пошлина уплачивается однократно двойной суммой. Для автомобилей, проходящих государственный технический осмотр два раза в год, госпошлина уплачивается дважды и в полном объеме. При этом оплата госпошлины не является платой за прохождение государственного технического осмотра, за него водитель платит отдельно. В случае обнаружения неисправностей водитель получает диагностическую карту, в которую вносятся выявленные недочеты, а автомобиль направляется на повторный государственный технический осмотр. За проведение самого государственного технического осмотра плата взимается согласно тарифам диагностической станции, кроме этого дополнительно оплачивается 0,3 базовой величины за идентификацию транспортного средства, регистрацию и оформление разрешения.

Вместе с тем законодательством Республики Беларусь предусмотрены льготы для категории транспорта, предназначенного для передвижения ветеранов Великой Отечественной, инвалидов I или II группы при наличии медицинской справки о состоянии здоровья, подтверждающей их годность к управлению механическими транспортными средствами. Таким образом, отдельные категории граждан могут уплатить госпошлину со скидкой 50 % от основного тарифа. Предусмотрено также освобождение от уплаты госпошлины в отношении транспортных средств, специально оборудованных для использования инвалидами, а также полученных (приобретенных) через органы по труду, занятости и социальной защите.

Необходимо отметить, что перечень льготников среди юридических лиц более обширный, чем физических лиц. К данной категории относятся следующие транспортные средства: троллейбусы и пассажирские автобусы; спецтранспорт скорой медицинской помощи; автотранспорт, используемый (оборудованный) для перевозки инвалидов; транспортные средства Министерства обороны, Министерства по чрезвычайным ситуациям, Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности и Государственного пограничного комитета и других силовых ведомств.

Оформление платежных документов и уплата дорожного налога осуществляются отдельно на каждое транспортное средство, а квитанция об уплате налога предъявляется сотрудникам РУСП «Белтехосмотр» при прохождении государственного технического осмотра. В свою очередь, ч. 5 ст. 18.12 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях за «управление транспортным средством, не зарегистрированным в установленном порядке или не прошедшим государственный технический осмотр, предусмотрено предупреждение или наложение штрафа в размере от 1 до 3 базовых величин. За действия, предусмотренные повторно после наложения административного взыскания за такое же нарушение, предусматривается наложение штрафа в размере от 2 до 5 базовых величин.

Налоговым законодательством Республики Беларусь предусматривается возврат государственной пошлины в случаях, определенных ст. 259 Налогового кодекса. Так, возврат или зачет полностью или частично уплаченной суммы государственной пошлины за выдачу разрешения на допуск транспортного средства к участию в дорожном движении может быть произведен, если: государственная пошлина уплачена в большем размере, либо не должна была уплачиваться; плательщик, уплативший государственную пошлину, отказывается от выдачи разрешения на допуск транспортного средства к участию в дорожном движении до обращения в РУСП «Белтехосмотр»; плательщику отказано в выдаче разрешения на допуск транспортного средства к участию в дорожном движении.

В рамках рассматриваемых вопросов следует отметить, что постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 6 декабря 2017 г. № 933 внесены изменения и дополнения в Положение о порядке проведения государственного технического осмотра транспортных средств и их допуска к участию в дорожном движении, утвержденное постановлением Совета Министров от 30 апреля 2008 г. № 630. Согласно данному Положению с 1 января 2018 г. работник РУСП «Белтехосмотр» переносит отметку в документ (сертификат) о прохождении государственного технического осмотра. Так, отметка переносится при госрегистрации транспортного средства новым собственником в период действия разрешения на допуск транспортного средства к участию в дорожном движении.

Необходимо обратить внимание и на тот факт, что во многих зарубежных странах транспортный сбор не входит в систему техосмотра. Так, в США, например, он включен в цену топлива (примерно 15 % от стоимости), т. е. чем больше автомобилист ездит, тем больше платит. В некоторых странах Европы транспортный налог выплачивается отдельно и зависит от объема двигателя, количества лошадиных сил или выбросов вредных веществ в атмосферу. В Дании при регистрации авто водитель уплачивает 105 % стоимости машины, а в Германии – в среднем 80–100 евро в год за обычный бензиновый автомобиль и 250–350 евро за дизельный. Но следует подчеркнуть, что в ряде европейских стран дороги платные, что частично решает вопрос, связанный с финансированием ремонта автомагистрали. В Казахстане, России транспортный налог привязан к мощности автомобиля, и в России кроме транспортного налога предусмотрен налог на дорогие автомобили.

Итак, для наиболее эффективного исполнения гражданами конституционных обязанностей по финансированию государственных расходов в сфере безопасности дорожного движения представляется необходимым усовершенствовать действующее законодательство в рассматриваемой сфере. В связи с этим предлагаем для собственников транспортных средств отделить уплату налога от прохождения техосмотра и вносить его отдельным платежом на специально установленный расчетный счет через систему ЕРИП. Гражданам, управляющим своими транспортными средствами сезонно, необходимо разрешить уплачивать дорожный налог на месяц или более. На наш взгляд, ежемесячная оплата пошлины решит проблему граждан. С целью контроля фактов уплаты пошлины и решения вопроса с неплательщиками целесообразно осуществлять сотрудникам государственной автомобильной инспекции сравнение базы ЕРИП с базами фотофиксации и прохождения государственного технического осмотра. При выписке страхового полиса страховым компаниям рекомендуется проверять у владельца транспортного средства наличие пройденного технического осмотра. В случае совершения дорожно-транспортного происшествия владелец транспортного средства будет самостоятельно из своих сбережений восстанавливать свое транспортное средство.

Список использованных источников

1. Зиновенко, В.В. Административно-правовые обеспечение безопасности дорожного движения в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / В.В. Зиновенко. – Минск, 2015. – 196 л.
2. Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 24.12.2014 г. ЗР-962/2014 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Налоговый кодекс Республики Беларусь» // Вестн. Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2014. – № 4.

Дата поступления в редакцию: 19.01.19

S.G. Lugovskiy, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

EXECUTION OF THE CONSTITUTIONAL OBLIGATION ON THE FINANCING OF PUBLIC EXPENDITURES BY CITIZENS AS A MEANS OF ENSURING ROAD SAFETY

The article discusses the legal regulation of the execution of our constitutional obligation to finance public expenditures by citizens as a means of ensuring road safety. The statistical data, the mechanism for paying the state fee for permission to allow the vehicle to participate in traffic, as well as administrative responsibility for the non-payment of the fee are studied. The foreign experience is studied. The author's view of the procedure for improvement of execution of the constitutional obligation to finance public expenditures by citizens is proposed.

Keywords: constitutional obligation, duty, road safety, budget, roads, fine, vehicle, state technical inspection.

УДК 341.211

*Е.Н. Мазаник, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: mazanik.e@mail.ru)*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Рассматриваются вопросы, связанные с государственным суверенитетом современных стран. Акцентируется внимание на международном и национальном правовом регулировании его охраны.

На примере Европейского союза показана трансформация государственного суверенитета в условиях интеграции.

Ключевые слова: государства, государственный суверенитет, международное право, международные организации, Европейский союз, интеграция, наднациональные институты.

За длительный период существования человечество использовало различные формы взаимодействия государств в важнейших сферах общественных отношений, и в этой связи, как показала практика, объединение в международные организации является наиболее эффективной из них.

Субъекты международного права, в том числе и государства, для осуществления своей деятельности на международной арене должны обладать определенными свойствами, в частности суверенитетом и юрисдикцией на собственной территории и независимостью друг от друга в международных отношениях.

Положение о том, что «организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов» в соответствии с ч. 1 ст. 2 Устава ООН вступило в силу для Республики Беларусь 24 октября 1945 г., а также получило свое развитие и в других международных актах. В современном международном праве закреплён принцип «суверенного равенства государств», который является основополагающим в определении суверенности субъектов международного права.

Отдельные авторы, с мнением которых логично согласиться, отмечают, что суверенитет государств обеспечивают кроме рассматриваемого и другие принципы, в частности территориальной неприкосновенности и невмешательства во внутренние дела государства [1, с. 4]. Таким образом, суверенитет современных государств охраняется нормами-принципами международного права. Вопросы государственного суверенитета в научной литературе достаточно значимы и обсуждаемы, но особую актуальность данное направление исследований получило в связи с образованием большого количества международных организаций.

В XIX в. понятие «суверенитет» ассимилировалось с представлением о независимости, самостоятельности страны и населяющего ее народа (нации), т. е. по сути было неразрывно связано с понятием «государство».

А.В. Шавцова-Варфоломеева, например, рассматривает государственный суверенитет как способность государства самостоятельно, без вмешательства извне, определять свою внутреннюю и внешнюю политику, опираясь на волю народа, соблюдая и гарантируя права человека и гражданина, защищая права национальных меньшинств, обеспечивая соблюдение норм международного права [2, с. 5].

Так, А.Ф. Андреев, общим критерием для восприятия существа суверенитета государства считает установление верховенства государства на всем его пространственном протяжении и обретение независимости в принятых параметрах международного права вовне. основополагающим фактором осуществления суверенитета, по мнению автора, является соблюдение верховенства права как внутри самого государства, так и в рамках его взаимоотношений с другими государствами – членами мирового сообщества [3, с. 77, 78].

Из характеристик государственного суверенитета, предложенных указанными авторами, видно, что одним из условий его осуществления является соблюдение международно-правовых норм. Следовательно, можно говорить об очевидной взаимосвязи международного права и государственного суверенитета.

Т.В. Воронович, в частности, отмечает, что в правовых системах различных государств сущность суверенитета закрепляется по-разному. При этом не всегда в законодательстве каждого из них содержатся нормы, указывающие на суверенность государства, верховенство и независимость государственной власти, так как суверенитет является качественной чертой государства независимо от фиксации данного факта в правовых актах. В то же время законодатели предпочитают закреплять гарантии суверенитета и независимости государства в основных законах в качестве правового средства защиты от возможных будущих посягательств на государственную власть суверена со стороны иных субъектов как извне, так и изнутри [4, с. 93].

Сегодня в Республике Беларусь на правовое регулирование различных аспектов суверенитета направлены многочисленные нормативные правовые документы. Так, суверенитет прямо либо косвенно упоминается в большинстве различных по юридической силе актов [2, с. 90]. Республика Беларусь является участником многочисленных международных соглашений, направленных на регулирование отдельных аспектов суверенитета. Как политико-правовой термин «суверенитет» упоминается достаточно часто и в законодательстве Республики Беларусь [2, с. 90].

Представляется, что позиция государств, предусматривающих во внутреннем праве охрану государственного суверенитета, обоснованна. В первую очередь данное обстоятельство выступает определенным гарантом противодействия внутренним вызовам и угрозам, предотвращения внутренних вооруженных конфликтов.

Несмотря на значимость суверенитета для любого современного государства, в условиях глобализации все более ощутима тенденция к усилению роли международных организаций, что связано с ростом проблем, решение которых видится возможным только коллективными усилиями. При этом участие в международных организациях также открывает перед любым государством новые возможности. В результате увеличивается количество международных организаций, и их функции расширяются. В ст. 8 Конституции Республики Беларусь установлено, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства (ч. 1), а также в соответствии с нормами международного права может на добровольной основе входить в межгосударственные образования и выходить из них (ч. 2). Являясь полноправным субъектом мирового сообщества, участником СНГ, Союзного государства, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, членом ООН, других международных организаций, современная Беларусь занимает активную позицию, самостоятельно определяет свою внешнюю политику и по-новому строит взаимоотношения с миром [2, с. 4].

Международная организация – это добровольные объединения государств, учрежденные на основе международного договора для достижения общих целей в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, имеющие постоянные органы и действующие в интересах государств-членов при уважении их суверенитета [5, с. 107].

Свою деятельность международные организации осуществляют на основе учредительного акта (международного договора), определяющего их статус и полномочия. Нормы договора, в случае вступления его в силу, для государства-участника являются обязательными для исполнения.

Так, Т.В. Воронович отмечает, что любая интеграция влечет новый тип общественных отношений, и для их юридического опосредования необходима соответствующая нормативная база. В связи с этим возникает ряд вопросов, в том числе вопросы о гарантировании суверенитета государств, входящих в интегративное объединение, о соотношении международного права с национальным правом таких государств [4, с. 96].

Современная практика не свидетельствует о наличии общепринятого подхода государств, согласно которому нормы международного права имели бы верховенство в национальных правовых порядках. Вопросы о допустимости действия норм международного права, а также о степени такого действия решаются каждым государством самостоятельно, так как речь не идет об автоматической обязательности и верховенстве норм международного права. Прямое действие возможно только в том случае, если страны устанавливают (например, в конституциях) приоритет норм международного права перед национальным законодательством [4, с. 97].

В то же время международное право является договорным, т. е. нормы формируются самими субъектами, и в соответствии со ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.) участник не может ссылаться на положения внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. Это правило действует без ущерба для ч. 1 ст. 46 Конвенции, которая гласит: «Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушении того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения».

Однако, например, Конституционным судом ФРГ признано право Германии на односторонний выход из соглашения, если по прошествии времени выяснится, то данное соглашение влечет последствия, которые было сложно предусмотреть и которые противоречат ее интересам [4, с. 97]. В связи с вышеизложенным представляется возможным поставить под сомнение соответствие отдельных положений внутреннего права ФРГ общепризнанным принципам и нормам международного права. И здесь следует упомянуть, что одним из гарантов выполнения обязательств по международным договорам является и принцип «добросовестного выполнения международных обязательств».

Т.В. Воронович также считает, что вступление государств в международные интеграционные объединения влечет добровольное делегирование части своих прав, однако при этом суверенитет как качественное свойство государства остается неизменным [4, с. 101].

При этом в научной литературе излагаются и иные точки зрения. По утверждению В.Г. Гавриленко, в конце XX – начале XXI в. в области суверенитета появились новые аспекты, особенно в контексте обсуждения проблем глобализации и нового правового порядка. Все активнее стала обсуждаться тема изменения, «размывания», «исчезновения» суверенитета [6, с. 307]. Глобализация в целом способствует изменению и сокращению суверенных полномочий государств, и при этом процесс является двусторонним: с одной стороны, усиливаются факторы объективно уменьшающие суверенитет стран, а с другой – большинство государств добровольно и сознательно идет на его ограничение. Реальным же суверенитетом обладает сравнительно небольшое число государств. Остальные государства обладают ограниченным суверенитетом [6, с. 307].

Л.Е. Гринин считает, что на практике суверенные права и полномочия государств и наций всегда ограничивались разными факторами. Тем не менее в головах теоретиков «Вестфальский суверенитет» (т. е. неограниченные суверенные права) все же существовал. Сегодня представление о полной свободе действий государств неверно даже чисто теоретически. Дело в том, что объем внутреннего суверенитета сильно сузился де-юре – за счет международных договоренностей, в том числе в области прав человека, а де-факто – в силу сложившихся традиций [7, с. 307]. Ученый отмечает, что мировые войны и тоталитаризм наглядно показали, насколько опасным может быть абсолютный суверенитет, включающий в том числе право на развязывание войн и репрессий. По итогу здесь можно констатировать, что сфера внутренних компетенций государ-

ства, в которую никто не вмешивается и которая регулируется только национальным правом и обычаями, сужается, а международное право или право определенного сообщества (коллективного участия) расширяется [7, с. 127].

В данном случае с мнением автора оправданно согласиться не в полной мере. Принцип невмешательства во внутренние дела государства позволяет сохранить национальную правовую систему самобытной, изменяется она под воздействием международных норм, в создании которых участвует само государство. Сдерживающим фактором агрессии суверенных государств в отношении других субъектов международного права в первую очередь является принцип «неприменения силы и угрозы силой».

Так, Л.Э. Ильева утверждает, что правовая сущность суверенитета заключается в равенстве государств в их суверенных правах, что выражается в общепризнанном в международном праве принципе «равный над равным власти не имеет». Однако с началом европейской интеграции принципы, обеспечивающие суверенитет, которыми руководствуются государства в международных отношениях, могут быть «принесены в жертву» глобализационным процессам на международной арене [1, с. 3, 4].

Одной из региональных международных организаций с высокой степенью интеграции является Европейский Союз (до 1992 г. – Европейские сообщества, далее – ЕС), созданный в 1957 г. на основе объединения ранее самостоятельных организаций: Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) 1951 г., Европейского сообщества по атомной энергии 1957 г., Европейского экономического сообщества 1957 г.

Договор о функционировании Европейского Союза 1957 г. определяет сферы, границы и порядок осуществления его компетенции. По своей сути ЕС наделен властной компетенцией (компетенцией публичной власти), так как предполагает издание органами ЕС общеобязательных норм и индивидуальных предписаний. Решения по вопросам исключительной компетенции принимаются только органами ЕС. По своему происхождению компетенция ЕС производна (делегирована): образована за счет уступки государствами-членами части своих суверенных прав в пользу наднациональных институтов ЕС. Объем компетенции ЕС постоянно возрастал на всех этапах его истории. В настоящее время компетенция этой международной организации в целом приобрела общий характер, т. е. охватывает большинство сфер общественной жизни.

ЕС обладает законодательными полномочиями: осуществляет правовое регулирование общественных отношений посредством издания нормативных актов. Законодательные полномочия ЕС реализуются прежде всего в лице Европейского парламента и Совета ЕС, для которых правотворчество выступает в качестве одного из направлений деятельности (законодательная функция). К законодательным актам Европейского Союза отнесены только те юридически обязательные документы (регламенты, директивы и решения), которые издаются законодательными институтами на европейском уровне посредством законодательной процедуры.

Положения Договора о функционировании ЕС предусматривают исключительную компетенцию ЕС, совместную и координирующую (дополнительную) компетенции.

Так, ст. 3 Договора предусматривает, что Союз располагает исключительной компетенцией в следующих сферах:

- а) таможенный союз;
- б) установление правил конкуренции, необходимых для функционирования внутреннего рынка;
- в) денежная политика в отношении государств-членов, денежной единицей которых является евро;
- г) сохранение морских биологических ресурсов в рамках общей политики в отношении рыболовства;
- д) общая торговая политика.

Из ст. 2 Договора следует, что когда Договоры предоставляют Союзу исключительную компетенцию в определенной сфере, только Союз может законодательствовать и принимать юридически обязательные акты; государства-члены не могут сами осуществлять подобные действия, кроме случаев, когда они уполномочены на это Союзом, или в целях претворения в жизнь актов Союза. Согласно содержанию той же статьи, когда Договоры предоставляют Союзу совместную с государствами-членами компетенцию в определенной сфере, Союз и государства-члены

могут законодательствовать и принимать юридически обязательные акты в данной сфере. Государства-члены осуществляют свою компетенцию в той мере, в какой Союз не воспользовался своей компетенцией. Государства-члены вновь осуществляют свою компетенцию в той мере, в какой Союз решил прекратить осуществление своей компетенции.

Таким образом, Европейский Союз в своей структуре имеет законодательные органы, что отличает его от других международных организаций. Введение единой валюты (евро), формирование внутреннего рынка, создание шенгенской зоны и другие интеграционные процессы побуждали государства, являющиеся участниками Европейского Союза, к постепенному расширению своей компетенции путем внесения изменений и дополнений в учредительные документы.

Несмотря на то, что государства-участники Европейского Союза являются суверенными, законодательные органы ЕС принимают юридически обязательные для исполнения акты.

Из положений ст. 2 Договора о функционировании ЕС следует, что государства – участники ЕС не могут осуществлять правовое регулирование отдельных сфер общественных отношений по своему усмотрению, так как они относятся к исключительной компетенции ЕС. Также в рамках совместной компетенции государства-участники осуществляют свою компетенцию в той мере, в какой Союз не воспользовался своей компетенцией.

В связи с вышеизложенным утверждать наличие у государств-участников такого признака государственного суверенитета как верховенство национального законодательства на своей территории в полной мере представляется сомнительным.

Исходя из того, что сферы интеграции в рамках ЕС постепенно расширяются, а также расширяется компетенция ЕС, логично предположить, что при длительном существовании рассматриваемой международной организации объем норм национального законодательства будет вытесняться нормами наднационального права.

Таким образом, государства, вступая в интеграционные процессы на основе международного договора, наделяя наднациональные структуры властными полномочиями, в особенности по осуществлению правового регулирования, должны прогнозировать как позитивные, так и негативные последствия для их государственного суверенитета.

Список использованных источников

1. Ильяева, Л.Э. Принципы международного права, обеспечивающие государственный суверенитет / Л.Э. Ильяева // Международное публичное и международное частное право. – 2017. – № 2. – С. 3–5.
2. Шавцова-Варфоломеева, А.В. Теоретические основы государственного суверенитета Республики Беларусь, его правовое обеспечение / А.В. Шавцова-Варфоломеева. – Минск : БГУ, 2016. – 183 с.
3. Андреев, А.Ф. Суверенитет российского государства как субъекта международного права / А.Ф. Андреев // Государство и право. – 2012. – № 8. – С. 76–86.
4. Воронович, Т.В. Конституционно-правовые аспекты гарантирования государственного суверенитета в условиях международной интеграции / Т.В. Воронович // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2015. – № 3. – С. 92–102.
5. Международное публично право : курс лекций / А.А. Подупейко [и др.] ; под ред. А.А. Подупейко. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 400 с.
6. Гавриленко, В.Г. Правовая система обеспечения суверенитета и безопасности Республики Беларусь / В. Г. Гавриленко ; под науч. ред. В.Ф. Медведева, Н.И. Ядевич. – Минск : Право и экономика, 2017. – 1000 с.
7. Гринин, Л.Е. Национальный суверенитет и процессы глобализации (вводные замечания) / Л.Е. Гринин // Полис. Полит. Исследования. – 2008. – № 1. – С. 123–133.

Дата поступления в редакцию: 26.04.19

E.N. Mazanik, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

THE STATE SOVEREIGNTY OF THE PARTICIPANTS OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

The article deals with issues related to the state sovereignty of modern states. The attention is focused on the international and national legal regulation of state protection. The example of the European Union shows the transformation of state sovereignty in the context of integration.

Keywords: states, state sovereignty, international law, international organizations, European Union, integration, supranational institutions.

УДК 346.34

В.В. Паращенко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: victor1770@yandex.ru)

ИНВЕСТИЦИИ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Рассматриваются отдельные вопросы, связанные с процессом становления и развития инвестиций как правовой категории. Анализируется инвестиционное законодательство Республики Беларусь, публикации ученых в разрезе обозначенной проблемы. Обосновываются с учетом проведенного анализа сущностные характеристики инвестиций. На этой основе предлагается авторская формулировка определения инвестиций как правовой категории. Предлагаемая дефиниция позволит отграничить инвестиции от сходных правовых категорий (капиталовложения, займ, кредит и др.).

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционное правоотношение, инвестиционное законодательство, характеристика инвестиций, понятие инвестиций.

Сегодня мировая экономическая система, несмотря на некоторое замедление, вызванное финансовым кризисом, развивается достаточно динамично, и анализ состояния ее составных элементов в отдельных государствах позволяет говорить о том, что инвесторы (и иностранные, и национальные) для реализации перспективных инвестиционных проектов отдают предпочтение тем странам и регионам, для которых характерна прежде всего политическая, социальная и экономическая стабильность (например, Австралия, Швейцария, Сингапур, Катар и др.).

Потребность в привлечении дополнительных финансовых ресурсов в экономику страны предполагает принятие на государственном уровне соответствующих мер воздействия на общественные отношения в этой части. Особая роль в данном направлении отводится надлежащему правовому регулированию инвестиционных отношений и их составному элементу – инвестициям. Здесь следует понимать, что необходимый объем привлеченных инвестиций напрямую связан с общими накоплениями любого современного государства, субъектов хозяйствования, граждан, направлен на формирование современного наукоемкого и экспортоориентированного производственного потенциала страны, что в конечном итоге нацелено на конкурентоспособность ее экономики в мировом пространстве.

Так, Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь № 466 от 15 декабря 2016 г., определены цель и приоритеты социально-экономического развития страны в среднесрочной перспективе. В рамках рассматриваемого вопроса, обращаясь к названной Программе, следует выделить приоритет «Инвестиции», предполагающий рост производительности труда и формирования центров опережающего регионального развития.

Проблема инвестиций в принципе является неоднородной и предполагает ее дальнейшее изучение и научное осмысление, при этом для надлежащего понимания термина «инвестиции» его следует рассматривать в комплексе – через призму экономических, социальных и правовых точек зрения.

В общем смысле под инвестициями как экономической категорией следует понимать вложение капитала в отрасли экономики (виды деятельности) как внутри страны, так и за границей, направленное на простое и расширенное воспроизводство. Инвестиции имеют хождение в различных сферах экономической деятельности (добыча полезных ископаемых, обрабатывающая промышленность, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт, связь и др.) как взаимовыгодное перераспределение ресурсов между их титульными владельцами и нуждающимися в ресурсах субъектами хозяйствования.

В условиях рыночной экономики инвестиционными ценностями (капитал инвестиций) могут выступать различные материальные и нематериальные объекты гражданских правоотношений при условии их вовлечения в экономическую и другие сферы через инвестиционную деятельность.

Наличие у потенциального инвестора свободного капитала является необходимой предпосылкой реализации инвестиционной деятельности. С практической точки зрения, капитал есть

действующий (вложенный в дело) источник дохода, дающий общественно полезный эффект, при котором превышение поступающих от использования капитала средств над вложениями образует прибыль. Направление этой прибыли или ее части на развитие производства называется капитализацией (реинвестированием) прибыли.

Экономическая суть капитала достаточно полно раскрыта в отдельных классических произведениях. Например, А. Смит в своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» отдельно выделял понятие основного и оборотного капитала.

К. Маркс в работе «Капитал. Критика политической экономии» указывал на то, что «если мы оставим в стороне вещественное содержание товарного обращения, обмен различных потребительских стоимостей, и будем рассматривать лишь экономические формы, порождаемые этим процессом, то мы найдем, что деньги представляют собой его последний продукт. Этот продукт товарного обращения есть первая форма появления капитала» [1, с. 157].

Говоря о сути инвестиций с экономической точки зрения, Б.Т. Кузнецов указывает, что «в современном понимании инвестиция означает вложение капитала в целях его увеличения в будущем. При этом увеличение капитала должно компенсировать инвестору отказ от потребления средств, имеющихся в настоящее время, и риск. Это увеличение должно перекрыть также инфляционные потери» [2, с. 8].

Сути инвестиций в господствующей сегодня «кейнсианской» экономической модели общественных расходов (также включающей в себя потребление, государственные расходы и экспорт) уделяется первостепенное значение. Одна из основных идей такой модели заключается в ограничении (отказе) от потребления и переходе к накоплению, которое в итоге позволит аккумулировать свободный капитал, потенциально способный приносить дополнительную прибыль.

В свою очередь, накопление капитала состоит из двух компонентов: сбережений (пассивные действия титульного владельца) и инвестирования (предполагающее совершение титульным владельцем активных действий). Другими словами, сбережение – это сохранение капитала, который не приносит дополнительного дохода, а инвестирование – это вложение капитала в определенный бизнес, в результате чего могут создаваться новые материальные и нематериальные ценности и будет извлекаться дополнительный доход.

Денежные средства, хранящиеся дома «в стеклянной банке», т. е. находящиеся без движения (оборота) в статическом положении, бесполезны для экономики, и их следует рассматривать как объект гражданских прав в вещных правоотношениях. И только посредством совершения управомоченным лицом активных действий (в основании которых создан институт договора, например инвестиционный договор, концессионный договор, договор о совместной деятельности и др.) по вложению этого капитала в различные перспективные проекты с целью его увеличения (речь идет о динамике процесса) можно констатировать факт, что деньги преобразовались в инвестиции. Другими словами, сказанное можно в целом представить формулой «инвестиции = капитал + законные действия в отношении него».

Инвестиции являются относительно новым для национального правового поля понятием, несмотря на то что они уже достаточно прочно закрепились в гражданском обороте и выступают в качестве достаточно распространенного объекта правоотношений. Следовательно, для теории и практики предпринимательского права исследование сущностных характеристик инвестиций представляется весьма актуальным.

В повседневной жизни инвестиции достаточно часто отождествляются с капиталовложениями, чему есть свое логическое обоснование. Во времена СССР основой существования экономики (ее еще часто называли плановой) государства в целом, а также входивших в его состав союзных республик выступал «спускаемый» сверху пятилетний план, и тогда же достаточно часто в экономике и праве использовалось понятие «капитальные вложения». В общем плане под капиталовложениями понимались правоотношения по перемещению имеющихся денежных средств в основные фонды на долгосрочной основе с целью их возврата в будущем (создание новых производств, улучшение инфраструктуры предприятий).

В литературе прослеживаются различные подходы к пониманию инвестиций с точки зрения религиозной, справочно-энциклопедической, экономической, правовой составляющих. Так, одно из первых упоминаний об инвестициях содержится в Новом Завете. В притче о талантах (гл. 25 от Матфея) речь идет об употреблении денег в дело с целью получения прибыли.

Буквальный перевод с английского языка фразы «in vest» означает «в жилет», а слово «investment» в переводе имеет несколько значений: «инвестиция», «инвестирование», «капиталовложение». Словарь синонимов русского языка в качестве аналога слова «инвестиция» содержит слово «вклад» [3, с. 162].

Исследуя правовой режим иностранных инвестиций, М.М. Богуславский отмечает, что «обычно под иностранными инвестициями понимаются материальные и нематериальные ценности юридических и физических лиц одного государства, которые вывезены из этого государства на территорию другого государства с целью извлечения прибыли» [4, с. 264].

Б.Т. Кузнецов предлагает следующий подход к формулировке определения инвестиций: «наука о состоянии и управлении реальными экономическими проектами и инструментами фондового рынка, изучающая простейшие и вместе с тем наиболее общие свойства движения материальных средств, вкладываемых в объекты различных видов деятельности человека, в результате которых создается доход и достигаются другие эффекты» [2, с. 10].

Следует отметить, что сегодня в теории предпринимательского права не выработано единого подхода к дефиниции «инвестиции», она трактуется в достаточно широком смысле как экономическая, социальная и правовая категории. В обыденной жизни под инвестициями часто понимаются практически любые вложения (например, в собственное здоровье, образование, отдых, строительство жилья и употребляется фраза «инвестировал в здоровье, образование, отдых, жилье» и т. д.).

На наш взгляд, современное понимание инвестиций имеет собственную историю становления и развития, так как инвестиционная деятельность имела место и в древние времена (например, при изготовлении орудий труда, средств обороны, ремонте мельницы, расширении поместья, мануфактуры и др.).

Так, «Архивные документы: свидетельства и аттестаты о владении ремеслом, прошения о причислении в цехи, паспорта на проживание в белорусских губерниях, контракты и разрешения местных властей на открытие фабрик и заводов, строительство железных дорог и городских объектов, списки рабочих разных отраслей производства освещают применение труда мелких иностранных ремесленников в конце XVIII – середине XIX в., и создание значительных для того времени предприятий, бурное строительство сети железных дорог и других объектов с применением иностранного капитала, рабочих и специалистов во второй половине XIX – начале XX в. Хорошо известны одна из самых мощных в России спичечных фабрик «Прогресс-Вулкан» и фанерная фабрика в Пинске австрийских предпринимателей Иосифа Гальперина и братьев Лурье, бельгийская льнопрядильная фабрика «Двина» в Витебске, арендованная французами шелковая фабрика в им. Лохозва Новогрудского у. и др.» [5, с. 14].

Из приведенного архивного материала следует, что иностранный капитал активно пробирав себе дорогу еще в экономике дореволюционной Беларуси, и в основе образования многих современных промышленных предприятий республики заложены именно иностранные финансовые и другие вливания.

В широком смысле сегодня все законные активные (пассивные) действия субъектов гражданских правоотношений, как национальных, так и иностранных, продиктованы заинтересованностью в извлечении прибыли или достижении иного значимого результата по распоряжению (вложению) своего капитала и именуется «осуществлением инвестиций», при этом объект таких действий обозначается термином «инвестиции», но с современным содержанием и смыслом.

В словаре С.И. Ожегова «инвестировать» значит «вложить капитал в предприятие, находящееся за пределами страны, за границей» [6, с. 318]. Это значение представляет собой краткую трактовку рассматриваемого термина применительно к литературному языку массового типа. В данном случае не учитываются сущностные признаки инвестиций и не раскрываются их особенности. Здесь, на наш взгляд, современное представление об инвестициях помимо названного должно учитывать пространственно-временной критерий, субъектный состав, предмет и цели осуществления инвестиций.

Говоря о законодательном определении инвестиций следует обратиться к ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях», в соответствии с которой инвестиции понимаются как любое имущество и иные объекты гражданских прав, принадлежащие

инвестору на праве собственности, ином законном основании, позволяющем ему распоряжаться такими объектами, вкладываемые инвестором на территории Республики Беларусь предусмотренными законом способами, в целях получения прибыли (доходов) и (или) достижения иного значимого результата либо в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием, в частности: движимое и недвижимое имущество, в том числе акции, доли в уставном фонде, паи в имуществе коммерческой организации, созданной на территории Республики Беларусь, денежные средства, включая привлеченные, в том числе займы, кредиты; иные требования, имеющие оценку их стоимости; иные объекты гражданских прав, имеющие оценку их стоимости, за исключением видов объектов гражданских прав, нахождение которых в обороте не допускается (объекты, изъятые из оборота).

Анализ инвестиционного законодательства Республики Беларусь в динамике его развития в разрезе официального понимания инвестиций позволяет прийти к выводу, что в отличие от ранее действовавшего Инвестиционного кодекса Республики Беларусь 2001 г. указанная редакция статьи, во-первых, конкретизирует и расширяет круг объектов инвестиций; во-вторых, четко определяет цель использования инвестиций; в-третьих, указывает на те объекты гражданских прав, которые не могут быть использованы при осуществлении инвестиций. К недостаткам такой формулировки следует отнести ее громоздкость.

Инвестиции следует отличать от кредита: при наличии общих характерных особенностей и достаточно широкого их распространения в деятельности субъектов предпринимательства это не аналогичные понятия. Так, согласно ст. 137 Банковского кодекса Республики Беларусь по кредитному договору банк или небанковская кредитно-финансовая организация (кредитодатель) обязуются предоставить денежные средства (кредит) другому лицу (кредитополучателю) в размере и на условиях, определенных договором, а кредитополучатель обязуется возвратить (погасить) кредит и уплатить проценты за пользование им.

Разграничения между инвестициями и кредитом можно проводить по различным основаниям: субъектному составу, предмету, срокам, возвратности, степени риска и т. д. Основное отличие первого от второго заключается в том, что исходя из смысла кредитного договора, денежные средства (кредит), а также проценты за пользование им необходимо возвращать в определенные сроки и в определенном количестве независимо от прибыльности объекта вложения, а вложенные инвестиции, в свою очередь, могут принести доход только в прибыльных предприятиях (проектах) и могут быть утрачены полностью или частично на безвозвратной основе. Иначе говоря, полученный кредит может быть в дальнейшем использован в качестве объекта инвестиций, что никак не влияет на ответственность перед кредитодателем по возврату предмета договора.

Анализ литературных источников по рассматриваемой теме позволяет говорить о том, что инвестиции по сути – более широкое понятие, капиталовложения являются только частным случаем инвестиций и выступают в качестве их элемента. Классифицируются инвестиции в литературе по различным критериям (субъектному составу, объекту, формам, целям, степени риска и т. д.), при этом самым общим и достаточно распространенным является их деление на прямые (реальные) и портфельные (финансовые), часто именуемые как спекулятивные.

По сути прямые инвестиции и выступают в качестве тех самых капиталовложений, так как предполагают вложения в основной и оборотный капитал (амортизационные отчисления на капитальный ремонт производственных и административных зданий, станков, оборудования, обустройство земельных участков и др.). Портфельные инвестиции предполагают приобретение инвестором активов (акции, облигации и т. д.) предприятия, находящегося в своей стране или за границей, с целью извлечения прибыли.

Таким образом, к числу основных свойств, влияющих на общую характеристику инвестиций как объекта инвестиционных правоотношений, в дальнейшем необходимых для разработки теоретической модели правового режима инвестиций, необходимо отнести их совокупность, которую условно можно разделить на две взаимосвязанные группы: общую – свойства, присущие многим объектам гражданских прав (определенный состав владельцев инвестиций; характеризуют материальную суть инвестиций; предполагают возможность отчуждения и совершения других законных действий; создают соответствие законодательству и нормам нравственности); специальную – свойства, имеющие целевую направленность использования инвестиций (указывают на рисковость действий по вложению инвестиций; срочность; исчерпаемость).

Рассматривая инвестиции как объект правоотношений, необходимо подчеркнуть его двойственную природу: правомерное поведение инвестора в отношении объекта и сам стоимостный объект (капитал).

Наличие в комплексе данных признаков у определенного объекта гражданских прав преобразует такой объект в инвестиции, конкретизирует их отличительные особенности и позволяет отграничить их от внешне сходных правовых категорий: правомерных (депозит, кредит, займ, купля-продажа) и неправомерных (спекуляция, неосновательное обогащение и др.).

На основании изложенного предлагается авторская дефиниция инвестиций: различные стоимостные объекты гражданских прав, используемые определенными законом способами их титульными владельцами в обязательственных правоотношениях, на свой риск и под свою имущественную ответственность в течение установленного периода времени с целью увеличения капитала или достижения другого эффекта.

Список использованных источников

1. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. 1. Процесс производства капитала / К. Маркс. – М. : Политиздат, 1983. – 905 с.
2. Кузнецов, Б.Т. Инвестиции : учеб. пособие / Б.Т. Кузнецов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 623 с.
3. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник: ок. 11 000 синоним. рядов / З.Е. Александрова. – 16-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. – Медиа ; Дрофа, 2008, – 564 с.
4. Богуславский, М.М. Международное частное право : учебник / М.М. Богуславский. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 704 с.
5. Иностранцы подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX в.) / сост. И.Л. Вернер; редкол.: В.И. Адамуско [и др.]. – Минск : Тип. Макарова и К, 2012. – 528 с.
6. Словарь русского языка : ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов ; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : Оникс : Мир и Образование, 2008. – 1200 с.

Дата поступления в редакцию: 27.02.19

V.V. Parashchenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
INVESTMENTS AS LEGAL CATEGORY: CONCEPT AND GENERAL CHARACTERISTIC

Individual questions, related to the process of formation and development of investment as category are considered. The investment legislation of the Republic of Belarus and publications of scientists of considered issue are analyzed. According to the analysis, the essential characteristics of the investment are justified. The author suggests the definition of investment as a legal category. The proposed definition will allow distinguish investment from similar legal categories, such as capital investments, loan, credit etc.

Keywords: investments, investment relationship, investment law, investment characteristic, investment concept.

УДК 342

А.А. Подупейко, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права Академии МВД Республики Беларусь

КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ГАРАНТ СИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Анализируется соотношение понятий «конституция» и «государство». Рассматриваются понятие и признаки сильного государства. Уделяется особое внимание таким признакам, как суверенитет, власть, права и свободы, достоинство личности, рыночная экономика, внешняя политика, патриотизм, юридическая сила Конституции и их закрепление в Основном законе. Акцентируется внимание на правовом статусе человека согласно содержанию ст. 21 Конституции Республики Беларусь.

Ключевые слова: Конституция Республики Беларусь, государство, сильное государство, признаки сильного государства.

Государство служит Конституции, является ее гарантом. В современных условиях развития государственности понятия «конституция» и «государство» – явления взаимосвязанные, и здесь, говоря о конституции, автоматически приходится помнить о государстве, и наоборот. Более того, чтобы выяснить особенности того или иного государства (конституции), необходимо познать его конституцию (государство). Государство является объектом конституционного регулирования, важнейшим субъектом ее реализации, ее гарантом и условием ее эффективности; нуждается в конституции, так как она его учреждает, защищает, распространяет на него свою стабильность и юридическую силу.

Конституция как продукт государства отражает уровень развития всего общества, характер сложившихся на момент ее принятия и действия властных отношений. Основной Закон ориентирован на государственную действительность, формирует государство, но Конституцию создает государство, определяя содержание и границы действия Конституции.

Таким образом, наличие конституции является одним из признаков современного государства (признаком государственного суверенитета). В свою очередь, государство является важнейшим признаком конституции, а государственный характер – одна из основных ее черт.

Конституция Республики Беларусь была принята 15 марта 1994 г., а вступила в силу 30 марта, с тех пор прошло двадцать пять лет, что для истории является лишь мгновением. За этот короткий период времени Республика Беларусь утвердилась как независимое и суверенное государство, заняла достойное место в мировом сообществе, сделала поистине огромный шаг на пути своего развития.

Основной Закон определил принципиально новый курс конституционного развития белорусского государства и общества. Ключевой идеей нового конституционного курса явилось построение правового демократического социального государства. Моделью современного развития Беларуси стала идеология конституционного государства со своими признаками, стандартами. Такому государству свойственен свой тип общественных отношений – система управления, взаимоотношения человека, государства и общества.

На основе Конституции сформированы национальная законодательная система, государственные органы, институты гражданского общества страны. Постоянно растет социально-экономический, политический и оборонный потенциал государства, повышается уровень жизни белорусских граждан. Все это является непосредственным результатом реализации Основного Закона страны.

Конституция – обязательный компонент современного государства. Ее принятие свидетельствует о демократизации общества и государства, так как конституция закрепляет права и свободы человека и гражданина, гарантирует их, обязывает государство и его органы действовать в рамках законодательства и тем самым ограничивает государственную власть, создает возможности для саморегулирования общественных отношений.

Республика Беларусь, как и любое другое государство, стремится быть сильным. Понятие «сильное государство» – довольно неоднозначное и сложное по содержанию. Сильное государство не является каким-то особым, отдельным видом государства. Прежде всего это предполагает качественное состояние государства, характеризующее его устройство, уровень развития политических, экономических, социальных отношений, обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Сильное государство – это эффективное, полноценное, авторитетное и уверенное в себе государство, четко выполняющее все свои функции и социальное назначение [1, с. 97]. Также сильное государство – это демократическое государство, руководствующееся только властью закона, права, способное гарантировать устойчивость общественного развития и соблюдения прав личности, основывающееся на стабильном конституционном строе.

Основу Конституции Республики Беларусь составляют принципы суверенитета народа и государства, демократизма, свободы личности, равноправия граждан, гуманизма, гарантированности прав и свобод, верховенства права, законности, реальности, стабильности и др., что соответственно составляет основу и сильного государства.

Суверенитет народа – народовластие, полномочия народа. В ст. 3 Конституции закрепляется, что единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ, который осуществляет свою власть как непосредственно

(референдум, республиканские и местные собрания, участие в выборах, народная правотворческая инициатива), так и через представительные и иные органы власти (Президент, Парламент, местные Советы депутатов).

Единство государственной власти обуславливается ее концентрацией в одном субъекте – народе. Деятельность органов государственной власти строится на принципе разделения властей (ст. 6 Конституции) и характеризуется гибкостью за счет системы сдержек и противовесов (п. 6–11, 15 ст. 84; ст. 88; ст. 94; п. 3–9 ст. 97; п. 2–8 ст. 98; ст. 99–101 Конституции и др.).

В обозначенном процессе велика роль местного самоуправления как одного из важнейших демократических институтов, уровень развития которого свидетельствует о силе государства. Именно местное самоуправление позволяет гражданам реализовать различные формы непосредственной демократии, тем самым создавая условия для участия граждан в решении вопросов местного значения, оказания влияния на состояние дел в своем населенном пункте, районе и участие в решении государственных дел в целом.

Республика Беларусь – суверенное государство, соответственно обладает свойством самостоятельности и независимо от других государств осуществлять свои функции на своей территории и за ее пределами. Государственный суверенитет имеет две формы проявления: внутреннюю и внешнюю. Во внутренней сфере он проявляется в верховенстве государственной власти и ее единстве.

Верховенство государственной власти в Республике Беларусь закреплено в ч. 2 ст. 1 Конституции, где говорится, что Республика Беларусь обладает верховенством и полной власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику.

В сфере внешних отношений суверенитет государства проявляется в независимости государственной власти: праве государства самостоятельно определять свою внешнюю политику. Согласно ст. 18 Конституции Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права.

Беларусь сегодня как суверенное европейское государство на основе Конституции проводит самостоятельную, миролюбивую внешнюю политику; активно развивает сотрудничество с зарубежными партнерами в разных частях земного шара; вносит существенный вклад в укрепление международной безопасности и стабильности; выступает за соблюдение на практике основополагающих принципов внешнеполитического сотрудничества (объединение, равноправие и недискриминация). И такая самостоятельная внешнеполитическая деятельность свидетельствует о сильном государстве.

Сильное государство характеризуется не только сильной государственной властью, все организующей, обеспечивающей, гарантирующей, но и созданными условиями для свободного развития личности, ее самоопределения в различных сферах жизнедеятельности, проявления творческой инициативы и т. д.

Так, в Конституции Республики Беларусь предусмотрен широкий круг возможностей для самоопределения и самореализации личности в различных процессах общественных отношений, в том числе и воздействие самой личности на функционирование различных общественных институтов.

Конституция Республики Беларусь в достаточной мере определяет отношения государства и личности в области прав и свобод. Так, в ст. 2 Конституции закрепляется: «Человек, его права и свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности». Одним из основных приоритетов государства Конституция определяет обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь (ст. 21). Нормы, направленные на регулирование взаимоотношений государства и личности, содержатся в ряде других статей Конституции: «государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства» (ст. 7); «гражданину Республики Беларусь гарантируется защита и покровительство государства как на территории Беларуси, так и за ее пределами» (ст. 10); «государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности» (ст. 59) и др.

Таким образом, в соответствии с Конституцией Республики Беларусь государство берет на себя обязанность гарантировать и защищать права и свободы.

В современных условиях проблема обеспечения прав и свобод личности в качестве интегрального показателя сути и результата отношений между государством, обществом и человеком приобретает особое звучание. Рост правовой культуры, правового сознания граждан, открытость границ, процессы глобализации способствовали росту числа людей, которые осознают себя полноправными субъектами политического и экономического процессов. Особенно это проявляется при решении важных государственных и общественных вопросов.

Однако, на наш взгляд, необходимо отметить еще один важный аспект, характеризующий статус человека как полноправного субъекта человеческой деятельности. В этом отношении показательно содержание ст. 21 Конституции, где предусмотрено, что «каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий». Таким образом, Конституция Республики Беларусь в качестве важнейшего составляющего понятия «правовой статус человека» предусматривает экономический элемент – достойный уровень жизни, что включает и набор социальных благ, необходимых для достойной жизни по стандартам современного потребительского общества (жилище, достойная заработная плата, общедоступное здравоохранение и образование, социальное обеспечение и т. д.). В последние годы с ростом благосостояния народа данный экономический аспект приобретает все большую значимость.

Программа деятельности Правительства Республики Беларусь на 2018–2020 гг. предусматривает рост белорусской экономики выше среднемировых темпов (более 4 % ежегодно). Также в программе прописано несколько ключевых направлений: создание наилучших условий для бизнес-среды, повышение эффективности госсектора, политика эффективной занятости, рост производительности труда, начало цифровизации всех отраслей экономики, опережающее развитие сферы услуг. Главным результатом реализации указанной Программы должна стать конкурентоспособная экономика, позволяющая создать основу для достижения к концу 2025 г. валового внутреннего продукта в размере не менее 100 млрд долларов.

Развитая рыночная экономика государства (признак сильного государства) – гарантия независимости, социальной стабильности, безопасности и достойного качества жизни его граждан. Стабильность и предсказуемость экономических отношений, комфортная правовая среда для более активного привлечения инвестиций в экономику страны, доверие инвесторов (своих и зарубежных) являются важнейшим инструментом развития и выступают в качестве основных принципов экономических отношений в Республике Беларусь закреплены в ст. 13, 41–44 Конституции.

Однако нельзя ограничивать понимание обеспеченности прав и свобод личности только кругом личных прав и свобод или связывать его с материальным благосостоянием. Можно обладать неотъемлемыми правами, но личностная самооценка человека будет низкой, если он ущемлен в сфере социально-экономических и социально-культурных прав и свобод. Внутренний мир личности наполняется конкретным содержанием и в том случае, если личность обладает определенной общей и правовой культурой; соблюдает законодательство и национальные традиции; гордится историко-культурным и духовным наследием; уважает достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц.

Ведущие позиции в современном мире занимают именно страны с устойчивой национальной идентичностью и высоким уровнем развития патриотизма (признак сильного государства). Они основаны на идеях поддержки и развития конституционных ценностей, национального правосознания, гордости за всевозможные достижения во всех сферах жизнедеятельности.

Так, по данным Информационно-аналитического центра при Администрации Президента, в 2018 г. в молодежной среде обозначился ряд положительных моментов. Например, 68 % белорусской молодежи считают себя патриотами, 74 % чувствуют гордость за страну, 53 % высказали уверенность, что в течение ближайшего года их жизнь улучшится [2].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь указывается, что укрепление и развитие в обществе патриотизма относится к национальным интересам страны, а воспитание патриотизма – одна из форм участия граждан в обеспечении национальной безопасности. И напротив, ослабление патриотизма рассматривается в качестве одной из основных внутренних угроз.

Следует обратить внимание на ст. 137 Конституции Республики Беларусь, закрепляющую, что Конституция Республики Беларусь обладает высшей юридической силой. Законы, декреты, указы и иные акты государственных органов издаются на основе и в соответствии с Конституцией Республики Беларусь. В случае расхождения закона, декрета или указа с Конституцией Республики Беларусь действует Конституция Республики Беларусь. В случае расхождения декрета или указа с законом закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом. При этом следует иметь в виду, что сама Конституция обладает верховенством по отношению ко всем иным правовым актам, которое является ее важнейшим юридическим свойством. Соответствующие правила (о верховенстве указанного нормативного правового акта) закрепляются в самом Основном Законе, а строгое следование этим принципам свидетельствует об уровне правовой культуры и силе государства.

Приоритет Конституции по отношению к иным актам также подкрепляется спецификой ее принятия, изменения или отмены (ст. 138–140). Особая ценность Конституции проявляется в стремлении обеспечить ее стабильность. Так, согласно ст. 139 Конституции закон об изменении и дополнении Конституции Республики Беларусь может быть принят после двух обсуждений и одобрений Парламентом Республики Беларусь с промежутком не менее трех месяцев.

Согласно ст. 140 Конституции Республики Беларусь Конституция Республики Беларусь, законы о внесении в нее изменений и дополнений, о введении в действие указанных законов, акты о толковании Конституции Республики Беларусь считаются принятыми, если за них проголосовало не менее двух третей от полного состава каждой из палат Парламента Республики Беларусь. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь могут быть проведены через референдум. Решение об изменении и дополнении Конституции Республики Беларусь путем референдума считается принятым, если за него проголосовало большинство граждан, внесенных в списки для голосования. Разделы I, II, IV, VIII Конституции Республики Беларусь могут быть изменены только путем референдума.

Таким образом, Конституция Республики Беларусь закрепляет основные принципы, позволяющие строить и характеризующие сильное демократическое государство: суверенитет народа и государства, верховенство права, сильная государственная власть, приоритет общепризнанных принципов международного права, прямой характер действия норм Конституции, развитая рыночная экономика, многообразие форм собственности, обеспечение безопасности и благополучия граждан, их прав и свобод, гарантированность свободы и достоинства личности, эффективная система восстановления нарушенных прав и свобод, эффективность и стабильность политической системы, представительная демократия, политический плюрализм, сильная социальная политика и др.

Конституция Беларуси нацелена на сохранение и развитие национальных морально-нравственных и культурных традиций народа, системную стабилизацию и консолидацию белорусского общества, создание динамично развивающейся и социально-ориентированной экономики, защищенность каждого гражданина. Особенно важно, что главные идейные ценности закреплены в Конституции и законодательстве Республики Беларусь и характеризуют сильное конституционное государство.

Список использованных источников

1. Затонский, В.А. Эффективная государственность / В.А. Затонский ; под ред. А.В. Малько. – М., 2006. – 286 с.
2. Рудь, Р. Есть такая нравственная ценность / Р. Рудь // Беларусь сегодня. – 2018. – 18 окт. – С. 6–7.

Дата поступления в редакцию: 15.03.19

A.A. Podupeyko, Candidate of Juridical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF BELARUS AS A GUARANTOR OF A STRONG STATE

The relationship between the concepts of “constitution” and “state” is analyzed. The concept and indicators of a strong state are examined. Special attention is paid to such indicators as sovereignty, power, rights and freedoms,

personal dignity, market economy, foreign policy, patriotism, legal force of the Constitution and their fixation in it. Attention is focused on the legal status of a person in accordance with the content of Article 21 of the Constitution of the Republic of Belarus.

Keywords: Constitution of the Republic of Belarus, state, strong state, indicators of a strong state.

УДК 347.518

А.В. Чигилейчик, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь

ОСКОРБЛЕНИЕ КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДЕЛИКТ

Рассмотрено оскорбление как гражданско-правовой деликт. На основе исследования законодательства и судебной практики проанализировано понятие «оскорбление», обоснованы особенности гражданско-правовой ответственности за оскорбление, уточнен процессуальный порядок предъявления исков, а также особенности доказывания по указанной категории дел.

Ключевые слова: нематериальные блага, деликт, достоинство, оскорбление, честь.

Гражданский кодекс Республики Беларусь к нематериальным благам относит честь, достоинство и деловую репутацию. Данные личные неимущественные права принадлежат гражданину от рождения, формируют индивидуальность, являются неотчуждаемыми и социально значимыми благами. При необходимости гражданин вправе избрать способ их защиты: привлечь виновного к уголовной или административной ответственности, а также реабилитировать в судебном порядке свое честное имя и понудить лицо, распространившее порочащие, несоответствующие действительности сведения, опровергнуть их (ст. 153 ГК). В том случае, если распространенные порочащие сведения (слова) выражены в неприличной форме, ответственность наступает за оскорбление. Разрешение споров, связанных с ответственностью за оскорбление, имеет особую актуальность. Реабилитация доброго имени гражданина способствует уважению чести, достоинства граждан, их деловой репутации. Реализация конституционного права на свободу мнений, убеждений и их свободное выражение должна осуществляться в рамках закона, исключать неприличную форму, не унижать честь, достоинство и деловую репутацию иных лиц.

Оскорбление как гражданско-правовой деликт являлось предметом исследования многих ученых-правоведов: О.Г. Климовой [1], Л.Н. Сугачева [2], И.И. Солодкина [3], М.Г. Прониной, А.Н. Романович [4] и др. Вместе с тем, несмотря на значимость работ данных авторов, правовое регулирование рассматриваемых общественных отношений требует дальнейшего совершенствования.

В отечественном Гражданском кодексе не раскрывается понятие «оскорбление», но в Уголовном кодексе (ст. 189) и Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (ст. 9.3) данный термин определен как «унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме». При этом законодатель не конкретизирует, что понимается под «неприличной формой», оставляя определение данного оценочного признака оскорбления на усмотрение самого лица и правоприменителя. Понятие «неприличной формы» дискредитации личности, входящее в определение оскорбления, не имеет однозначного правового толкования, субъективно само по себе, и в связи с субъективностью и неопределенностью исходного понятия унижения чести и достоинства [5, с. 43, 44].

Неприличная форма речевого воздействия неопределенна также как лингвистический термин [1, с. 295]. Слово «неприличный» в словаре С.И. Ожегова трактуется как «не соответствующий, противоречащий правилам приличия»; в словаре Д.Н. Ушакова – «противоречащий, не соответствующий установившимся в той или иной социальной среде правилам приличия». В правовой литературе под неприличной формой понимают «не любое нарушение этических норм, а только такое нарушение, которое имеет высокую степень проявления» [6, с. 10]. Полагаем, что неприличная форма выражения при оскорблении определяется совокупностью следующих условий: социальной средой, в которой возникла конфликтная ситуация, характером взаимоотношений субъектов спорного правоотношения, содержанием их коммуникативного взаимодействия.

Для квалификации деяния как оскорбления возможно проведение лингвистической экспертизы, привлечение к участию в деле специалиста-филолога. Предметом судебных разбирательств с привлечением лингвистов-экспертов являются лексические единицы, вербальные репрезентаторы эмоций (например, «свинья», «проститутка» и т. д.), табуированная и обценная (нецензурная) лексика. При этом мнения лингвистов-экспертов нередко расходятся [7, с. 99], отдельные авторы отмечают, что на вопрос «Было ли оскорбление?» большая часть экспертиз дает отрицательный ответ» [8].

Кроме лингвистической экспертизы по данной категории дел может быть проведена фоноскопическая экспертиза. В подтверждение приведем следующий пример из судебной практики. *Истец Б. находился у дома ответчика М., где между сторонами в присутствии Ч. обсуждался вопрос о месте нахождения у М. несовершеннолетнего внука. В процессе разговора ответчик употреблял выражения, порочащие честь и достоинство Б., отдельные из них были выражены в неприличной форме. В подтверждение распространения вышеуказанных сведений Б. представил суду аудиозапись, произведенную им с ведома М. Факт уведомления Б. – М. о намерении вести аудиозапись разговора подтвердил в судебном заседании свидетель Ч. Суд признал аудиозапись надлежащим доказательством, а утверждения М. о получении ее скрытым путем – голословными. По заключению фоноскопической экспертизы в аудиозаписи имеются голос и речь Б. и М., содержание спорной фонограммы подтверждает факт употребления в разговоре со стороны М. выражений, порочащих честь и достоинство Б, в т. ч. в неприличной форме. Суд признал доказанным факт употребления М. при разговоре с Б. вышеуказанных слов и выражений.*

Изучая исследуемый вопрос, важно иметь в виду, что «оскорбление» – понятие правовое, следовательно, эксперт не вправе давать юридическую квалификацию содеянного. По делам об оскорблении фоноскопическая экспертиза может подтвердить факт распространения слов и выражений в неприличной форме, лингвистическая экспертиза нацелена на анализ языковых средств и способов выражения унижительной оценки лица в исследуемых текстовых материалах. В заключении экспертизы экспертом формулируется вывод о реализации в высказывании значения унижительной оценки лица и содержании (отсутствии) лингвистических признаков неприличной формы выражения данного значения [6, с. 10, 71]. Оскорбительными, унижающими честь и достоинство в языковом плане могут считаться высказанные в адрес собеседника слова, которые отрицательно характеризуют его, имеют сниженную стилистическую окраску, употребляются в нелитературной речи. Наиболее непосредственным указанием на оскорбительный характер слова является соответствующая помета словаря, например, слово отмечено как «бранное», «грубое», «презрительное», «вульгарное» [9, с. 173]. При оскорблении «потерпевшего называют каким-нибудь бранным словом; по форме выражения данное слово является недопустимым» [3, с. 25]. Таким образом, сама квалификация высказывания, юридическая оценка происшедшего – компетенция суда.

Оскорбление следует отграничивать от обидных слов, не являющихся оскорблением. Оскорбление с бытовой и юридической точек зрения – разные вещи. Иногда те слова, которые считают оскорблением, есть только обидные слова, не оскорбление. Например, «дура» – слово неприятное, но приличное, слова «гадюка», «дурочка» не являются оскорблениями. Если одна соседка назвала другую «дурой», она, безусловно, унизила честь и достоинство последней, потому что выразила сомнение в ее умственных способностях, но с точки зрения КоАП и УК такое оскорблением не является [8]. Специалисты в области филологии, анализируя многочисленные словоупотребления слова «дурак», не могут однозначно говорить о его оскорбительной функции с точки зрения юридической трактовки именно благодаря глубинному смыслу данного слова [7, с. 99]. «Очевидно, что обида, – подчеркивает В.И. Жельвис, – есть упоминание каких-либо фактов задевающих (уменьшающих) достоинство (но не честь!)... грань между обидой и оскорблением подвижна» [10, с. 157].

Представляется, что для разграничения обиды и оскорбления необходимо учитывать вместе с заключением эксперта (если назначалась лингвистическая экспертиза) другие средства доказывания, характеризующие в том числе взаимоотношения сторон, конфликтную ситуацию, связь реплик участников спорного правоотношения, позицию ответчика. Не исключено, что оспариваемые слова или выражения, изложенные в форме, которую истец считает для себя оскорбительной, могут быть субъективной оценкой их содержания и оскорблением не являются.

Определенные сложности возникают при отграничении оскорбления от клеветы (ст. 188 УК, ст. 9.2 КоАП), распространения порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений (ст. 153 ГК). Наиболее точно разграничил клевету и оскорбление К. Маркс в выступлении в 1849 г. на процессе «Новой рейнской газеты»: «если я скажу: «вы украли серебряную ложку», то я возложу на вас клевету... если же я скажу: «вы – вор, у вас воровские наклонности, то я оскорбляю вас». Следовательно, по мнению К. Маркса, при клевете вменяют в вину определенные факты, в категорию оскорбления входят обвинения в определенном пороке и оскорбительные выражения общего характера. Л.Н. Сугачев в этой связи обращает внимание на то, что «есть выражения, которые являются неприличными по форме, в то же время могут указывать на определенные фактические обстоятельства (например, взяточник, вор и др.). Позиция данного автора аналогична мнению К. Маркса: «если слово выражает только отрицательную оценку личности, но не указывает на определенное фактическое обстоятельство (отсутствует обвинение в определенном поступке) – оно должно рассматриваться как оскорбление» [2, с. 19]. Иными словами, если при оскорблении речь идет о статической оценке личности, общей, индивидуальной характеристике конкретного человека, изъятый из динамики его поведения, то при распространении порочащих сведений (клевете) – об определенном поведении в динамике, т. е. об оценке конкретных поступков с точным указанием фактов, на которых основывается такая оценка.

Оскорбление распространением порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений, подлежащих защите в порядке ст. 153 ГК, следует отличать по форме распространения. Если распространение порочащих сведений может быть выражено в устной и письменной формах, то форма оскорбления более разнообразна: оскорбление может быть устным (словесные, нецензурные унижения), письменным (в виде документов, рисунков, карикатур и т. п.), а также в форме действия (унизительные действия: пощечина, забрасывание нечистотами, плевки) [11, с. 177–178]. Так, например, квалифицированы как оскорбление должностного лица действия водителя С., который в ходе спровоцированного им конфликта, возникшего из-за требования предъявить водительские документы сотруднику Госавтоинспекции, продемонстрировал неприличный жест рукой, после чего в агрессивной форме высказал намерение вызвать представителя МВД, использовав оскорбительные ассоциации. Нет сомнения в том, что такие действия являются оскорбительными, так как противоречат установленным правилам поведения, требованиям общечеловеческой морали, сопровождаются издевательской оценкой личности, унижением чести, профессионального достоинства и направлены на подрыв морального престижа.

Так, в правовой литературе выделяют различные виды оскорбления: *заочное оскорбление*, предполагающее дальнейшую передачу оскорбительной, унижающей информации непосредственно потерпевшему; *оскорбление в вежливой форме* без использования неприличной формы, но с оскорбительным, умаляющим честь и достоинство личности содержанием (например, почтенный гражданин А., все-таки вы – истинный мошенник») [11, с. 177–178]. Полагаем, что отсутствие неприличной формы выражения при оценке иного лица исключает квалификацию деликта как оскорбление. При утверждении факта, указывающего на несоблюдение гражданином правовых норм, нарушение им закона, при условии не соответствия действительности распространенных порочащих сведений, возможно их опровержение в порядке, предусмотренном в ст. 153 ГК. Не являются также оскорблением: презрительное бездействие, независимо от его оскорбительного содержания, художественные сравнения с использованием литературных слов, не являющихся неприличными, отсутствие персонификации объекта оскорбления (например, безадресное, публичное употребление нецензурной брани влечет административную ответственность за мелкое хулиганство по ст. 17.1 КоАП).

Гражданско-правовая ответственность за оскорбление, в отличие от распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, наступает независимо от того, соответствует ли действительности унижительная оценка личности, выраженная в неприличной форме. Следует поддержать высказанную в правовой литературе позицию, согласно которой «для наличия оскорбления необходимо обращение, неприличное по форме и при правдивом по содержанию высказывании. Можно высказывать всякую правду, но нельзя делать этого в неприличной форме» [2, с. 11]. Правда, выраженная в оскорбительной форме, квалифицируется как оскорбление, что также можно проиллюстрировать примером из судебной практики. Так, К.,

находясь в здании суда в присутствии других лиц, назвал А. «уродом». При рассмотрении иска А. указанные обстоятельства подтверждены показаниями свидетелей, а также постановлением по делу об административном правонарушении о привлечении К. к ответственности по ст. 9.3 КоАП (Оскорбление). Ответчик в судебном заседании не отрицал того факта, что назвал истца в присутствии посторонних лиц «уродом», однако пояснил, что это прозвучало в контексте фразы «Этот урод толкнул меня», после того как истец толкнул его в плечо. Данные доводы ответчика судом проверялись и не нашли своего подтверждения. Оценивая значение слова «урод», судом проанализированы толковые словари, согласно которым «урод» – человек с дурными, неестественными привычками, дурными свойствами, данное слово употребляется как бранное. Суд признал выражение, высказанное в адрес истца, сведениями, не соответствующими действительности, порочащими А. С ответчика взыскана компенсация морального вреда в размере 100 руб. В рассматриваемой ситуации у ответчика, возможно, были основания негативно охарактеризовать поведение истца, толкнувшего его в плечо, однако это было сделано в неприличной, оскорбительной форме. Таким образом, если оценка личности гражданина осуществлена в неприличной форме, такое поведение квалифицируется как оскорбление независимо от соответствия действительности такой оценки личности.

При распределении бремени доказывания по рассматриваемой категории дел презумпция «добропорядочности» не применяется. Ответчик не должен опровергать данную презумпцию и доказывать, что неприличное по форме выражение соответствует действительности. В данном случае важным является определение неприличной формы, унижающей честь и достоинство другого лица. Следовательно, истец должен доказать все факты, на которые ссылается как на основание своих требований (ст. 179 ГПК), а определение соответствия действительности высказывания (обращения), выраженного в неприличной форме, в предмет доказывания по делу не входит.

Приведем еще один пример из судебной практики. В исковом заявлении суду В. указал, что работает помощником генерального директора УП, ответчик К. – водителем. Возле диспетчерской в присутствии других работников К. высказывал в его адрес оскорбительные слова, унижающие честь, достоинство и профессиональную репутацию. При рассмотрении дела доводы истца не нашли своего подтверждения. Свидетели Л., Б., Т. и Ш. пояснили, что в ходе конфликта ответчик К. никаких оскорблений не высказывал. Ответчик также отрицал факт оскорбления, утверждал, что пытался лишь выяснить, какие у истца имеются к нему конкретные претензии, связанные с исполнением им своих трудовых обязанностей. По факту совершения в отношении него административного правонарушения, предусмотренного ст. 9.3 КоАП, В. в правоохранительные органы не обращался. Поскольку иных доказательств истцом не представлено, судом в удовлетворении иска отказано.

Итак, единственным способом гражданско-правовой защиты от оскорбления является компенсация морального вреда. В судебной практике подобные иски предъявляются нечасто и, как правило, отдельно от исков о защите чести, достоинства и деловой репутации. В предмет доказывания по данной категории дел также входит установление факта, свидетельствующего о неприличной форме обращения. Постановление по делу об административном правонарушении в силу ст. 182 ГПК не имеет преюдициального значения, установленные в нем факты исследуются судом и оцениваются в совокупности с иными средствами доказывания. Например, по одному из дел в заявлении суду истец указал, что ответчик А. устроил с ней скандал, в ходе которого оскорблял и унижал ее. За данное правонарушение постановлением судьи А. привлечен к административной ответственности по ст. 9.3 КоАП и подвергнут административному взысканию в виде штрафа. По причине того, что в результате высказываний А. истец испытала нравственные страдания, истец просил взыскать с ответчика компенсацию морального вреда в размере 100 руб. и расходы по оплате помощи представителя в размере 200 руб. Суд, заслушав стороны, свидетелей, исследовав письменные материалы дела, в том числе постановление по делу об административном правонарушении, исковые требования удовлетворил, с ответчика взыскана в пользу А. компенсация морального вреда в размере 300 руб., понесенные судебные издержки.

Полагаем, что если наряду с распространенными сведениями, порочащими честь, достоинство и деловую репутацию граждан, отдельные слова выражены в неприличной форме, возможно предъявление следующих самостоятельных исковых требований неимущественного харак-

тера: об опровержении порочащих сведений, о компенсации морального вреда, связанного с их распространением и о компенсации морального вреда за оскорбление. Если истец формулирует иски только о защите чести, достоинства и деловой репутации и компенсации морального вреда, суд не вправе выйти за пределы исковых требований и компенсировать моральный вред за слова, выраженные в неприличной форме (т. е. за оскорбление). Распространение в неприличной форме сведений, унижающих честь и достоинство гражданина, не подлежит защите путем их опровержения в порядке гражданского судопроизводства. Производство по делу в части указанных исковых требований подлежит прекращению (п. 1 ч. 1 ст. 164 ГПК). Проиллюстрируем изложенное примером из судебной практики. *Так, в исковом заявлении К. просила признать несоответствующими действительности, порочащими ее честь и достоинство сведения, направленные ответчиком М. посредством смс-сообщений на несколько абонентских номеров, а также высказанные на форуме в социальной сети. Суд указал, что данные сведения являются оценочными суждениями, мнением, не имеющим под собой фактической основы, выраженным в оскорбительной форме. Данные сведения не требуют опровержения, так как не указывают на действия истицы, а являются субъективной оскорбительной характеристикой истицы со стороны ответчика. Интересы истицы в этом случае подлежат защите на основании ст. 152 ГК путем компенсации морального вреда.* Следовательно, при оскорблении, как отмечают М.Г. Пронина и А.Н. Романович, речь должна идти не о восстановлении репутации потерпевшего, а о наказании оскорбителя [4, с. 20], в том числе путем компенсации морального вреда. В рассмотренной выше ситуации истцу целесообразно уточнить иски в части компенсации морального вреда за оскорбление. Суд правомочен их разрешить независимо от привлечения ответчика к административной ответственности за оскорбление.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- оскорбление – унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме, отличается от обидных, но приличных слов своим противопоставлением правилам приличия; отличие оскорбления от распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, заключается в форме распространения: оскорблению свойственна неприличная форма выражения, негативная оценка общего характера, независимо от соответствия ее действительности, а распространению порочащих сведений – несоответствие действительности и порочащий характер распространенных сведений;

- гражданин, которого оскорбили, в гражданско-правовом порядке вправе требовать исключительно денежной компенсации морального вреда (ст. 152 ГК); оскорбление не подлежит защите в порядке гражданского судопроизводства путем опровержения;

- гражданско-правовая ответственность за оскорбление наступает независимо от того, соответствует ли действительности унижительная оценка личности, выраженная в неприличной форме; при распределении бремени доказывания по делам о компенсации морального вреда за оскорбление, презумпция «добропорядочности» не применяется;

- в случае, если с распространенными сведениями, порочащими честь, достоинство и деловую репутацию, подлежащими защите в порядке, предусмотренном ст. 153 ГК, также распространены в неприличной форме оценочные суждения о личности, не имеющие фактической основы (оскорбление), возможно предъявление самостоятельных исковых требований: об опровержении порочащих сведений, о компенсации морального вреда, причиненного их распространением, а также о компенсации морального вреда за оскорбление.

Список использованных источников

1. Климова, О.Г. Проблемы юридической квалификации оскорбления / О.Г. Климова // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 2. – С. 294–296.
2. Сугачев, Л.Н. Ответственность за оскорбление / Л.Н. Сугачев. – М. : Юрид. лит., 1966. – 36 с.
3. Солодкин, И.И. Ответственность за оскорбление, клевету и побои / И.И. Солодкин, И.Г. Филаноский. – М. : Госюриздат, 1959. – 72 с.
4. Пронина, М.Г. Защита чести и достоинства гражданина (Гражданско-правовые средства) / М.Г. Пронина, А.Н. Романович. – Минск : Беларусь, 1976. – 72 с.
5. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / А.А. Леонтьев [и др.]. – М. : Права человека, 1997. – 127 с.

6. Изотова, Т.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении / Т.М. Изотова, В.О. Кузнецов, А.М. Плотникова. – М. : ФБУ РФЦСЭ, 2016. – 89 с.
7. Черкасова, М.Н. Дурак фольклорный vs «дурак полный»: к интерпретации оскорбления // Вестн. Моск. гос. гуманитар. ун-та им. М.А. Шолохова. Сер. Филол. науки. – 2011. – № 2. – С. 98–108.
8. Мартынюк, М. Обидные слова на оскорбления не тянут / М. Мартынюк // Брестская газета // <http://www.b-g.by/society/13941>.
9. Милютина, М.Г. Слово дурак и его производные как предмет судебной лингвистической экспертизы / М.Г. Милютина, Н.И. Чиркова // Вестн. Удмурт. ун-та. – 2013. – Вып. 2. – С. 173–177.
10. Жельвис, В.И. «Оскорбление» или «обида»: попытка дискриминации / В.И. Жельвис // Юрислингвистика. – 2008. – № 9. – С. 157–163.
11. Шевченко, М.А. Ваш домашний адвокат: клевета и оскорбление личности / М.А. Шевченко. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. – 247 с.

Дата поступления в редакцию: 11.10.18

A.V. Chigileychik, *Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Labour Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

INSULT AS A CIVIL LEGAL DELICT

The insult is considered as a civil-legal delict. Based on the study of legislation and judicial practice, the definition “insult” was analyzed, the features of civil liability for insult were justified, the procedural procedure for filling claims was clarified as well as the features of proof in this category of cases.

Keywords: intangible goods, delict, dignity, insult, honor.

УДК 340.1

В.А. Волков, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: 6414506@mail.ru)

АКТЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Рассматривается значение актов судебной власти в деятельности правоохранительных органов. В первую очередь вопрос касается работы структурных подразделений МВД, Внутренних войск и Следственного комитета Республики Беларусь. Аргументируется вывод о практической значимости актов правового регулирования. Акцентируется внимание на эффективности судебной практики и предоставляемых на основе ее обобщения разъяснений в содействии успешному выполнению возложенных на должностных лиц правоохранительных органов обязанностей.

Ключевые слова: правоохранительные органы, правоприменение, правовое регулирование, судебная практика, юридическая практика.

Правоприменительная деятельность как особый вид реализации права – в первую очередь сфера государственных органов. Данная деятельность вообще является одним из наиболее важных направлений деятельности любого современного государства и осуществляется с целью регулирования общественных отношений на индивидуальном уровне.

Значительную долю правоприменительной деятельности в Республике Беларусь осуществляют органы судебной власти. Только за 2018 г. судами Республики Беларусь было рассмотрено 19 679 экономических дел, 37 973 – уголовных, 204 084 – гражданских и 368 646 дел об административных правонарушениях [1]. Последнее слово всегда остается за судом, так как любое административное правоприменительное решение дозвоительно обжаловать в суде. Но кроме органов судебной власти весомую долю правоприменительной деятельности осуществляют и иные правоохранительные органы (органы внутренних дел, внутренние войска, Следственный комитет и др.), о чем свидетельствуют статистические данные (в 2018 г. в республике зарегистрировано 83 800 преступлений) [2]. При этом каждое совершенное преступление требовало правильной юридической оценки (характеристики противоправных действий).

То, что правоприменительную деятельность осуществляют и «иные» правоохранительные органы, обозначено неслучайно. В данном случае мы придерживаемся мнения, что судебные органы следует относить к правоохранительным. Считаем, что органы судебной власти непосредственно призваны осуществлять правоохранительную деятельность в качестве своей главной функции – принятия соответствующих решений [3].

Всю совокупность принимаемых теми или иными государственными органами решений в юридической науке принято именовать юридической практикой. В свою очередь, судебная практика как совокупность принимаемых судами решений по конкретным делам значима для деятельности органов внутренних дел, внутренних войск, Следственного комитета и других государственных органов, занимающихся правоприменением. Соответственно, судебная практика оказывает влияние на юридическую практику других правоохранительных органов. Но вопрос, «каким образом это происходит и почему», требует более детального подхода и ответа применительно к деятельности некоторых правоохранительных органов, занимающихся дознанием и предварительным расследованием. В данном случае речь идет о следователях структурных подразделений Следственного комитета (далее – следователи), сотрудниках органов внутренних дел (далее – сотрудники ОВД), военных дознавателях внутренних войск МВД (далее – дознаватели). Перечисленных должностных лиц объединяет то, что они, осуществляя правоприменительную

деятельность, в силу своих полномочий осуществляют квалификацию противоправных деяний, совершенных теми или иными субъектами.

Важно подчеркнуть, что в силу определенных обстоятельств законодательство Республики Беларусь подвержено периодическим изменениям и дополнениям. В этой связи для осуществления эффективной правоприменительной деятельности правоохранительным органам необходимо осуществлять изучение законодательных актов и отслеживать вносимые изменения. В настоящее время есть правовые базы, существенно облегчающие решение обозначенной задачи. Еще совсем недавно следователи вынуждены были делать вклейки с изменениями в Уголовный кодекс Республики Беларусь, периодическое переиздание кодифицированного нормативного правового акта не обеспечивало потребность в своевременном учете изменений законодательства. Следует констатировать, что некоторые правоприменители и в настоящее время допускают ошибки, пренебрегая изучением изменений законодательства. Например, чтобы правильно квалифицировать действия по ст. 328 Уголовного Кодекса «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов», необходимо знать, является вещество таковым или нет. Обозначенная проблема стала особо острой в последние годы в связи с появлением большого количества психотропных веществ синтетического происхождения (курительные смеси). Квалифицировать действия по данной статье возможно только в том случае, если вещество включено в «Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь». Данная процедура включения занимала достаточно длительное время (сейчас она ускорена), а химический состав смесей менялся (меняется и в настоящее время) очень часто, что и вызывало определенные трудности. *Из практики прошлого можно привести случай, когда экспертом не было учтено, что одна из составляющих психотропного вещества, обнаруженного в анализах гражданина М., на момент получения анализа не была включена в указанный выше реестр. В день проведения экспертизы вещество уже было включено в реестр и, как следствие, экспертом ошибочно было дано заключение об обнаружении запрещенного психотропного вещества. В результате внимательного изучения законодательства была обнаружена допущенная экспертом ошибка, что позволило, в свою очередь, принять законное решение по делу.* Приведенный пример еще раз подчеркивает важность строгого соблюдения норм права и своевременность отслеживания всех происходящих в законодательстве изменений.

Кроме изучения законодательства для принятия правильного решения также необходимо осуществлять анализ решений, принимаемых органами судебной власти, как результатов рассмотрения конкретных дел, что, во-первых, затруднительно в силу нехватки времени, во-вторых, невозможно в силу того, что решения в свободном доступе не находятся.

Ввиду появления новых общественных отношений либо изменения уже существующих возникает необходимость в правовом регулировании подобных ситуаций. Такие вопросы могут решаться путем внесения соответствующих изменений в действующее законодательство либо принятия нового закона. Но указанные меры не всегда полностью устраняют возникающие проблемы. Это связано с тем, что при осуществлении правоприменительной деятельности возникают трудности с применением отдельных норм. Как следствие, это может привести к неправильной квалификации юридически значимой ситуации и принятию незаконного решения. В этой связи одним из эффективных инструментов решения указанных проблем выступает судебная практика.

По причине того, что со всеми казуальными решениями судебных органов указанные должностные лица не имеют возможности знакомиться, особое значение приобретает обобщение судебной практики и судебной статистики по гражданским, уголовным, экономическим делам и делам об интеллектуальной собственности. Данные материалы по направлениям своей деятельности готовят судебные коллегии Верховного Суда Республики Беларусь, которые занимаются изучением и обобщением судебной практики судов общей юрисдикции и анализом судебной статистики. В последующем на основании этих материалов обобщения судебной практики и судебной статистики Пленум Верховного Суда выносит постановления по разъяснению применения законодательства.

Все постановления Пленума Верховного Суда по вопросам применения законодательства, как и иные нормативные правовые акты, публикуются в Национальном реестре правовых актов и размещаются на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь. Таким образом они доводятся до всеобщего сведения, что является в соответствии с ч. 2 ст. 60 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА) офи-

циальным опубликованием. При этом они также размещаются в свободном доступе и на официальном сайте Верховного Суда (www.court.gov.by).

Как дословно зафиксировано в ч. 2 ст. 58 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-З, Пленум «рассматривает материалы обобщения судебной практики, судебной статистики и дает в порядке судебного толкования судам общей юрисдикции разъяснения по вопросам применения законодательства».

Несмотря на то что разъяснения направлены в первую очередь для судов общей юрисдикции, они значимы и для правоприменительной деятельности других правоохранительных органов. Но у должностных лиц не всегда есть возможность получения доступа к постановлениям (это может быть обусловлено, например, техническими причинами). В то же время возможность ознакомления с ними может помочь в принятии законного решения, а в некоторых случаях и существенно повлиять на него.

Для удобства пользования указанными постановлениями Пленума Верховного Суда приблизительно раз в три года издаются сборники постановлений Пленума [4–6]. Сборники являются полными систематизированными изданиями, содержащими все действующие постановления Пленума Верховного Суда, принятые с 1991 г. по соответствующий месяц выхода сборника. Так, сборник 2015 г. содержит действующие постановления Пленума, принятые с 1991 г. по сентябрь 2015 г.

Такие сборники очень удобны для пользования по своей структуре и содержанию и всегда могут находиться «под рукой». Данный сборник, на наш взгляд, должен быть настольной книгой вместе с кодифицированными нормативными правовыми актами (Уголовный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях и др.) для следователей, сотрудников ОВД и дознавателей, так как его наличие и изучение содержащихся в нем постановлений Пленума Верховного Суда способствует эффективному осуществлению правоприменительной деятельности указанной категории должностных лиц. Учитывая недостаточную периодичность сборника, считаем, что целесообразно его издавать ежегодно, так как за два-три года могут произойти существенные изменения в законодательстве, и вынесенные Пленумом Верховного Суда новые постановления при настоящей периодичности выхода сборника не будут в нем отражены.

Обобщение судебной практики и выработка на ее основе обязательных к исполнению рекомендаций способствует обеспечению единства судебной практики в ситуациях, когда в законодательстве имеется неясность или двусмысленность. По этой причине для правоохранительных органов особенно важны постановления Пленума Верховного Суда, которые содержат разъяснения по вопросам квалификации, определяют юридически значимые события, в частности, начало исчисления сроков или момент наступления ответственности.

Например, в постановлении Пленума Верховного Суда от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» даются разъяснения по правильной квалификации ст. 206, 207 Уголовного Кодекса, их отличиях и разграничении между собой. Разъясняется, когда похищение имущества признается тайным (кражей) – ст. 205 УК, а также иные вопросы по квалификации преступлений по делам о хищениях имущества.

А в постановлении Пленума Верховного Суда от 26 марта 2015 г. № 1 «О практике применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты сумм налогов, сборов (ст. 243 УК)», разъясняются вопросы квалификации, определения момента окончания преступления, порядка назначения наказания.

Верховный Суд, разъясняя, конкретизирует нормы права (раскрывает некоторые правовые признаки, конкретизирует определенные понятия). Такие разъяснения он осуществляет только в том случае, когда изучение судебной практики показывает, что существует правовая неопределенность в применении конкретной правовой нормы. Но при этом закон всегда будет являться отправной точкой для принятия решения по индивидуальному делу.

Подобные постановления Пленума существенно облегчают принятие правоприменительного решения. Кроме того, они отнесены законодателем к нормативным правовым актам (ч. 2 ст. 17 Закона о НПА) и в этой связи являются обязательными для судей, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение, т. е. предполагают обязательность этих разъяснений для всех правоприменителей.

Соответственно, постановлениями Пленума Верховного Суда, в которых разъясняется порядок применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, обязаны руководствоваться следователи, сотрудники ОВД и дознаватели, так как именно в этой отрасли права у

данной категории должностных лиц могут возникать трудности при выполнении своих должностных обязанностей и осуществлении правоприменительной деятельности.

В современных условиях значимость деятельности правоохранительных органов существенно возросла. При этом, поскольку правоохранительные органы финансируются за счет государственного бюджета, допущенные ими ошибки всегда находятся в центре внимания населения. В этой связи очень важно, чтобы должностные лица государственных органов (следователи, сотрудники ОВД, дознаватели) обладали высоким профессионализмом и не допускали ошибок при осуществлении правоприменительной деятельности.

Таким образом, можно заключить, что акты индивидуального правового регулирования органов судебной власти, образующие в своей совокупности судебную практику, и разъяснения нормативного характера, созданные на основе ее обобщения, предоставляемые правоохранительным органам, способствуют эффективному выполнению обязанностей их должностными лицами и успешному решению поставленных перед ними задач. В этом и проявляется большое практическое значение судебной власти в правоохранительной деятельности.

Список использованных источников

1. Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/3d491815105645b4.html. – Дата доступа: 09.03.2019.
2. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=319943>. – Дата доступа: 09.03.2019.
3. Волков, В.А. Являются ли органы судебной власти правоохранительными? / В.А. Волков // Актуальные проблемы права: достижение и перспективы : Материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию казахстанской полиции и «ЕХРО-2017: Энергия будущего» (02 июня 2017 г.) : в 2 т. – Актобе : ҚР ИИМ М. Бөкенбаев атын. АЗИ, 2017. – Т. 1. – С. 92–94.
4. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / сост. : В.О. Сукало, И.Н. Минец. – Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2010. – 560 с.
5. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / сост. И.Н. Минец ; под общ. ред. В.О. Сукало. – Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2012. – 608 с.
6. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / сост. А. М. Паутов; под общ. ред. В.Л. Калинковича. – Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2015. – 656 с.

Дата поступления в редакцию: 26.03.19

V.A. Volkov, *Postgraduate student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus*

ACTS OF JUDICIAL POWER IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

The importance of judicial acts in the activities of law enforcement agencies is considered. First of all, the question concerns the work of the structural units of the Ministry of Internal Affairs, the Internal Troops and the Investigative Committee of the Republic of Belarus. The conclusion about the practical significance of the acts of legal regulation is justified. Attention is focused on the effectiveness of judicial practice and the explanations provided on the basis of its synthesis clarifying the successful implementation of the assigned to duties law enforcement officials.

Keywords: law enforcement agencies, law enforcement, legal regulation, juridical practice, legal practice.

УДК 340.130

А.В. Григорьев, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: grigor-alex@mail.ru)

ПРОБЛЕМА ЭЛЕМЕНТНОГО СОСТАВА ПРАВОВОЙ НОРМЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ОТРАСЛЯХ БЕЛОРУССКОГО ПРАВА

В 4 частях

Часть 2

Исследуются различные подходы к структуре правовой нормы в теоретической и отраслевых юридических науках. Предлагается критический анализ двухэлементного подхода к структуре правовой нормы.

На примере строения норм конституционного права приводятся авторские доказательства достоинства, теоретической и практической значимости трехэлементного подхода к структуре нормы права.

Ключевые слова: гипотеза, диспозиция, норма права, санкция, структура, теория права, юридическая наука.

Не менее убедительны и доводы сторонников двухэлементной структуры нормы права (С.В. Курылев, А.С. Пиголкин, А.Н. Пугачев, Б.И. Пугинский, С.С. Студеникин, Н.П. Томашевский, А.Ф. Черданцев и др.). Их основная аргументация достаточно весома.

Во-первых, норма права состоит не из трех, а из двух элементов. Так, для регулятивных норм характерно строение через гипотезу и диспозицию, а для охранительных – через диспозицию (гипотезу) и санкцию.

Во-вторых, по своему словесно-логическому построению нормативное предписание (традиционно понимаемое как норма) представляет собой отдельное предложение или даже отдельную фразу юридического нормативного текста. Такие нормативные предписания имеют двухчленную структуру.

В-третьих, отдельные структурные части целого (нормы) могут создаваться, изменяться и отменяться в разное время; могут создаваться, изменяться и отменяться разными органами, причем вполне допускается, что органу, формулирующему одну структурную часть, не было известно об изменениях (и даже самом существовании) других частей. Юридическая сила различных частей единой нормы может быть различна, так как они могут содержаться в разных нормативных правовых актах. Одна норма может иметь разнородные санкции, относящиеся к разным отраслям права, одна и та же санкция может быть составной частью неопределенного множества других норм.

В-четвертых, в действующем праве вообще не удается отыскать нормы, построенные по модели «если – то – иначе». Обращается внимание, что ни в одном исследовании не приводится ни единого примера, иллюстрирующего и доказывающего данное утверждение¹.

В-пятых, трехэлементная структура вводит истолкователя норм в заблуждение, ориентирует его искать несуществующие составные части толкуемой нормы (не существует того, что не выражено в языке, прямо не сформулировано в норме права), в то время как учение о двухчленной структуре просто, естественно, удобно, не вызывает затруднений у истолкователей норм, так как соответствует реальным нормам права [1, с. 7; 2, с. 51–52].

Таким образом, сторонники двухэлементной структуры полагают, что в отличие от логической структуры нормы права нормативные предписания имеют двухэлементную структуру, которая зависит от функциональной направленности нормы. Трехэлементная структура нормы права представляет собой идеальную модель, которая практически не подтверждается примерами из законодательства. Кроме того, субъекты права вынуждены домысливать несуществующие элементы нормы права, что приводит к трудностям при их толковании. В этой связи, по мнению ученых, учение о юридической норме с трехэлементной структурой следует признать бездоказательной, умозрительной теорией, не находящей объяснения и подтверждения в реальных фактах правовой деятельности.

В качестве обоснования двухэлементной структуры также указывается специфика норм права ряда отраслей, для которых не может быть применена трехэлементная структура. Речь идет о так называемых нетипичных нормах (принципы, дефиниции). Например, в конституционном праве на особый характер структуры конституционно-правовых норм указывает и Е.И. Козлова, полагая, что для них не характерна традиционная трехчленная структура, выделяемая в составе правовой нормы, – гипотеза, диспозиция и санкция; в рассматриваемых нормах обычно имеются гипотеза и диспозиция и лишь в отдельных случаях – санкция [3, с. 35]. Аналогичной точки зрения придерживается С.А. Авакьян и утверждает, что «классические подходы теории права предполагают находить в структуре правовой нормы три элемента – диспозицию, гипотезу и санкцию, то в конституционном праве нет таких классических по структуре норм» [4, с. 87]. Такую же научную позицию занимает и белорусский ученый А.Н. Пугачев, поясняя, что «соотношение элементов, выбор конкретных форм гипотезы, диспозиции, санкции определяют такие факторы, как

¹ Тем не менее такие примеры успешно приводятся белорусскими правоведом (см. Вишневецкий А.Ф., Горбаток Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права / под общ. ред. В.А. Кучинского. – 3-е изд., пересмотр. – Минск: Акад. МВД, 2017).

характер регулируемых общественных отношений и выполняемых функций, содержание данной нормы, особенности законодательной политики, степень совершенства используемых приемов законодательной техники и т. д. ... предельно обобщенный и абстрактный характер норм конституционного права и придает им такую своеобразную, специфическую структуру и форму изложения» [1, с. 8, 10]. По этой причине предлагается выделять нормы-гипотезы, нормы-диспозиции и нормы-санкции в качестве самостоятельных видов норм права с особой структурой.

Данный подход вызывает обоснованные возражения у представителей теоретической юридической науки. По утверждению В.М. Сырых, только в процессе логического анализа нормативного материала можно установить действительное содержание нормы права, которая в общем и целом не сводима ни к отдельному положению, ни к принципу или дефиниции, ни к конкретному предписанию, закрепляющему гипотезу или иную структурную часть правовой нормы [5, с. 343–344].

Сходного мнения придерживается В.О. Лучин, по мнению которого «каждой конституционной норме вовсе не обязательно иметь санкцию в качестве своего структурного элемента. Отсутствие санкции во многих конституционных нормах не отвергает возможности государственного принуждения в случае их нарушения. Оно говорит лишь о специфике методов, форм использования государственного принуждения посредством иных правовых норм» [6, с. 31].

Трехэлементная структура конституционно-правовой нормы находит поддержку в белорусской науке конституционного права. Г.А. Василевич, например, полагает, что конституционное право ранее развивалось таким образом, что нормы, составляющие данную отрасль, обычно не содержали санкцию, однако сейчас все настоятельнее возникает потребность в определении санкции в структуре конституционно-правовых норм [7, с. 7]. Такую необходимость ученый связывает с развитием института конституционно-правовой ответственности, что позволит быстрее «избавиться» от декларативности некоторых положений конституционного права, нормы которого будут обеспечены силой государственного принуждения.

Наличие норм с такой «неявной» структурой можно объяснить тем, что они выполняют определенные функции, что и определяет их специфику (особенность, отличие от остальных). В свою очередь любая норма права выступает структурным элементом системы права и взаимодействует с иными нормами, образуя институты, отрасли (подотрасли) и систему права в целом. При этом структурные элементы такой правовой нормы выводятся логическим путем. Следовательно, наличие скрытой логической структуры специфических правовых предписаний не является аргументом для критики трехэлементной системы.

Попытка разрешить спор между сторонниками двухэлементной и трехэлементной структуры была предпринята в рамках подхода, согласно которому норма права может состоять как из трех, так и из двух элементов. Представителем такого подхода выступал С.С. Алексеев, который фактически признавал оба подхода к структуре нормы права. Количество элементов в логической норме и в нормативном предписании, по его мнению, не совпадало. При этом под нормативным правовым предписанием ученый предлагал понимать элементарное, цельное, логически завершенное государственно-властное веление нормативного характера, непосредственно выраженное в тексте нормативного юридического акта. По убеждению С.С. Алексеева, логическая норма права – это выявляемое логическим путем правило, которое воплощает органические связи между нормативными предписаниями и обладает полным набором свойств, раскрывающих их государственно-властную, регулятивную природу [8, с. 55]. В этой связи обосновывалось, что так как логическая норма не соответствует структуре реальных норм предписаний, то она (логическая норма) имеет трехчленное строение, а норма-предписание состоит из двух элементов.

В рамках такого подхода спор о структуре норм права видится неразрешенным, а на страницах юридической литературы развернулась дискуссия о правовой природе нормативного предписания, о его месте в понятийно-категориальном аппарате теории права. В этой связи нормативные предписания стали рассматриваться либо в качестве элементов структуры права, либо отождествляться с текстом статей нормативного правового акта, либо выступать универсальной категорией, объединяющей систему законодательства и систему права.

Кроме вышеизложенного анализ научных публикаций, посвященных проблемам структурирования норм права в различных отраслях права, позволяет сделать вывод о наличии противоречивых и недостаточно аргументированных подходов, в частности:

1. Предлагается рассматривать санкцию и диспозицию нормы как правовое явление, видоизменяемое в зависимости от конкретных условий и целей правового регулирования. Норма

права в единстве ее структурных элементов как основной инструмент правового воздействия на общественные отношения должна приводиться в функциональную зависимость от типа социального поведения субъектов права, в том числе от детерминизма правомерного и противоправного [9, с. 32].

2. Высказывается мнение, что санкция нормы права – это специальная диспозиция, определяющая состав неблагоприятных для субъекта правовых последствий [10, с. 40].

3. Выдвигается концепция многообразной структуры, которая заключается в отсутствии жесткой абсолютизации количественного и качественного состава правовых норм, что значительно расширяет возможности правового регулирования по сравнению с другими теориями. В этой связи указывается, что право на существование имеют все подходы к строению юридической нормы, и их нужно рассматривать как «набор» моделей, своего рода инструментов для анализа текста нормативного правового акта, каждый из которых призван решать только ему присущие задачи этого анализа [11, с. 56].

4. Утверждается, что, будучи неразрывно связанными между собой, нормы права в определенных аспектах выступают как диспозиции, имеющие свои гипотезы и санкции, в других – как элементы гипотез или санкций других норм; санкция одной нормы становится диспозицией при нарушении охраняемой нормы и применении мер принуждения к правонарушителю; гипотезы также в определенном аспекте становятся диспозициями, указывающими, каким именно обстоятельствам следует придавать юридическое значение. В качестве аргументов приводятся следующие примеры: с точки зрения пешеходов и водителей транспортных средств соблюдение правил дорожного движения является обязанностью (диспозиция), а административные взыскания за невыполнение обязанности – санкцией; с точки же зрения государственных органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, та же самая норма выступает в другом аспекте, а именно гипотезой становится описание административного правонарушения, диспозицией – обязанность применить взыскание в установленных законом пределах и соответствующей процессуальной форме, санкцией же будет выступать отмена незаконного и необоснованного постановления по делу об административном правонарушении, а также меры персональной ответственности должностных лиц, виновных в бездействии или в неправильном применении закона [12, с. 443–444].

5. Высказывается мнение, что диспозиция с полным основанием может быть отождествлена с самим содержанием нормы [13, с. 117]; в процессуальном законодательстве гипотезы и санкции – это те же диспозиции [14, с. 31].

6. Предпринимается попытка пересмотреть существующую логическую формулу, в связи с чем утверждается: «иначе» – это не просто логическая операция, а по сути – новая гипотеза, с содержательной точки зрения отрицающая предыдущую. «Иначе» следует передать как если «условия (все или некоторые), описанные в такой-то норме, не имеют место быть», то «наступают последствия такие-то» – новая диспозиция, обыкновенно именуемая санкцией» [15, с. 103].

7. Наряду с гипотезой и диспозицией предлагается рассматривать санкцию в качестве совершенно самостоятельного элемента в качестве диспозиции особого рода. Специфика последней обусловлена спецификой охранительной нормы в целом: во-первых, она всегда вторична, производна от регулятивной нормы и в функциональном плане обеспечивает ее правомерное осуществление; во-вторых, гипотезой здесь всегда выступает некоторое нормонарушение, т. е. акт неправомерного поведения, поэтому такая гипотеза именуется не иначе как «гипотеза-нормонарушение» [16].

Существуют и другие точки зрения на количество и характер выделяемых структурных элементов нормы права. Такого рода подходы не получили сколько-нибудь широкого признания в юридической литературе. Есть предположение, что каждый из представленных подходов претендует на оригинальность. Не претендуя на необходимость господства единственно верной точки зрения, отметим, что при обосновании новых подходов к структуре правовой нормы следует не только их аргументировать, но и обращать внимание на научные разработки предшествующих периодов, на согласованность с устоявшимся понятийно-категориальным аппаратом теории права с учетом научных традиций, сложившихся не только в рамках советской и современной юридической науки, но и в дореволюционный период. В связи с вышесказанным наиболее обоснованным представляется видение трехэлементной структуры, отражающей со-

держание нормы права в единстве и взаимосвязи элементов, из которых она состоит, что позволяет понять смысл законодателя, заложенный при ее принятии. Тем более, что такая точка зрения находит поддержку как в теоретической, так и отраслевой белорусской юридической науке в трудах Г.А. Василевича, А.Ф. Вишневецкого, Н.А. Горбатка, И.В. Козелецкого, В.А. Кучинского, В.В. Марчука, А.И. Сухарковой и др. [7; 17–19].

Продолжение следует

Список использованных источников

1. Пугачев, А.Н. Особенности структуры конституционно-правовых норм / А.Н. Пугачев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 1. – С. 5–10.
2. Черданцев, А.Ф. Толкование права и договора : учеб. пособие / А.Ф. Черданцев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.
3. Козлова, Е.И. Конституционное право России : учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М. : Юристъ, 2004. – 587 с.
4. Авакьян, С.А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. / С.А. Авакьян. – М. : Юристъ, 2005. – Т. 1. – 719 с.
5. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права : в 3 т. / В.М. Сырых. – Современное правовое понимание. – М. : РАП, 2007. – Т. 3. – 512 с.
6. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В.О. Лучин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.
7. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник. – Г.А. Василевич. – Минск : Книжный дом, Интерпрессервис, 2003. – 832 с.
8. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 359 с.
9. Братусь, С.Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности / С.Н. Братусь // Советское государство и право. – 1973. – № 4. – С. 27–35.
10. Еременко, А.С. Взаимосвязь гипотезы и диспозиции нормы гражданского права с юридическими основаниями и гражданско-правовыми последствиями / А.С. Еременко // Адвокатская практика. – 2011. – № 3. – С. 33–40.
11. Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства / В.Н. Протасов. – М. : Новый юрист, 1999. – 240 с.
12. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М.Н. Марченко. – М. : Проспект, 1999. – 504 с.
13. Сорокин, В.Д. Проблемы административного процесса / В.Д. Сорокин. – М. : Юрид. лит., 1968. – 144 с.
14. Елисейкин, П.Ф. Процессуальная норма и ее диспозиция / П.Ф. Елисейкин // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 1979. – 138 с.
15. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М. : Юрайт-Издатель, 2007. – 993 с.
16. Демин, А.В. Принцип определенности налогообложения : монография / А.В. Демин. – М. : Статут, 2015. – 368 с.
17. Вишневецкий, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневецкий, Н.А. Горбаток, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. – 3-е изд., пересмотр. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 478 с.
18. Марчук, В.В. Об уголовно-правовых отношениях [Электронный ресурс] (по состоянию на 24.01.2011) / В.В. Марчук // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
19. Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. / под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой. – Ч. 1 : Административно-регулятивное право. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 438 с.

Дата поступления в редакцию: 27.02.19

A.V. Grigoriev, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

THE PROBLEM OF ELEMENTAL COMPOSITION OF THE LEGAL NORM IN THE THEORETICAL LEGAL SCIENCE AND BRANCHES OF BELARUSIAN LAW (PART 2)

Various approaches to the structure of the legal norm in theoretical and sectoral legal sciences are explored. A critical analysis of the two-element approach to the structure of the legal norm is given. Using the example of the structure of the norms of constitutional law, the author, proofs of dignity, the theoretical and practical significance of the three-element approach to the structure of the rule of law are given.

Keywords: hypothesis, disposition, rule of law, sanction, structure, theory of law, legal science.

УДК 351.742 (476) (091) (043.3)

А.И. Мурашко, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: tourashko@tut.by);

А.С. Жмуровский, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

ЗАРОЖДЕНИЕ КИНОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА БЕЛАРУСИ

На основании архивных и опубликованных исторических материалов рассматриваются малоизученные в отечественной историографии аспекты зарождения кинологической службы и использования собак в розыскной деятельности подразделений уголовного розыска на территории Беларуси в период ее нахождения в составе Российской империи и советского государства в начале XX вв.

Ключевые слова: собаки-ищейки, кинологическая служба, правоохранительные органы, полиция, милиция, уголовный розыск, Российская империя, БССР.

Изучение научных работ отечественных историков и правоведов дает основание полагать, что история кинологической службы уголовного розыска Беларуси не получила какого-нибудь серьезного освещения в исторической науке. Данный факт обуславливает актуальность выбранной темы исследования.

Так, одним из новых и эффективных средств розыскной деятельности, которое в начале XX в. успешно стала использовать полиция Российской империи в борьбе с преступностью, было применение собак-ищеек.

Впервые собака (шотландский бультерьер) была успешно применена в полицейской практике еще в 1816 г. шотландским полицейским графства Аберлин Малкомом-Гиллеспи для поимки контрабандистов. Первым, кто указал на возможность их использования в розыскных целях, был австрийский ученый-криминалист Г. Гросс. В книге «Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции» (1892 г.) он отметил, что с помощью собаки-ищейки можно скорее выйти на след преступника. Именно по его инициативе в 1896 г. в г. Гильдесгейме (Германия) появились 12 собак, наученных нести полицейскую службу [1, с. 3].

Относительно применения собак в полицейских учреждениях Российской империи, в состав которой входила территория Беларуси, в современной научной литературе бытуют различные точки зрения. Известный ученый, историк криминалистики профессор И.Ф. Крылов считает, что в Российской империи собаки впервые появились на полицейской службе в 1906 г. в прибалтийских губерниях. Другие исследователи утверждают, что эта практика берет начало с 1906 г., когда по инициативе начальника Санкт-Петербургского сыскного отделения В.И. Лебедева служебные собаки были использованы в полицейской службе. По мнению В.Н. Чисникова, пионером отечественного служебного собаководства следует считать заведующего сыскной частью Киевской городской полиции коллежского секретаря Г.М. Рудого. Именно по его предложению в декабре 1904 г. в г. Швелме (Германия) были закуплены четыре немецкие овчарки «для сыскных целей» [1, с. 4].

Так или иначе, но именно заведующему Регистрационному отделом Департамента полиции В.И. Лебедеву в начале 1907 г. было поручено изучить вопрос о применении собак в полицейском деле. Ознакомившись с литературой зарубежных авторов по служебному собаководству, он подготовил и издал первую в России брошюру «Полицейские собаки» [1, с. 5]. Летом того же года В.И. Лебедев по заданию Департамента полиции находился в служебной командировке за границы, где ознакомился с организацией и практикой использования служебных полицейских собак в странах Западной Европы. Подводя итоги заграничной командировки, В.И. Лебедев в отчете писал: «В настоящее время, близко ознакомившись с этим, несомненно, имеющим и свои трудные стороны, но чрезвычайно живым и интересным для каждого полицейского практика делом, я с полным убеждением могу доложить, что применение собак в охранно-сторожевой полицейской службе не только вполне возможно, но и по условиям службы в русской полиции в на-

стоящее время – заведение таких собак крайне необходимо как в столичной, так в особенности и провинциальной полиции, где полицейские собаки найдут себе весьма разнообразное и всегда полезное применение» [1, с. 5].

Таким образом, 23 сентября 1908 г. в Петербурге было создано Российское общество поощрения применения собак в полицейской и сторожевой службе, которое вскоре стало издавать журнал «Полицейская и военно-сторожевая собака». Председателем совета общества был избран вице-директор Департамента полиции С.П. Белецкий, а его товарищем (заместителем) назначен В.И. Лебедев, который являлся фактическим организатором и руководителем всего дела. Перед обществом ставилась задача оказывать всяческое содействие практике широкого применения собак в разносторонних условиях полицейской и сторожевой службы в масштабах Российской империи, создание филиалов (отделов) и питомников по разведению собак во всех больших городах [1, с. 6].

Уже 19 октября 1908 г. в столице была проведена первая Всероссийская выставка служебных полицейских собак, в которой приняли участие 12 собак-ищеек из разных регионов империи. На манеже Михайловской офицерской кавалерийской школы состоялись показательные соревнования. Среди испытаний были следующие упражнения: нахождение собакой вещей, брошенных или утерянных преступником (орудий преступления и вещевых доказательств); обыскивание местности и указание найденного человека; охрана предмета; передача записки; защита хозяина, а также особая программа применения собак «со следа». На соревнованиях присутствовали кандидаты на замещение должности начальников сыскных отделений, которые съехались в столицу для прохождения специальных курсов, организованных Департаментом полиции. После завершения обучения они получили от заведующего курсами В.И. Лебедева подготовленные им учебные пособия «Полицейские собаки в Генте», «Полицейская собака», «Полицейская сторожевая собака».

Менее чем через год – 21 июня 1909 г. в Санкт-Петербурге при Российском обществе поощрения собак к полицейской и сторожевой службе состоялось открытие питомника полицейских сыскных собак. Первым инструктором по служебному собаководству стал Вильгельм Цафт, который накануне прошел курс обучения в Берлинском государственном питомнике и школе полицейских собак. Заведующим нового учреждения был назначен чиновник особых поручений при Департаменте полиции О.Г. Фрейнат. Этот питомник стал в Российской империи основным кинологическим подразделением, которое начало готовить проводников и собак-ищеек для полицейских подразделений, в том числе и сыскных отделений [1, с. 6]. На базе питомника были организованы постоянно действующие курсы по подготовке дрессировщиков собак-ищеек. Ежегодно на этих курсах проходили обучение от 50 до 150 человек.

В том же году, например, собаки-ищейки уже стали использоваться по инициативе начальника Витебского сыскного отделения А.И. Чернявского в уголовном розыске города, а к 1912 г. в Витебске уже действовал питомник полицейских собак [3, с. 99].

Активно приобретение и применение собак-ищеек в регионах началось после того, как 18 мая 1910 г. Департамент полиции направил губернаторам циркуляр, в котором указывалось, что «в настоящее время одной из общепринятых мер уголовного сыска является применение к розыску породистых собак-ищеек, ввиду чего наличие таких собак в сыскных отделениях представляется весьма желательной». При этом подчеркивалось, что приобретение и содержание служебных собак не должно требовать дополнительных средств, которые отпускаются на сыскные нужды. В разработанной делопроизводством Департамента полиции «Примерной программе ревизии сыскных отделений» (1910 г.) среди пунктов обследования был и такой: «Пользуются ли чины полиции полицейскими собаками и знают ли они приемы обучения собак?» [1, с. 6].

Таким образом, повсеместно в губернских городах Российской империи начали создаваться специальные питомники. Во многих из них несли службу окончившие в С.-Петербургской школе Общества полицейские инструкторы-дрессировщики с обученными ими породистыми собаками. В 1911 г. на белорусских землях дрессированные собаки-ищейки использовались в полицейских управлениях г. Минска и г. Гродно [2], в 1912 г. полицейские собаки использовались в Могилевской губернии, в 1913 г. были заведены в Виленской и Сувалковской губерниях [4, л. 744].

Начиная с 1911 г. все интенсивнее применяются служебные собаки в работе жандармских полицейских управлений железных дорог Российской империи. Их используют и для раскрытия преступлений, и для охраны грузов на железных дорогах. Успешные опыты в этом направлении деятельности отмечались в одном из циркуляров министра путей сообщения, который рекомен-

довал приобретать полицейских собак всем управлениям железных дорог. В ходе реализации министерского циркуляра во многих отделениях железных дорог были заведены собаки-ищейки. Так в 1914 г. управлением Полесских железных дорог были закуплены 4 собаки-ищейки и переданы в распоряжение Виленского жандармского полицейского управления железных дорог. Сам питомник находился на станции Ляховичи в ведении начальника Барановичского жандармского отделения [5, д. 181, л. 183]. Железнодорожные служащие при обнаружении совершенного преступления обязаны были вызвать жандарма с собакой и обеспечить сохранность следов преступления.

В 1913 г. вопрос о применении полицейских собак-ищеек в ходе раскрытия преступлений был включен в повестку дня Первого особого межведомственного совещания (съезда) по усовершенствованию уголовного розыска в Российской империи. При его обсуждении начальники столичных сыскных отделений высказывались о нецелесообразности содержания собак-ищеек в больших городах, мотивируя это тем, что их применение на практике в большинстве случаев не дает нужного результата. Представители провинциальных сыскных отделений и чины уездной полиции имели противоположную точку зрения и, энергично отстаивая ее, приводили множество примеров успешного применения собак-ищеек, особенно в борьбе с преступностью в сельской местности. Подводя итоги дискуссии по этому вопросу, совещание отметило безусловную пользу применения полицейских собак-ищеек и высказало пожелание дальнейшего развития служебного собаководства.

Так, о популярности собак-ищеек на местах свидетельствуют следующие цифры: если в 1908 г. служебных собак использовали только в трех губерниях, то к 1914 г. они уже имелись в полицейских учреждениях 48 губерний, 3 областей, 5 городов и на 8 железных дорогах Российской империи. По сведениям Департамента полиции, к тому времени всего в ее штатах насчитывалось 367 дрессировщиков и 629 собак-ищеек. Наиболее распространенными породами были немецкая овчарка (341), доберман-пинчер (243) и эрдель-терьер (39) [4, л. 744].

После освобождения в 1920 г. Минска от польских войск и повторного провозглашения ССРБ в подчинение созданного уголовного розыска перешел существовавший в городе питомник с 10 подготовленными к использованию в оперативно-розыскных мероприятиях собаками-ищейками. В условиях послевоенной неразберихи без должного анализа, долго не раздумывая, тогдашний начальник розыска Руцынский приказал ликвидировать питомник, и чем он руководствовался, не понятно. Предположительно, он полагал, что четвероногие помощники, которые служили при царском режиме, во время немецкой и польской оккупациях, в советском розыскном аппарате работать не должны [7, с. 162]. Кинологическая служба начала возрождаться после того, как уголовный розыск возглавили более образованные и дальновидные руководители, понимающие, что собаки в ряде случаев являются незаменимыми помощниками оперативников.

В конце 1921 г. при отделе уголовного розыска управления милиции НКВД РСФСР был организован сначала Центральный питомник служебных и розыскных собак, и позже аналогичные питомники стали создаваться в регионах. Управление уголовного розыска НКВД РСФСР приказом от 12 августа 1922 г. расширило функции Центрального Всероссийского питомника. На него была возложена обязанность по организации, руководству, наблюдению и контролю за работой местных питомников служебных розыскных собак [6, с. 254].

В конце 1922 – начале 1923 г. питомник в г. Минске закупил несколько собак для использования их в качестве ищеек, но они оказались непригодными для розыскной работы. Позже были приобретены собаки породы «доберман пинчер», которые после дрессировки хорошо выполняли служебные функции [7, с. 162–163].

15 августа 1924 г. заведующим питомника Витебского уголовного розыска был назначен Т.Е. Сапунов [8, д. 466, л. 62]. В том же году 28 августа в г. Витебске состоялась Первая Всебелорусская (3-я Витебская) выставка собак всех пород, в которой приняли участие и розыскные собаки [8, д. 464, л. 42].

В соответствии с приказом № 97 начальника милиции и уголовного розыска Белоруссии Е.М. Кроля от 15 сентября 1924 г. были утверждены таблицы положенности специальных приспособлений зданий, сооружений и оборудования питомников, специальной одежды, общего и специального инвентаря, нормы довольствия служебных розыскных собак [8, д. 464, л. 16]. В этом же месяце при питомнике отдела уголовного розыска управления милиции и розыска

Белоруссии были организованы курсы по подготовке специалистов дела применения собак к службе розыска [8, д. 464, л. 22].

В январе 1925 г. исправно функционировали питомники в Борисове, Могилеве и Бобруйске. В 1925–1926 гг. аналогичные питомники были открыты в других окружных городах [7, с. 163].

Системно в оперативно-розыскной деятельности служебных собак начали использовать в 1925 г. С момента создания при отделе уголовного розыска питомника до 1927 гг. в 105 случаях собаки привлекались на место происшествия для поиска преступников; в 35 % случаев их применение давало положительный результат, лица совершившие преступления были установлены. Надо отметить, что наибольший эффект давало использование ищеек при раскрытии случаев краж имущества. Собаки успешно разыскивали преступника или похищенное имущество. В случае запоздалого вызова собак либо при обстоятельствах, когда не были сохранены или отсутствовали запаховые следы, эффективность поисковых действий значительно снижалась [7, с. 164].

Народный комиссар внутренних дел БССР А.О. Сташевский 21 апреля 1927 г. утвердил Инструкцию об организации и деятельности центрального питомника служебно-розыскных собак, в соответствии с которой Центральный питомник служебно-поисковых собак находился при отделе уголовного розыска Управления милиции и уголовного розыска НКВД БССР и подчинялся непосредственно начальнику отдела уголовного розыска [8, д. 562, л. 9–16]. 28 мая 1927 г. приказом № 59 Управления милиции и уголовного розыска НКВД БССР были утверждены «Положение о Центральном питомнике служебно-розыскных собак при отделе уголовного розыска Управления милиции и уголовного розыска НКВД БССР» и «Инструкция о порядке использования служебно-розыскных собак» [8, д. 562, л. 8–16].

Таким образом, использование собак-ищеек в борьбе с преступностью на территории Беларуси началось в начале XX в. Приобретенный правоохранительными органами Российской империи положительный опыт применения собак в оперативно-розыскной деятельности в дальнейшем был использован органами внутренних дел советского государства при восстановлении в начале 20-х гг. XX в. деятельности кинологической службы уголовного розыска Беларуси.

Список использованных источников

1. Чисников, В.Н. Собаки-ищейки на службе уголовного сыска Российской империи (к 100-летию кинологической службы МВД России) / В.Н. Чисников // Оперативник (сыщик). – 2010. – № 1. – С. 3–8.
2. Лебедев, В.И. Руководство дрессировки полицейских и военных собак [Электронный ресурс] / В.И. Лебедев. – Режим доступа: <https://unotices.com/book.php?id=57604&page=2>. – Дата доступа 27.01.2019.
3. Киселев, А.А. Общая полиция Витебской губернии в конце XIX – начале XX вв. / А.А. Киселев // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2014. – Т. 17. – С. 95–101.
4. Полицейские собаки в России (итоги за 5 лет) // Вестн. полиции. – 1914. – № 43.
5. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 2415. – Оп. 1.
6. Крылов, И.Ф. В мире криминалистики / И.Ф. Крылов. – Ленинград, 1980. – 279 с.
7. Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі / пад рэд. А. Сташэўскага. – Мінск, 1927. – 228 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 35. – Оп. 1.

Дата поступления в редакцию: 27.02.19

A.I. Murashko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; A.S. Zhmurovskiy, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

CREATION OF THE CYNOLOGICAL SERVICE OF THE CRIMINAL DETECTION DEPARTMENT OF BELARUS

On the basis of archival and published historical materials the aspects of creation of the cynological service and the use of dogs in search activities of criminal detection departments on the territory of Belarus during the period of the Russian Empire and the Soviet period in the early 20-th centuries poorly known in the Russian historiography are considered.

Keywords: sniffer dogs, cynological service, law enforcement agencies, police, militia, criminal detection, department, the Russian Empire, the BSSR.

УДК 340.1

А.В. Шаповалов, адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: arturshapovalov1992@mail.ru)

СТРУКТУРА ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Необходимость переосмысления дефиниции структуры юридической практики. Учитываются результаты исследований проблем юридической практики известных специалистов в рассматриваемой области. Анализируются основные подходы, раскрывающие характер исследуемого понятия. Предлагаются авторские определения структурных элементов юридической практики.

Ключевые слова: структура, юридическая практика, юридическая деятельность, субъекты юридической практики, участники юридической практики, объект юридической практики, юридические действия, юридические операции, средства юридической практики, результат юридической практики.

Актуальность исследования структуры юридической практики связана с установлением ее места в правовой системе Республики Беларусь и с тем, как она влияет на другие ее элементы и взаимодействует с ними. В этой связи есть основание рассматривать структуру юридической практики как одну из крупных проблем современной юридической науки, имеющей как теоретическое, так и практическое значение. Вышеназванные вопросы в теоретической, отраслевой юридической науке исследованы недостаточно, но некоторые их аспекты, тем не менее, отражены в работах современных ученых-правоведов.

Разнообразие подходов к определению понятия «структура юридической практики» обуславливает неоднозначное толкование и двусмысленность в исследовании государственно-правовой реальности. В этой связи логично структуру юридической практики рассматривать как вопрос, являющийся с точки зрения юридической теории и практики достаточно значимым.

Теоретической разработкой понимания «структуры юридической практики» занимались С.С. Алексеев, В.Н. Бибило, В.Н. Карташов, Н.И. Кагадий, В.П. Реутов, С.Н. Братусь, В.И. Леушин, Н.И. Матузов, Б.В. Шагиев, Ю.Г. Арзамасов, Е.Н. Палагина, А.П. Рожнов и др. Большинство правоведов полагают, что юридическая практика состоит из юридической деятельности и правового опыта как результата такой деятельности. Вместе с тем подробный анализ структуры юридической практики предлагают немногие исследователи.

В.Н. Карташов, например, утверждает, что юридическую практику образуют юридическая деятельность (динамическая составляющая) и социально-правовой опыт (статическая составляющая). При этом элементами юридической практики, по мнению ученого, являются объекты, субъекты и участники, юридические действия и операции, их средства, способы и результат [1, с. 33].

Ю.Г. Арзамасов, говоря о структуре юридической практики, ведет речь фактически о ее содержании, а не о форме, так как форма является определенным организующим началом для содержания и имеет свою структуру в виде различных типов юридической практики (правотворчество, реализация права и т. п.) [2, с. 39]. Однако, по нашему мнению, содержание и форма, детерминируя друг друга, обуславливают возникновение в процессе юридической практики разнообразных интегрирующих связей и отношений.

Е.Н. Палагина, в свою очередь, юридическую практику называет сложным, субстанциональным единством составляющих ее компонентов (юридической деятельности, результатов юридической деятельности и социально-правового опыта), отражение содержания которых позволяет раскрыть совокупность образующих ее внутренних свойств и связей [3, с. 13].

Украинский исследователь Н.И. Кагадий предлагает в содержание юридической практики включать внутреннюю структуру и внешние связи такой практики с другими элементами правовой системы, что предоставит возможность говорить об истинном значении места и структуры юридической практики. По мнению автора, такая структура должна включать: субъектов и участников; цели, задачи, функции, способы реализации; структуру внутренней и внешней организации; внешнюю форму, а также внутренние и внешние связи – все то, что подчеркивает ее социальную ценность, назначение и эффективность (пер. ред.) [4, л. 50–51].

В.Н. Бибило к элементам юридической практики относит объекты юридической практики, на которые направлены юридические действия субъектов (материальные и нематериальные блага, предметы и явления, служащие удовлетворению общественных и личных интересов); субъекты юридической практики (участники правоотношений, которые своими действиями создают юридическую практику (государственные органы, должностные и физические лица, вовлеченные в процесс юридической деятельности). Юридические действия – внешнее выражение поведения субъектов юридической практики. Совокупность юридических действий образует юридические операции. Каждое юридическое действие имеет свои субъекты, объекты и результаты. Система локальных результатов образует общий результат. Средства юридической практики – предметы и явления, с помощью которых достигаются определенные цели и получаются соответствующие результаты. Способы осуществления юридической практики – процесс достижения поставленной цели при наличии соответствующих условий и предпосылок деятельности. Результат юридической практики – итог юридической деятельности, позволяющий удовлетворить интересы человека, группы людей или общества в целом. Формы юридической деятельности – внешнее проявление юридической практики, выраженное в процедуре принятия решений и их документальном оформлении [5, с. 171–172].

Обозначенный В.Н. Бибило подход к трактовке структуры юридической практики представляется наиболее полным. В этой связи данный подход видится логичным использовать в качестве основы авторской модели структуры юридической практики. Соглашаясь в целом с В.Н. Бибило, указанный перечень элементов, на наш взгляд, следует дополнить, при этом разграничив субъектов и участников юридической практики и выделив их принципиальные отличительные особенности. Исследователь выделяет способы осуществления юридической практики, но, с нашей точки зрения, более обоснованно под способами понимать виды юридической практики. Выделение форм юридической практики в качестве ее структурного элемента видится неправомерным, так как характеристика внешнего проявления юридической практики выражается в ее видовой классификации.

Структуру юридической практики, на наш взгляд, составляет единство и взаимодействие всех ее элементов: субъектов юридической практики; объектов юридической практики; юридических действий (юридические операции); средств юридической практики; результатов юридической практики.

Одним из центральных элементов структуры юридической практики является ее *субъект*, чья природа определяется системой общественных отношений, которой он объективно обусловлен [6, с. 34].

В этой связи А.Ф. Вишневский предлагает к субъектам права относить индивидов (физические лица) и организации, которые обладают признаваемыми правовыми нормами юридическими качествами, позволяющими быть носителями субъективных прав и обязанностей [7, с. 331].

Наряду с субъектами юридической практики некоторые ученые выделяют и участников практической деятельности. На наш взгляд, таковыми могут быть, например, потерпевшие от правонарушения, свидетели и т. д., чьи права и обязанности можно закрепить в нормативных правовых актах, что создает строго очерченные рамки для их поведения. В то же время действия многих участников жестко не регламентированы нормами права и направляются субъектами юридической практики в зависимости от конкретных ситуаций и решаемых ими задач.

С учетом проведенного анализа под субъектом юридической практики предлагаем понимать физическое или юридическое лицо, без которого невозможно образование юридической практики; лицо, осуществляющее активные действия по обобщению юридической деятельности, направленной на накопление правового опыта.

Под участниками юридической практики предлагаем понимать отдельных лиц или организации, по ряду причин и обстоятельств способствующих субъектам в выполнении ими соответствующих юридических действий.

При этом следует полагать, что субъекты и участники юридической практики выступают в качестве носителей социально-преобразующих, целенаправленных действий, связывающих их с определенными объектами.

Под объектом юридической практики предлагаем понимать производственные, политические и социальные общественные отношения, которые входят в предмет и пределы общего правового регулирования, а также определенные материальные и духовные блага.

Основа юридической практики – юридические действия – представляют собой внешне выраженные, социально-преобразующие акты субъектов и участников юридической практики, которые влекут за собой определенные правовые последствия (например, проведение следственных действий следователями). При этом совокупность юридических действий составляет процесс деятельности, претворяющийся в практику.

Так, юридическая деятельность представляет собой совокупность отдельных юридических действий, формирующих юридическую практику. В данном случае деятельность прежде всего характеризует именно элемент юридической практики, т. е. отражает ее динамический характер. В юридической литературе понятия «юридическая практика» и «юридическая деятельность» часто отождествляются либо неправомерно разделяются. С точки зрения предлагаемого нами подхода при анализе структурных элементов юридической практики в понятии юридической деятельности отражается процессуальность осуществления юридической практики безотносительно ее юридически значимого результата. При таком подходе юридическая деятельность представляет собой активность субъектов юридической практики (осуществление различных действий в тех или иных сферах), а юридическая практика выступает в качестве целостного завершающего этапа правового регулирования с конкретным юридически значимым результатом.

Представленный подход к соотношению понятий «юридической деятельности» и «юридической практики» можно именовать специальным или узким подходом, так как он основан на соотношении понятия «юридическая деятельность» со структурным элементом юридической практики – юридическим действием.

Вместе с тем считаем возможным использовать и широкий (общий) подход к соотношению понятий «юридическая практика» и «юридическая деятельность», при котором они отождествляются (допустимо отождествлять рассмотренные понятия в общем смысле, но в специальном смысле деятельность – это сам процесс реализации норм права, а практика – полный цикл).

Совокупность взаимосвязанных юридических действий, объединенных общей целью, составляет операцию (например, осмотр места происшествия, включающий несколько последовательных правовых действий).

На наш взгляд, за основу анализа юридической практики по стадиям целесообразно принять стадии процесса применения права. В частности, всякая юридическая практика, в том числе правоохранительная, которая предполагает и юридическую деятельность уполномоченного субъекта по разрешению конкретных жизненных ситуаций, включает следующие стадии: установление, анализ и оценку фактических обстоятельств дела; выбор (отыскание) правовой нормы, подлежащей применению; проверку подлинности текста правовой нормы; толкование правовой нормы, разрешение возможных коллизий между нормами; принятие решения по делу и издание акта применения правовой нормы, доведение его содержания до сведения исполнителей; реализацию принятого акта [7, с. 309–310].

Под средствами юридической практики следует понимать явления, процессы, действия, которые в том числе обеспечивают получение необходимого результата юридической практики.

В юридической практике субъекты используют всю совокупность правовых средств, однако в каждой отдельной практике используется конкретный набор средств. Например, в оперативно-розыскной деятельности используются императивные нормы права и принципы негласного осуществления оперативно-розыскной деятельности. В случае реализации норм уголовно-исполнительного законодательства используются в основном нормы-ограничения, нормы-запреты, связанные с обеспечением режима содержания заключенных. Соответственно, можно говорить о возникшей потребности в разработке категории «средства юридической практики».

Результат юридической практики – итог соответствующих действий и операций субъектов и участников юридической практики, позволяющий удовлетворить индивидуальный или общественный интерес. Так, в юридической практике прокуратуры результатом является накопление правового опыта обобщенной деятельности системы органов прокуратуры. В последнее время получила распространение разработка прокуратурой инструкций и разъяснительных писем по расследованию определенных категорий уголовных дел, а также по проведению проверок сотрудниками оперативных подразделений с учетом накопленного опыта.

Кроме структурных элементов юридической практики для ее комплексного анализа важны и иные характеристики. На наш взгляд, к ним можно отнести задачи, цели и функции данного

правового феномена. Названные характеристики нецелесообразно включать в структуру юридической практики как самостоятельные элементы, но их значимость в формировании целостности юридической практики неоспорима.

Особое место в структуре юридической практики занимает опыт, предполагающий совокупный итог всей практической деятельности, так и отдельные ее моменты. На наш взгляд, здесь необходимо отметить, что опыт в процессе юридической практики может выражаться в двух формах: личный профессиональный опыт субъектов юридической практики (опыт сотрудника уголовного розыска, следователя, участкового инспектора милиции, судьи, прокурора и т. п.); профессиональный (коллективный) опыт, аккумулированный в результате юридической практики в виде конкретного акта – результата юридической практики.

Многоаспектность и сложность проблемы структуры юридической практики отражаются в различных теоретических позициях и взглядах исследователей на ее содержание, природу, основные черты, основания, формы.

Таким образом, можно заключить, что структура юридической практики должна включать следующие составляющие: субъектов юридической практики; объекты юридической практики; юридические действия (юридические операции); средства юридической практики; результаты юридической практики. Помимо структурных элементов юридическая практика включает в себя цели, задачи, функции и аккумулирует профессиональный юридический опыт, отражающийся как на уровне личного опыта субъекта юридической практики, так и в ее результате.

Список использованных источников

1. Карташов, В.Н. Правоприменительная практика в социалистическом обществе : учеб. пособие / В.Н. Карташов. – Ярославль : ЯрГУ, 1989. – 88 с.
2. Арзамасов, Ю.Г. Природа юридической деятельности / Ю.Г. Арзамасов // Ленингр. юрид. журн. – 2007. – № 3. – С. 33–52.
3. Палагина, Е. Н. Функции юридической практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Саратов, 2003. – 26 с.
4. Кагадій, М.І. Юридична практика в правовій системі України : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Київ, 2005. – 243 с.
5. Бибило, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2015. – 206 с.
6. Шагиев, Б.В. Юридическая деятельность и ее система / Б.В. Шагиев. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 192 с.
7. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского. – 2-е изд. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 479 с.

Дата поступления в редакцию: 20.03.19

A.V. Shapovalov, postgraduate student of Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

STRUCTURE OF LEGAL PRACTICE

The article is devoted to the grounding of need to rethink the definition of the structure of legal practice. The results of researches of problems of legal practice made by known experts in the considered area are taken into account. The main approaches revealing the nature of the concept under the research are analyzed. The author's definitions of the structural elements of legal practice are proposed.

Keywords: structure, legal practice, legal activity, subjects of legal practice, participants of legal practice, object of legal practice, legal actions, legal operations, means of legal practice, the result of legal practice.

УДК 343.98 + 343.953

А.Н. Пастушэня, доктор психологічных наук, прафесар, прафесар кафедры психалогіі і педагогікі Акадэміі МВД Рэспублікі Беларусь, заслужаннік работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОВ О ПРЕСТУПЛЕНИИ ДЛЯ ВЕРОЯТНОСТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЕГО СУБЪЕКТА И СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

Уточняецца суть психалагічнага аналізу фактаў о прэступленьні, уключаючага іх психалагічную інтэрпрэтацыю, с целью саставленьня психалагічна-кріміналістычнага партрэта неўстаноўленага прэступніка; акцэнтуйцеся ўважаньне на психалагічнай характэрыстыцы суб'ектыўнай сьтараы прэступленьня. Сістэматызуюцца поіскава значымыя данныя о прэступніку і псіхічныя яьленьня, адносячыся к суб'ектыўнай сьтараы прэступленьня, котарыя должы ўстанавлівацца в рэзультаце такога аналізу. Прадагаецца для расматрэння камплек фактаў о прэступленьні, падвергаемых псіхалагічнаму аналізу і інтэрпрэтацыі; апрадэляюцца правіла іх аналізу, псіхалагічнай інтэрпрэтацыі і характэр вераьтностных вывадаў.

Ключевые слова: псіхалагічна-кріміналістычны аналіз, псіхалагічна-кріміналістычны партрэт неўстаноўленага прэступніка, поіскава значымыя сьвоіьства прэступніка, псіхалагічная інтэрпрэтацыя фактаў о прэступленьні, псіхалагічна-кріміналістычнае мадэліраваньне, псіхалагічная характэрыстыка суб'ектыўнай сьтараы прэступленьня.

Раскрытне і расследаванне прэступленьня, когда лнцо (група лнц), яго совершнвшее, не ўстаноўлена, требуе аналізу імеюцнхся фактаў, рэзультаьт коьтараго должо стаь саставленьне вераьтностной характэрыстыкн прэступніка, мотнвацин, цели и дрнх псіхалагічных асобенностей суб'ектыўной сьтараы прэступленьня, аьстараьств яго совершненья, а таьже посткрнмннального поведенья прэступніка. По причнне того, что поведеньне челоьека, в том числе прэступное, внутренне детермннуруется яго псіхнческой деьтельностью, аналіз фактаў о прэступленьні должн затрагнвать эту деьтельность и прояьление в ней псіхалагічных сьвоіьств лнчнстн прэступніка, а таьже реалнзующнхся в поведеньні ннх его сьвоіьств. Все эти сьвоіьства, вераьтностно ўстаноўленыя, саставляюьт характэрыстыку прэступніка и выстуьпаюьт в качестве прнзнаков прэступніка, нспользуемых для его розыска. По мненью А.И. Афнногенова, «аналнтно-псіхалагічний подьход опнрается на вськрытие суб'ектнвно-лнчностного содерьжания деьствий прэступніка, нсходя нз чего выдвнгается аргументнрованная версия о его прнзнаках» [1, с. 365–369].

Нсходя нз того, что аналіз как метод нсследования яьлений предусматрнвает нзученьне нх саставных частей для более глубокого познания сутн этих яьлений, поннмание аналізу фактаў о прэступленьні заключается в стремленнн нсследователя апрадэленнть прояьление в этих фактах псіхалагічных и ннх сьвоіьств суб'екта и суб'ектыўной сьтараы прэступленьня, аьстараьств его совершненья. Для этого необходнма псіхалагічная ннтерпретацыя фактаў, выражающаься в нх нстолкованнн с точки зренья вераьтного прояьления в ннх сьвоіьств суб'екта прэступленьня и суб'ектыўной сьтараы прэступленьня. Такое нстолкованне аьновывается на знаннях о псіхнческой регуляцын поведенья нндивнда и фунькцнональном прояьленнн в ней его псіхнческих сьвоіьств. В этой сьвязн есть аьновання нспользовать поннате псіхалагічна-крнміналістычного

анализа фактов о преступлении. Такой анализ включает психологическую интерпретацию этих фактов и осуществляется с целью вероятностного установления свойств лица, совершившего преступление, субъективной стороны и других обстоятельств его совершения, значимых для раскрытия и расследования преступления.

Для обозначения комплекса свойств, присущих лицу, совершившему преступление, и значимых для его розыска, в научной литературе используются понятия «психологический портрет преступника», «поисковый психологический портрет преступника», «психолого-криминалистический портрет преступника», «криминалистический портрет преступника». Данные понятия обозначают характеристику преступника, отражающую не только его психологические свойства, но и физические, антропометрические, физиологические, социально-демографические и иные, а также его социальные связи. По этой причине видится верным использовать понятие психолого-криминалистического портрета преступника, так как он составляется в значительной мере на основе психологического анализа и интерпретации фактов о преступлении, а результатом его составления должны являться вероятностная характеристика свойств (признаков) лица, значимых для его розыска, наряду с которыми выносятся предположения о характеристиках субъективной стороны преступления и обстоятельств его совершения.

Разработке научных оснований составления таких портретов посвящены исследования А.И. Афиногенова [1]; Л.М. Исаевой, В.В. Нестеровой, О.И. Прокофьева [2]; Д.В. Миронова [3], В.А. Образцова, Н.Н. Богомоловой [4]; А.А. Протасевича [5]; Ф.С. Сафуанова, Е.А. Назаровой [6] и др. Так, в работах ученых отмечаются свойства лица, совершившего преступление, которые необходимо отражать при составлении портрета, факты о преступлении, которые необходимо изучать и анализировать, а также рассматривается специфика портретов в зависимости от вида совершенного преступления. На наш взгляд, анализ фактов о преступлении должен быть ориентирован не только на составление психолого-криминалистического портрета преступника, но и на установление характеристики субъективной стороны преступления в широком ее понимании. Такая характеристика по возможности должна отражать: восприятие преступником обстоятельств ситуации и потерпевшего, мотивацию, цель, функциональное и психическое состояние преступника, особенности его мыслительной деятельности, эмоциональной и импульсивной активности; может выражать описание психологического генезиса преступления как протекающей во времени психической деятельности, детерминирующей последовательность действий преступника, образующих преступное поведение.

Такое вероятностное описание можно рассматривать как воссоздание процесса совершения преступления с его психологической стороной; при этом описание указанных явлений может включать несколько возможных вариантов отдельных из них.

Одним из теоретико-методических вопросов портретирования неустановленного преступника является обоснование комплекса свойств (признаков), которые целесообразно включать в психолого-криминалистический портрет. Оно определяется полезностью отражаемых в портрете свойств для его розыска, т. е. свойства, отражаемые в портрете, должны быть поисково значимыми. Это означает, что они должны по возможности быть в наличии в базах данных о жителях страны или региона, а также являться достаточно очевидными для распознавания сотрудниками правоохранительных органов или людьми, которые могут иметь контакты с преступником и выступать носителями информации о нем. Такие данные должны оптимизировать поиск среди большого количества лиц, имеющих определенную вероятностную характеристику, присущую преступнику (например, среди жителей определенного населенного пункта; знакомых потерпевшего; лиц, работающих в определенной сфере трудовой деятельности; состоящих на психиатрических и наркологических учетах; ранее судимых за совершение определенных преступлений; имеющих охотничье оружие; являющихся водителями определенного транспортного средства и т. д.).

По вопросу перечня данных, отражаемых в портрете неустановленного преступника, имеются различные мнения специалистов. Так, А.А. Протасевич предложил типовую модель поискового портрета преступника из трех блоков, где первый – признаки, характеризующие преступника как объект реального мира и как личность (социально-демографические, функциональные, психические и др.); второй – признаки типа связей и отношений (отношений

преступника к потерпевшему, похищенному имуществу, к местности, на которой расположено место происшествия, и т. д.); третья – признаки преступника как субъекта криминальной активности и объекта, участвующего в процессе слепообразования (действия до, в ходе и после совершения преступления, следы на теле, одежде преступника и на взаимодействовавших с ним объектах и т. д. [5]. В.А. Образцов и Н.Н. Богомолова, изучая структуру поискового портрета преступника, отмечают, что он может отражать общую характеристику личности и преобладающей мотивации поведения; привычки, склонности, навыки и другие индивидуальные признаки; возрастную группу; район проживания; район места работы, службы, учебы; уровень образованности; профессиональную деятельность; особенности происхождения (родительская семья) и историю личной жизни [4, с. 123].

Учитывая имеющиеся научно-практические разработки перечня перечисленных данных, включаемых в портрет неустановленного преступника, и собственный научно-практический опыт составления таких портретов, в данный перечень необходимо включить: пол, возраст, физические, антропометрические и динамические данные; район проживания и особенности жилища (собственный дом, квартира, общежитие, а также располагаемые помещения для подготовки, совершения и сокрытия преступления); район места работы, учебы, службы; род трудовой деятельности; уровень образования, профессиональную квалификацию, специальность и виды профессиональной обученности; наличие навыков определенных видов деятельности или увлечений; умственные способности; наличие криминального опыта и опыта отбывания наказания в местах лишения свободы; наличие специальных умений, проявившихся в преступлении (например, владение боевыми приемами); особенности личной истории жизни; семейное положение, наличие детей; национальную, этническую принадлежность; ближайшее социальное окружение, деловые и дружеские связи; отношения с потерпевшим (знакомство, совместная деятельность, любовные, дружеские либо неприязненные отношения); наличие у преступника информации о потерпевшем и иной, значимой для совершения преступления; наличие заболеваний; психическую адекватность (неадекватность), трезвое или одурманенное состояние во время совершения преступления.

На начальном этапе розыска преступника данные, характеризующие психологические особенности его личности, не имеют особой значимости, однако их значимость повышается при оценке ограниченного круга подозреваемых лиц, выступая более детальными его признаками. К числу психологических свойств личности, значимых для установления преступника из ограниченного круга подозреваемых, необходимо отнести следующие: рациональность – спонтанность поведения, агрессивность, тревожность; интроверсия – экстраверсия, аккуратность – небрежность, ригидность – лабильность, уровень умственных способностей.

Наряду с данными о личности преступника важной задачей психолого-криминалистического анализа фактов о преступлении является воссоздание (моделирование) процесса и психологической стороны преступления, включающее вероятностные выводы о следующих явлениях: мотивации и цели совершения деяния; предварительной подготовке или спонтанном совершении; восприятии преступником обстоятельств ситуации, в которой совершено преступление; проявлении эмоций и мышления; психическом и психофизиологическом состоянии преступника, которое определяет расчетливое совершению действий, либо спонтанное (импульсивное).

Что касается мотивации, то в корыстных преступлениях она может быть связана с обогащением, разделом имущества (в частности, денежных средств), взысканием или возвратом долга, тяжелым материальным состоянием, срочной необходимостью значительной суммы денег и др. В насильственных преступлениях возможны другие ее варианты: месть, ревность, корысть, конфликт, жизненный кризис, компенсация травматического переживания (собственной ущербности, униженности, стигматизированности), стремление к доминированию, влечение к насильственным действиям, которое может носить патологический характер (садизм, влечение к взрывам и др.). Также необходимо учитывать, что мотивация и цель преступных действий может изменяться в процессе совершения преступления в связи с изменением обстоятельств и поведения потерпевшего. Так, первоначальный мотив устрашения потерпевшего путем нанесения ему побоев имеет шанс перерасти в мотив недопущения с его стороны мести и привлечения к ответственности, что может побудить к совершению убийства. Или первоначальный мотив и

цель совершения насильственных действий может дополниться корыстным мотивом и побудить завладеть имевшимся у потерпевшего имуществом.

Моделируя психическую регуляцию преступного поведения лица, необходимо оценить совершено ли оно на основе разумного расчета, либо импульсивно на фоне эмоционального возбуждения (аффекта) или стресса, либо в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического, токсического), либо в состоянии психоза (например, шизофренического), либо при актуализации криминального влечения с признаками его патологии.

При психолого-криминалистическом анализе важны факты о преступлении, которые должны быть оценены (интерпретированы) с точки зрения их значения для выводов о свойствах преступника, субъективной стороне преступления и обстоятельствах его совершения. Систематизируя данные о существующих в литературе описаниях психологических портретов неустановленных преступников, а также учитывая собственный опыт психологического анализа фактов о преступлениях, их можно представить следующим образом:

1) место и время совершения преступления (день недели, рабочий или выходной день), доступность и наблюдаемость другими людьми места совершения преступления, наличие заметной видеофиксации, возможность подъезда транспорта и наличие остановок общественного транспорта, особенности погодных условий;

2) соотнесение времени и места совершения преступления с местами совершения аналогичных преступлений, особенностями погодных условий, проведением массовых мероприятий, нахождением в регионе приезжих лиц для выполнения определенных работ, временем освобождения из мест лишения свободы лиц, отбывших наказания;

3) данные о потерпевшем (пол, возраст, образ жизни, занятость, внешний вид, увлечения, социально-демографические и другие данные, наличие следов физического насилия);

4) данные о материальных объектах преступного посягательства (что было похищено или повреждено, уничтожено);

5) вид, способ, орудия совершения преступления; характер причинения вреда при совершении насильственных действий;

6) последовательность действий при совершении преступления; сочетание действий, направленных на достижение преступной цели и действий по сокрытию улик;

7) данные свидетельских показаний и иные данные о преступнике, включающие все внешне наблюдаемые признаки (антропометрические, одежда, вещи, динамика и особенности движений, жесты, ловкость действий, особенности речи, запах, татуировки и др.).

Все перечисленные данные анализируются с точки зрения, какой человек по своим индивидуальным особенностям мог являться субъектом преступления; какие мотивы, цели, состояние и другие особенности психической деятельности ему были присущи. Для психологического анализа фактов о преступлении, включающего их психологическую интерпретацию, важны методические принципы, определяющие, каким образом он должен осуществляться.

Исходным положением для исследуемого анализа является понимание, что человек действует так, как это для него наиболее приемлемо (привычно, освоено, допустимо) и рационально, если он находится в состоянии, сохраняющем способность разумного произвольного поведения. Исходя из этого, каждый факт, относящийся к действиям преступника, а также к обстоятельствам преступления, должен оцениваться с точки зрения психологической приемлемости для субъекта: совершаемых им действий, объекта посягательства, используемых для посягательства средств, способов и условий совершения преступления. Эта приемлемость действий, в свою очередь, определяется рядом показателей: возрастом преступника; полом; психическим состоянием; умениями и привычками, выработанными в связи с укладом жизни и профессиональной деятельностью; умственными способностями; обученностью; жизнью в определенных условиях; отбывтием наказания; традиционной присущностью для определенной социальной группы или жителей определенного региона. Также необходимо учитывать, что приемлемость может обуславливаться влиянием членов преступной группы или других лиц. В этой связи необходимо искать ответы на вопрос: в силу какой личностной особенности (относящейся к перечню поисково значимых) преступник действовал именно таким образом, используя именно такие средства и в таких обстоятельствах, как установлено по имеющимся фактам о преступлении? Этот

вопрос можно сформулировать и иначе: о какой особенности личности преступника и субъективной стороны преступления говорит определенный факт?

Ответ на заявленный вопрос требует психологической интерпретации определенного факта с точки зрения проявления в нем определенной характеристики преступника или субъективной стороны преступления. Так, например, из показаний свидетеля о быстроте перемещения преступника и динамике иных движений можно сделать предположение о его возрасте. Или, оценивая факт использования преступником топора для нанесения телесных повреждений жертве при наличии на видном месте ножа и металлической кочерги, можно предположить, что это орудие для него более приемлемо и освоено в его жизненном опыте. А эта освоенность, вероятнее всего, обусловлена его проживанием в сельской местности, где топор постоянно используется в быту (для колки дров и других хозяйственных работ). Другой пример: при изготовлении преступником бумажной коробочки в качестве контейнера для гаек как поражающего элемента самодельного взрывного устройства, он предварительно на листе чертежной бумаги с типографской рамкой расчертил ее грани. Это показывает, что преступник владеет умениями практического черчения и склонен их использовать, а следовательно имеет техническое образование. Кроме того, подобная щепетильность в изготовлении бумажной коробочки указывает на педантичность лица, что часто сочетается с замкнутостью, шизотимией. Эта черта, как и само преступление, не коррелирует с семейной жизнью.

Факты о действиях преступника оцениваются аналитиком для воссоздания психической регуляции преступного поведения и проявления в ней психологических и иных свойств лица. Для точности такой оценки необходимо определить доминирующий уровень психической регуляции преступного поведения, которая обусловлена психофизиологическим состоянием его субъекта. Это состояние может дифференцироваться следующим образом: состояние расчетливой разумности действий, либо состояние импульсивности на фоне высокого эмоционального возбуждения (аффекта, стресса), либо состояние психической неадекватности, обусловленной употреблением алкоголя, наркотиков или психическим расстройством. Если действия, судя по имеющимся фактам, были достаточно рациональными и предусмотрительными, то психологический анализ должен осуществляться исходя из разумной логичности поведения. Если же они содержали нелогичные, неразумные проявления, то предположительно преступник находился в состоянии аффекта, или опьянения, или психоза. А это означает, что анализ с точки зрения разумной логичности и смысловой мотивированности поведения преступника не подходит. Он должен осуществляться исходя из проявления в поведении автоматизмов и потребности разрядить эмоциональное напряжение, а также исходя из регулятивного влияния патологического влечения или психопатической реакции или бредовой идеи (цели). При совершении преступления в группе общественно опасные действия лица, имеющего подчиненный статус, могут быть детерминированы подчинением лидеру или психологическим заражением, когда слабо выражен смысловой мотив, а доминирует установка на подчинение или подражание.

Факты о месте и времени совершения преступления должны оцениваться с точки зрения вероятности места проживания, времени типичной занятости людей (например, рабочее или нерабочее время, будни или выходные), приемлемости для ухода с места преступления и избежания свидетельской фиксации, а также их закономерности в серии преступлений.

Результатом психолого-криминалистического анализа фактов о преступлении должны быть определенные выводы, которые имеют вероятностный характер и могут представлять альтернативные варианты. Это относится как к характеристикам лица, совершившего преступление, так и к характеристикам субъективной стороны преступления. Анализ определенного факта может иметь несколько возможных вариантов его интерпретации и соотноситься с интерпретацией иных фактов, что позволит определять приоритетность одного из возможных выводов о некотором свойстве преступника или особенности субъективной стороны преступления. Оценка степени вероятности определенного свойства преступника или субъективной стороны преступления не может быть точно определенной, поэтому можно вести речь либо о приблизительной равной вероятности альтернативных предположений, либо о более высокой вероятности одного из них или об иерархии нескольких из них по степени вероятности. В этой связи возможно применение градации вероятности оценочных утверждений (например: абсолютная, высокая,

средняя, низкая, минимальная). Применение данной шкалы возможно по отдельным выводам о свойствах преступника или субъективной стороны преступлений, но не по всем.

Одним из вопросов методики психолого-криминалистического анализа и моделирования является последовательность действий при его проведении. Так, В.А. Образцов, Н.Н. Богомоллова приводят используемую в ФБР процедуру составления психологического профиля применительно к тяжким насильственным преступлениям, состоящую из пяти этапов:

- 1) обстоятельное изучение и анализ природы и сущности преступления и типов лиц (психолого-психиатрическая типология), совершивших подобные деяния в прошлом;
- 2) исчерпывающий анализ места расследуемого преступления;
- 3) углубленное изучение окружения, занятий и увлечений жертвы (жертв, если их несколько) и подозреваемого (подозреваемых);
- 4) формирование возможных мотивирующих факторов всех задействованных в расследовании лиц;
- 5) описание преступника (на основе внешних поведенческих проявлений его вероятной психологической сущности) [5, с. 91].

Представленную схему можно считать вполне правильной и использовать с соответствующими особенностями также применительно к анализу и моделированию корыстных преступлений. При ее реализации очень важен подбор специалистов, которые могли бы конструктивно дополнять друг друга в аналитической работе, на что обращают внимание сами специалисты [2, с. 77–91]. Осуществление психолого-криминалистического анализа может быть более детальным и глубоким при участии в нем нескольких специалистов, включая психолога с опытом работы с преступниками, психиатра, оперативного работника или следователя со специализацией и опытом по соответствующему виду преступлений, специалиста с практическим опытом работы с осужденными, а также специалиста в той сфере деятельности, причастность в которой проявилась у преступника.

Список использованных источников

1. Анфиногенов, А.И. Составление психологического портрета преступника по следам на месте происшествия / Прикладная юридическая психология : учеб. пособие / А.И. Анфиногенов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
2. Исаева, Л.М. Теория и практика составления психолого-крими-налистического портрета / Л.М. Исаева, В.В. Нестерова, О.И. Прокофьев. – М. : ВНИИ МВД России, 2008 – 148 с.
3. Миронов, Д.В. Психологическое обеспечение раскрытия серийных убийств : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Д.В. Миронов. – М., 2001.
4. Образцов, В.А. Криминалистическая психология / В.А. Образцов, Н.Н. Богомоллова. – М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2002. – 448 с.
5. Протасевич, А.А. Поисковый портрет преступника как интегративная система / А.А. Протасевич. – Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1998. – 91 с.
6. Сафуанов, Ф.С. Сравнительный анализ различных методов составления психологического портрета предполагаемого преступника [Электронный ресурс] / Ф.С. Сафуанов, Е.А. Назарова // Психология и право, 2011. – № 3. – URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n3/46577.shtml>.

Дата поступления в редакцию: 21.04.19

A.N. Pastushenya, Doctor of Psychological Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Psychology and Pedagogy of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE FACTS ABOUT CRIME FOR THE PROBABILISTIC CHARACTERISTIC OF THE SUBJECT AND MENTAL ELEMENT IN CRIME

Psychological analysis essence of the facts about crime, including their psychological interpretation, is clarified in order to compile a psychological and criminalistic portrait of the unidentified criminal and a psychological characteristic of the mental element of crime. The search-relevant data about the offender and mental phenomena relating to the mental element of crime, which should be established as a result of such analysis, are systematized. A set of the facts about crime, subjected to the psychological analysis and interpretation, is stated. The rules of their analysis, psychological interpretation and the nature of probabilistic conclusions are set out.

Keywords: psychological and criminalistic analysis, psychological and criminalistic portrait of the unidentified criminal, search-relevant properties of the criminal, psychological interpretation of the facts about the crime, psychological and criminalistic modeling, psychological characteristic of the mental element of crime.

УДК 364.27; 159.922; 316.624

В.Г. Стуканов, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: Stukanov1972@gmail.com)

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

На основе результатов анализа посмертных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз детей и лиц молодежного возраста, покончивших жизнь самоубийством, проведенного Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь, осуществлена психолого-педагогическая характеристика суицидального поведения подростков. Рассмотрены психологические факторы риска детских самоубийств (эмоциональная неустойчивость, импульсивность, повышенная тревожность, неадекватная самооценка, агрессивность, антисоциальные склонности, проблемы социальной и гендерной идентичности, не развитость коммуникативных качеств, глубокая интровертированность). Выявлены конфликтные ситуации, с которыми было связано суицидальное поведение подростков, носящие межличностный характер и развивающиеся в семейной, интимно-личностной и деятельностной (учеба) сферах.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение, личность подростка, психологические факторы риска суицида.

В современном белорусском обществе, несмотря на повышение эффективности социальной профилактики девиантного поведения, сохраняется высокий уровень суицидов. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь, уровень самоубийств в нашей стране в последние 30 лет остается критическим (данные ВОЗ, свидетельствуют, что для европейских стран предельный критический уровень самоубийств составляет 17,5 случаев на 100 тыс. населения), хотя в последние два десятилетия отмечалась тенденция к снижению (рис. 1) [1].

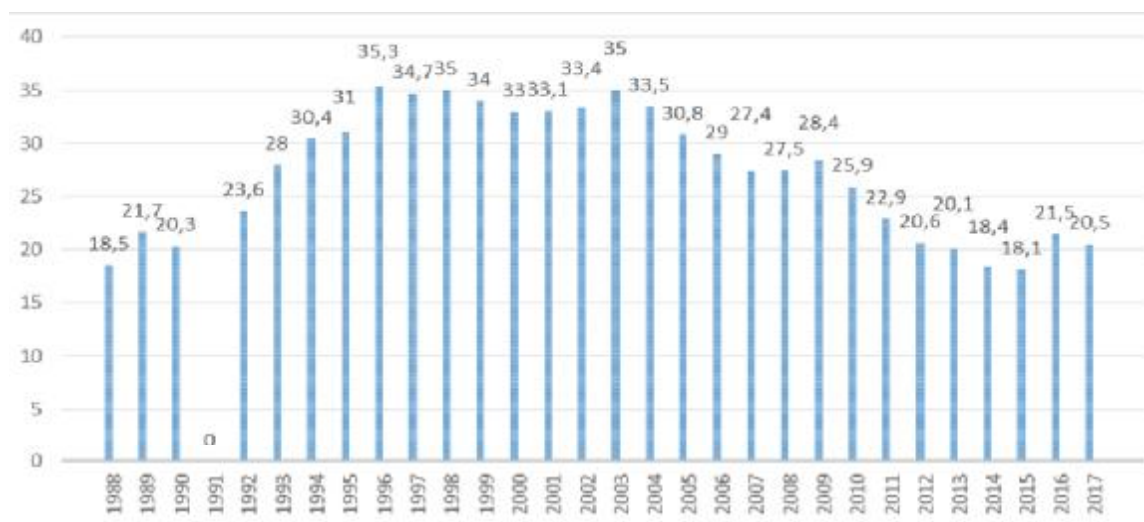

Рис. 1. Динамика уровня суицидов в Республике Беларусь за 30 лет¹

Уровень суицидов в сельской популяции продолжает преобладать во всех группах населения и во всех областях республики. Основной суицидоопасный возраст: 15–17 лет (дети), 18–29 лет (лица молодежного возраста) и от 40 до 59 лет. Показатель суицидов у мужчин в 3–6 раз выше, чем у женщин. Многолетний анализ суицидов в республике, по сведениям учреждений здравоохранения, позволяет определить разнообразие способов их совершения: падение с высоты, повешение, огнестрельное ранение, отравление, нанесение самоповреждений, утопление, прыжок под движущийся объект, аварии транспортных средств.

¹ Данные за 1991 г. отсутствуют.

Наиболее склонны к самоубийствам подростки и молодые люди (в первую очередь лица мужского пола). Суицид – это вторая по количеству причина смерти среди молодежи 15–29 лет [2]. За последние десять лет в Беларуси зафиксировано 318 детских суицидов (возраст – до 17 лет включительно), всплеск которых приходится на 2009–2010 гг. Как правило, родители (опекуны) подростков не обращаются к специалистам по поводу изменений в их поведении (только 6,5 % оказывалась психоконсультационная или психиатрическая помощь). По статистическим данным, на одну девочку приходится 2,5 мальчика в возрасте 15–17 лет.

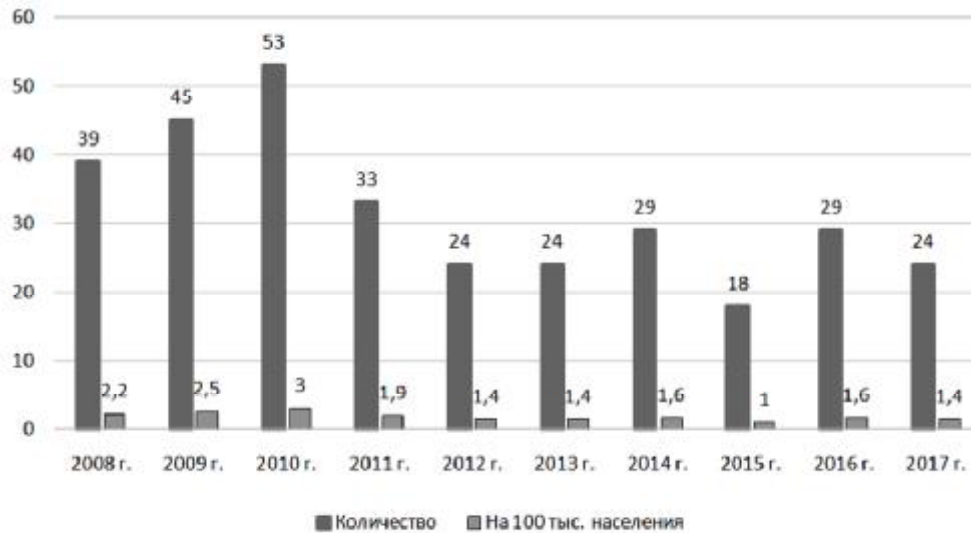

Рис. 2. Динамика уровня детских суицидов в Республике Беларусь за 10 лет

Наиболее распространенные способы подростковых самоубийств – повешение, затем падение с высоты, а также отравление лекарствами или химическими (токсическими) веществами.

По сведениям РНПЦ психического здоровья, в 2017 г. среди детей показатели парасуицидов возросли на 22,1 % (с 244 до 298 случаев) и с 13,4 до 16,1 случая на 100 тыс. детского населения. При этом их доля в общем числе зарегистрированных парасуицидов увеличилась с 4,7 % до 6,2 %. Парасуициды среди девочек превышают таковые среди мальчиков во всех регионах республики. Среди подростковых парасуицидов на первом месте находится острое отравление медикаментами (около 51 % от всех способов совершения суицидальной попытки), вызванное чаще всего употреблением лекарственных средств из домашней аптечки; на втором – нанесение самоповреждений (около 36 % от всех случаев).

Суицидальное поведение подростка формируется не в один момент, и предпочтительно говорить о нескольких факторах – психологических и внешних, способствующих совершению самоубийства.

Начиная с советской школы суицидологии, у специалистов, в том числе современных, сложилось устойчивое убеждение, что основными психологическими факторами риска суицидального поведения являются психические расстройства (органические психические расстройства, шизофрения, депрессивные состояния, расстройства невротического спектра, эмоционально-неустойчивое и диссоциальное расстройство зрелой личности [3]). Вместе с тем проведенный нами анализ результатов посмертных судебно-психологических, судебно-психиатрических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз детей и лиц молодежного возраста (до 29 лет включительно), покончивших жизнь самоубийством, проведенных Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь¹ (далее – ГКСЭ), убедительно доказывают обратное.

В большинстве случаев эксперты ГКСЭ у детей и молодых людей, покончивших жизнь самоубийством, не диагностировали психические расстройства. И лишь у 20 % суицидентов были диагностированы такие психические расстройства, как синдром зависимости от алкоголя, рас-

¹ Изучено 63 посмертных судебно-психологических, судебно-психиатрических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз детей и лиц молодежного возраста, покончивших жизнь самоубийством в 2014–2016 гг.

стройства адаптации, депрессия, легкая умственная отсталость, шизофрения, эмоционально-неустойчивое расстройство личности.

Полученные данные, однако, не являются основанием для утверждения, что психические расстройства не увеличивают риск суицида. Суицидальный риск повышается при диагностике следующих психических расстройств [4]:

1. Синдром зависимости от психоактивных веществ (ПАВ). По некоторым данным, вероятность совершения суицида у страдающего второй стадией алкогольной зависимости в 80 раз больше, чем у среднестатистического жителя страны. Состояние опьянения снижает страх смерти, разрушает психологические барьеры перед суицидальным актом.

2. Эмоционально-неустойчивые расстройства личности. Для данного вида расстройства характерны быстрые смены настроения, напряженные межличностные отношения, импульсивность, чувство «опустошенности» и «бессмысленности» в сочетании с депрессией и зависимостью от ПАВ.

3. Депрессия. По мнению ряда исследователей, умеренный или тяжелый депрессивный эпизод предшествует 45–70 % суицидов. Риск суицида у пациентов, страдающих депрессией, является очень высоким (8–30 %). Наиболее суицидоопасными являются: ощущение собственной измененности; утрата межличностных связей и престижа; нарастание непродуктивности профессиональной деятельности, социальной несостоятельности, которые реактивно утяжеляли тревогу, тоску, чувство душевной боли, идеи самообвинения.

3. Шизофрения. Риск суицида в этой группе пациентов почти такой же, как и среди страдающих депрессией, и составляет 10–12 %.

Высокий суицидальный риск может быть связан также с нервной анорексией, паническим расстройством, расстройствами, связанными со стрессом и др.

Вместе с тем еще раз важно подчеркнуть, что суицидальное поведение не является прямым следствием психического расстройства. Большинство людей с психопатологией никогда не совершают суицидальных действий.

Специфика суицидального поведения подростков обусловлена психофизиологическими особенностями их развития, среди которых следует отметить противоречивость чувств (сочетание ранимости и жестокости), неадекватную самооценку и неуверенность в себе, критическое восприятие общественной морали, максимализм, упрямство и внушаемость, отсутствие жизненного опыта, навыков конструктивного решения проблемы и др. Психофизиологическое становление молодежи происходит в условиях легкодоступности ПАВ, которые часто сопровождают суициды и парасуициды, снижая инстинкт самосохранения. Подростковый возраст – кризисный этап жизненного пути, что вызывает пессимистическое восприятие внешнего мира и самого себя.

Анализ результатов посмертных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз детей и лиц молодежного возраста, покончивших жизнь самоубийством, проведенных ГКСЭ, свидетельствует, что основными психологическими факторами риска суицидального поведения у подростков выступают: эмоциональная неустойчивость (продуцирует высокую конфликтность подростков с ближайшим окружением); нестабильность в общении; импульсивность (проявляется в неспособности обдумывать сколько-нибудь продолжительное время принимаемые решения, прогнозировать последствия поступков); повышенная тревожность; высокая внушаемость, несамостоятельность мышления, зависимость от мнения окружающих (в первую очередь – от референтной группы), склонность подражать кумирам; неадекватная самооценка, низкая (сочетается с крайней зависимостью от мнения сверстников и самоуничтожительными высказываниями о себе) или нарциссизм (чрезмерная самовлюбленность, завышенная самооценка, не имеющая под собой объективных оснований); агрессивность как склонность к реакциям на фрустрирующие воздействия; слабый контроль агрессии; антисоциальные склонности, бездушные; проблемы социальной и половой идентичности; неразвитость коммуникативных качеств и способностей, трудности межличностного взаимодействия; глубокая интровертированность, скрытность, замкнутость. Часто суицидальное поведение формируется на фоне сниженного, депрессивного настроения, ощущения одиночества, непонимания окружающими, чувства безнадежности и обиды.

Особенностью суицидального поведения подростков является (с точки зрения взрослых) несерьезность, мимолетность и незначительность мотивов, вызвавших попытку суицида. Пара-

суициды и суициды у подростков часто носят ситуационный характер, нередко совершаются по принципу «короткого замыкания», на высоте аффекта (предательство, резкое замечание, обида, незаслуженное наказание и т. п.), что затрудняет своевременное распознавание суицидальных тенденций у детей и их профилактику.

Например, Николай, 16 лет. Отличался интровертированностью, замкнутостью, испытывал глубокую привязанность к отцу, во всем брал пример с него, считал его безупречным, своим идеалом. Решив прогулять школу, после первого урока без разрешения старших ушел из школы и вернулся домой. Дома застал отца в постели с чужой женщиной... В эмоционально возбужденном состоянии, в слезах убежал из квартиры, забрался на крышу дома и сбросился с нее.

Особое значение приобретают условия, в которых формируется суицидальное поведение подростков. Как правило, внутренние психологические факторы, о которых говорилось выше, актуализируют мысли о смерти в сочетании с внешними конфликтными факторами (разрыв отношений с партнером, смерть близкого, сексуальное насилие и пр.). Важным представляется то, что суицидальным попыткам, как правило, предшествует конфликт, вызывающий острые переживания обиды, безысходности, безнадежности, одиночества, гнева. Решающим внешним провокатором формирования суицидальных намерений является именно конфликт, острота которого в какой-то одной сфере индивида (например, семейной) со временем может снизиться, но в дальнейшем может и быстро актуализироваться одновременно в нескольких сферах (семейной, лично-интимной, учебе и пр.). При этом сознание индивида сужается, человек не хочет искать конструктивные способы разрешения данного конфликта либо не воспринимает ранее известные; считает, что все иные способы (кроме суицида) неэффективны или неприемлемы. Конфликт приобретает субъективно неразрешимый характер.

Результаты посмертных экспертиз детей и лиц молодежного возраста, проведенных ГКСЭ, свидетельствуют, что конфликтные ситуации, с которыми было связано суицидальное поведение, в основном носили межличностный характер и развивались в трех основных сферах: семья, интимно-личностные отношения и учеба. При этом почти в 70 % случаях предсуицидальные конфликты затрагивали одновременно несколько сфер: отношения в семье и школе; семейные и интимно-личностные отношения; интимно-личностные отношения и проблемы в школе; интимно-личностные отношения и проблемы в семье и школе. Межличностные конфликты и разрыв эмоционально-позитивных отношений с близкими, в первую очередь с родителями, а также партнером, другом являются основными провокаторами суицидальных поступков. Похожие данные получены российскими исследователями [5]. Так, условиями суицидов подростков являются: конфликты в семье (31,2 %), конфликты со сверстниками, учителями (10,4 %), трудная жизненная ситуация, возникшая в приемной семье, интернате (16,6 %), неразделенная любовь (12,5 %), тяжелое соматическое, психическое заболевание (12,5 %), неустановленный повод (16,6 %).

Таким образом, суицидальная активность подростков связана с наличием острых конфликтов в семейно-бытовой, интимно-личностной и учебной (трудовой) сферах жизнедеятельности и обычно сопровождается отсутствием родительской поддержки. При этом ведущим фактором риска являются неблагоприятные семейные отношения. Анализ материалов посмертных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз позволяет утверждать, что семейные отношения либо являются фоном, усиливающим психологические факторы риска, либо, выливаясь в острый семейный конфликт, становятся причиной совершения ребенком самоубийства.

Например, Елизавета, единственный ребенок в семье, 16 лет, ученица 10 класса. Из школьной характеристики: «высокая мотивация к обучению, средний балл по итогам второй четверти составляет 9,6 баллов. Всегда ответственно относилась к подготовке домашних заданий. Старалась выполнять все требования учителей, много времени уделяла дополнительным занятиям. Всегда уважительно относилась к старшим. Отношения со сверстниками хорошие. Конфликтов не создает, в конфликтные отношения не вступает, обладает лидерскими качествами. Воспитывалась в полной благополучной семье, взаимоотношения в которой дружеские, основаны на любви и доверии. Родители постоянно интересуются учебной деятельностью дочери, посещают родительские собрания...».

В действительности Елизавета воспитывалась и жила попеременно то у мамы, то у бабушки. Отец совместно не проживал, общался с дочерью примерно 1–2 раза в месяц, доверительные отношения с ним отсутствовали. Предпочитала часто менять место жительства и обстановку («так прикольнее»). С наступлением менструального цикла (12 лет) стала проявлять оппозицию и конфронтацию по отношению

к матери. С мамой сформировались достаточно сложные отношения, не секретничала с ней, не делилась сокровенным, не рассказывала о своих школьных делах, взаимоотношениях с подругами. Считала, что у нее сформировались неприязненные отношения с родителями, случались частые конфликты («по пустякам», «цапаюсь с родителями»).

Неоднократно высказывала неприязненное отношение и нежелание соответствовать тем требованиям, которые выдвигаются в школе («надоело»), жаловалась на высокую школьную нагрузку (домашние задания ежедневно готовила до полуночи), не высыпалась, испытывала хроническое переутомление, утром чувствовала себя разбитой. Увлечений практически не имела. Учебная деятельность не компенсировалась физической нагрузкой, танцами или каким-то творческим хобби.

По характеру замкнутая, скрытная. Очень импульсивная. Высказывала недовольство своей внешностью, в школе часто вызывала рвоту («чтобы похудеть»). Отношения со сверстниками поверхностные, общалась с ребятами ниже ее уровня интеллектуального развития.

В период, предшествующий суициду, редко общалась со сверстниками, пропускала учебные занятия без уважительных причин, грустила. В личном блокноте оставляла записи, в которых описывала свое состояние как депрессивное, безысходное и проявляющееся в частых «нервах» и слезах. В качестве причины такого состояния указывала увеличение массы тела, недовольство своими физическими данными. При описании самой себя использовала уничижительные эпитеты.

Бабушка заметила изменения в поведении внучки и отвела последнюю на консультацию к психотерапевту в коммерческий медицинский центр. После консультации девочка еще более закрылась в себе, стала более молчаливой.

Через неделю выбросилась из окна многоэтажного дома, предварительно позвонив трем подругам, у которых попросила прощения.

Таким образом, при внешнем благополучии (судя по характеристике из школы) Елизавета находилась в состоянии внутриличностного конфликта (недовольна собой), сильного психического и физического переутомления (из-за высокой нагрузки и чрезмерного чувства ответственности и долга), состояния «депрессии», «безысходности». Данная ситуация усугублялась неумением восстанавливать душевные и физические силы (отсутствие увлечений, физической нагрузки), а также неблагоприятными отношениями в семье на протяжении многих лет.

Согласно данным современной суицидологии не существует таких психических (эмоциональных) состояний, которые бы однозначно предрасполагали либо приводили к суицидальному поведению. Между психическим состоянием и суицидальным поведением существует лишь вероятностная связь, психическое состояние суицидента может играть лишь роль условий, облегчающих либо затрудняющих совершение суицида. Основными психологическими факторами риска суицидального поведения у подростков выступают эмоциональная неустойчивость, импульсивность, повышенная тревожность, внушаемость, неадекватная самооценка, агрессивность, неразвитость коммуникативных качеств, интровертированность и др. Психологические факторы риска актуализируются конфликтными ситуациями в семейной, интимно-личностной и учебной сферах.

Список использованных источников

1. Статистический ежегодник. 2017: Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 26.01.2018.
2. Самоубийца. Информационный бюллетень Всемирной организации здравоохранения. Август 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/en>. – Дата доступа: 03.01.2018.
3. Амбрумова, А.Г. Диагностика суицидального поведения : метод. рекомендации / А.Г. Амбрумова, В.А. Тихоненко. – М. : НИИ МЗ РСФСР, 1980. – 48 с.
4. Игумнов, С.А. Система профилактики суицидального поведения: опыт Беларуси / С.А. Игумнов, А.П. Гелда, С.И. Осипчик // Суицидология. – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 3–22.
5. Сыроквашина, К.В. Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков / К.В. Сыроквашина, Е.Г. Дозорцева // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24, № 3. – С. 8–24.

Дата поступления в редакцию: 10.04.19

V.G. Stukanov, Doctor of Pedagogics, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, the Head of the Department of Psychology and Pedagogics of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus
PSYCHO-PEDAGOGICAL FEATURES OF SUICIDAL BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

Based on the results of the analysis of post-mortem complex forensic psychological and psychiatric examinations of children and young people who committed suicide, conducted by the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus, the psychological and pedagogical characteristics of adolescent suicidal behavior were carried out. Psychological factors of childhood suicides were considered (emotional instability, impulsivity, anxiety, inadequate self-esteem, aggressiveness, antisocial inclinations, problems of social and gender identity, lack of communication skills, deep introversion). Conflict situations of suicidal behavior of adolescents, interpersonal in nature, and developing in the family, intimate-personal and activity-related (learning) areas were revealed.

Keywords: suicide, suicidal behavior, teen personality, psychological risk factors for suicide.

УДК 159.9:34

С.А. Стульба, кандидат психологических наук, доцент кафедры белорусского и иностранных языков Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: lana2205@tut.by)

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Рассматривается проблема профессионально-деструктивных качеств личности с точки зрения профессиональной пригодности с определением детерминант профессиональной успешности на актуальном и потенциальном уровнях. Дается характеристика понятиям «профессионально деструктивные качества» и «индивидуальный стиль». Выделяются основные типы профессиональных деструкций, затрагивающие ключевые параметры профессиональной деятельности специалиста. Описываются возможные направления профессионального дизонтогенеза специалиста.

Ключевые слова: профессионально деструктивные качества, профессиональная деятельность, профессиональная пригодность, профессиональная успешность, индивидуальный стиль, профессиональные деструкции.

Сознательное и целенаправленное отношение человека к миру, то есть его деятельность, – основа его существования. Область, где наиболее полно раскрывается личность человека – его профессиональная деятельность, и это сфера, в которой реализуются способности и склонности каждой личности. В процессе профессионализации различные факторы определяют успешность труда человека, его усилия и ресурсы, прилагаемые для достижения результатов. В современной науке к исследованию профессионала широкое распространение получил субъектный подход (А.А. Бодалев, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Л.Г. Лаптев, А.К. Маркова и др.). Суть указанного подхода заключается в наличии у субъекта деятельности шкалы, пространства, некоторого континуума, находящегося между двумя полюсами: от реального способа организации до оптимального [1].

Пространство деятельности специалиста не является однородным, в нем имеют место проявления как совершенно деструктивного, так и почти идеального или оптимального способа организации. При изучении системы организации самого субъекта выделяются показатели, которые присущи каждому (скорость движений, нервные процессы и т. п.), и характерные индивидуальные (сниженное запоминание, быстрая утомляемость, слабая воля и т. д.). Таким образом, система психологических качеств будет незавершенной, если в виде ее составляющих будут рассматриваться только положительно оказывающие влияние на деятельность характеристики. Так, в конкретный промежуток времени человеку соответствует определенный набор психологических качеств и свойств, не все из которых полезны с точки зрения его профессиональной деятельности. Это значит, что совокупность психологических качеств человека включает в себя качества, совершенно пагубные для реализации данной деятельности, неэффективные для нее, эффективные и совершенно необходимые.

Вышесказанное не ново в научных исследованиях: ученых всегда интересовало, что в первую очередь нарушает порядок вещей, что в мире является неправильным. Именно поэтому философы, создавшие первые типологические описания, изначально обращают пристальное внимание на анализ отрицательных характеристик. Современные психологи (в частности, А.Л. Журавлев, В.Л. Маришук) говорят о возможном более эффективном, чем успех, прогнозировании неуспешности профессиональной деятельности. Ученые убеждены, что более определенно судить о специалисте позволяют именно недостатки [2].

Для описания такого рода качеств и свойств профессионала сегодня существуют некоторые подходы. Для анализа мы выделили два главных направления. Одно нацелено на изучение профессиональной пригодности человека, другое ориентировано на анализ профессиональной успешности специалистов и изучение возможностей достижения ими высших ступеней профессионализма. Для профессий характерен именно подход с точки зрения анализа профессиональной пригодности. Суть подхода заключается в формировании идеальной модели профессионала, чья деятельность непрерывна.

Так, Е.А. Климов, изучая профессиональную пригодность, пишет о временной (практически непреодолимой) возможной непригодности, то есть о непригодности можно говорить в случаях наличия отклонений в состоянии здоровья (несовместимых, по мнению врачей, с работой в той или иной области). Работа в выбранной профессии в такой ситуации только усугубит или усилит имеющиеся отклонения [3].

К.М. Гуревич, например, говорит о многих факторах, когда у человека есть соответствующая подготовка и желание трудиться в конкретной сфере, не добываясь ни малейшего успеха, однако он терпит провал. При рассмотрении возможностей обучения человека профессии ученый выделяет два вида препятствий, которые стоят на пути к профессиональному росту, что связывает с индивидуально-психологическими особенностями людей. Первые определяются уровнем темпа и последовательностью ситуаций, а также объектами, с которыми работнику в процессе деятельности приходится сталкиваться. Для каждого характерен некоторый скоростной предел, после превышения которого деятельность становится хаотичной и разрушается. Второй вид определяется набором психологических признаков, присущих некоторым профессиональным задачам [4].

Если профессиональную деятельность специалистов анализировать с точки зрения психологической сложности наиболее значимых элементов изучаемой профессии, то можно сказать, что здесь профессологи говорят в первую очередь о необходимости изучения операционно-технологической структуры профессии: технологических операций или профессиональных функций, нормативно-ориентирующих признаков, таких как нежелательные либо несовместимые с деятельностью психические качества, профессиональные противопоказания.

Данный подход рассматривает пригодность с актуальной точки зрения – на уровне, где преобладает количественный анализ, что предполагает установление наличия или отсутствия противопоказаний к деятельности. С более высокой вероятностью помогает определить пригодность человека вообще дихотомическое деление на пригодных и непригодных, но говорить о достоверном прогнозировании профессиональной успешности на этой основе невозможно.

Другой подход к определению профпригодности отмечается у К.К. Платонова, который при изучении потенциальной пригодности специалиста использует понятие неспособности. Так, плохие способности (или неспособность) ученым характеризуются как неблагоприятная для освоения конкретного вида деятельности структура личности. При выполнении какой-либо деятельности при неспособности появляются стойкие ошибочные действия, что формирует у личности чувство неудовлетворенности. Если говорить об отрыве способностей от личности, то в целом это довольно часто усугубляется рассмотрением неспособности только в качестве отсутствия способностей, что не всегда верно. Так, отсутствие конкретного свойства личности довольно часто сочетается с другим свойством. Следует принимать во внимание, что одно и то же свойство личности может иметь место в структуре способностей к одному виду деятельности и неспособности – к другому [5].

С учетом сказанного отметим, что на потенциальном уровне особую важность приобретает и качественный анализ характеристик человека, и наличие отрицательных качеств с уровнем их развития, и соотношение с другими способностями, что должно фиксироваться.

В результате исследования детерминант профессиональной успешности возникла необходимость изучения динамики развития профессионала на пути достижения высокой успешности деятельности, а не только качественного и количественного анализа его личности.

Общие тенденции нарушений в психическом развитии в онтогенезе или дизонтогенезе выявлены в трудах Л.С. Выготского, Б.В. Зейгарник, А.Р. Лурия, С.Я. Рубинштейна и др. При обобщении исследований указанных ученых выделяются такие виды психического дизонтогенеза как: отставание в развитии, в том числе неполное развитие, задержка в развитии (по причине

болезни, неблагоприятных условий воспитания и др.); асинхрония или диспропорциональность развития, а именно дисгармоничное искаженное развитие (когда одни системы отстают, а другие ускоренно развиваются и др.); выключение отдельных функций или их поломка, иными словами, поврежденное и дефицитарное развитие (нарушение слуха, зрения, функций опорно-двигательной системы и др.) [6].

А.К. Маркова, например, рассматривает тенденции профессионального дизонтогенеза, т. е. нарушений профессионального развития, их направленность и механизмы возникновения. Она считает, что на профессиональной деятельности негативно сказываются неблагоприятные условия труда и меняют поведение и профессиональное общение. В первую очередь появляются негативные психические состояния, потом угасают или, если можно сказать, растворяются позитивные качества. Следом обостряются пограничные состояния: отрицательные психические качества, изменяющие личностный профиль работника и соотношение его профессионально важных качеств в нем, замещают место положительных, т. е. уменьшается удельный вес позитивных качеств. Таким образом, А.К. Маркова говорит о возникновении устойчивого искажения структурности личностного профиля профессионала [7, с. 99].

Такие искажения Н.С. Пряжников называет профессиональными деструкциями, определяет их в качестве постепенно накапливающихся изменений в структуре личности и деятельности, которые негативно сказываются на эффективности труда, отношениях с другими участниками рабочего процесса и формировании личности профессионала [8].

В нарушении нормальной структуры чего-либо и проявляется деструктивность, что предполагает нарушение нормальной структуры и ее организации. Говоря о профессиональных деструкциях, выделяют несколько их типов: общепрофессиональные, типичные для работников данной профессии (например, у руководителей при нарушении профессиональных, этических норм, выраженном стремлении к манипулированию подчиненными имеет место синдром вседозволенности); специальные профессиональные, проявляющиеся в ходе специализации (например, у следователя – наличие правовой подозрительности; у оперативного работника – характерная агрессивность; у адвоката – выработанная профессиональная изворотливость); профессионально-типологические, накладывающие индивидуально-психологические характеристики личности на психологическую структуру профессиональной деятельности. При этом все перечисленные характеристики могут проявляться в самых разных профессиях [1].

Также следует сказать о возникновении сверхкачеств или акцентуаций, к чему приводит чрезмерное развитие индивидуальных деформаций. Проявление последних обусловлено особенностями работников самых разных профессий при развитии у них отдельных профессионально важных и нежелательных качеств (суперчестность, сверхответственность, трудовой фанатизм, педантичность и др.). Но при всем этом необходимо помнить о потенциально возможных нарушениях и изменениях личности и деятельности специалиста, описываемых согласно тенденциям профессионального дизонтогенеза и профессиональным деструкциям. Причем на актуальном уровне они обуславливаются наличием и характеризуются степенью развития психологических качеств, которые можно назвать профессионально-деструктивными качествами (ПДК). Так, названные качества влияют на деятельность отрицательно, но относятся к профессионально важным [9].

Для того чтобы определить степень влияния ПДК на профессиональную деятельность, следует обратиться к субъектно-личностному подходу в изучении профессионала. В исследованиях в данном случае говорится о субъекте как об интегрирующей, централизующей, координирующей «инстанции» деятельности. Это означает, что субъект согласует с требованиями деятельности систему своих психофизиологических, психических, а также личностных характеристик не парциально, а целостным образом.

В любой деятельности каждым человеком максимально используются его сильные стороны и преодолеваются, компенсируются разными средствами слабые, что формирует индивидуальный стиль в работе. Индивидуальный стиль – это гармоничное сочетание индивидуальности как таковой и условий деятельности, которое преобразуется в устойчивую психологическую систему в процессе активной индивидуальной адаптации в среде. Стиль принято рассматривать как своеобразное проявление человека и его активности, например, в профессиональной дея-

тельности, что определяется способностями, в том числе и системой профессионально важных качеств (ПВК). Функционально же стиль биполярен: существуют группы предпочитаемых (часто используемых компонентов), и отвергаемых (редко используемых). Это значит, что стиль человека предполагает двуединство достоинств субъекта и его недостатков.

Таким образом, существует связь ПДК с функциональной организацией деятельности, где ПДК – часть системы ПВК, когда позитивные качества отвечают за выполнение предпочитаемых функций в деятельности, а негативные, нарушающие структуру, указывают на наличие отвергаемых, слабо реализуемых функций. Иными словами, деструктивность профессиональной деятельности объясняется разрушением компонентов структуры деятельности, обрывом связей между ними. При этом отдельные функции вполне могут выпадать. В результате снижается успешность деятельности в целом, возрастает ее психологическая цена, что приводит к развитию неблагоприятного функционального состояния, когда человек достигает высоких показателей в труде посредством переутомления, стресса, эмоционального насилия над другими людьми и т. д. Как следствие, могут возникать сердечно-сосудистые, желудочно-кишечные, аллергические заболевания, а также хронические состояния, что и приводит к возникновению эмоционально-личностных особенностей отрицательного характера.

На основании вышесказанного можно заключить, что ПДК – это индивидуально-психологические особенности субъекта, которые отрицательно и значимо влияют на успешность реализации им собственных профессиональных функций.

Особенность ПДК при сопоставлении с профессиональными противопоказаниями заключается в их нелинейной связи с результатом деятельности в целом, возможности прежде всего сформировать индивидуальный стиль деятельности, тем самым компенсируя их. Некоторые ученые профессиональные деформации относят к ПДК (Б.Г. Ананьев, С.П. Безносков, А.Н. Леонтьев, А.К. Маркова, Е.И. Рогов). К таким деформациям относят искажение личностного профиля специалиста, что обусловлено несоответствием требований нормы и актуального развития личности. Но следует отметить, что профессиональные деформации носят отрицательный характер не всегда и проявляются чаще всего во внепрофессиональной жизни.

Так, Е.И. Рогов считает возможным осуществление профессионально-личностных деформаций во всех направлениях при профессиональном становлении [6]. Чрезмерная выраженность в сфере личности приобретает характер акцентуаций, в сфере деятельности выражается в жестких негибких стереотипах по отношению к объекту деятельности, в результате разделяется, происходит типизация по видам.

Таким образом, к основным свойствам ПДК можно отнести: становление в профессиональной сфере и последующее его развитие; затрагивание и когнитивной, и операциональной сторон профессионализации; нелинейную связь с успешностью и результативностью деятельности, в основе которой заложены широкие компенсаторные способности, что не всегда указывает на отрицательное влияние на деятельность индивида.

Проведенный анализ дает возможность дифференцировать ПДК: несоответствующие данной деятельности (существуют ограничения на разных уровнях развития, например, физиологическом и психофизиологическом); ПВК, развитые ниже приемлемого уровня развития (имеют место пробелы в подготовке, наличие незрелости личности и т. д.); ПВК, имеющие достаточно высокий уровень развития (отмечаются профессиональные акцентуации и т. д.).

Психологи при описании проявлений ПДК профессионала чаще всего используют несколько подходов. Так, при типологическом подходе выделяют различные группы работников среди специалистов как неуспешных, рассматривая неэффективные стили деятельности. При подходе с позиций теории черт интересны для изучения личностные качества и свойства, не позволяющие достичь успеха в определенной деятельности.

Ю.З. Гильбух, например, изучая неуспешных работников, выделяет среди них три типа: с низким уровнем интенсивности профессиональной деятельности; с низким уровнем эффективности профессиональной деятельности; с сочетанием свойств первого и второго типов [6].

Е.П. Ермолаева выделяет группы профессионально-ригидных и профессионально-нестабильных специалистов, где первые не способны к профессиональной динамике, а вторые склонны к немотивированной смене профессии. Она говорит также о функциональных и ментальных

маргиналах, при этом первые имитируют профессиональную деятельность, у вторых наблюдается искажение профессиональных ценностей [10].

Представленные точки зрения относятся к типологическому подходу, что характеризуется выявлением наиболее общих особенностей (стилей), которые выражаются при осуществлении деятельности вообще и объединении людей в определенное количество типов. Сложность в этом случае заключается в особенностях дифференциации специалистов при психологическом сопровождении деятельности. В итоге видится два исхода: увеличение количества стилей или выделение наиболее успешного стиля деятельности.

Выявление качеств, которые позволяют или мешают достигать успешности в разных видах деятельности, является характерным с точки зрения теории черт или похожих теорий. Подобных работ существует множество, как есть и исследования разного уровня руководителей (государственные служащие, предприниматели, военные и др.). Если попытаться обобщить эти исследования, то список как позитивных, так и негативных качеств существенно расширится, в частности, для профессий, деятельность которых строго не регламентирована и решение проблем требует творческого подхода.

И в том, и другом направлении существует общий недостаток: исследователи при составлении списков качеств и свойств, рассматривая стили и типы, руководствуются результатом продуктивности деятельности, конечной эффективностью, не учитывая качественные характеристики ее организации, что приводит к возникновению малопригодных в практическом отношении моделей. Следовательно, рассмотрение взаимосвязи ПДК с функциональной организацией деятельности является более перспективным с учетом психологического сопровождения деятельности специалистов.

Таким образом, ПДК субъекта объединяют в себе такие особенности личности, которые оказывают негативное влияние на результат деятельности специалиста, а также снижают успешность реализации человеком профессиональных функций.

Список использованных источников

1. Бодров, В.А. Психология профессиональной деятельности / В.А. Бодров. – М. : ПЕРСЭ, 2009. – 511 с.
2. Журавлев, А.Л. Психология совместной деятельности / А.Л. Журавлев. – М. : Ин-т психологии Рос. акад. наук, 2005. – 638 с.
3. Климов, Е.А. Идеалы культуры и становление субъекта профессиональной деятельности / Е.А. Климов // Психол. журн. – 2005. – Т. 26, № 3. – С. 94–101.
4. Гуревич, К. М. Современная психодиагностика: пути развития / К.М. Гуревич // Вопр. психологии. – 1982. – № 1. – С. 9–18.
5. Кудряшова, Л.Д. Психология и оценка личности / Л.Д. Кудряшова. – СПб. : КОСТА, 2007. – 206 с.
6. Психология / В.М. Аллахвердов [и др.] ; под ред. А.А. Крылова. – М. : Проспект, 2000. – 583 с.
7. Маркова, А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М. : Знание, 1996. – 308 с.
8. Пряжников, Н.С. Психология труда и человеческого достоинства : учеб. пособие / Н.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова. – М. : Академия, 2001. – 476 с.
9. Носов, А.В. Социально-психологическая компенсация профессионально-деструктивных качеств офицеров руководителей : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / А.В. Носов ; Воен. ун-т. – М., 2004. – 20 с.
10. Ермолаева, Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность / Е.П. Ермолаева // Психол. журн. – 2001. – Т. 22, № 4. – С. 51–60.

Дата поступления в редакцию: 26.04.19

S.A. Stulba, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Belorussian and Foreign Languages of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

DESTRUCTIVE MANIFESTATIONS IN PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES OF THE INDIVIDUAL

The problem of the professional and destructive personal qualities is considered from the point of view of the professional competence with a definition of the determinant of the professional success on the actual and potential levels. The characteristics of such concepts as "professionally destructive qualities", "individual style" are given. The main types of the professional destructions concerning the key parameters of the professional activity of the specialist are distinguished. The possible directions of the professional personal dysontogenesis are described.

Keywords: professional and destructive qualities, professional activity, professional competence, individual style, professional destructions.

УДК 005.582.1

А.А. Урбанович, кандидат исторических наук, доцент, профессор
кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Бела-
русь
(e-mail: ural_55@rambler.ru)

ЦЕЛЕВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ТИПОЛОГИЯ

Рассматриваются целевые приоритеты руководителей как системообразующий элемент процесса формирования индивидуальной управленческой концепции. Основное внимание уделено результатам пилотажного интервью и анкетного опроса, выявившего параметры сформированности/несформированности данной концепции, ключевым из которых выступает либо системная конкретизация, либо фрагментарность представлений о сути предстоящей управленческой деятельности. Акцентируется внимание на том, что руководителей со сформированной концепцией отличает системность подхода, взаимосогласованность целевых приоритетов, конкретность представлений будущего результата деятельности.

Ключевые слова: индивидуальная управленческая концепция, целеполагание, целевые приоритеты, системная конкретизация.

Эффективность деятельности руководителя во многом определяется сложившимися у него представлениями о своей роли в управленческом процессе, о его целях, содержании, способах действий и др. В совокупности данные представления образуют индивидуальную управленческую концепцию (далее – ИУК), которая определяется в научной литературе как совокупность индивидуально своеобразных представлений руководителя о целях и задачах своей управленческой деятельности, путях, способах и средствах их решения, взаимоотношениях с персоналом, способах организации его деятельности, мотивировании, достижения добросовестности в работе и др. [1, с. 331]. В психологии исследованиям ИУК посвящены работы А.И. Китова, Е.П. Клубова, С.М. Белозерова, В.В. Скворцова и др. [2, с. 222]. Работы названных и других авторов позволили системно рассмотреть процесс формирования ИУК и ее содержательные компоненты.

Так, А.М. Столяренко, В.И. Черненилов, А.Н. Пастушеня и др., изучая названный феномен, акцентировали внимание на сущности и особенностях ИУК руководителя органа внутренних дел. В частности, А.М. Столяренко считает, что данная концепция представляет собой субъективное, личностное видение системы основных управленческих проблем, способов воздействия на подчиненных, трудностей в организации деятельности работников и личного труда. По мнению ученого, концепция раскрывает личностный смысл деятельности, оказывает влияние на мотивацию труда, постановку конкретных служебных и личностных целей [3, с. 199].

В развитии предмета психологии особо значимым является выявление феноменов психической реальности [4, с. 38]. Развитие психолого-управленческой мысли показывает, насколько востребованы исследования, раскрывающие ИУК как систему определенных феноменов, связанных основополагающей идеей. Характеризуя ИУК как феномен, следует констатировать, что настоящая концепция есть системное когнитивное образование, раскрывающее в форме определенных представлений мотивационно-целевые, содержательные, операционные и оценочные компоненты реализации руководителем своих управленческих замыслов.

Индивидуальная управленческая концепция также выступает в качестве индивидуально-го варианта замысла и реализации предстоящих управленческих задач, в ней представлен личностный смысл деятельности руководителя. Так, руководитель в своей деятельности переносит на выполнение основных управленческих функций те индивидуальные особенности, которыми характеризуется система сложившихся у него регулятивных процессов. Другими словами, он управляет так, как «умеет и привык» управлять собой [5, с. 330].

Важное место в ИУК занимают представления руководителя о целях предстоящей управленческой деятельности, начиная складываться на основе целеобразования (т. е. процесса формирования комплекса целей деятельности и их конкретизации на подцели отдельных действий) и продолжая формироваться в ходе целеполагания (т. е. процесса формулировки или выбора цели функционирования организации) [5, с. 334, 84]. Говоря о значении данных процессов в деятель-

ности руководителя, А.В. Карпов подчеркивает, что они выступают идеальной формой представления результатов деятельности. Без четкого уяснения руководителем целей предстоящей деятельности невозможна реализация остальных функций управленческой деятельности. С этой точки зрения целеобразование и целеполагание выступают не только первоначальным шагом сложного процесса формирования ИУК, но и системообразующим фактором планирования предстоящей деятельности. В процессе реализации указанной функции результатом выступают определенные решения руководителя (видение приоритетов, планирование предстоящей деятельности, предполагаемые управленческие действия и пр.).

Известный научный интерес представляет проблема диагностики степени развития у руководителя ИУК. Изучение данной исследовательской проблемы предусматривало проведение пилотного интервью и на основе его результатов осуществление анкетного опроса. В интервью участникам (20 респондентов – руководителей ОВД, обладающих значительным управленческим (не менее 5 лет) и профессиональным (не менее 10 лет) опытом в сфере правоохранительной деятельности) было предложено представить себя в роли вновь назначенного руководителя неизвестного им ОВД и определить свои управленческие действия в данной ситуации.

Проведение постановки респондентов в гипотетическую ситуацию, наполненную конкретикой, позволило выявить их первоочередные управленческие замыслы, которые фактически обнаруживали их целевые приоритеты. При этом мы исходили из того, что процессы целеобразования и целеполагания, выраженные в определенных целевых приоритетах респондентов, являются ключевыми для определения сформированности/несформированности ИУК. Результаты интервью установили определенный континуум целевых ориентаций: с одной стороны, наличие четкого системного представления об ИУК: что и как делать, чего добиваться, к чему стремиться и пр. (например, изложение системы логичных мер, позволяющих в рамках разумной очередности достигать взаимосвязанных и взаимозависимых целей и пр.); с другой – отсутствие четко понимаемой ИУК (например, наличие в ответах элементов фрагментарности, бессистемных и нелогичных предложений, отсутствие достаточной конкретности и пр.).

Полученные в ходе интервью ответы респондентов позволили также обобщить их управленческий опыт и выявить ключевые тенденции процесса генерации целей у руководителя, обладающего сформированной ИУК. Взяв за основу результаты интервью и используя дихотомический критерий, можно выделить следующие параметры сформированности/несформированности ИУК:

1) системность процесса целеполагания, гармоничность и взаимосогласованность целей (например, действия по их реализации не мешают достижению других целей) – фрагментарность, несогласованность процесса целеполагания, зачастую антагонистичность целей;

2) широта, охват всего спектра деятельности ОВД (как правило, рассматриваются следующие направления: материально-технические, административно-организационные (процессуальные), кадровые, инновационные (т. е. нацеленные на изменение ситуации) и пр.) – узость процесса целеполагания, акцентирование только какого-либо одного направления деятельности;

3) постановка целей в широком контексте (включает активное взаимодействие с внешней средой, соразмерность внутренних и внешних целей ОВД) – нацеленность на внутреннюю среду или доминирование либо внешних, либо внутренних целей;

4) перспективность целеполагания, умение взглянуть «за горизонт» – сиюминутность, ориентация только на «сегодняшний день»;

5) самостоятельность и устойчивость целеполагания – первоочередная ориентация на влияние внешней среды (например, на мнение вышестоящего руководителя), некая «флюгерность»;

6) соразмерность стратегических, тактических и оперативных целей – необоснованная приоритетность одной из групп целей;

7) конкретность при описании параметров будущего результата – «размытость» представлений о будущем результате;

8) ориентация на кардинальные изменения ситуации в ОВД – ориентация на незначительные («косметические») изменения ситуации.

Таким образом, анализ указанных параметров свидетельствует либо о системной конкретизации, либо о фрагментарности представлений о сути предстоящей управленческой деятельности и, следовательно, о степени сформированности/несформированности ИУК.

Результаты пилотного интервью были учтены в одном из вопросов предлагаемой расширенному составу респондентов анкеты, раскрывающей их представления об эффективном руководителе в системе ОВД. В одном из ключевых вопросов респондентам необходимо было определить целевые приоритеты своей деятельности в случае назначения их руководителями неизвестного ОВД. Так, предлагалось назвать пять целевых приоритетов будущей деятельности¹. Тем самым решались две задачи: теоретическая (выявление степени сформированности ИУК) и эмпирическая (определение основных направлений предстоящей управленческой деятельности). Всего в анкетировании участвовало 57 человек (один на данный вопрос анкеты не ответил). Средний возраст опрошенных – 35 лет, средняя продолжительность службы в органах внутренних дел – 15 лет, средняя продолжительность работы в качестве руководителя в системе органов внутренних дел – 5 лет.

Проведенный анализ результатов анкетирования выявил ряд интересных закономерностей процесса формирования ИУК. Так, целевые приоритеты респондентов формируют два больших направления деятельности – изучение различных аспектов деятельности ОВД и воздействие на сложившуюся в ОВД ситуацию с целью изменения ее в лучшую сторону; при этом большинство респондентов сочли воздействие ведущим целевым ориентиром. В рамках каждого из представленных направлений выделялись материально-технический, административно-организационный (процессуальный) и кадровый аспекты деятельности ОВД.

Особое внимание при анализе результатов опроса уделялось респондентам, чьи ответы в максимальной степени соответствовали указанным выше критериям сформированности ИУК (17 респондентов – 30,3 % от общего количества участников опроса). Ответы данных респондентов отличались системностью подхода, взаимосогласованностью целевых приоритетов, конкретностью представлений будущего результата деятельности. Для их ответов были характерны:

представленность не менее 4–5 целевых приоритетов (у остальных респондентов – 3–4 целевых приоритета);

деятельностная интенция, доминирование стремления воздействовать и изменить ситуацию, акцент на инновационной деятельности в будущем;

ориентация на инициативное осуществление значительных изменений ситуации в ОВД по всем направлениям (при этом акцентировалось внимание на безусловное обеспечение личной примерности руководителей всех уровней как важнейшее условие обеспечения этого процесса);

в рамках воздействия на ситуацию доминирует тенденция улучшения условий деятельности подчиненных, укрепления положительных традиций в служебном коллективе, создания благоприятного морально-психологического климата и др. Иными словами, в планируемой управленческой деятельности здесь доминирует психологический, а не технологический компонент.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд соответствующих выводов.

1. Наличие у руководителя четкой ИУК – важное условие эффективной организации им управленческой деятельности. Системообразующим фактором процесса формирования ИУК выступают целеобразование и целеполагание руководителя.

2. Уровень сформированности/несформированности ИУК может быть измерен на основе определенных параметров, полученных экспериментальным путем. При этом ключевым параметром является либо системная конкретизация, либо фрагментарность представлений о сути предстоящей управленческой деятельности и, следовательно, о степени сформированности/несформированности ИУК. Руководителей со сформированной ИУК отличает системность подхода, взаимосогласованность целевых приоритетов, конкретность представлений будущего результата деятельности.

3. Целевые приоритеты предстоящей управленческой деятельности формируют два ее направления – изучение различных аспектов деятельности ОВД и воздействие на сложившуюся в ОВД ситуацию с целью ее изменения в лучшую сторону (при доминирующей роли второго направления). В рамках каждого направления выделяются материально-технический, административно-организационный (процессуальный) и кадровый аспекты деятельности ОВД.

¹ Определяя это число, мы опирались на данные относительно оптимального числа одновременно реализуемых целей. Обычно указывают 4–5 (не более) синхронизированных по содержанию и времени выполнения целей [5, с. 94].

Список использованных источников

1. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А.М. Столяренко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – 607 с.
2. Кабаченко, Т.С. Психология управления : учеб. пособие / Т.С. Кабаченко. – М. : Рос. педаг. агентство, 1997. – 324 с.
3. Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 639 с.
4. Пастушеня, А.Н. Индивидуальная профессиональная концепция специалиста: структурно-функциональная и содержательная характеристика / А.Н. Пастушеня // Психолог. журн. – № 3. – Минск. – 2007. – С. 38–48.
5. Карпов, А.В. Психология менеджмента : учеб. пособие / А.В. Карпов. – М. : Гардарики, 1999. – 584 с.

Дата поступления в редакцию: 18.03.19

A.A. Urbanovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

TARGET PRIORITIES OF THE ACTIVITY OF THE HEAD OF INTERNAL AFFAIRS BODIES, ORGANIZATION OF RESEARCH AND TYPOLOGY

The article discusses the target priorities of managers as a system-forming element of the process of forming an individual management concept. The main attention is paid to the results of the pilot interview and the questionnaire survey, which revealed the characteristics of the formation / lack of formation of this concept, the key of which is either systemic specification or fragmentation of ideas about the essence of the upcoming management activity. Managers with a developed concept are distinguished by a systematic approach, mutual consistency of targets, priorities and concreteness of future performance.

Keywords: individual management concept, goal setting, target priorities, system specification.

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

УДК 343

И.И. Басецкий, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, главный редактор журнала «Вестник Академии МВД Республики Беларусь».

КТО ПРОДОЛЖИТ РАЗВИТИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ НАУКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СЫСКОЛОГИИ) В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ?

Рассматриваются основные положения научного творчества А.Ю. Шумилова, его многотомной монографии, посвященной оперативно-розыскной науке в Российской Федерации, сыскологии в широком и узком смыслах слова. Анализируются подходы к указанной проблеме в Беларуси, возможности и особенности становления и развития идей А.Ю. Шумилова в Академии МВД.

Ключевые слова: научное творчество, оперативно-розыскная наука, сыскология, возможности и особенности развития.

*Посвящается памяти профессора, доктора юридических наук
Александра Юльевича Шумилова (1956–2018 гг.)*

Трудно, очень трудно писать о Друге, Саше Шумилове, в прошедшем времени, но творческое наследие этого выдающегося российского ученого, любившего Беларусь и белорусов, планировавшего на лето 2019 г. посетить нашу страну, ближе познакомиться с коллективами профильных кафедр и научно-педагогической школы Академии МВД Республики Беларусь, обеспечивающих развитие теории и практики противодействия преступности, провести в Минске и Могилеве, в учреждениях высшего образования МВД Беларуси мастер-класс по сыскологии. Светлый образ Александра Юльевича Шумилова, его научное творчество не должны уходить в небытие вместе с его автором.

Книга А.Ю. Шумилова напомнит основные результаты его научного творчества.

«Шумилов Александр Юльевич (р. 1956 г.), доктор юридических наук (1997 г.), профессор (1999 г.) основной областью научных исследований выбрал правовое регулирование складывающихся в профессиональной сыскной деятельности общественных отношений и юридическую наукометрию.

Ученым опубликовано свыше 700 различных работ, включая более 300 научных и 200 учебно-методических (17 монографий, из которых 8 авторских, 17 авторских препринтов (неоконченных монографий), 18 научно-практических комментариев (из них 8 авторских), 12 энциклопедий и словарей (6 авторских), 8 учебников (4 авторских) и 42 учебных и учебно-практических пособия), по оперативно-розыскной деятельности и другим видам профессионального сыска, а также по теории и истории права, военному праву и юридической наукометрии.

Основатель и руководитель научной школы в отечественной юриспруденции (школы профессионального сыска), которая готовит ученых по изучению: уголовно-, административно-, информационно-, и военно-правовых аспектов безопасности России и оперативно-розыскной деятельности и другим видам профессионального сыска (сыскологии).

Подготовил трех докторов наук (12.00.09) и 21 кандидата юридических наук (12.00.08, 12.00.09, 12.00.14 и 20.02.03).

Основатель, главный редактор и председатель редакционного совета открытого специализированного периодического издания. Его журнал «Оперативник (сыщик)» издается с 2004 г. и включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки России.

А.Ю. Шумилов входит в число ста отечественных ученых юристов, зарегистрированных в информационной базе Научной электронной библиотеки e-library, наиболее цитируемых в научных юридических журналах. Индекс Хирша публикаций профессора А.Ю. Шумилова (по версии РИНЦ) – 7 (918) ссылок [1, с. 456].

В поисках названия для фактически новой оперативно-разыскной науки Российской Федерации А.Ю. Шумилов отверг предложения некоторых украинских ученых (В.П. Крошко) использовать название «ордология», «ордолистика» и начал исследовать историю зарождения термина «сыск», его эволюцию в современную оперативно-розыскную деятельность [2, с. 26–29]. Результатом исследования стало название «сыскология или Наука о профессиональной сыскной деятельности» [3, с. 10–17].

Из перечня научных публикаций А.Ю. Шумилова видно, что десять лет формирования новой науки (сыскологии) были наполнены серьезной научно-исследовательской работой в новом научном направлении [7, с. 8–11]. Особого внимания исследователей проблем теории и практики оперативно-розыскной деятельности в Республике Беларусь заслуживает открытая многотомная монография А.Ю. Шумилова «Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации» [1, 4–6], с которой можно познакомиться в Национальной библиотеке страны и библиотеке Академии МВД Республики Беларусь.

В первом томе монографии А.Ю. Шумилова «изложены результаты научного исследования формирования в Российской Федерации оперативно-разыскной науки (в широком смысле слова – сыскологии). Рассмотрена оперативно-разыскная деятельность как объект оперативно-разыскной науки. Выделены прежняя и современная оперативно-разыскная деятельность (с 1992 г.), а также виды и направления последней. Проведена периодизация научного познания профессионального сыска. Обобщена теоретико-эмпирическая база формирования единой оперативно-разыскной науки. Исследованы предыстория отечественной оперативно-разыскной науки и ее рождение. Предложены модели развития оперативно-разыскной науки в Российской Федерации» [1, с. 2].

Так, в ч. I первого тома монографии А.Ю. Шумилова три главы посвящены рассмотрению «современной оперативно-разыскной деятельности как объекта научных устремлений»: гл. 1 «Принципиально-сущностное в оперативно-разыскной деятельности»; гл. 2 «Содержание и форма оперативно-разыскной деятельности: взгляд сысколога»; гл. 3 «Некоторые иные положения оперативно-разыскной деятельности» [1, с. 15–202].

Введение в оперативно-разыскную науку (ч. II первого тома монографии) включает: гл. 4 «Периодизация научного познания отечественного сыска и теоретико-эмпирическая база формирования оперативно-разыскной науки» и гл. 5 «Предыстория и рождение отечественной оперативно-разыскной науки» [1, с. 205–451].

Философии оперативно-разыскной науки А.Ю. Шумилов посвятил второй том монографии, в котором «изложены результаты научного исследования возникновения, становления и развития в Российской Федерации оперативно-разыскной науки и философии о ней. Раскрыто понятие философии оперативно-разыскной науки и показаны философские основания этой науки. Оперативно-разыскная наука определена как многоаспектное явление (научное знание, познавательная деятельность, социокультурный институт и др.). Раскрыты сущность, содержание и признаки оперативно-разыскной науки и предложено ее новое наименование «сыскология». Показаны закономерности развития оперативно-разыскной науки, а также заострено внимание на формировании ее парадигматического статуса» [4, с. 2].

Второй том монографии А.Ю. Шумилова включает: гл. 1 «Введение в философию оперативно-разыскной науки»; гл. 2 «Начала философских измерений отечественной оперативно-разыскной науки»; гл. 3 «Продолжение философских измерений оперативно-разыскной науки», гл. 4 «Развитие оперативно-разыскной науки: философские зарисовки» [2, с. 4–5].

Третий том монографии А.Ю. Шумилова содержит по опубликованным изданиям «книгу 1» и «книгу 3», однако материал, содержащийся в «третьей книге», вполне мог быть разделен на две книги.

Уважая право автора на архитектонику всей монографии, отметим, что в третьем томе «Изложены результаты 25-летнего научного исследования возникновения, становления и развития отечественной оперативно-разыскной науки».

В развитие положений двух первых томов и двух книг третьего тома [5; 6] (трилогии) в настоящей книге с позиций философии науки рассмотрены понятие и характерные черты оперативно-разыскного научного познания, его уровни и формы; показана роль научного вопроса и проблемы; изучены эмпирический, теоретический и математический уровни данного познания [6].

В третьей книге третьего тома раскрывается суть научного познания сыскаологии: гл. 1 «Понятие и характерные черты оперативно-разыскного научного познания» [6, с. 16–65]; гл. 2 «Оперативно-разыскное научное познание: некоторые общие положения» [6, с. 66–171]; гл. 3 «Начала оперативно-разыскного научного познания» [6, с. 172–217]; гл. 4 «Научное познание оперативно-разыскной деятельности на эмпирическом уровне» [6, с. 218–248]; гл. 5 «Оперативно-разыскное научное познание на теоретическом уровне: от концепции до идеи (и наоборот)» [6, с. 249–352]; гл. 6 «Оперативно-разыскное научное познание: от гипотезы до теории» [6, с. 353–445]; гл. 7 «Оперативно-разыскное научное познание на метатеоретическом уровне» [6, с. 446–564].

Подводя итог краткого обзора многотомной монографии Александра Юльевича Шумилова, можно сказать, что автор решил «ограничиться краткими воспоминаниями, возможно, несколько сентиментальными».

«Наши многолетние надежды и планы наконец-то реализованы – создан многотомный труд об оперативно-разыскной науке, основанной на положениях философии, науковедения и теории права. Десятилетиями мы мечтаем о том, чтобы соткать ткань общей теории отечественной оперативной работы (профессиональной сыскальной деятельности) и правового регулирования складывающихся в ней общественных отношений из материи теории права и постулатов философии» [6, с. 365].

Отдавая дань памяти ученому, мы еще раз обратимся к идее о необходимости организовать изучение среди адъюнктов, магистрантов и соискателей кафедр, коллективы которых вместе с коллективом НППШ Академии МВД осуществляют исследования в области теории и практики противодействия преступности, а затем провести межвузовскую (Академия МВД и Могилевский институт МВД Республики Беларусь) научную конференцию (чтения, научный семинар), посвященные памяти А.Ю. Шумилова и его творчеству. С учетом того, что все публикации Александра Юльевича открыты, можно пригласить представителей и других кафедр и даже учреждений высшего образования.

Список использованных источников

1. Шумилов, А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации : монография : в 3 т. / А.Ю. Шумилов. – Т. I : Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. – М. : Изд. дом Шумиловой И.И., 2013. – 455 с.
2. Шумилов, А.Ю. Термин «сыск» и современная оперативно-розыскная деятельность / А.Ю. Шумилов // Оперативник (сыщик): рос. вневед. науч.-практ. журнал. – 2006. – № 4. – С. 26–29.
3. Шумилов, А.Ю. Сыскаология, или наука о профессиональной сыскальной деятельности : первое знакомство / А.Ю. Шумилов // Оперативник (сыщик): рос. вневед. науч.-практ. журнал. – 2007. – № 4. – С. 10–17.
4. Шумилов, А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации : монография : в 3 т. / А.Ю. Шумилов. – Т. II : Философия оперативно-разыскной науки. – М. : Изд. дом Шумиловой И.И., 2014. – 416 с.
5. Шумилов, А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации : монография : в 3 т. / А.Ю. Шумилов. – Т. III : Основные положения. Кн. 1 : Объект, предмет и система оперативно-разыскной науки. – М. : Изд. дом Шумиловой И.И., 2015. – 360 с.
6. Шумилов, А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации : монография : в 3 т. – Т. III : Основные положения. Кн. 3 : Оперативно-разыскное научное познание в контексте философии науки. – М. : Изд. дом Шумиловой И.И., 2017. – 720 с.
7. Шумилов, А.Ю. Десять лет формирования новой науки (сыскаологии): состояние, проблемы и перспективы : доклад на Второй международной интернет-конференции по сыскаологии / А.Ю. Шумилов // Оперативник (сыщик): рос. вневед. науч.-практ. журнал. – 2017. – № 3. – С. 8–11.

Дата поступления в редакцию: 15.03.19

I.I. Basetsky, *Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus, Professor of the Department of Detective activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Editor-in-Chief of the journal "Bulletin of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus"*

WHO WILL CONTINUE THE DEVELOPMENT OF THE DETECTIVE SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION (THE SCIENCE OF INVESTIGATION) IN A BROAD SENSE?

The article discusses the main provisions of the scientific work of A.Y. Shumilov, his multi-volume monograph devoted to detective science in the Russian Federation, the science investigation in the broad and narrow senses. The approaches to this problem in Belarus are analyzed, as well as the opportunities and features of formation and development of the ideas of A.Y. Shumilov at the Academy of MIA.

Keywords: scientific work, detective science, the science of investigation, opportunities and features of development.

УДК 342.951

А.С. Жарасов, заместитель начальника кафедры военной и тактико-специальной подготовки Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. генерал-майора милиции М. Есбулатова (e-mail: Hose1975@inbox.ru)

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Рассматриваются проблемы управления органами внутренних дел при организации и проведении специальных операций. Акцентируется внимание на особенностях принятия решений руководителем специальной операции. Выделяются и анализируются основные принципы эффективного управления ОВД при проведении специальных операций. Подчеркивается значимость грамотного и своевременного управления в ходе специальных операций. Определяются приоритетные направления дальнейшего совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: органы внутренних дел, общественный порядок, общественная безопасность, специальная операция, основные и приданные силы, руководитель специальной операции, оперативный штаб, приказы, распоряжения.

Органы внутренних дел Республики Казахстан (далее – ОВД), выполняя задачи по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, применяют один из основных методов практической деятельности – организацию и проведение специальных операций.

Деятельность полицейских и военнослужащих Национальной гвардии в ходе проведения специальных операций кардинальным образом отличается от повседневной деятельности по охране правопорядка. И при этом необходимо иметь в виду, что такого рода деятельность ОВД является обычно ответной реакцией на события негативного характера либо на возникновение чрезвычайных ситуаций.

Следует учитывать, что при планировании специальных операций невозможно предвидеть весь ход событий либо предугадать действия их участников, в частности преступные замыслы и действия злоумышленников, масштабы их последствий и т. д., поэтому эффективность действий работников полиции во многом зависит от ясности и четкости управления, профессионализма исполнителей и своевременности отдаваемых приказов руководителя оперативного штаба по проведению специальной операции.

Руководитель специальной операции, являясь центральной фигурой в процессе ее организации и проведения, несет персональную ответственность за результаты операции, и по этой причине чаще всего находится на наиболее ответственных участках. Руководитель операции уполномочен принимать решения, определять и ставить боевые задачи подчиненным, контролировать их выполнение и т. д. При проведении крупномасштабных операций создается оперативный штаб, курирующий вопросы разработки планов и схем операции, мобилизации сил и средств, координации действий основных и приданных сил, материально-технического обеспечения участников операции и т. д.

Личный состав оперативного штаба включает группу поддержки принятия управленческих решений и группу обеспечения деятельности [1, с. 362].

Применяемые методы руководства основными и приданными службами зависят от подготовленности и обстановки, от наличия запаса времени, характера действий преступников.

Важным элементом управления специальной операцией является контроль за точным и своевременным выполнением отдаваемых приказов и распоряжений. В первую очередь контролируется выполнение оперативно-служебных задач для достижения цели специальной операции. Контроль осуществляется непрерывно для предотвращения несвоевременного либо неточного выполнения отданных распоряжений или команд.

Расчет сил для специальной операции производится исходя из количества преступных элементов и степени их общественной опасности, наличия оружия, характера их намерений, физического и психологического состояния. Основа расчета определяется и зависит от возможного объема работы, которая должна привести к освобождению потерпевших, задержанию либо ликвидации преступников, отражению нападения на охраняемый объект, обеспечению общественной безопасности и др.

Для объективного расчета сил необходимо точное знание места проведения операции, размера объекта и т. п., что требует от руководителя тщательной оценки местных условий, в частности наличия карты или плана местности. В ходе специальных операций часто возникает необходимость блокирования, окружения, поиска, прочесывания, преследования, а при пресечении массовых беспорядков – блокирования хулиганствующей толпы, ее рассеивание, рассечение (рассредоточение), оцепление и т. д. Все названные действия невозможно осуществить без тщательного расчета требуемого количества сил и средств. Для каждого вида и способа специальной деятельности важен свой подход к расчету сил. Для получения окончательной цифры необходимого количества сил для проведения операции нужно определить еще и состав резерва.

Таким образом, управление по организации и проведению специальных операций представляет собой сложную и многоаспектную деятельность, включающую в себя: сбор и анализ оперативной информации, планирование и постановку задач всем задействованным силам, координацию их действий и руководство ими, контроль выполнения поставленных задач. Цель управления специальной операцией – это обеспечение четко организованной, скоординированной и эффективной деятельности основных и приданных сил, эффективное применение техники и средств.

Грамотное управление должно соответствовать установленным базовым правилам (требованиям), которые можно обозначить как принципы управления при подготовке и проведении специальных операций.

В.В. Манышев, например, к принципам управления силами и средствами при проведении специальных операций относит следующие:

- профессионализм;
- централизация управления;
- эффективность управления;
- объективность;
- целесообразность;
- комплексность планируемых мероприятий;
- согласованность [2, с. 13–14].

На наш взгляд, из указанного перечня незаслуженно «выпали» основные принципы управления органами внутренних дел при проведении специальных операций – законность, обеспечение безопасности, прав и свобод граждан, а также персональная ответственность за принимаемые решения.

Кроме того, в специальной литературе принцип согласованности чаще именуется принципом взаимодействия. Как отмечает О.Б. Трошин, «принцип взаимодействия должен лежать в основе организации специальной операции. Он гласит: успех в решении служебно-боевых задач может быть достигнут только совместными усилиями всех участвующих в нем сил и средств на основе их тесного и непрерывного взаимодействия и наиболее полного использования каждым из них своих возможностей. Сущность взаимодействия заключается в согласованных действиях подразделений и частей, функциональных групп, средств поражения по задачам, направлениям, рубежам, времени и способам выполнения поставленных задач» [3, с. 176].

Уровень общих усилий, преобладание той или иной формы взаимодействия зависят прежде всего от правового положения субъекта взаимодействия. Над исполнением принятых решений руководитель оперативного штаба лично осуществляет контроль или поручает его кому-нибудь из состава оперативного штаба.

Наиболее важным и сложным вопросом при организации боевых действий в специальной операции является поддержание взаимодействия всех сил между собой. Надежно организованное взаимодействие – предпосылка успеха и один из показателей компетентности руководителя специальной операции и других должностных лиц системы управления. В решении намечаются основные вопросы взаимодействия по целям, месту, времени и способам боевых действий формирований органов внутренних дел, частей (подразделений) внутренних войск, а также координация приданных сил и средств, принимающих участие в специальной операции [4, с. 132].

В данном случае надо принимать во внимание, что понятия «взаимодействие» и «координация» выступают как две последовательные стадии поступательного процесса развития, где первая – «категория, отражающая процессы воздействия объектов друг на друга, их взаимную обусловленность и порождение одним из объектов другого», вторая – «взаимосвязь, согласование, приведение в соответствие» [5, л. 107].

Таким образом, можно обозначить принцип управления как взаимодействие, «основанное на законах и подзаконных нормативных актах, согласованное по задачам, направлениям и времени, комплексное использование сил и средств органов внутренних дел» [6, л. 167–168].

В рамках рассматриваемого вопроса представляется интересной позиция украинских исследователей, которые выделяют три группы принципов управления специальными операциями: организационно-правовые (законность, гласность, причинение минимального вреда, публичность и др.);

организационно-управленческие (оптимальность, комплексность, единоначалие и др.);

организационно-тактические (выбор оптимальных тактических приемов, конспиративность, динамичность, оперативность и др.) [7, с. 125].

Можно отметить, что выделение и анализ принципов управления специальными операциями имеет значение не только для теории управления ОВД, но и важное прикладное значение. Решение, отвечающее основным принципам проведения специальных операций, сможет соответствовать объективным условиям сложившейся оперативной обстановки, поставленным целям и задачам, уровню подготовленности задействованных сил и средств.

Управленческому решению должны быть присущи точность, конкретность, краткость и ясность изложения содержания его элементов. В грамотном управленческом решении отсутствуют двусмысленность и противоречия. При этом решение должно не только соответствовать реальной оперативной обстановке, но и содержать элементы творчества, активности, разумного риска, применения неизвестных противнику способов действий: всего того, что обеспечивает успешное проведение специальной операции. Принятие решения – очень сложный и ответственный процесс в работе руководителя штаба, требующий от него не только глубокого знания теории организации и проведения специальной операции, боевых возможностей своих подразделений, но и владения методикой этой работы, выработанной многолетним опытом правоохранительной деятельности.

Как показывает практика, часто управление специальными операциями остается далеким от теоретической идеальной модели. Есть недостатки организационно-структурного характера, существующие несмотря на многочисленные реорганизации и оптимизации служб органов внутренних дел. Можно отметить также отсутствие прозрачности принятия управленческих решений, низкий профессионализм руководителей служб нижнего и среднего звена, слабую материально-техническую оснащенность специальных подразделений ОВД, наличие устаревших методик проведения специальных операций и т. д. Но в общем причиной практических недостатков в сфере управления специальными операциями прежде всего является сам механизм управления органами внутренних дел.

На наш взгляд, дальнейший процесс модернизации системы ОВД должен быть нацелен на достойное совершенствование их деятельности. В качестве приоритетных векторов развития должны быть обозначены, как представляется, следующие направления:

оптимизация организационно-структурного построения ГОРЛОВД;

освобождение ОВД от несвойственных им задач и функций;

создание системы эффективного контроля гражданского общества над деятельностью ОВД;

совершенствование системы профессиональной и оперативно-служебной подготовки сотрудников ГОРЛОВД;

качественное материально-техническое, информационное и иное ресурсное обеспечение ГОРЛОВД;

повышение эффективности разработки, принятия и исполнения управленческих решений на основе принципов законности, профессионализма, всестороннего и полного анализа складывающейся ситуации, персональной ответственности субъекта за принимаемое управленческое решение или за непринятие должного решения.

Список использованных источников

1. Самороковский, А.Ф. Оптимизация работы оперативного штаба при рациональном распределении ресурса / А.Ф. Самороковский, В.В. Меньших // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – М., 2016. – № 1–2.

2. Манышев, В.В. Изучение закономерностей и принципов управления при проведении специальной операции // Вестн. Белгор. юрид. ин-та МВД РФ. – Белгород. – 2011. – № 2.

3. Трошин, О.Б. Основы организации взаимодействия органов внутренних дел при проведении специальных операций / О.Б. Трошин // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – М. – 2013. – № 11.

4. Авазов, А.Б. Особенности деятельности ОВД при проведении специальных операций (мероприятий) / А.Б. Авазов // Инновационная наука. – М. – 2016. – № 10.

5. Мусабеков, Е.А. Административно-правовые основы обеспечения общественного порядка и безопасности на объектах воздушного транспорта органами внутренних дел Республики Казахстан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е.А. Мусабеков. – Алматы, 2009. – 129 л.

6. Алпысбаева, М.А. Правовое положение областных управлений внутренних дел Республики Казахстан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / М.А. Алпысбаева. – Караганда, 1996. – 143 с.

7. Лаптий, В.А. Система управления органами внутренних дел в особых условиях: теоретические и практические проблемы / В.А. Лаптий. – Киев : ВШ МВД Украины, 1997. – 136 с.

Дата поступления в редакцию: 04.05.19

A.S. Zharasov, Deputy Head of the Department of the military and tactic special training of the Almaty academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan after M. Yesbolatov

MANAGEMENT IMPROVEMENT PROBLEMS DURING SPECIAL OPERATIONS CARRIED OUT BY INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article is devoted to the problems of management of the internal affairs bodies in the event of special operations. The features of decision-making by the head of a special operation are considered, basic principles of effective management of the internal affairs bodies in special operations are identified and analyzed. The author identifies priority areas for the further improvement of the law enforcement activities of the internal affairs bodies.

Keywords: the internal affairs bodies, public order, public security, special operation, main and attached forces, the head of a special operation, operational headquarters, instructions, orders.

УДК 34727

Е.Г. Негодаева, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД Российской Федерации (e-mail: a.negodaeva@bk.ru)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ИПОТЕЧНОГО ЖИЛИЩНОГО КРЕДИТОВАНИЯ

Рассматриваются вопросы, связанные с формированием системы ипотечного жилищного кредитования – одним из приоритетных направлений жилищной политики, реализуемой государством. Исследуется проблематика правового регулирования российской системы ипотечного жилищного кредитования. Выделяются и анализируются пробелы в законодательстве, регулирующем данный институт; предлагаются пути их устранения. Обобщаются подходы к определению понятия «ипотечное жилищное кредитование».

Ключевые слова: ипотека, ипотечное жилищное кредитование, жилищные проблемы, социально-экономические проблемы, механизмы, система.

В современных условиях одна из наиболее актуальных социально-экономических проблем – обеспечение граждан собственным жильем, и жилищная ипотека в данном случае является одним из основных способов приобретения жилых помещений [1].

Ипотечное кредитование (далее – ИК) широко распространено в мировой финансовой практике. Сегодня сформировались системы ИК, включающие различные экономические субъекты: страховые организации, кредитные институты, кредитные агентства, агентства недвижимости, коммерческие сберегательные ипотечные банки, банки и другие кредитные организации, операторы вторичного рынка ипотечного кредитования, оценочные компании, ипотечные брокеры, риэлтерские компании.

Таким образом, ипотечный жилищный кредит (далее – ИЖК), как предполагается, станет основным механизмом для приобретения жилья в собственность [2], что требует более детального осмысления рассматриваемой темы.

Тема ипотечного жилищного кредитования весьма актуальна, и вопросам, с ней связанным, уделяется достаточно внимания как в СМИ, так и в области науки. Так, проблемы развития системы ИЖК отражены в трудах и ученых-юристов, и экономистов: Г.Л. Осокиной, А.А. Вишневого, В.В. Смирнова, В.А. Горемыкина, Е.С. Филипповой, М.И. Каменецкого, С.И. Радченко и др.

Вообще формирование системы ИЖК – одно из приоритетных направлений жилищной политики российского государства. Анализируя этапы становления его правовых институтов и норм, регулирующих систему отношений, возникающих в области ИЖК, можно заключить, что предопределенности становления системы правовых отношений ИЖК в России базируются на основе романо-германских правовых традиций. И здесь следует добавить, что основные направления реформы законодательства в области ИЖК, основывающиеся в целом на Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе [3] в принципе являются осуществленными на сегодняшний день.

Российское законодательство, с одной стороны, дает гражданам много возможностей, чтобы реализовать свое право на жилье посредством получения долгосрочного кредита, с другой – дает кредитору право вернуть ИК, который не был возвращен заемщиком посредством обращения взыскания на заложенное помещение. Законодательная база ИК жилья значительно снижает риски граждан при покупке жилища.

Что представляет собой «ипотечное жилищное кредитование»? Закрепленного определения ИК федеральное законодательство не содержит, но есть определение договора ипотеки – соглашения, в соответствии с которым залогодержатель, являющийся кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой, имеет право получить удовлетворение денежных требований к должнику по настоящему обязательству из стоимости заложенного недвижимого имущества другой стороны, именуемого залогодателем, имея преимущество перед другими кредиторами залогодателя, за изъятиями, установленными законом (п. 1 ст. 1 ФЗ от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке» (далее – ФЗ об ипотеке) (залоге о недвижимости) [4].

И.В. Павлова, например, представляет ИЖК в качестве кредита, выданного на длительный срок банком (или небанковской кредитной организацией) физическому лицу для приобретения жилья под залог приобретаемого жилья для обеспечения обязательства [5].

На наш взгляд, ИЖК можно определить как совокупность экономических и правовых отношений, возникающих при выдаче кредита, обеспеченного недвижимым имуществом, которое остается в руках должника (залогодержателя) с возможностью последующего рефинансирования этого кредита.

Мировой опыт показывает, что государственное регулирование развития жилищной ипотеки способствует не только решению социальных проблем, но также выступает мощным импульсом для «безинфляционного» роста спроса на жилье и влечет рост производства в смежных со строительством отраслях народного хозяйства.

В свое время в России были предприняты значительные шаги по формированию правового регулирования отношений по ИК: Гражданский кодекс Российской Федерации (параграф 3 гл. 23), Закон Российской Федерации от 29 мая 1992 г. № 2872-1 «О залоге» и Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)». Федеральный закон от 11 ноября 2003 г. № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах»; в результате принятия Федерального

закона от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительной ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих», было принято отдельное постановление о накопительно-ипотечной системе для военнослужащих.

ИЖК может рассматриваться как правовой механизм для реализации конституционного права гражданами России на доступное жилье. Существует ряд способов приобретения жилья: приобретение жилья в собственность за счет личных средств; приватизация ранее полученных жилых помещений; строительство (реконструкция) жилых помещений на коммерческой основе; развитие системы жилищного кредитования и определение общего порядка предоставления кредитно-финансовой поддержки населению в решении жилищной проблемы, когда граждане используют свои собственные средства.

На практике сформировались несколько вариантов оформления ИК, которые регулируются действующим законодательством. Вместе с тем подчеркиваются недостатки действующего законодательства, в особенности – Федерального закона об ипотеке (залоге недвижимости).

В основном проблемы в сфере ИЖК делятся:

на экономические (нестабильная экономика, неоправданно высокие цены на недвижимость в определенных регионах, низкие доходы населения и т. д.);

правовые (неспособность банков использовать международные схемы реинвестирования в соответствии с действующим законодательством, неспособность многих банков заимствовать средства на международных рынках капитала из-за их неполного соответствия требованиям международного законодательства);

координационные (отсутствие разработанности системы ИЖК государственными финансово-экономическими органами, неразвитость инфраструктуры ипотечного рынка и т. д.).

Проблемы рынка ИК в настоящее время – одна из наиболее актуальных проблем государства. Пробелы в нормативной базе жилищно-инвестиционной сферы сдерживают развитие и функционирование различных секторов инвестиционного ипотечного рынка. Например, в ФЗ об ипотеке (залоге недвижимости) нет четкого разграничения понятий «ипотека» и «ипотечное кредитование».

Высокие процентные ставки не дают возможности многим субъектам брать ипотеку, что обусловлено прежде всего слишком большой суммой, связанной с переплатой по ставкам кредитов. Но величина процентной ставки зависит в первую очередь от инфляции, т. е. ставка просто не может быть ниже инфляции, иначе банковские организации будут работать в убыток. Также «зарплата в конвертах» в большинстве случаев не позволяет получить кредит. В связи с большим распространением «черных зарплат» чиновники начали думать о методах борьбы с такими работодателями. Были разработаны несколько методов полной легализации заработной платы, но ни один из этих способов не вывел ее из тени. В этой связи работа налоговых органов по выявлению фактов незаконной оплаты труда и разработка эффективных методов борьбы с ней продолжается. Однако рынок недвижимости все-таки развивается, но только за счет относительно «дешевых квадратных метров».

Развитие ипотечных отношений также сдерживается психологическими факторами, которые включают особенность большинства граждан – нежелание жить в займы. Население пытается как можно быстрее избавиться от кредита.

Для решения проблем, стоящих на пути развития ипотечных отношений, необходимо реализовать государственные и социально-экономические задачи, реформировать законодательство.

В Закон об ипотеке (залоге недвижимости) считаем необходимым внести следующее примечание к п. 1 ст. 1 гл. 1: «Ипотечный кредит (ипотечное кредитование) является одной из составляющих договора об ипотеке. Кредит выдается банковской организацией непосредственно под залог приобретаемого гражданином имущества, что является гарантом получения кредитором удовлетворения своих денежных требований к должнику».

В соответствии с п. 1 ст. 10 вышеупомянутого Закона договор о залоге недвижимого имущества (договор об ипотеке) требует нотариального удостоверения и подлежит государственной регистрации.

Нотариус удостоверяет сделки в соответствии с Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, где ст. 53 гласит, что «нотариус удостоверяет сделки, для которых законодательством Российской Федерации установлена обязательная нотариальная форма». В то же время в соответствии со ст. 131, 164 ГК органы регистрации прав также регистрируют ипотечный договор, и только с момента государственной регистрации договор считается заключенным и вступившим в силу. Регистрацию сделок с недвижимостью регистрирующий орган обязан проверять на основании п. 3 ст. 3 ФЗ от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», в том числе и на законность сделки.

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 333.24. Налогового кодекса Российской Федерации (ч. 2) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ за нотариальное удостоверение установлена пошлина, что приводит к совершенно ненужному увеличению расходов при ипотечном кредитовании.

Таким образом, участники кредитования несут дополнительные материальные и временные затраты для прохождения сразу двух аналогичных процедур (нотариальное заверение и государственная регистрация), и в целом ипотечный кредит становится дороже, что делает его менее доступным для населения и, как результат, препятствует его развитию. Требование об обязательном нотариальном удостоверении договора ипотеки, а также его государственная регистрация необоснованно и обременительно для участников ипотечного кредитования, так как институт нотариального удостоверения в настоящее время во многом дублирует функции государственной регистрации. По этой причине видится целесообразным исключить требование об обязательном нотариальном удостоверении договора ипотеки. При этом возможность добровольного нотариального удостоверения данной сделки у граждан должна остаться.

В области ИК Н. Назарчук было предложено следующее дальнейшее развитие рыночных механизмов:

снижение процентных ставок по ипотечному кредитованию;

поиск и обучение квалифицированного персонала банковских организаций;

совершенствование нормативно-правовой базы, способствующей правовому обеспечению участников ИК [7].

Для эффективного функционирования системы необходимо использовать возможности для поддержки строительства жилья с привлечением кредитов, создания финансовых, правовых и организационных стимулов. Необходимо снижать себестоимость строительства жилья, в первую очередь речь идет о жилье эконом-класса, возможно путем реализации мер по увеличению доступности строительных кредитов для всех категорий застройщиков, исключать из себестоимости затраты на строительство объектов социальной инфраструктуры, разрабатывать механизмы привлечения индивидуальных и коллективных инвестиций.

Среди основных направлений деятельности государства в процессе формирования рыночной системы долгосрочного ИК выделяется создание нормативной базы для должного правового обеспечения прав кредиторов – залогодержателей и инвесторов, предоставляющих долгосрочные кредитные ресурсы, а также предоставление социальных гарантий гражданам, которые приобретают жилье, используя ИК. Задача заключается в установлении оптимального баланса прав, которые бы делали кредитную систему выгодной и наименее рискованной для банковских организаций, а также доступной и безопасной для граждан-заемщиков.

Подводя итог, следует заключить, что на данный момент ИЖК является весьма востребованным банковским продуктом, который может помочь в решении жилищной проблемы в Российской Федерации. Но при этом следует учитывать и то, что на пути развития ипотечных жилищных кредитов все еще остаются некоторые проблемы, решение которых обеспечит его устойчивое развитие.

Список использованных источников

1. Куликов, А.В. Актуальные вопросы развития ипотеки и решения жилищной проблемы / А.В. Куликов, В.С. Янин // Деньги и кредит. – 2013. – № 12. – С. 24–31.

2. Сергиевская, А.К. Проблемы ипотечного жилищного кредитования в России / А.К. Сергиевская // Проблемы экономики, финансов и управления производством : сб. науч. тр. вузов России. – 2015. – № 31. – С. 45–53.

3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации от 7 октября 2009 г. // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации. – 2009. – № 11.

4. Сокол, П.В. Ипотечное жилищное кредитование: некоторые проблемы правового регулирования / П.В. Сокол // Адвокат, 2007. – № 3. – С. 55–62.
5. Павлова, И.В. Ипотечное жилищное кредитование / И.В. Павлова. – М. : БДЦ-пресс, 2004. – 66 с.
6. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Рос. газета. – 1993. – № 49.
7. Назарчук, Н.П. Проблемы ипотеки сегодня и возникающие риски // Гуманит., соц.-эконом. и обществ. науки. – 2016. – № 11. – С. 64–67.

Дата поступления в редакцию: 27.11.18

E.G. Negodaeva, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law Department disciplines of Rostov Institute of Law of the MIA of the Russian Federation

SOCIO-ECONOMIC POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE AREA OF MORTGAGE HOUSING CREDITING

This article examines the problems of legal regulation of the Russian system of housing mortgage lending. The article discusses gaps in the legislation regulating this institution. It also proposes ways to eliminate them. It also summarizes the approaches to the definition of the concept of "mortgage lending".

Keywords: mortgage, mortgage housing crediting, housing problems, social and economic problems, mechanisms, system.

УДК 343.123.12: 347.172

Д.И. Никифорчук, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой оперативно-розыскной деятельности Национальной академии внутренних дел Украины (e-mail: Dimanik@outlook.com);

Д.Д. Чемерис, адъюнкт кафедры оперативно-розыскной деятельности Национальной академии внутренних дел Украины (e-mail: chemeris83@online.ua)

ОСОБЕННОСТИ РОЗЫСКА БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ ЛИЦ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Исследуются особенности розыска без вести пропавших лиц по горячим следам. Анализируются положения нормативных правовых актов, регулирующих данный вид деятельности. Предлагается определение понятия «розыск без вести пропавшего по горячим следам». Рассматривают первоочередные мероприятия с момента получения заявления (сообщения) о безвестном исчезновении человека. Обозначаются основные направления деятельности во время взаимодействия подразделений Национальной полиции на месте происшествия. Акцентируется внимание на обязанностях оперативного сотрудника, задействованного при сборе первичной информации. Уделяется внимание аспектам работы следственно-оперативных групп, в частности специфике розыскной работы. Предлагаются мероприятия по оптимизации деятельности данного направления.

Ключевые слова: розыск по горячим следам, без вести пропавший, мероприятия, статистика, информационное обеспечение, допрос свидетелей, служебно-розыскные собаки, оптимизация.

Согласно ст. 3 Конституции Украины, человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в государстве наивысшей социальной ценностью [1]. Обеспечение безопасности людей правоохранительными органами является одной из главных задач государства, в частности розыск без вести пропавших лиц. Центральное место в решении указанной задачи согласно Закону Украины от 28 июня 1996 г. № 580-VIII «О национальной политике» принадлежит органам Национальной полиции Украины.

Исходным пунктом в научной характеристике понятия «розыск без вести пропавшего по горячим следам» являются ведомственные приказы МВД Украины, однако в них первоначальные мероприятия урегулированы в общих чертах и в большей степени касаются вопросов реагирования на сообщения о нераскрытых преступлениях и без учета особенностей розыскной работы. В связи с этим, по нашему мнению, вопрос розыска без вести пропавшего по горячим следам требует дополнительного научно-практического описания и обоснования.

В разные годы изучаемая проблематика была предметом исследования многих ученых, среди которых О.М. Бандурка, В.Д. Басай, В.П. Бахин, Р.С. Белкин, Д.К. Буй, Я.Ю. Кондратьев, В.П. Лавров, В.В. Мишко, Д.И. Никифорчук, В.Е. Сидоров, И.Х. Турсунов, В.В. Поливода, В.П. Цыльвик и др.

В делах данной категории под установлением местонахождения без вести пропавшего по горячим следам видится обоснованным подразумевать деятельность органов Национальной полиции Украины по установлению в предусмотренном законодательством порядке его местонахождения, а также сбор доказательственной информации по делу в кратчайшие сроки с момента подачи заявления (сообщения) о безвестном исчезновении.

Порядок интеграции и концентрации усилий подразделений Национальной полиции Украины, в том числе и касательно первоочередных мероприятий по розыску без вести пропавших лиц, предусмотрен Инструкцией по организации взаимодействия органов досудебного расследования с другими органами и подразделениями Национальной полиции Украины по предотвращению криминальных правонарушений, их выявлению и расследовании (далее – Инструкция), утвержденной Приказом МВД Украины № 575 от 7 июля 2017 г. В данном нормативном акте также закреплено положение о том, что в случае подачи заявления, а именно сообщения о безвестном исчезновении лица при наличии обстоятельств, которые говорят о возможном совершении в отношении него преступления, на протяжении суток обязательно вносятся в Единый реестр досудебных расследований (далее – ЕРДР) сведения о совершении криминального правонарушения с предварительной квалификацией «умышленное убийство» и принимаются все предусмотренные Криминальным процессуальным кодексом Украины меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств произошедшего в рамках уголовного производства. Именно от совместных грамотных действий сотрудников Национальной полиции на месте происшествия, их умения быстро сориентироваться в обстоятельствах исчезновения и определиться с необходимостью организации розыска по горячим следам часто зависит жизнь человека и конечный результат розыска без вести пропавшего. В.Е. Сидоров, например, описывает некоторые аспекты взаимодействия членов следственно-оперативной группы (далее – СОГ) на месте происшествия и указывает, что такое взаимодействие должно быть активным и продолжаться до того времени, пока преступление не будет раскрыто по горячим следам или не наступит следующий этап данного процесса. Исследователь также определяет цели такого взаимодействия, которые с учетом предмета исследования можно сформулировать следующим образом:

- розыск (обнаружение) без вести пропавшего;
- выявление круга свидетелей (иногда проверка их показаний);
- отыскание и закрепление следов преступления;
- установление и изобличение лиц, возможно совершивших преступление в отношении без вести пропавшего, преодоление противодействия со стороны не заинтересованных в розыске лиц [4, с. 14].

По общему правилу, чем меньше времени проходит с момента совершения преступления до начала и завершения активной работы по его раскрытию, тем выше эффективность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по делу [1, с. 5]. Принимая во внимание соответствующий практический опыт, видится обоснованным говорить о том, что главная роль в осуществлении первоначальных розыскных мероприятий по установлению местонахождения без вести пропавшего принадлежит сотруднику оперативного подразделения, входящего в состав СОГ и выезжающего на место происшествия. На него возлагается сбор основных сведений по данному факту, что включает в себя:

- первоначальный сбор информации, которая может быть использована как доказательства;
- установление при осмотре времени, места и обстоятельств возможного криминального правонарушения;
- осуществление квартирного или подворового обхода с целью выявления свидетелей;
- установление направления движения разыскиваемого или возможных преступников;
- установление круга лиц, которые могут быть причастны к совершению преступления в отношении без вести пропавшего, их примет, наличие автотранспорта, оружия и т. д.;
- наличие у вышеназванных лиц следов на одежде либо на теле, которые указывают на соприкосновение без вести пропавшего или на преодоление каких-либо препятствий;
- использование имеющихся в наличии источников оперативной информации.

Согласно вышеназванной Инструкции устанавливаются также другие сведения, необходимые для раскрытия криминального правонарушения.

Так, согласно статистическим данным из практического опыта одного из авторов в Национальной полиции, в 2018 г. было зарегистрировано 271 сообщение о безвестном исчезновении лиц, при этом 270 человек найдены в 10-дневный срок (99,6 %), из них 75 человек – без внесения сведений в ЕРДР, в том числе 30 – по горячим следам (40 %). Приведенные факты свидетельствуют, что мероприятия по розыску без вести пропавшего лица по горячим следам являются эффективным средством оптимизации деятельности конкретного органа полиции и включают в себя:

- устранение возможной угрозы для жизни и здоровья без вести пропавшего;
- создание предпосылок для проведения дальнейших розыскных мероприятий;
- недопущение ухудшения оперативной обстановки на территории обслуживания;
- формирование позитивного имиджа полиции и условий для дальнейшего сотрудничества с гражданами.

Для успешного розыска без вести пропавшего по горячим следам с учетом особенностей розыскной работы целесообразно обратить внимание на следующие аспекты:

- осуществление информационного обеспечения СОГ в полевых условиях (использование средств связи, IT-технологий и имеющихся учетов);

- проведение работы с общественностью на месте происшествия (допрос свидетелей с учетом особенностей розыскной работы, получение помощи от граждан в прочесывании территории, а иногда и в задержании);

- применение служебно-розыскных собак.

Осуществление информационного обеспечения (исходя из практического опыта работы) в первую очередь предполагает целесообразность проверки сведений о без вести пропавшем через информационные ресурсы полиции с обязательным использованием сети Интернет. Подразумевается также доступ авторизованных сотрудников (следователя, оперативника, патрульного полицейского) к данным интегрированной информационно-поисковой системы (ИИПС) через имеющиеся аппаратные средства (бортовой компьютер, ноутбук, планшет, мобильное устройство).

Согласно Приказу МВД Украины № 436 от 12 октября 2009 г. ИИПС содержит объективно структурированный набор информации, непосредственно касающейся определенных лиц, криминальных и административных правонарушений, которая накапливается в процессе служебной деятельности в объеме и порядке в соответствии с задачами, возложенными на полицию Украины согласно действующему законодательству.

Умение оперировать возможностями ИИПС и использовать полученные данные способствует быстрому установлению места нахождения без вести пропавшего лица.

Как отмечалось ранее, важным фактором при подготовке к проведению следственных действий, получению различного рода информации, представляющей следственный (оперативный) интерес, является использование возможностей сети Интернет. С помощью данного общедоступного ресурса можно не только получать данные об интересующих полицию лицах и фактах, но и устанавливать связи без вести пропавшего в социальных сетях (например, Facebook, Twitter, LinkedIn, Instagram, ВКонтакте, Одноклассники), их абонентские номера и принадлежность, получать информацию о различных объектах, их фотографии и т. д. [2, с. 440].

Работа с общественностью подразумевает прежде всего работу со свидетелями. Специфичность допроса свидетелей в делах данной категории заключается в необходимости установления не только обстоятельств, подлежащих доказыванию, но и совокупности характеризующих данных и антропологических признаков без вести пропавшего лица. Эти сведения послужат отправным моментом при определении направлений поиска и последующего формирования версий. При этом будет обусловлена и целесообразность проведения тех или иных оперативно-розыскных мероприятий в будущем.

Учитывая, что не все следователи и оперативные работники знакомы с особенностями розыскной работы, видится логичным предложить лицу, осуществляющему допрос, систему типовых вопросов, необходимых для выяснения. Это обеспечит полноту информирования, качество наполнения баз данных, скорость реагирования, своевременность постановки на централизованный учет, упростит процесс допроса. Кроме того, при тщательной работе со свидетелями будет максимально исключена необходимость в дополнительных допросах с целью уточнения информации.

Уточнению обстоятельств дела будут способствовать вопросы, подлежащие выяснению при допросе по делам данной категории (см. табл.):

Вопросы, подлежащие выяснению	Фактические данные	Примечания
Обстоятельства исчезновения и паспортные данные без вести пропавшего	Где, когда, кто безвестно исчез, при каких обстоятельствах, ФИО, адрес проживания, серия и номер паспорта, кем выдан и когда, средства связи, номера банковских карточек, какими социальными сетями пользовался	Копии документов, подтверждающих личность, качественные фотографии, документы на телефон
Характеризующие данные	Особенности поведения, наличие судимостей, наличие автотранспорта, оружия, условия проживания, предпочтения и увлечения, данные связей, родственников, в том числе за границей. Наличие интимных отношений. Места обучения. Место работы, сотрудники и т. п. Средства связи. Куда мог поехать без вести пропавший	-
Возможность исчезновения при криминальных обстоятельствах	Что говорил(ла) перед исчезновением, были ли конфликтные ситуации, есть ли враги, не было ли в адрес пропавшего угроз, подозрительных звонков и т. д. Долги, наличие крупных сумм денег или других ценностей	-
Антропологические данные (согласно опознавательной карты)	Возраст (на вид), телосложение, рост, размер одежды, головного убора, обуви, наличие татуировок, следов операций, ампутации, физические недостатки, пороки развития, протезы, состояние зубов, форма лица, описание волос, спинки носа, губ, подбородка, глаз, особенности речи и голоса, хронические заболевания, группа крови. Отдельно указать, в чем был(а) одет(а) и особенности носимых вещей	Выяснить, в каких медицинских учреждениях лечился для изъятия карты зубов и медицинской карты

Указанный перечень не является исчерпывающим и может быть дополнен в соответствии с обстоятельствами безвестного исчезновения человека.

Применение служебно-розыскных собак при поиске без вести пропавших осуществляется по решению следователя на основании информации (рекомендаций) кинолога о целесообразности такого применения. Участие кинологов с собаками в составе следственно-оперативных групп в осмотрах мест происшествий, поиске и задержании преступников, выявлении трупов, установлении местонахождения без вести пропавших – основная задача кинологических подразделений Национальной полиции Украины. С целью надлежащего и оперативного раскрытия криминальных правонарушений в кинологических центрах и при дежурных частях в составе следственно-оперативных групп отдельных подразделений полиции организуется (по возможности) круглосуточное дежурство кинологов с подготовленными и закрепленными за ними служебными собаками для выезда на места происшествий¹. Следует подчеркнуть, что в большинстве случаев местом происшествия является место проживания пропавшего без вести, где имеются запаховые следы на личных вещах (постель, одежда, предметы туалета и т. п.). Своевременное привлечение кинолога с розыскной собакой по данным фактам позволяет значительно сэкономить время, избавить следственные и оперативные органы Национальной полиции от необходимости дополнительного привлечения сил и средств, направленных на прочесывание прилегающей к месту происшествия территории, установление возможного маршрута следования без вести пропавшего, пути выноса тела и т. п., тем самым оптимизировать деятельность полицейских подразделений в дальнейшем. Маршрут следования служебной собаки на месте происшествия отрабатывается оперативным сотрудником из членов СОГ, в чьи обязанности вхо-

¹ Согласно Инструкции по организации деятельности кинологических подразделений Национальной полиции Украины, утвержденной приказом МВД Украины от 11 ноября 2016 г. № 1145.

дит осуществление поквартирного и подворового обхода для установления свидетелей совершенного криминального правонарушения, времени, места и обстоятельств безвестного исчезновения лица, маршрута его следования или пути отхода преступников, а также сбора сведений, которые могут быть использованы как доказательства. Установленные адреса и данные лиц, которые могут представлять следственный (оперативный) интерес, фиксируются в протоколах следственных действий, и в дальнейшем по ним могут проводиться различные гласные (негласные) следственные (розыскные) мероприятия [3, с. 38].

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что розыск без вести пропавших по горячим следам – процесс сложный и динамичный, характеризующийся в каждой конкретной ситуации умением задействованных работников полиции сориентироваться в ситуации и рационально использовать имеющиеся в распоряжении возможности. Для оптимизации процесса розыска без вести пропавших видится:

повышение технической оснащенности органов полиции современными средствами (бортовыми компьютерами и планшетами);

регулярное повышение квалификации сотрудников розыскных подразделений Национальной полиции;

разработка в каждом органе полиции типового плана первоочередных действий при безвестном исчезновении лиц с учетом местных особенностей.

Список использованных источников

1. Лавров, В.П. Расследование преступлений по горячим следам : учеб. пособие / В.П. Лавров, В.Е. Сидоров. – М. : МВД СССР, 1989. – 56 с.

2. I Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 дек. 2018 г.) : в 2 ч. / учрежд. образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: М.П. Шруб (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2018. – Ч. 2. – 466 с.

3. Никифорчук, Д.И. Особенности допроса свидетелей по криминальным производствам, открытым по фактам безвестного исчезновения лиц / Д.И. Никифорчук, Д.Д. Чемерис // Актуальные вопросы криминального процесса, криминалистики и судебно экспертизы : материалы межведом. науч.-практ. конф. (Киев, 24 ноября 2017 г.) : в 2 ч. / редкол.: В.В. Черней [и др.]. – Киев : Нац. акад. внутр. дел, 2017. – Ч. 1. – 396 с.

4. Сидоров, В.Е. Особенности раскрытия преступлений по горячим следам / В.Е. Сидоров. – М. : МВД СССР ; ВНИИ, 1981. – 52 с.

Дата поступления в редакцию: 12.03.19

D.J. Nikiforchuk, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department for Operational-Search Activity of National Academy of Internal Affairs of Ukraine; **D.D. Chemeris**, postgraduate student of the Department for Operational-Search Activity of National Academy of Internal Affairs of Ukraine

FEATURES OF THE SEARCH FOR MISSING PERSONS OF HOT PURSUIT

The features of the search for missing persons are in hot pursuit investigated. Analyzed the provisions of acts that regulate this type of activity. The article propose the definition of the concept of "the search for missing persons in hot pursuit". Priority measures from the moment of obtaining of the application (message) about the disappearance of a person are considered. Indicates the main activities during the interaction of units of the National Police at the scene. Lists the duties of the operations Officer which is involved in the collection of primary information. Characterized aspects of the work of investigative and operation groups, the specifics of the investigative work. The proposed measures to optimize the activities of this direction.

Keywords: hot pursuit, missing person, measures, statistics, information support, interrogation of witness, service-searching dogs, optimization.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Сопроводительные документы Договор неисключительной лицензии, заполненный согласно требованиям и подписанный автором, в двух экземплярах (форма договора размещена на сайте Академии: <http://academy.mia.by/index.php/nauka/vestnik-akademii>), внешняя рецензия, рецензия члена редколлегии журнала, выписка из протокола заседания кафедры о рекомендации статьи к опубликованию. Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена печатью учреждения.

Общие требования Текст представляется на бумажном носителе и в электронном виде. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. В имени файла указывается фамилия автора. Формат А4. Поля – не менее 2,5 см. Абзацный отступ – 1 см. Междустрочный интервал – полуторный. Страницы нумеруются. Гарнитура Times New Roman, кегль – 14 пт. Объем статьи – 8–10 страниц.

Структура статьи *УДК.*
Сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, телефон (служебный, домашний), e-mail.
Название статьи.
Аннотация (100–150 слов).
Ключевые слова.
Текст статьи.
Все аббревиатуры и сокращения расшифровываются при первом упоминании в тексте. Рисунки, схемы, диаграммы должны быть четкими. В тексте статьи должны быть ссылки на рисунки и таблицы, если их более двух (*рис. 1, табл. 1*).
Ссылки на использованную литературу обязательны. Список цитируемых источников оформляется по тем же правилам, что и в диссертации. Список размещается в конце статьи, ссылки располагаются по мере упоминания в тексте. Порядковые номера ссылок в тексте должны быть написаны в квадратных скобках (например, [1], [2]).
Английская версия сведений об авторе, названия статьи, аннотации и ключевых слов размещается после библиографических ссылок (ответственность за достоверность перевода несет автор).

**Редакция журнала оставляет за собой право не публиковать статьи,
не соответствующие предъявляемым требованиям,
а также не возвращает рукописи статей и электронные носители.**